

Владимир Орлов:

КАК СОБЕСЕДНИК НА ПИРУ

В этом году ПИР-Центр отмечает свое 20-летие. Как удалось организации пройти через многие тернии к этому юбилею? В чем сила ПИР-Центра, а в чем его слабые стороны? Какую планку ставит руководство института на ближайшую перспективу и каковы долгосрочные задачи? Как должны строиться взаимоотношения между гражданским обществом, негосударственными исследовательскими структурами в области международных отношений, с одной стороны, и государством, с другой? Об этом в развернутом интервью журналу Индекс Безопасности рассказал основатель и бессменный руководитель ПИР-Центра Владимир Орлов. Интервью было записано в Звенигороде (Московская обл.) 8 июня 2014 г.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, АВТОРИТЕТ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Два года назад, когда отмечали выход 100-го номера журнала *Индекс Безопасности*, Вы то ли в шутку, то ли всерьез вспоминали стихи Высоцкого: «Скажи еще спасибо, что живой». Сегодня многие и вправду удивляются: 20 лет... столько негосударственные организации в России не живут.

ОРЛОВ: Как видите, живем. И развиваемся. И ПИР-Центр, и наши партнерские организации.

Считаю крайне важным, чтобы в России сохранилась полнокровная дискуссия по внешнеполитическим вопросам, чтобы велись исследования в области международных отношений и глобальной безопасности не только на государственной платформе.

Больше того, в условиях обострившейся в настоящее время информационной войны российские авторитетные ответственные НПО внешнеполитической направленности смогли бы, как мне кажется, гораздо лучше, эффективнее вести эту дискуссию: через российские вещающие на зарубежную аудиторию и через зарубежные СМИ, через выступления на международных форумах, — чем государственные или плотно ассоциирующиеся с государством организации.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: 20-летний юбилей — в том числе время принимать поздравления. Нельзя не обратить внимание на поток приветственных телеграмм в адрес ПИР-Центра: и от сообщества его выпускников, и от партнеров по всему миру, и от руководителей государства и правительства. Здесь и министр иностранных дел России С. В. Лавров, и министр обороны России С. К. Шойгу, и вице-премьер и глава аппарата Правительства С. Э. Приходько... Руководитель администрации Президента Российской Федерации С. Б. Иванов особо подчеркнул, что «за годы своего существования ПИР-Центр прочно утвердился в ряду ведущих

российских неправительственных структур, специализирующихся на проблематике международной безопасности, нераспространения ядерного оружия и контроля над вооружениями. Высокий профессионализм сотрудников, эффективная организация их работы снискали Центру высокий авторитет в политических, научных и общественных кругах как в России, так и за рубежом». Вот эта оценка *высокого авторитета* не давит?

ОРЛОВ: Нет, но накладывает большую ответственность на качество, на результаты наших исследований и проектов. Авторитет, как английский газон, — формируется годами, даже десятилетиями. Через ПИРовскую школу за эти два десятилетия прошли более 700 сотрудников, стажеров, выпускников образовательных программ. Всем, кто сталкивался с этой школой, известно, что нарузки у нас часто *зашкаливают*. Кто-то даже сравнивает себя с персонажем Умы Турман, которая оказалась в тибетском монастыре в тарантиновском *Убить Билла*... Ну, не до такой степени, конечно...

Кто выдерживает, кто проходит это испытание, вносит свой вклад в повышение авторитета всей организации. Такой авторитет не может быть заслугой одного-двух человек. Вообще, в *командности* наше отличие от многочисленных *театров одного актера* — *индивидуальных частных предпринимателей* от науки. Иногда талантливых. Но многоголосия, полифоничности мнений там не может быть по определению, даже если кто-то пытается выдать себя за человека-оркестр.

ЯДЕРНЫЙ СТАРТ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Все эти 20 лет Вы занимаетесь проблемами ядерного нераспространения...

ОРЛОВ: Больше. Без малого четверть века уже. 1 декабря 1991 г. как корреспондент еженедельника *Московские Новости* я приехал на Украину освещать референдум о независимости. Вопрос о том, что станет с *ядерным наследием* Советского Союза, в частности остававшимся на Украине, заинтересовал меня уже тогда. Потом приходилось ездить не только в Киев, но и в Минск, и в Алма-Ату. В *президентском пуле журналистов* был в Массандре в 1992 г., когда Ельцин пытался договориться с Кравчуком о выводе ядерного оружия, находившегося на украинской территории. Эти темы показались мне и интересными, и перспективными. Примерно в это же время появились многочисленные спекуляции о *ядерной контрабанде* — незаконном обороте ядерных материалов. Возникла тема таинственной *красной ртути*. Пришлось разбираться. Проводить журналистские расследования.

Мне повезло. Еще до создания ПИР-Центра на моем профессиональном творческом пути оказались такие яркие опытные личности, как посол Р.М. Тимербаев и генерал-лейтенант Г.М. Евстафьев. Они в значительной мере сформировали мои взгляды на вопросы ядерного нераспространения. Жизнь свела меня с замечательным разноплановым созвездием ученых из России и стран СНГ — кто-то из них был моего поколения, кто-то постарше. Это Дима Евстафьев, Ильдар Ахтамзян, Саша Пикаев, Дастан Елеукинов. Эта была та научная *тусовка*, которая открывала совершенно иной вид из моего журналистского *окна*. Интересно было общаться с западными экспертами — Биллом Поттером, Роуз Готтемюллер, Тарином Рауфом.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Почему Вы взялись за создание ПИР-Центра?

ОРЛОВ: В сентябре 1993 г. по заданию газеты *Московские Новости* я освещал подготовку того, что потом стало известно как указ Ельцина № 1400. Разгон парламента. Много общался с игроками *по разным сторонам баррикад*. И особенно с тем, кто старался стоять над схваткой, с председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным. С ним я когда-то сделал его первое интервью в должности председателя суда, с ним же я провел много времени в первые октябрьские дни 1993 г. Расстрел парламента, отстранение председателя Конституционного суда — все

это в моем восприятии мало сочеталось с демократией. Было глубокое, очень глубокое разочарование... К тому же, будучи кремлевским корреспондентом, для которого было привычным делом входить через Спасские ворота на интервью с первыми лицами государства — и официальными, и теневыми, — я понял, что у меня передозировка *кремлинологией*, политикой. Захотелось заняться другим.

Так в апреле 1994 г. стали появляться контуры ПИР-Центра. В первых обсуждениях участвовали разные люди: Вадим Козюлин, Роланд Михайлович Тимербаев, Дима Евстафьев.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы сразу задумали его как *частный НИИ*?

ОРЛОВ: Совсем нет. Все-таки как журналисту мне было понятнее начинать с издательского проекта. Первым таким проектом стал журнал *Ядерный Контроль*, пробный, *нулевой*, номер которого вышел осенью 1994 г. ПИР-Центр начинался как научно-практический кружок по вопросам ядерного нераспространения, сформированный вокруг журнала и по сути для обслуживания журнала. Мы сидели тогда в редакции *Московских Новостей*, несколько злоупотребив гостеприимством главного редактора В. Г. Лошака. *Московские Новости* были тогда одним из пировских учредителей. Другой учредитель — МГИМО — вскоре приютил нас, предоставив не только кров, но и *воздух* для творчества. В *Московских Новостях* тогда начались тяжелые времена, связанные с упадком газеты и со стремлением ее спонсоров прибрать к рукам лакомое здание на Страстном бульваре, не заботясь о развитии издания. Как член Совета директоров компании *Московские Новости*, одно время ее вице-президент, я протестовал против такого губительного поворота. Но оказался в меньшинстве.

МГИМО была *альма матер* в конце концов. Там мы располагалась в тесноте, но точно не в обиде благодаря содействию ректора А. В. Торкунова и проректора И. Г. Тюлина.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Кто входил в ту первую ПИРовскую команду?

ОРЛОВ: Вадик Козюлин и Дима Евстафьев неизменно были в гуще всех наших задумок и начинаний. Р. М. Тимербаев сначала давал советы издали, со своего американского места работы. Затем присоединился к нам в Москве. На начальном этапе очень помог Леша Захаров — мой заместитель еще по проекту в *Московских Новостях*, фанатично погруженный в Интернет-проекты и в какой-то момент честно сказавший, что они ему ближе ПИРовских. Рад, что он безошибочно выбрал свою стезю. Ильдар Ахтамзян занялся журналом. Ему помогала Катя Школьник. К проектам, связанным с ролью законодательной власти, присоединился В. Ф. Мисюченко. Были и замечательные самоотверженные административные сотрудники: Люда Баландина, Лена Бокова, чуть позже к ним присоединилась Маша Верникова. Первым бухгалтером была Люда Козюлина, затем у руля встал В. А. Зайцев — опытный, надежный выходец из империи *Минсредмаша*, который возглавляет бухгалтерию ПИР-Центра по сей день.

Но не менее важным фактором, чем самоотверженность команды, стала поддержка тех, кого я называю *друзьями ПИР-Центра*. Понятие растяжимое. Некоторые предпочитают и сегодня значиться как *анонимные друзья*. Мне важно, что я изначально чувствовал опору, хотя никого о ней не просил.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Кто первым стал такой опорой?

ОРЛОВ: Помощник президента по национальной безопасности Ю. М. Батурин, руководитель управления СВР Г. М. Евстафьев... Они понимали, что вопросам нераспространения ОМУ требуется мощная интеллектуальная подпитка — и совершенно необязательно из государственных источников. ПИР стал им интересен как *независимая поляна*, на которой расцветают разные цветы.

Окончание редакционной статьи см. на с. 163

Было также достаточно *страстных критиков*. Это были те государственные служащие, близкие к государству эксперты, которым не все нравилось, что мы делали и что писали, но которых это *задевало*. *Задевало* в хорошем смысле слова. Они не были равнодушными читателями! А мы-то были еще во многом неопытными писателями. Между нами нередко завязывались словесные дуэли. Помню звонок одного мидовского сотрудника, который возмутился тем, что мы написали по ракетному нераспространению. Говорил он резко, эмоционально, но аргументированно. Вероятно, мы тогда действительно написали ерунду. Резкость тона мне не понравилась, но страстность, эмоциональность произвели впечатление. Я услышал в трубке дипломата, искренне переживавшего то, как воспримут Россию в мире. Мыслящего государственными категориями. Это был Анатолий Антонов. Прошли годы, мы стали друзьями. Чем горжусь.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Были ли попытки *обломать, заткнуть*?

ОРЛОВ: Были. Пришлось пройти через все. И через попытки доказать, что мы не *свои*, а значит, *чужие*. И через попытки воздействовать на начинающих, прежде всего административных сотрудников. Но основой для большинства таких *наездов* было не стремление государства *подстраховаться*, нет. Это была элементарная зависть. Зависть, что мы лучше. Наиболее чувствительные удары были как раз спровоцированы этой самой завистью. В какой-то момент я, говоря словами пелевинского персонажа, перестал понимать, каким образом *их* зависть может трансформироваться в *мое* счастье.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы были первопроходцами...

ОРЛОВ: Это миф. У ПИРа достаточно реальных достижений, чтобы заниматься еще и мифотворчеством. Первым на ниву международной безопасности пришел А. С. Дьяков из МФТИ, со своим *выводком* талантливых питомцев, среди которых Олег Бухарин, Павел Подвиг и Евгений Мясников. Когда мы только создавались, именно он давал мне советы, и уже чувствовался умудренный опытом учитель. С. А. Караганов создал СВОП. В первой половине 1990-х был расцвет Московского центра Карнеги. Там издавался бюллетень *Ядерное Распространение*, проводилась масса интересных семинаров. Весомую роль в становлении центра Карнеги сыграл А. И. Зобов. Конечно, всех нас вдохновляла неординарная фигура работавшего в центре Карнеги Саши Пикаева, острого интеллектуально, острого на язык.

Существовали также Ассоциация по нераспространению (А. В. Загорский), Совет по проблемам критических технологий (Б. Длужневский), Центр по вопросам экспортного контроля (А. Булочников). Вполне конкурентное поле. Остро конкурентное. И мы туда вошли как новички. Которых никто не ждал и никто не звал.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Все-таки сложно поверить, чтобы, создавая ПИР-Центр, Вы не выстраивали стратегических планов, чтобы у Вас не было видения, какой эта организация должна стать через 3–5–10 лет.

ОРЛОВ: Придется поверить. В начальный период формирования ПИР-Центра в качестве полноценной и дееспособной научной организации (1994–1995 гг.) никаких стратегических задач перед организацией поставлено не было — ни ее руководством, ни какими-либо внешними игроками — друзьями ПИР-Центра. Первые два года мы находились в совершенно свободном плавании, предоставленные сами себе, не имеющие никаких амбициозных задач, за исключением единственной — развития *Ядерного Контроля*. В тот период ПИР-Центр больше напоминал редакцию научного журнала, нежели научный центр. К слову, это было отражено и в самом первом названии организации. Знаете, каким оно было? *Информационно-издательский и научно-исследовательский центр ПИР*, т. е. *информационно-издательский* было на первом месте.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Да, но организация всегда была известна как ПИР, мало кто задумывался над расшифровкой. Вы специально такую псевдоаббревиатуру придумали?

ОРЛОВ: Я шел от тютчевских строк «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...». *Минуты роковые* ведь у нас то и дело, так ведь? И дальше: «...его призывали всеблагие как собеседника на пир». Этот образ *собеседника на пиру* мне оказался созвучен.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: То есть не от Платона?

ОРЛОВ: Нет. От Тютчева.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вернемся в 1990-е. Что подтолкнуло Вас тогда к расширению деятельности?

ОРЛОВ: Прежде всего неожиданно быстрый успех *Ядерного Контроля*, позволивший привлечь к себе внимание экспертного сообщества в России и за рубежом и обеспечивший рост финансирования. Далее потеря в качестве одного из учредителей газеты *Московские Новости* и в результате поиск новой, уже нежурналистской площадки для Центра. Наконец динамичное развитие диалога с российскими госструктурами и международным экспертным сообществом, когда мы почувствовали востребованность.

БУТИКОВЫЙ THINK-TANK

В результате, начиная с 1996 г., ПИР-Центр значительно диверсифицировал свою деятельность, добавив проекты по химическому оружию, ракетному нераспространению, военно-техническому сотрудничеству (ВТС), гражданскому контролю военной деятельности и др. С этого момента он стал превращаться уже в очень компактный, но сверхдинамичный *частный НИИ*, с акцентом на вопросы нераспространения ОМУ, но не ограничиваясь ими.

Устойчивый и неожиданный — и для наших конкурентов, и для наших друзей — успех журнала обеспечил Центру имя, репутацию и независимость. Начался рост организации — численный, финансовый, проектный. В отдельные годы этого периода мы издавали четыре различных наименования журналов одновременно, а количество конференций и семинаров превышало десяток в год.

Вопрос о самой целесообразности существования ПИРа, или вопрос о его жизнеспособности, сменился вопросом о направлениях и пределах роста. Теперь мы стали выбирать интересующие нас проекты, устраивающие и нас, и партнеров.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: К концу 1990-х гг. ПИР-Центр прочно занял нишу ведущего российского экспертного центра в области ядерного нераспространения. Конкуренты уступили. Но Вы решительно не шли на захват новых *территорий*, прежде всего в сопредельных областях международной безопасности. Почему?

ОРЛОВ: На том этапе ПИР был не готов к расширению деятельности. Мы должны были закрепиться как ведущий центр в области ядерного нераспространения. В конце 1990-х гг. в ПИР пришли авторитетные специалисты. Помимо Р.М. Тимербаева, это были Е.П. Маслин, В.З. Дворкин, В.Ф. Лата, Ю.Е. Федоров и др. Это был уже качественно иной уровень экспертизы, нежели в изначально молодежном коллективе.

Значительная часть наших сил уходила на организацию и проведение Московских международных конференций по нераспространению. Их инициаторами стали Р.М. Тимербаев и Дж. Сириционе. Основную организационную суету приходилось расхлебывать всему ПИРовскому коллективу — после таких конференций требовалась неделя отгулов, такая была усталость. Но, безусловно, до сих пор есть что вспомнить. Именно на тех конференциях формировались основы подходов к иранской ядерной проблеме (ИЯП), вырисовывались контуры Глобального партнерства против распространения, усилий по образованию и повышению квалификации в области нераспространения и разоружения.

На рубеже 1990–2000-х гг. мной было брошено несколько *пробных шаров* по расширению проблематики, которой занимается организация. В частности были изданы работы по вопросам международного терроризма, защиты критической

инфраструктуры, международной информационной безопасности (МИБ). Они вызвали широкий резонанс и внутри России, и за рубежом. Для меня это был верный признак того, что ПИР-Центр готов к расширению проблематики исследований.

Однако Совет ПИР-Центра — наш высший коллегиальный орган — продолжал занимать консервативную позицию, считая, что лучше *не разбрасываться*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы упомянули образовательные программы и программы повышения квалификации в области нераспространения ОМУ. Как они появились в портфеле ПИР-Центра?

ОРЛОВ: Вопреки моему желанию. Наша молодая сотрудница Екатерина Школьник, выпускница МИФИ, буквально за руку притащила меня к заведующему *Пятой кафедрой* В. В. Хромову (потом ему на смену пришел Э. Ф. Крючков). Мне, сугубо гуманитария, идея чтения лекций в МИФИ по ядерному нераспространению казалась чем-то чужеродным. А вдруг эти магистры начнут меня расспрашивать про ядерную физику, в которой я до сих пор не силен... Да и у В. В. Хромова я тогда большого энтузиазма не заметил. Но поступили по классическому ПИРовскому принципу: ввяжемся в бой, а там посмотрим. Сработало. ПИР-Центр в итоге сформировал модуль по ядерному нераспространению в рамках магистратуры в МИФИ.

Затем был дан старт — уже вне стен МИФИ — тренинговой программе по нераспространению, которая постепенно трансформировалась в Летнюю школу по нераспространению. Активно практиковались выездные тренинговые курсы (Владивосток, Нижний Новгород, Петербург, Томск и др.), благодаря чему укрепились взаимодействия ПИР-Центра с региональными вузами.

Два года я работал консультантом ООН по образованию и повышению квалификации в вопросах нераспространения и разоружения. Участвовал в подготовке доклада правительственных экспертов для генерального секретаря ООН. Со мной вместе трудились Юкия Аmano (Япония), Мохаммед Шакер (Египет), Уильям Поттер (США), Венкатеш Варма (Индия) — сильные профессионалы, ставшие моими друзьями. Доклад был положен в основу резолюции ГА ООН.

В результате было принято стратегическое решение добавить образовательное направление деятельности ПИР-Центра к двум другим, ставшим традиционными, — информационно-издательскому и научно-исследовательскому.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: С середины нулевых годов Вы все-таки пошли на расширение проблематики исследований и проектов Центра?

ОРЛОВ: После 10 лет успешной и в какой-то момент почти монопольной среди НПО в России деятельности в области нераспространения ОМУ в ПИР-Центре стала наблюдаться определенная усталость от самоограничения именно и только этой проблематикой.

Новый толчок развитию был дан снова через печатное издание: с 2007 г. основательно, убедительно стартовал преемник журнала *Ядерный Контроль* — *Индекс Безопасности*. Мы бескомпромиссно позиционировали его как *российский журнал по международной безопасности*.

Был проведен ребрендинг клуба, который, оставаясь партнером ПИР-Центра, превратился в самостоятельного игрока под названием *Международный клуб Триалог*. Последние 10 лет клуб неизменно ставит на своих заседаниях вопросы широкого спектра внешнеполитической, оборонной повестки дня.

Стартовал индекс международной безопасности *iSi*, претендующий на роль *индекса Доу-Джонса глобальной безопасности*.

Наконец был проведен ребрендинг самого ПИР-Центра: три решительно устремленные ввысь стрелы, окрашенные в цвета российского триколора, на фоне исполосованного, фрагментированного земного шара уже сами по себе неплохо отображают то, как организация видит свою миссию.

Совет ПИР-Центра и наши друзья все последние годы настоятельно выводили организацию на новый курс — *ведущей* российской негосударственной организации в области международной безопасности в целом.

Расширение наших проектов — и по тематике, и по географии — способствовало впечатляющему росту круга международных связей нашей организации. Завязываются, укрепляются связи с научными центрами СНГ, Европы, начинают формироваться, хотя сначала и пунктиром, связи с центрами в других регионах, в частности на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Азии, Латинской Америке.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Можно ли говорить о том, что ПИР — это международный институт?

ОРЛОВ: И нет, и да. Юридически АНО *ПИР-Центр* — это российская организация. Но понятно, что, занимаясь международными исследованиями, мы плотно вовлечены в глобальные дискуссии и международные проекты. Конференции, семинары и круглые столы мы проводим и за пределами России (Гавана, Бишкек, Женева и др.).

Возьмем Международную экспертную группу (МЭГ) при ПИР-Центре. Здесь представлены крупнейшие эксперты в области внешней политики и международной безопасности из всех регионов мира, за исключением пока что двух — Юго-Восточной Азии и Австралии. Наш *доу-джонс международной безопасности* сверяется с голосами из Дели и Белу-Оризонте, Триполи и Ташкента, Претории и Джидды... Это беспрецедентный проект, и его возможности пока еще до конца не востребованы.

Всемирный охват нашей аудитории за последние пять лет удалось упрочить благодаря международному изданию журнала *Индекс Безопасности* (которое выпускается в Лондоне). Теперь, когда наше сотрудничество с издательством *Ратледж* подходит к концу, на первый план выходят двуязычный сайт ПИР-Центра и ассоциированные с ним информационные электронные продукты (в частности *ПИР-ПРЕСС*). Пока еще слабо, не так, как хотелось бы, но приносят свои плоды и социальные сети.

Такой диверсифицированной и при этом квалифицированной международной аудитории, как у нас, нет сегодня больше ни у кого в России, кто бы ни занимался схожей проблематикой.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие события 20-летней истории ПИР-Центра Вы сегодня вспоминаете чаще всего?

ОРЛОВ: Как верстали нулевой номер *Ядерного Контроля* (2004 г.) и первый *Индекса Безопасности* (2007 г.); как праздновали выход 100-го номера журнала в Москве, Вене и Женеве (2012 г.). Нашу аналитическую работу к саммиту по ядерной безопасности в Москве (1996 г.) и к саммиту *восьмерки* в Петербурге (2006 г.). Продление Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) (1995 г.). Московские международные конференции по нераспространению (2004 и 2006 гг.). Встречу с В. В. Путиным в Сарове (2012 г.). Неудачу (2003 г.) и кульминацию (2013 г.) работы по ИЯП. Юбилейное заседание Клуба *Триалог* (2013 г.). Каждую из 12 прошедших Летних школ.

СЕТИ ПИРА

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы были в Белом доме в дни путча в августе 1991 г. Создали уникальную неправительственную организацию. Участвовали в четырех последних обзорных конференциях по ДНЯО. Два десятилетия следите *изнутри* за ситуацией вокруг иранской ядерной программы. Не пора ли садиться за мемуары?

ОРЛОВ: Пока пора, наконец, сесть за четвертое издание учебника *Ядерное Нераспространение*, где я и ответственный редактор, и один из авторов. Оно как раз должно выйти к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. Скорее всего, это будет

последнее бумажное издание учебника: жизнь активно теребит нас, чтобы мы переходили на современные безбумажные средства обучения.

А вспоминать о том, как создавался, как развивался ПИР.. было бы интересно; я даже сел, сделал наброски. Потом понял — пока не время. Слишком многое еще свежо. Не всем еще друзья ПИР-Центра готовы вслух поделиться... Слишком много купюр будет.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы часто повторяете «друзья ПИР-Центра», не партнеры — именно *друзья*...

ОРЛОВ: Действительно, это большая радость — иметь столько друзей, готовых помочь организации. Друзья ПИР-Центра — это настоящий феномен: люди, не работающие собственно в ПИРе, представляющие государственные организации, экспертное сообщество, СМИ в России и за рубежом, всегда настроенные на содействие нашей организации, на участие. Сама композиция этих друзей — разнообразная, разноплановая — питает меня и моих коллег новыми идеями. Самим своим разнообразием этот *дружеский круг* обеспечивает нашу устойчивость и нашу непредвзятость.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А недруги?

ОРЛОВ: Наверное, их наличие, даже их активизация сейчас — это тоже показатель успеха организации, ее заметности.

Мы уже вспоминали Высоцкого и «спасибо, что живой». Помните, как у него о *черных людях*: «Мой черный человек в костюме сером —/Он был министром, домуправом, офицером...». Ну и так далее. Ведь часто случается, что профессионалы оказываются не ко времени.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На этом месте нашего интервью самое время фоном включить музыку из фильма *Профессионал*.

ОРЛОВ: Ну уж... Иногда ведь все проще — слишком много глупости, элементарной необразованности, дилетантизма. Фазиль Искандер как-то точно сказал: «Люди часто путают взволнованную глупость с бурлящим умом». Вот такой *взволнованной глупости* сейчас просто через край. Надо относиться к этому с известной долей юмора.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы гордитесь образовательными проектами ПИР-Центра. Но ведь и сам ПИР-Центр оказался *образовательным проектом*. Не секрет, что многие молодые люди в ПИРе задерживались не слишком долго, шли дальше покорять вершины.

ОРЛОВ: Один из таких *молодых людей*, создавших свою успешную организацию, недавно поведал мне, что они там то и дело выпивают *за ПИР*. ПИР многим дал опыт и закалку. Мы оказались самыми что ни на есть злостными распространителями — правда, не оружия массового уничтожения, а российских организаций, центров, просто талантливых ученых. Кто-то создал свое дело, кто-то работает в государственных структурах, кто-то в международных организациях. Можно назвать Ивана Сафранчука, Руслана Пухова, Константина Макиенко, Никиту Перфильева, Сергея Понамарева, Антона Хлопкова, Романа Устинова...

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: С кем из институциональных партнеров Вам сейчас интереснее всего работать? И с кем, может быть, хотелось бы поработать плотнее?

ОРЛОВ: В образовательной области — с МГИМО. В информационной — с ИД *Коммерсантъ*. Там сейчас и наиболее сильные кадры, и наибольший потенциал. Мне интереснее всего работать с теми, у кого планка высока и у кого мы сами можем поучиться.

Хорошие возможности для аналитической работы могут быть в Дипломатической академии МИД РФ. С апреля этого года я возглавляю там Центр глобальных проблем и международных организаций.

ТРЕБУЕТСЯ: УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: ПИРу исполнилось 20. Чем Вы удовлетворены и чем — нет?

ОРЛОВ: Удовлетворен тем, что ПИР-Центр состоялся как *частный НИИ*, или как *бутик-think-tank*. Это факт. У нас высокая репутация в России и в мире. Тоже факт. Удовлетворен тем, что наши исследования, наши знания востребованы.

Есть самоотверженная команда. Есть творческий драйв и есть потенциал. Последнее уже не факт, но гипотеза, которую надо проверить временем.

Не удовлетворен тем, что снижение качества образования в России отражается и на уровне молодых людей, которые приходят трудоустраиваться, прежде всего на административные должности. Много амбиций, мало знаний. Или же мало и амбиций, и знаний. Многие яркие молодые ребята из регионов с хорошим образованием по-прежнему смотрят на Запад как на место своей будущей работы, видя в ПИРе лишь трамплин для этого.

Не удовлетворен тем, что нет устойчивости нашего развития. В стране пока не созданы условия для того, чтобы такие организации, как наша, *плодоносили*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вероятно, здесь Вы имеете в виду и вопросы финансирования?

ОРЛОВ: Да. Крутые перемены в международной обстановке, произошедшие в последние месяцы, приводят нас в ПИР-Центре к мысли, что уже в ближайшей перспективе иностранное финансирование, поступающее на исследовательскую деятельность российских НПО, занимающихся внешнеполитической проблематикой, должно быть замещено российским. Насколько я понимаю, к аналогичным выводам приходят и в других уважаемых российских НПО, занимающихся внешнеполитической проблематикой.

В последние три-четыре года в России стали наконец складываться условия для движения в этом направлении. Достаточно сказать, что за последние два года ПИР-Центр смог повысить объем российского финансирования в 2,5 раза. Однако не должно быть иллюзий: Фонд Горчакова, другие функционирующие на сегодняшний день механизмы в лучшем случае позволяют осуществлять точечные целевые проекты без общей поддержки самих организаций. Теперь проще стало проводить конференции, круглые столы, имея российское финансирование, однако их должны проводить не только волонтеры. Подчас отсутствует интерес к отслеживанию воздействия того или иного профинансированного мероприятия на конкретные внешнеполитические результаты, критерием успеха становится сам факт проведения такого мероприятия. Не предусмотрена поддержка ни на издательскую деятельность, ни на развитие современных внешнеполитических технологий. Иначе говоря, имеем хорошее дополнение к текущим исследовательским проектам; ну а базис-то, как поддерживать людей, инфраструктуру?

Пока что сформирован лишь *один* из двух необходимых столпов, на которые должно опираться взаимодействие с внешнеполитическими НПО. На этот столп могут опереться — и уже опираются — те, кто участвуют в народной дипломатии, образовательно-просветительских программах. Но остро требуется формирование и *второго* столпа, на который должны опереться экспертно-аналитические, исследовательские, научно-практические негосударственные центры. А ведь именно эти организации, выступающие на международных экспертных площадках, задают тон, формируют глобальную повестку.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Газета *Коммерсантъ* сообщила о том, что председатель Совета ПИР-Центра Е. П. Бужинский и Вы передали министру иностранных дел С. В. Лаврову докладную записку, где содержатся аргументы в пользу создания инструментов поддержки экспертной дипломатии — российской по своему происхождению и характеру и глобальной по значению и охвату деятельностью, в частности Фонда поддержки внешнеполитических исследований и разработок. Расскажите об этом подробнее. Кого будет поддерживать такой фонд, если он будет создан?

ОРЛОВ: Прежде всего негосударственные организации, работающие по внешнеполитической проблематике, которые не имеют бюджетного финансирования. Причем не все подряд, конечно, а только те организации, которые уже имеют высокую репутацию и авторитет и чьи исследования и разработки уже апробированы МИД РФ, т. е. те, в ком МИД и его подразделения видят для себя конкретную пользу. Для МИДа это не должно быть благотворительность. Это должно быть взаимно полезное сотрудничество.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Сколько таких организаций, по Вашей оценке, имеется сейчас в России?

ОРЛОВ: Максимум десятков. Вероятно, если предложить им инициативно укрупниться (что было бы разумно), то речь можно вести вообще о 5–6 организациях.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: О каких суммах идет речь?

ОРЛОВ: По нашему опыту, чтобы организация могла эффективно работать и выдавать качественный экспертный продукт, при этом не будучи театром одного актера, годовой бюджет не может составлять менее 40 млн рублей. Для того чтобы организация была динамичной, могла развивать проекты *на опережение* и чувствовала себя уверенно и устойчиво, необходимо еще 30 млн рублей.

Примерно 25% общего бюджета организации, имеющей солидную репутацию, может покрываться контрактами с российскими госструктурами и госкорпорациями. Умение получать такие контракты — также мерило успешности и востребованности организации, хотя нереалистично предполагать, что качественный, неангажированный в своих оценках мозговой центр может полагаться в своем бюджете только на такие контракты. Еще 25% — по крайней мере в теории — должны давать российские гранты (Фонд Горчакова, «Русский мир», ИПГО и др.) по точечным проектам. Наконец около 10% доходов организации могут получать от реализации издательской продукции и прочих доходов, полученных от уставной деятельности.

Итак, мы говорим примерно о 40% бюджета организации, которые пока для большинства НПО и составляют *зону финансовой уязвимости* и риск для устойчивости, т. е. о суммах от 15 млн, минимально, до 30 млн рублей, максимально.

Простая арифметика показывает, что даже при максимальном расчете потребности на замещение иностранного финансирования российским из средств данного фонда составят не более 300 млн рублей ежегодно. Такая сумма позволила бы не просто поддержать НПО, занимающиеся внешнеполитической проблематикой, но и сделать качественный скачок в их развитии, дать им возможность чувствовать себя достойно и уверенно на международном уровне. Минимальная сумма (особенно если мы исходим из минимального количества поддерживаемых НПО) должна составлять не менее 150 млн рублей ежегодно. Возможно, истина (или стартовая сумма ежегодного бюджета фонда) где-то посередине этих цифр.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы видите направления деятельности такого Фонда?

ОРЛОВ: В случае концептуальной поддержки нашего подхода логично будет выделить два направления деятельности фонда: во-первых, общая поддержка исследований и программ в российских внешнеполитических интересах, во-вторых, приоритетные стратегические разработки.

Выделяемые гранты и пожертвования должны иметь срок действия не только один год, но и — для организаций, уже зарекомендовавших себя как высококачественные поставщики — два, в отдельных случаях, три года.

Конечно, бюджет фонда также должен включать расходы на собственную деятельность (аппарат). Однако фонд ни в коем случае не должен сам заниматься программной деятельностью — это убьет всю идею. Его задача иная — поддерживать работу других, проверять эффективность их работы и потраченных средств. К неэффективным разработкам фонд должен быть нетерпим, отказывая в продолжении финансирования.

Разве мы говорим о каких-то неподъемных средствах? Для сравнения, на государственную поддержку НПО, работающих в сфере защиты прав и свобод человека только по линии президентских грантов в 2013 г. было выделено 250 млн и запланировано 500 млн рублей. Всего же в 2013 г. на реализацию социально-значимых проектов выделено более 2,5 млрд рублей.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Значит ли это, что российским НПО, работающим по внешнеполитической проблематике, следует отказаться от всего зарубежного финансирования на 100%?

ОРЛОВ: Достаточно, чтобы тот или иной проект как минимум на 50% финансировался российской стороной (фондом, который мы предлагаем создать; или же из средств иных российских грантов и контрактов), что служило бы подтверждением интереса к проекту с российской стороны. Это позволило бы выстроить по ряду проектов *равноправное* сотрудничество — тем более не стоит забывать, что, запретив все зарубежное финансирование подчистую, мы рискуем выплеснуть с водой ребенка, исключив совместные гранты и совместные проекты с индийцами, бразильцами, китайцами и т. д. Введение же списков, из каких стран гранты получать разрешено, а из каких нет, и громоздко, и политически дискомфортно. Критерий *российских 50%* для любого проекта, как нам кажется, объективно снимал бы любые подозрения, так как сомнительные иностранные гранты отсекались бы уже на стадии принятия решения российской стороной о софинансировании.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Предлагаемый фонд должен быть сформирован при Министре иностранных дел?

ОРЛОВ: Е. П. Бужинский и я считаем, что это было бы оптимально. Однако возможны и иные варианты, в частности создание самостоятельного юридического лица или наделение одной из организаций, имеющих высокую репутацию, правами оператора данного фонда.

Формирование новых механизмов может затянуть начало деятельности фонда, что в нынешних условиях было бы нежелательно. Зато решение о его создании в ближайшие месяцы пошлет серьезный сигнал на весь мир: Россия не прессингует свои НПО внешнеполитической направленности, не пытается их *кошмарить* и закрыть, наоборот, Россия уважительно относится к независимой внешнеполитической экспертизе; более того, она востребована и поддерживается на конкурентной и честной основе.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А если решение о создании фонда или каком-то аналогичном решении принято не будет или же затянется на неопределенное время?

ОРЛОВ: Альтернативой данному шагу мне видится затухание российских НПО, работающих по внешнеполитической проблематике, уже в ближайшей перспективе.

ПИР 2.0.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Сложно вынести за скобки те финансовые, а точнее финансово-политические вопросы, которые мы только что с Вами обсуждали. И все-таки, если попытаться абстрагироваться от них, какие задачи Вы ставите перед организацией на ближайшую перспективу?

ОРЛОВ: Задачи перед организацией все-таки ставлю не я, а Совет ПИР-Центра. Но как член Совета готов поделиться своими соображениями.

Стратегически курс ясен: участвовать в осмыслении новых вызовов глобальному развитию — участвовать своими знаниями, наработанными за два десятилетия контактами по всему миру, сохраняя собственный голос. Будем делать это через предоставление независимой непредвзятой качественной и *на опережение* экспертизы по ключевым вопросам международной безопасности и внешней политики, будь то ядерное нераспространение, иранская ядерная проблема, европейская безопасность, роль и место БРИКС и др.

Настроены укреплять ПИР-Центр, сложившийся за 20 лет своей истории в качестве независимой диалоговой площадки по самым острым вопросам внешнеполитической повестки дня.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Организация останется независимой, негосударственной...

ОРЛОВ: Безусловно, она должна такой остаться, если хочет сохранить репутацию.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А некоммерческой?

ОРЛОВ: Здесь менее очевидно. Даже если организация и сохранит некоммерческий характер, он не должен рассматриваться как синоним бесплатных услуг с нашей стороны. Востребованность наших периодических изданий, образовательных услуг, других продуктов все в большей и большей степени должна измеряться готовностью заказчиков и потребителей адекватно оплачивать эти услуги.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вот чего я совершенно не могу понять: в первом номере *Индекса Безопасности*, восемь лет тому назад, Вы, как будто программное заявление, опубликовали пушкинское *Из Пиндемонти*. «Иные, лучшие мне дороги права... Отчета не давать!..» Сегодня перечитаешь — как-то ну совсем не ко двору. Как это так: *отчета не давать? Никому?* Да и причем тут *Индекс Безопасности*?

ОРЛОВ: Во-первых, Пушкин всегда ко двору, во все времена. А во-вторых... даже не знаю, что во-вторых... Во-вторых, наверное, есть тут противоречие. Может быть даже неразрешимое. Пушкин-то прав.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Ранее Вы уже говорили о том, что позитивно рассматриваете возможность для вступления ПИРа в партнерства. Есть ли тут ограничители?

ОРЛОВ: Приветствуются такие партнерства, которые, не ущемляя независимости ПИР-Центра, позволят наиболее эффективно решать творческие, финансовые, логистические задачи и задачи по ведению образовательной деятельности. Такие альянсы и партнерства возможны на уровне как отдельных проектов, так и целых программ, а также на уровне организации в целом.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть ли приоритеты географического плана — на какие регионы мира ПИР должен будет обратить особое внимание?

ОРЛОВ: Нам по-прежнему интересна Европа. Сегодня мы воочию убедились, что архитектура безопасности здесь изломана, раньше или позже, но придется новую создавать, из руин, из воспоминаний о *Хельсинки-75* многого не скроишь. Конечно, Ближний и Средний Восток. Тут у нас уже имеются и качественная экспертная база, и разветвленные связи с научно-практическими центрами в различных точках региона. Относительно новый интерес — Юго-Восточная Азия; здесь пока нам только предстоит продвинуться в комплексных исследованиях, хотя отдельные работы, например, по Мьянме, уже обратили на себя внимание и в российских профильных ведомствах, и в регионе. Наконец, Центральная Азия. Здесь у сотрудников ПИРа накоплена значительная экспертиза, но пока она не объединена какой-то сверхзадачей и разрознена.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: 20-летие ПИРа — это все-таки стремление к устойчивости, к освоенной колее или разминка перед революцией?

ОРЛОВ: Революций не будет. Но в ПИРе молодая динамичная команда. Ей надо 20 переформатировать в 2.0. То есть переформатирование всего ПИР-Центра, его проектов — да, должно быть. *ПИР 2.0.* — это, если хотите, требование времени.

СУДЬБА НОСОРОГА

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Будут меняться методы, будут меняться технологии?

ОРЛОВ: Безусловно. Нам надо вовсю, не откладывая, пользоваться возможностями, которые открывают перед нами современные технологии, в частности

в вопросах размещения офиса (с представлениями об офисе как о месте *сидения* сотрудников мы уже начали бороться), проведения образовательных и научных мероприятий с зарубежными участниками (скайп-конференции, вебинары), продвижения наших продуктов (через сайт и электронные рассылки).

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Но ведь Вы не думаете, что электронные издания смогут полностью заменить *бумажные*?

ОРЛОВ: Возможно, разочарую Вас. Но я именно так и думаю. *Бумажные*, печатные издания доживают последние дни. Ну, хорошо, может быть, последние годы. Ни издателям, ни читателям, ни библиотекам — никому от *бумаги* уже проку нет. Просто надо учиться делать хорошие электронные издания. И для *Индекса Безопасности* этот процесс, как мне кажется, не за горами.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А как же носорог на обложке, уже такой привычный... Кстати, а почему все-таки носорог?

ОРЛОВ: Для меня он говорит о том, насколько относительна безопасность. Вроде бы латы, суперзащита, мощь... и оказался на грани истребления. Оказался уязвим.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Глобальная безопасность также оказалась очень уязвима. В последние месяцы расшатывание ее основ усиливается. Ваш прогноз динамики индекса *iSi*?

ОРЛОВ: Мы вступили в новую холодную войну. Но она будет менее предсказуема, чем предыдущая, биполярная. Глобальная напряженность будет возрастать. Будет возрастать и интенсивность региональных конфликтов. Дело тут не в Украине. Украина оказалась лишь симптомом. Я не верю в *управляемый хаос*. А вот в погружение в хаос, когда кто-то продолжает притворяться, что он держит рычаги управления, — в это я верю. К этому идет.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Это как у врачей: больше гололеда — больше работы. Плохие новости в мире будут означать, что для ПИР-Центра тем для исследования наверняка только прибавится. Но может ли независимая исследовательская организация вообще существовать, тем более *плодоносить* в условиях холодной войны?

ОРЛОВ: Это справедливый вопрос. Жизнь покажет.

А что касается *врачебной* аналогии, то я в последние месяцы часто бываю в затруднении: нужны ли по-прежнему хирурги со скальпелем или же наступило новое время — время *мясников* с оуфом.

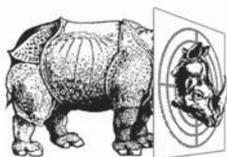
Впрочем, в том, что новое время наступило, сомневаться не приходится. Вопрос скорее об инструментари.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Возвращаясь к началу нашего разговора, когда Вы создавали ПИР, каким Вы представляли его через 20 лет? И каким Вы сегодня представляете ПИР через 20 лет?

ОРЛОВ: Когда начинали, я совсем так далеко не заглядывал. Иногда вообще было по тютчевскому завету «... день пережит, и слава Богу».

Я рад, что ПИР-Центр развивается. Есть очень симпатичная мне команда. Есть задачи на завтра, на послезавтра, которые я в этом разговоре уже озвучил. ПИРовской команде, по-моему, они по плечу. Я все эти годы руковожу ПИРом, но я себя не отождествляю с ПИРом, и ПИР не должен отождествляться со мной; слава Богу, благодаря нашей *командной игре* этого и не происходит. Лично для меня ПИР — не пожизненный проект. Я помню о словах канцлера Горчакова: «Самая большая сложность — обладать знанием того, когда пора что-либо прекращать».

Так что пора закругляться.

В ДЕСЯТКУ: О НАВОДЯЩЕМ УЖАС ДВИЖЕНИИ

«Что значит это **наводящее ужас** движение? и что за **неведомая** сила заключена в сих **неведомых** светом конях? ... Русь, куда же несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. (...) Летит мимо все, что ни есть на земле, и, **косясь, посторониваются** и дают ей дорогу другие народы и государства». — “What does that **awe-inspiring progress** of yours foretell? (...) Rent into a thousand shreds, the air roars past you, for you are overtaking the whole world, and shall one day force all nations, all empires to stand aside, to give you way!” — “Que signifie ce mouvement, **sujet d’universelle terreur**? (...) La clochette tinte d’un son sumaturel; l’air scindé, brisé, gronde, tournoie, s’échappe en amples courants; tout ce qui est sur la terre est traversé au vol... et l’on voit se retirer de biais, seranger à l’écart et se livrer passage, peuples, royaumes et empires.” — “¿Qué significa este **aterrante vuelo**? ¿Cuál es el desconocido poder de estos corceles, sin igual en el mundo? ¿Hay torbellinos en sus crines? ¿Hay una oreja sensitiva, alerta como una llama, en cada fibra?... La troika vuela, inspirada por Dios... ¿A dónde vas tan de prisa entonces, Rusia? ¿Dame una respuesta! Pero Rusia no responde. Con un tilín maravilloso suenan las campanillas; el aire cae hecho jirones, truenan y se convierte en aire; todas las cosas del mundo quedan detrás de nosotros y, **mirados de soslayo, todos los demás pueblos y naciones se apartan del camino** y le dan el derecho de paso.”

Мертвые души
Гоголя

Андрей Баклицкий

НА ПУТИ К ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДНЯО: ИЛЛЮЗОРНАЯ ЛЕГКОСТЬ ТРЕТЬЕГО ПРЕПКОМА НЕ МОЖЕТ ПРЕДВЕЩАТЬ ЧУДЕС

Третья сессия Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. проходила в Нью-Йорке с 28 апреля по 9 мая 2014 г. В своем открывающем слове председатель Третьей сессии, представитель Перу, посол Энрике Роман-Морей отметил: «Реализм, о котором я говорю, должен заставить нас понять, что нет никакого чудодейственного способа, благодаря которому ядерное оружие могло бы исчезнуть за один день или за промежуток между двумя Обзорными конференциями»¹. Посол Роман-Морей был бы не менее искренен, если бы добавил, что никакого *чудодейственного способа*, который мог бы стереть все разногласия между государствами — членами ДНЯО, он не имеет. Хотя такой *чудодейственный способ* был бы весьма кстати.

Третья сессия Подготовительного комитета, идущая непосредственно перед Обзорной конференцией, традиционно является самой важной. Задача Третьей сессии — утвердить *консенсусный доклад*, содержащий рекомендации для приближающейся Обзорной конференции². С учетом значительного количества противоречий между участниками ДНЯО, задача согласовать позиции 198 государств — членом договора является, как минимум, нетривиальной.

Объем противоречий между государствами-участниками действительно был достаточно высок. На Второй сессии Подготовительного комитета в 2013 г. делегация Египта покинула зал заседаний в знак протеста против отсутствия прогресса в созыве конференции по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). Поскольку значительного успеха на ближневосточном направлении за прошедший год добиться не удалось, можно было ожидать нового демарша со стороны региональных игроков. Другим источником напряженности должен был стать план действий, принятый на Обзорной конференции ДНЯО 2010 г., о выполнении которого странам-участникам предстояло отчитываться в 2015 г. и который оставался во многом нереализованным. В дипломатических кругах документ, принятый консенсусом и считавшийся успехом прошлой Обзорной конференции, теперь по прошествии четырех лет называли, мягко говоря, *слишком оптимистичным*. Наибольшее давление ожидалось на делегации *ядерной пятерки* со стороны набирающего силу *антиядерного движения* внутри ДНЯО. Наконец, Третья сессия Подготовительного комитета начиналась на фоне резкого обострения международной обстановки в связи с ситуацией вокруг Украины. Прошло чуть больше месяца после вхождения Крыма в состав России и исключения Москвы из Группы восьми³. Саммит по ядерной безопасности в Гааге, помимо своей главной цели — повышения сохранности делящихся материалов, стал площадкой, на которой главы государств *семерки* обсуждали украинский вопрос. Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к ДНЯО, в нарушении которого Киев обвинял Москву, неизбежно должен был появиться в повестке дня Подготовительного комитета. Таким образом, на пути к успешному проведению сессии лежало много острых вопросов, корни которых уходили далеко в прошлое.

А
Н
А
Л
И
З

НА ПУТИ К ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ

Вопросы ядерного разоружения в Обзорном процессе ДНЯО традиционно занимают важное место. Сам принцип разделения членов договора на государства, обладающие и не обладающие ядерным оружием, с самого начала вызывал трения и воспринимался многими странами как дискриминационный. В самом ДНЯО этот вопрос решается в статье VI, согласно которой «каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по [...] ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем». Отсутствие четких временных рамок для разоружения оставляло значительный простор для интерпретаций. Государства, не обладающие ядерным оружием, регулярно обвиняли государства, обладающие ядерным оружием, в отсутствии прогресса в области разоружения и нарушении этим духа договора. *Ядерная пятерка* в ответ указывала на увязку сокращения ядерных и обычных вооружений в тексте договора.

При этом процесс ядерного разоружения велся преимущественно вне Обзорного процесса ДНЯО и определялся либо двухсторонними договоренностями (договоры между Россией и США о стратегических наступательных вооружениях), либо односторонними инициативами государств (сокращение арсеналов Великобритании и Франции). Как откровенно выразился в личной беседе дипломат одной из стран *ядерной пятерки*: «*Вся настоящая работа ведется не на Обзорных конференциях, а в других форматах*»⁴.

Движение за ядерное разоружение также не ограничивалось рамками ДНЯО. В июле 1996 г. по запросу Генеральной Ассамблеи ООН Международный суд постановил, что в целом применение или угроза применения ядерного оружия противоречили бы нормам международного гуманитарного права⁵. Генеральная Ассамблея ежегодно принимает резолюции, касающиеся ядерного разоружения. Поскольку решения Генассамблеи носят рекомендательный характер, только в декабре 2013 г. было принято свыше десятка *ядерных* резолюций, включая резолюцию 68/58 «Конвенция о запрещении применения ядерного оружия» (126 голосами против 49), резолюцию 68/47 «Ядерное разоружение» (122 голосами против 44) и резолюцию 68/44 «Уменьшение ядерной опасности» (125 голосами против 50).

Движение за разоружение возглавляли группы стран, активных как в рамках обзорного процесса, так и на других международных площадках. Причины и цели этих групп различались. Если действия *Движения неприсоединения и Коалиции за новую повестку дня (НАС)*⁶ вполне вписывались в традиционное разделение по линии север–юг, то появление в 2010 г. *Инициативы по разоружению и нераспространению (NPDI)*⁷, в состав которой вошли пять членов НАТО, знаменовало собой начало нового этапа. Продвижение повестки ядерного разоружения странами, находящимися под американским *ядерным зонтиком*, продемонстрировало Вашингтону и другим стран *пятерки*, что активные призывы к ядерному разоружению становятся *мейнстримом*.

Наконец 2 мая 2012 г. представитель Швейцарии выступил на Первой сессии Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. с «Совместным заявлением о гуманитарных аспектах ядерного разоружения»⁸. От лица 16 госу-

Мартинс Пундорс, руководитель отдела по контролю над вооружениями, Министерство иностранных дел Латвии:

Латвия принимала участие в первой конференции в Осло и, в целом, поддерживает гуманитарную инициативу. В то же время мы считаем, что обсуждение вопросов ядерного разоружения не будет эффективным без участия государств, обладающих ядерным оружием.

дарств, часть из которых входила в *НАС* и *NPDI*, авторы текста обращали внимание на катастрофические последствия возможного применения ядерного оружия и призывали ядерные государства соблюдать в этой сфере международное гуманитарное право. Схожее заявление представителя Берна на заседании Первого комитета

Генеральной Ассамблеи ООН осенью 2012 г. было поддержано уже 35 странами. 4–5 марта 2013 г. в Осло состоялась первая конференция, посвященная гуманитарным последствиям применения ядерного оружия, в которой приняли участие представители 128 государств. На Второй сессии Подготовительного комитета заявление Гуманитарной инициативы было поддержано 80 странами, фактически половиной участников ДНЯО.

Вторая конференция по гуманитарным аспектам, организованная правительством Мексики в феврале 2014 г., была консолидированно проигнорирована странами ядерной пятерки. Тем не менее министерства иностранных дел Великобритании, КНР, России, США и Франции разделяли понимание того, что Препком в этом плане станет серьезным испытанием.

Испытания не заставили себя ждать: 24 апреля 2014 г., за четыре дня до начала Третьей сессии Подготовительного комитета, член *Гуманитарной инициативы* Республика Маршалловы Острова подала иск в Международный суд против всех девяти государств, де-факто обладающих ядерным оружием, требуя от них отказаться от своих арсеналов⁹.

ВСЕОБЩЕЕ РАЗОРУЖЕНИЕ В РАМКАХ ОБЗОРНОГО ПРОЦЕССА

За полгода до начала Третьей сессии Подготовительного комитета, на заседании Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН, 125 стран (63% от общего количества членов ДНЯО) поддержали *Совместное заявление о гуманитарных последствиях ядерного оружия*, озвученное представителем Новой Зеландии. Гуманитарная инициатива, объединившая впечатляющее количество стран из самых разнообразных групп должна была оказать значительное влияние на ход Подготовительного комитета. Между тем уже с первого дня сессии между членами Гуманитарной инициативы стали возникать противоречия.

Выступление министра иностранных дел Индонезии от лица *Движения неприсоединения*¹⁰ не содержало упоминания гуманитарных конференций в Осло и Наярите. Само слово *гуманитарный* было использовано только в контексте международного гуманитарного права. Вместо этого Движение неприсоединения сделало упор на необходимости запрещения ядерного оружия путем подписания соответствующей конвенции. Европейские члены Гуманитарной инициативы в частных беседах назвали подобные действия непродуктивными¹¹.

Швейцария, стоявшая у истоков Гуманитарной инициативы, в рамках Третьей сессии сделала упор на одном практическом аспекте разоружения и выступила от лица группы стран, призывающих к понижению оперативного статуса ядерного оружия¹². Представитель Швейцарии посол Бенно Лагнер отметил, что, несмотря на то что понижение оперативного статуса было отмечено в Планах действий 2010 г., государства *ядерной пятерки* не предприняли никаких новых действий в этом направлении. Малайзия, Нигерия, Новая Зеландия, Чили и Швейцария призывали государства, обладающие ядерным оружием, снизить оперативный статус своих ядерных сил, апеллируя к позитивному опыту времен завершения холодной войны и высоким рискам сохранения текущего уровня готовности ядерного оружия.

Бенно Лагнер, руководитель отдела по вопросам безопасности, Федеральный департамент иностранных дел Швейцарии:

Повестка Гуманитарной инициативы прочно заняла свое место в рамках обзорного процесса. По некоторым заявлениям представителей *ядерной пятерки* можно судить, что и они понимают, что эта тема уже не исчезнет сама собой. Ключевой вопрос теперь: удастся ли нам найти точки соприкосновения, которые бы позволили отразить запрос гуманитарной повестки в итоговом документе конференции 2015 г. Мы должны сделать шаг вперед по сравнению с 2010 г., в то же время предложения должны быть достаточно реалистичными, чтобы ядерные государства могли присоединиться к консенсусу.

Уffe Баллев, заместитель секретаря по вопросам разоружения, нераспространения и контроля над вооружениями, Министерство иностранных дел Дании:

Мы видим гуманитарную инициативу в качестве третьего трека дискуссии о ядерном разоружении. Первый трек — это традиционные переговоры военных ведомств, второй — дискуссия о легальности ядерного оружия, основанная на заключении Международного суда 1996 г. Гуманитарная инициатива стала отдельным направлением повестки разоружения, на наш взгляд, удачным направлением, которое внесло оживление в дискуссию. Естественно это вызвало критику, особенно со стороны *ядерной пятерки*, но это показывает их чувствительность к данному вопросу. Сейчас опасность заключается в том, что, когда в группе насчитывается 125 государств, появляются тенденции к расколу.

Иран, традиционно выступавший в рамках Обзорного процесса с резкой критикой западных стран, в 2014 г. был значительно более сдержанным. Промежуточное соглашение по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы, подписанное в ноябре 2014 г., последовательно выполнялось всеми сторонами, и участники переговоров не были заинтересованы в конфронтации. Возглавлявший иранскую делегацию на Препкоме директор Департамента по политическим и правовым вопросам МИД Ирана и член команды переговорщиков по ядерной программе Хамид Баидинежад был настроен на конструктивный диалог. Улучшение отношений между Тере-

раном и западными странами в целом способствовало снижению напряженности, внося вклад в ту самую *благожелательную атмосферу*, о которой говорили на всем протяжении сессии Подготовительного комитета.

Несмотря на то что значительное количество стран в своих выступлениях делали отсылки к гуманитарным последствиям применения ядерного оружия, выступить на Подготовительном комитете единым фронтом у представителей *Гуманитарной инициативы* не получилось.

ЯДЕРНАЯ ПЯТЕРКА

Пять официальных ядерных государств всегда занимали особое место среди членов ДНЯО из-за своих дополнительных прав и обязанностей. С 2009 г. проводятся ежегодные конференции стран *ядерной пятерки*, на которых государства согласовывают совместные позиции по всему спектру вопросов ядерного нераспространения и разоружения. Представители *пятерки* заняли консолидированную позицию по гуманитарным аспектам ядерного оружия.

Тем не менее за два дня до встречи представителей *ядерной пятерки* в Пекине заместитель Госсекретаря США по контролю над вооружениями и международной безопасностью Роуз Готтемюллер посетила Японию, где приняла участие в министерской встрече *Инициативы по разоружению и нераспространению*. Представители других стран *пятерки* в неформальном формате комментировали, что США таким образом пытается *усидеть на двух стульях*¹³. Позже в своем выступлении на Третьей сессии Подготовительного комитета госпожа Готтемюллер отметила, что важно помнить о последствиях применения ядерного оружия в отношении людей. По словам заместителя Госсекретаря, «именно глубокое понимание Соединенными Штатами последствий применения ядерного оружия, включая его разрушительное влияние на здоровье, являлось причиной и направляло усилия США по сокращению и, в перспективе, уничтожению этого чрезвычайно опасного вида вооружений»¹⁴.

Тем не менее в целом представители государств, обладающих ядерным оружием, проводили в рамках Подготовительного комитета схожую политику. 6 мая 2014 г. представители России, Великобритании, КНР, США и Франции подписали на полях сессии протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Это было первое в истории одновременное подписание протокола всеми

ядерными державами — редкое проявление единодушия пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Спустя почти восемь лет после подписания договора в Семипалатинске официальные ядерные державы (ЯОГ) юридически обязались уважать и соблюдать статус безъядерной зоны, не применять ядерное оружие и не угрожать его применением Казахстану, Киргизии, Таджикистану, Туркмении и Узбекистану.

Учитывая обычный подход ядерных держав к подобным протоколам, решение по Центральной Азии было принято достаточно быстро. Договор Раротонга, установивший безъядерную зону в южной части Тихого океана, был подписан в 1985 г., но протоколы к нему Соединенные Штаты не ратифицировали и по сей день.

Вопрос подписания протоколов не был сложностью для России, не в последнюю очередь потому, что три из пяти государств региона — союзники Москвы по ОДКБ, но вызвал возражения у западных членов *пятерки*. США, Великобритания и Франция выступали против подписания протокола, делая особый упор на статью 12 договора, утверждавшую примат ранее подписанных договоров над положениями о создании зоны. Вашингтон, Лондон и Париж опасались, что членство центральноазиатских государств в одной военной организации с Россией оставляет возможность размещения российского ядерного оружия на их территории. В итоге эта обеспокоенность была снята в интерпретирующих заявлениях и оговорках к протоколу.

ЯОГ традиционно подписывают протоколы к безъядерным зонам с интерпретирующими заявлениями и оговорками. В 2012 г. протокол к Бангкокскому договору был подписан Россией при включении в него интерпретирующего заявления по географическому охвату зоны и двух условий, при которых Россия не считала бы себя связанной положениями протокола (нападение на Российскую Федерацию или союзников совместно с ядерным государством и нарушение государствами-членами положений договора). Не стала исключением и зона в Центральной Азии — все пять стран подписали протоколы с уточнениями.

Таким образом, несмотря на опасения, события на Украине и нараставшее противостояние между Россией и Западом не перекинулись в область ДНЯО. Ядерная *пятерка* оказалась устойчивее *большой восьмерки*.

По словам заместителя госсекретаря США Роуз Готтемюллер, Соединенные Штаты оставались открытыми к дальнейшим переговорам с Россией по сокращению ядерных вооружений, включая стратегическое и нестратегическое ядерное оружие. «Последние события серьезно подорвали взаимное доверие, и понадобится время, чтобы его восстановить. Тем не менее не стоит забывать, что даже в самые тяжелые дни холодной войны Соединенные Штаты и Советский Союз были заинтересованы сотрудничать для снижения ядерной угрозы», — отметила госпожа Готтемюллер в своем выступлении¹⁵.

Хотя сессия Подготовительного комитета была созвана спустя чуть больше месяца после вхождения Крыма в состав России, ситуация на Украине не оказала значительного влияния на ход работы. Будапештский меморандум, гарантировавший территориальную целостность Украины, хоть и был сформулирован как *Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия*, оставался четырехсторонним договором между Киевом, Москвой, Лондоном и Вашингтоном. Большая часть участников Третьей сессии Подготовительного комитета была рада оставить разрешение данного вопроса непосредственным участникам соглашения 1994 г. Таким образом, несмотря на *озабоченность*, выраженную представителями ряда

Андре Собраль Кордейро, руководитель отдела по вопросам разоружения и нераспространения, Министерство иностранных дел Португалии:

Что касается катастрофических гуманитарных последствий применения ядерного оружия, тут нет никаких сомнений, это довольно очевидно. Но в отличие от многих других стран мы считаем, что гуманитарные последствия могут быть только у применения ядерного оружия, а не у самого оружия. В этом значительное различие в наших подходах, и мы не согласимся на подобные формулировки.

стран, украинский вопрос был преимущественно отражен в обмене заявлениями между главами российской и украинской делегаций Михаилом Ульяновым и Юрием Сергеевым.

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ И МИРНАЯ АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА

Вопросы нераспространения и мирного развития атомной энергетики (кластеры вопросов II и III) традиционно оказались менее противоречивыми, чем разоруженческая проблематика.

В сфере нераспространения ключевым вопросом стала универсализация Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ. В своем выступлении представитель Бразилии акцентировал внимание на дискриминационном подходе при разделении прав и обязанностей в рамках ДНЯО, где на страны, соблюдающие договор, накладывается постоянно увеличивающееся бремя обязательств¹⁶. С точки зрения Бразилии, разделяемой многими членами *Движения неприсоединения*, отношения между МАГАТЭ и страной членом ДНЯО должны определяться исключительно двусторонними договоренностями с агентством. Заключение Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях МАГАТЭ является, несмотря на его важность, суверенным решением каждой страны. Как решения Совета управляющих МАГАТЭ, так и план действий Обзорной конференции 2010 г. подтвердили, что страны нельзя принуждать к заключению Дополнительного соглашения.

Вопросы создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке не получили столь широкого внимания, как в 2013 г. Делегация Ирака от лица *Группы арабских стран* заявила, что если конференция по созданию зоны не будет созвана до Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., арабские страны могут пересмотреть свою поддержку бессрочного продления ДНЯО. Вместе с тем на практике это означало бы, что у стран региона и коспонсоров резолюции 1995 г. (России, США и Великобритании) есть еще год, для того чтобы привести вялотекущий процесс к удовлетворительному результату.

Вопросы мирного развития атомной энергетики в рамках Обзорного процесса во многом напоминают вопросы разоружения. Хотя разделение на *haves* и *have nots* в сфере атомной энергетики не столь ярко выражено, оно тем не менее присутствует. Страны, не обладающие ядерными технологиями, особенно члены *Движения неприсоединения*, настаивают, что развитие мирной атомной энергетики является неотъемлемым правом любого члена договора. Государства, обладающие развитыми ядерными технологиями, причем большинство из них входит в *Группу ядерных поставщиков*, выступают за ограничение доступа к определенным частям ядерного топливного цикла и определяют уровень мирного атомного сотрудничества с третьими странами их достижениями в области нераспространения. В последние годы значимость этого вопроса растет. В итоговом документе Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. больше трети пунктов (47 из 121) относятся к статье IV.

Одним из механизмов облегчения доступа третьих стран к современным ядерным технологиям в рамках IV ДНЯО является Международный проект МАГАТЭ по инновационным реакторам и топливным циклам (ИНПРО). Инициатива, выдвинутая Россией в сентябре 2000 г., сегодня включает 39 государств — членом МАГАТЭ и Европейскую комиссию. В рамках ИНПРО по запросу государств проводится всеобъемлющий анализ предлагаемых и планируемых ядерно-энергетических систем, что позволяет определить их оптимальную конфигурацию и подготовить рекомендации. ИНПРО открыт для максимального количе-

Тарик Рауф, директор программы по контролю над вооружениями и нераспространению, Стокгольмский международный институт проблем мира:

Участники Подготовительного комитета уделяли основное внимание тем темам, по которым их позиции расходились, но они также видели, что по многим вопросам подходы делегаций совпадали. Это хороший знак. Если между завершением Подготовительного комитета и 2015 г. нас не ожидает никаких особенных катаклизмов, думаю, Обзорная конференция тоже пройдет в позитивной атмосфере.

онным реакторам и топливным циклам (ИНПРО). Инициатива, выдвинутая Россией в сентябре 2000 г., сегодня включает 39 государств — членом МАГАТЭ и Европейскую комиссию. В рамках ИНПРО по запросу государств проводится всеобъемлющий анализ предлагаемых и планируемых ядерно-энергетических систем, что позволяет определить их оптимальную конфигурацию и подготовить рекомендации. ИНПРО открыт для максимального количе-

ства стран, в его состав входят государства — члены ДНЯО из Азии, Америки, Африки и Европы. Кроме того, в проекте участвуют не входящие в ДНЯО Израиль, Индия и Пакистан. В январе 2014 г. ИНПРО был преобразован в секцию внутри Департамента по атомной энергии МАГАТЭ. Другим важным форматом взаимопомощи остается программа Технического сотрудничества агентства. Программа, финансируемая за счет добровольных взносов государств-участников, предоставляет членам организации помощь в сфере мирного и безопасного применения ядерных технологий.

Важным элементом создания устойчивой программы по развитию атомной энергетики являются гарантированные поставки ядерного топлива. Чтобы снизить опасность государств, не обладающих собственным топливным циклом, относительно надежности поставок, МАГАТЭ активно поддерживает проекты создания международных резервов ядерного топлива. На Третьей сессии Подготовительного комитета Казахстан объявил о том, что переговоры с агентством о создании резерва на казахской территории вошли в завершающую фазу. В случае успешного завершения это станет вторым подобным проектом в мире¹⁷.

Наконец, подготовка кадров, которые могли бы руководить управлением или развитием национальных атомных программ, является ключевым условием для устойчивого развития стран — новичков в сфере атомной энергетики. На Третьей сессии Подготовительного комитета представитель России В. П. Куцинов акцентировал внимание на важности равных возможностей по доступу к подготовке кадров для атомной промышленности. По его словам, в России создан «Международный центр подготовки персонала, где проходят обучение специалисты из Вьетнама, Турции, Белоруссии и других стран. Российский национальный исследовательский ядерный университет МИФИ не только готовит кадры для российской ядерной энергетики и промышленности, но и принимает студентов и специалистов стран — членов МАГАТЭ для подготовки их национальных кадров»¹⁸.

В ПОИСКАХ КОНСЕНСУСА

7 мая 2014 г. Энрике Роман-Морей представил делегациям государств-членов проект *Отчета Подготовительного комитета, содержащего рекомендации для Обзорной конференции*¹⁹. Несмотря на то что ни разу с 2000 г. Подготовительному комитету не удалось принять накануне Обзорной конференции консенсусный документ, председатель предпринял значительные усилия, чтобы подготовить максимально непротиворечивый текст. Помимо трех разделов, посвященных *трем столпам* ДНЯО — разоружению, нераспространению и мирному использованию атомной энергии, авторы документа выделили региональные вопросы (Ближний Восток и КНДР) и вопросы, связанные с универсальностью договора (страны вне ДНЯО и вопросы выхода из договора). Проект во многом основывался на успешном итоговом документе Обзорной конференции 2010 г., что должно было помочь сделать текст приемлемым для максимального количества стран. С этой же целью проект рекомендаций был написан подчеркнуто нейтральным языком. Словосочетание *гуманитарные последствия (humanitarian consequences)* применения ядерного оружия, вызывающее *аллергию* у представителей *ядерной пятерки*, использовалось в 10-страничном документе только один раз. В рекомендациях отсутствовало упоминание конференций, посвященных гуманитарным последствиям применения ядерного оружия.

Тем не менее консенсуса достичь не удалось. Утром 8 мая 2014 г., в предпоследний день сессии, делегации членов ДНЯО выступили с комментариями относительно проекта рекомендаций. Несмотря на то что все выступающие высоко оценили работу председателя и его команды при подготовке документа, компромиссный характер текста оставил неудовлетворенными как государства, обладающие ядерным оружием, так и неядерные государства.

Камнем преткновения предсказуемо стало ядерное разоружение. Большинство государств, не обладающих ядерным оружием, нашли формулировки, касающиеся разоружения, слишком мягкими. Индонезия от лица *Движения неприсоединения*

и Ирак от лица *Группы арабских стран*, заявили, что предложенный текст не отражает их основных предложений. Арабские страны отметили отсутствие призыва к Израилю присоединиться к ДНЯО. Представители Движения неприсоединения указали, что в тексте не было отсылок к резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН, касающихся ядерного разоружения. Страны *Инициативы по разоружению и нераспространению* в целом поддержали проект рекомендаций, но отметили, что раздел по гуманитарным последствиям применения ядерного оружия мог бы быть усилен.

Представители всех ЯОГ также заявили, что в текущем виде текст не может быть согласован. Соединенные Штаты не устроила формулировка, касающаяся процесса создания на Ближнем Востоке ЗСОМУ. Франция акцентировала внимание на отклонениях от документа 2010 г. и заявила, что упоминание *гуманитарных последствий* не способствовало поиску консенсуса. Представители Великобритании, Китая и России в своих выступлениях отметили, что документу не хватает сбалансированности.

Несмотря на обилие критических замечаний, по общему мнению, текст представлял хорошую отправную точку для дальнейшей дискуссии. В то же время в условиях ограниченного времени согласовать консенсусный документ не представлялось возможным. Исходя из этого посол Роман-Морей принял решение оформить проект рекомендаций как рабочий доклад председателя и представить его делегатам Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. 9 мая 2014 г. Третья сессия Подготовительного комитета официально завершилась. Свой черед ждала Обзорная конференция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Третья сессия Подготовительного комитета 2014 г. ожидаемо не принесла прорыва, тем не менее она стала хорошей подготовкой к Обзорной конференции ДНЯО 2015 г.

В 2015 г. делегатам не придется начинать с чистого листа: рабочий документ председателя, подготовленный послом Роман-Морем, станет хорошим фундаментом для дальнейших переговоров. Этот документ также наверняка будет использован председателем Обзорной конференции для предварительных консультаций с представителями ключевых государств зимой и весной 2015 г.

Другим подарком Третьей сессии стала повестка Обзорной конференции 2015 г. Документ, основанный на повестке конференции 2010 г. с добавлением пунктов, следующих из Итогового документа 2010 г., был вынесен председателем на голосование в первый же день Третьей сессии и принят представителями государств — членов ДНЯО. Несмотря на то что принятие повестки во многом является техническим моментом, ее отсутствие могло заметно сказаться на работе Обзорной конференции. В 2005 г. стороны потратили больше недели конференции только на то, чтобы согласовать повестку.

Наконец, определенным подспорьем для делегатов 2015 г. станет позитивная атмосфера, в которой прошла Третья сессия Подготовительного комитета. Несмотря на значительные разногласия государств-членов, делегации показали, что они могут и готовы вести конструктивную дискуссию, где демарши и личные выпады являются исключением, а не правилом.

Тем не менее это, пожалуй, все хорошие новости, для участников Обзорной конференции 2015 г. У позитивной атмосферы Третьей сессии Подготовительного комитета была и обратная сторона — в попытке достичь консенсуса самые серьезные вопросы были сняты с повестки дня и перенесены на 2015 г. В фокусе обсуждения Обзорной конференции неизбежно окажутся вопросы ядерного разоружения, и Ближнего Востока, и мировому сообществу придется в конечном итоге встретиться с проблемой лицом к лицу.

Государства, не обладающие ядерным оружием, будут настаивать на ускорении процесса ядерного разоружения и конкретных шагах в направлении *ноля*,

государства, обладающие ядерным оружием, будут отстаивать свои подходы к разоружению.

В 2015 г. государствам-членам предстоит отчитываться по выполнению плана действий 2010 г., при этом значительная часть отчетности будет лежать на странах *ядерной пятерки*. Помимо того что план действий во многом остается не выполнен, похоже, что к 2015 г. не ожидается никаких успехов, которые могли бы оттенить этот факт. Новый договор СНВ был подписан пять лет назад и уже был представлен в Нью-Йорке в 2010 г. Ухудшающиеся отношения между Россией и Западом не обещают никаких новых прорывов в области разоружения ни на двустороннем, ни на многостороннем треке. Созыв конференции по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке по-прежнему выглядит довольно отдаленной перспективой, а срыв конференции неминуемо вызовет резкую реакцию арабских государств. Одним словом, председателя Обзорной конференции 2015 г., которого еще предстоит выбрать группе африканских стран, ждет очень нелегкая работа.

И напоследок нельзя не обратить внимание на любопытную ситуацию, сложившуюся в рамках Обзорного процесса. ЯОГ, арсеналы которых теоретически должны быть направлены друг против друга, на крупнейшем международном форуме формируют отдельную группу, действующую и голосующую вразрез с государствами, ядерным оружием не обладающими. В этих стратегических сферах Россия, США и КНР находятся ближе друг к другу, чем к своим неядерным союзникам. Логично предположить, что чем сильнее будет идти сближение между ядерными державами, тем меньше будет риск ядерной войны. А для снижения этого риска во многом и подписывался ДНЯО. Впрочем, едва ли этот факт станет заметным аргументом в дискуссии, которая развернется в Нью-Йорке в мае 2015 г. 🐘

ALUMNI ПИР-ЦЕНТРА

ДАУРЕН АБЕН (старший научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан):

Я оцениваю итоги третьего Препкома, как это принято говорить, с осторожным оптимизмом. Несмотря на рост международной напряженности, в том числе из-за обострения отношений между ведущими державами, работа комитета прошла в конструктивном ключе и позитивной атмосфере. Особо следует отметить работу его председателя перуанского посла Роман-Морея. В то же время государствам-участникам в очередной раз не удалось принять консенсусом рекомендации для Обзорной конференции, что свидетельствует о существенных разногласиях между ними по всем трем ключевым измерениям ДНЯО. Несомненно, основные дискуссии в следующем году развернутся вокруг отсутствия серьезного прогресса в выполнении принятого в 2010 г. плана действий и решений предшествующих обзорных конференций. Главным камнем преткновения станет, как всегда, вопрос ядерного разоружения, приправленный к тому же акцентом неядерных государств на гуманитарных последствиях применения ядерного оружия. На мой взгляд, успешному проведению ОК-2015 способствовали бы достижение полномасштабного соглашения с Ираном и проведение конференции по ближневосточной зоне, свободной от ОМУ.

А
Н
А
Л
И
З

Примечания

¹ Mensaje Inaugural del Presidente de la III Comision Preparatoria de la Conferencia de Examen del 2015 del Tratado para la No Proliferacion Nuclear. Nueva York, 28 de Abril de 2014, <http://papersmart.unmeetings.org/media2/2927439/iiprepcom2014w1.pdf> (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).

² Согласно итоговому документу, принятому Обзорной конференцией 2000 г. 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Final Document, <http://www.un.org/disarmament/WMD/Nuclear/pdf/finaldocs/2000%20-%20NY%20-%20NPT%20Review%20Conference%20-%20Final%20Document%20Parts%20I%20and%20II.pdf> (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).

³ 18 марта 2014 г. был подписан межгосударственный договор о принятии Республики Крым в состав России, в этот же день глава МИД Франции Лоран Фабиус объявил, что западные страны договорились приостановить участие России в *восьмерке*.

⁴ Интервью автора. Нью-Йорк, май 2014 г.

⁵ Вместе с тем шаг не смог прийти к окончательному решению о том, допустимо ли применение ядерного оружия в случае угрозы существованию государства.

⁶ (англ. New Agenda Coalition, NAC). Группа существует с 1998 г. и включает Бразилию, Египет, Ирландию, Мексику, Новую Зеландию и ЮАР.

⁷ (англ. Non-Proliferation and Disarmament Initiative, NPDI). Группа включает Австралию, Германию, Канаду, Мексику, Нидерланды, Нигерию, ОАЭ, Польшу, Турцию, Филиппины, Чили и Японию.

⁸ Joint Statement on the humanitarian dimension of nuclear disarmament. First Session of the Preparatory Committee for the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 2014, May 2, http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom12/statements/2May_IHL.pdf (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).

⁹ Brunnstrom D. U. S. examining Marshall Islands' nuclear lawsuits, defends record. Reuters. 2014, April 25, <http://www.reuters.com/article/2014/04/25/us-usa-nuclear-marshalls-idUSBREA3O23Y20140425> (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).

¹⁰ Statement by H. E. Dr. R. M. Marty M. Natalegawa Minister of Foreign Affairs Republic of Indonesia on behalf of the Non-Aligned Movement States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom14/statements/28APRIL_NAM.pdf (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).

¹¹ Интервью автора. Май 2014 г.

¹² (англ. — De-alerting Group). Группа существует с 2007 г. и включает Малайзию, Нигерию, Новую Зеландию, Чили и Швейцарию.

¹³ Интервью автора. Апрель 2014 г.

¹⁴ U. S. Statement by Under Secretary Rose Gottemoeller Third Meeting of the Preparatory Committee for the 2015 Nuclear Non-Proliferation Treaty Review Conference United Nations, <http://papersmart.unmeetings.org/media2/2927532/us-rev.pdf> (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Statement by H. E. Ambassador Pedro Motta Pinto Coelho, Permanent Representative of Brazil to the Conference on Disarmament. Preparatory Committee for the 2015 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Third session. Cluster 3. New York. 2014, May 5, http://papersmart.unmeetings.org/media2/2927757/discurso-brasil-cluster-iii_distribuicao.pdf (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).

¹⁷ Первый международный резервный запас ядерного топлива был создан в 2010 г. в г. Ангарске, Россия.

¹⁸ Владимир Куцинов выступал вместо главы российской делегации Михаила Ульянова. См. Выступление руководителя делегации Российской Федерации, директора Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России М. И. Ульянова по блоку вопросов III (мирное использование ядерной энергии) на Третьей сессии Подготовительного комитета Конференции 2015 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия, http://papersmart.unmeetings.org/media2/2927808/statement-by-the-delegation-of-russia-on-cluster-iii_in-russian_.pdf (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).

¹⁹ Report of the Preparatory Committee containing recommendations to the Review Conference. 2014, May 7, <http://www.reachingcriticalwill.org/images/documents/Disarmament-fora/npt/prepcom14/documents/draft-recommendations.pdf> (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).

Никита Перфильев¹

США И РАТИФИКАЦИЯ ДВЗЯИ
В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ И КИТАЕМ

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) однажды был охарактеризован как «достижение в области контроля над вооружениями, к которому мир шел наиболее тяжело и долго»². ДВЗЯИ обладает не только мощным политическим символизмом, но и оказывает разностороннее влияние на сам процесс ядерного разоружения и нераспространения.

Во-первых, для любого потенциального нарушителя режима нераспространения запрет на ядерные испытания затрудняет создание рабочей ядерной боеголовки, годной к установке на средства доставки.

Во-вторых, договор ограничивает возможности для уже существующих ядерных держав в области модернизации ядерных арсеналов и разработки новых, более мощных боеголовок, сдерживая также процесс усовершенствования уже отработанных и проверенных типов боеголовок.

В-третьих, договор представляет серьезный шаг вперед к миру, свободному от ядерного оружия. Он не только делает стратегические отношения более предсказуемыми на глобальном уровне, но и является неотъемлемой частью всех нынешних и будущих региональных договоренностей в области создания зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО).

ВСТУПЛЕНИЕ В СИЛУ: ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ОЖИДАНИЕ

Однако для вступления договора в силу требуется его ратификация всеми государствами, перечисленными в Приложении 2 к ДВЗЯИ. Из 44 таких государств на данный момент ДВЗЯИ ратифицировали 36. Из оставшихся восьми пять: Египет, Израиль, Иран, Китай и США, — договор подписали, но пока не ратифицировали. Еще три страны (Индия, КНДР и Пакистан) еще даже не подписали договор. У всех этих стран самые различные, иногда расходящиеся друг с другом интересы, и все они находятся в разном геостратегическом положении. Тем не менее считается, что ратификация ДВЗЯИ Соединенными Штатами кардинально изменила бы положение дел с вступлением договора в силу и позволила бы добиться прогресса сразу в нескольких областях, особенно в плане ратификации ДВЗЯИ Китаем³.

Среди ядерных держав Россия, Китай и США могут сыграть особенно важную роль в продвижении ДВЗЯИ. Ядерное оружие является неотъемлемым элементом стратегических отношений между этими тремя государствами, поэтому все они должны быть заинтересованы в сохранении и укреплении предсказуемо-

З
И
Л
А
Н
А

сти этих отношений. Кроме того, среди официальных ядерных держав только Россия, Китай и США обладают собственными полигонами для ядерных испытаний и теоретически могут возобновить проведение таких испытаний в случае принятия соответствующего политического решения. В данной статье рассматриваются возможные меры повышения транспарентности и укрепления доверия с точки зрения России, Китая и США. Все три государства могут внести свой вклад в этот процесс, учитывая, что возобновление ядерных испытаний нарушило бы стратегический баланс и таким образом нанесло бы ущерб безопасности каждого из этих государств.

ПОЗИЦИИ США В ОТНОШЕНИИ РАТИФИКАЦИИ ДВЗЯИ

Сенат США отказался одобрить ДВЗЯИ в 1999 г., и договор до сих пор ожидает повторного рассмотрения⁴. Администрация Б. Обамы неоднократно заявляла о своем намерении добиваться ратификации договора, а также инициировала кампанию по информированию членов Сената и широкой общественности о преимуществах ДВЗЯИ для национальной безопасности США. Однако к середине своего второго срока эта администрация пока так и не предприняла никаких конкретных шагов в области ратификации.

При этом конкурирующие внешнеполитические приоритеты, усугубляемые одно-временными кризисами по всему миру и нарастающей внутриполитической борьбой между демократами и республиканцами, отвлекают внимание Вашингтона от проблемы ДВЗЯИ. Для того чтобы президент подал ДВЗЯИ на ратификацию в Сенат, этот договор должен рассматриваться как один из наивысших приоритетов внешней политики его администрации. Наконец даже если ДВЗЯИ вновь будет внесен на повестку дня Сената, ему еще нужно будет пройти жаркие ратификационные дебаты и столкнуться с теми же проблемами, которые в свое время стояли перед Новым договором СНВ.

В этой связи повторный отказ Сената США ратифицировать ДВЗЯИ стал бы серьезным ударом по договору. Однако данный договор и тот вклад, который он способен внести в укрепление стратегической стабильности, а также в укрепление доверия и повышение транспарентности, слишком важны, чтобы позволить ДВЗЯИ сойти с международной повестки дня.

Конечно, даже ратификация договора Соединенными Штатами не гарантирует того, что все без исключения оставшиеся государства немедленно последуют американскому примеру. Для того чтобы добиться ратификации всеми государствами из списка в Приложении 2, понадобится серьезная работа. А чтобы удержать договор в политической повестке дня и способствовать процессу его ратификации Соединенными Штатами, необходимо изучить возможность принятия целого ряда мер как в рамках самого ДВЗЯИ, так и в более широком контексте нормы запрета на ядерные испытания. Такие меры окажут положительный эффект не только на дебаты относительно ратификации договора Вашингтоном. Они также укрепят доверие между официальными ядерными державами, повысят транспарентность и помогут преодолеть негативное восприятие неядерными государствами усилий ядерных держав в плане выполнения своих обязательств по разоружению.

ДЕБАТЫ О РАТИФИКАЦИИ В США: РОЛЬ РОССИИ И КИТАЯ

В апреле 2009 г. президент Б. Обама в своей Пражской речи пообещал незамедлительно и энергично добиваться ратификации ДВЗЯИ⁵. Выступая в Берлине в июне 2013 г., он также объявил о намерении «работать над укреплением поддержки ратификации договора в Соединенных Штатах»⁶. Однако трудности, с которыми столкнулся Белый дом в процессе ратификации нового Договора СНВ, указывают

на то, что американская ратификация ДВЗЯИ не является предрешенным вопросом. В то же время поддержка Договора со стороны 13 сенаторов-республиканцев дает надежду на то, что если ратификация ДВЗЯИ вновь будет вынесена на голосование, за нее проголосуют не только демократы.

Обсуждение вопроса ратификации ДВЗЯИ в США сфокусировано не только на вопросе о том, сможет ли страна поддерживать безопасность и эффективность своего ядерного арсенала в условиях запрета на ядерные испытания, но и на потенциальных нарушениях данного договора другими странами. Взгляды американских политиков по данному вопросу разделились. К примеру, рекомендации по вопросу ДВЗЯИ стали единственным пунктом опубликованного в 2009 г. финального отчета Комиссии Конгресса по военно-стратегической доктрине США, который не был принят консенсусом⁷. Хотя дебаты носят преимущественно политический характер, противники договора также могут использовать в качестве аргумента против ратификации любую кажущуюся техническую неточность в тексте ДВЗЯИ или в его режиме верификации⁸.

В вышеупомянутом отчете также выражаются подозрения в том, что Россия и, возможно, Китай продолжают секретные гидроядерные эксперименты в нарушение запрета ДВЗЯИ на ядерные взрывы любой мощности⁹. В отчете, опубликованном Национальным институтом общественной политики (НИОП) в 2011 г.¹⁰, наиболее ярые американские противники ДВЗЯИ также высказали предположение о том, что Россия, возможно, продолжает проводить ядерные испытания со взрывами малой мощности в специальных контейнерах *Колба*, которые нейтрализуют сейсмические сигналы. Кроме того, в качестве демонстрации якобы нечестности России и Китая они привели тот факт, что ближайшие международные станции мониторинга находятся на расстоянии 1112 км от российского ядерного полигона на Новой Земле и 783 км от китайского полигона Лобнор, в то время как станция в Мине, штат Невада, находится менее чем в 200 км от американского ядерного полигона¹¹.

Ниже мы попытаемся привести соображения о том, какой вклад могли бы внести Россия и Китай в американские дебаты по вопросу ратификации ДВЗЯИ и каким образом сторонники договора могли бы помочь в обеспечении его поддержки в Сенате необходимыми двумя третями голосов. Предлагаемые шаги со стороны этих двух государств могли бы нейтрализовать потенциальные аргументы противников договора и устранить препятствия на пути к его ратификации Соединенными Штатами.

ПОВЫШЕНИЕ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ ЧЕРЕЗ МЕЖДУНАРОДНУЮ СИСТЕМУ МОНИТОРИНГА

Международная система мониторинга (МСМ) — одна из технических основ договора — является беспрецедентной по своим масштабам системой, состоящей из 337 станций сейсмического, гидроакустического, инфразвукового и радионуклидного мониторинга. Эти станции были построены на территории более чем 90 стран, обеспечивая глобальное покрытие. Все государства, подписавшие ДВЗЯИ, имеют возможность получать данные со станций в режиме, приближенном к реальному времени. После вступления договора в силу МСМ станет основным инструментом обнаружения его возможных нарушений¹².

Возвращаясь к аргументу НИОП о расположении станции мониторинга на российской территории, это заявление не выдерживает беспристрастного научного анализа. В силу геологической структуры полигона на Новой Земле порог обнаружения сейсмических событий очень низок, и поэтому располагать станцию в непосредственной близости от данного полигона нет никакой необходимости¹³. Более того, норвежская система сейсмических детекторов NORSAR,

особенно две норвежско-американские станции на Шпицбергене и на севере Норвегии, способна обнаруживать даже небольшие сейсмические события магнитудой в 2 балла по шкале Рихтера. Такая магнитуда соответствует полноценному ядерному взрыву мощностью около 0,01 килотонн (т. е. 10 тонн тротилового эквивалента)¹⁴.

Наибольшее количество станций МСМ расположено на территории США, России и Китая (42, 36 и 14). Этот факт отражает лежащую на ядерных державах ответственность за обеспечение работы значительного компонента режима верификации ДВЗЯИ и представляет собой весомую меру по обеспечению транспарентности, поскольку данные с этих станций могут получать все государства, подписавшие ДВЗЯИ, независимо от их размера, международного статуса и вноса в бюджет организации. В тексте договора содержится требование о том, чтобы ко времени его вступления в силу МСМ вышла на полностью рабочее состояние. Соответственно Временному Техническому секретариату Подготовительной комиссии Организации ДВЗЯИ было поручено обеспечить развитие системы верификации.

Готовность американского сегмента МСМ находится на уровне около 90%, что примерно соответствует готовности всей системы (278 объектов из 337)¹⁵. Однако готовность российского и китайского сегментов остается ниже этого уровня. В 2011 г. российские дипломаты и военные «заявили о намерении России завершить создание станций МСМ на своей территории к 2012 г.»¹⁶. В этом случае Россия стала бы первым государством из числа официальных ядерных держав, которое вышло на полную готовность своего сегмента. Однако, по словам заместителя Министра обороны РФ Анатолия Антонова, с тех пор сроки сдвинулись на конец 2014 г. — начало 2015 г.¹⁷. Прогресс в деле развертывания системы МСМ в России и других ядерных державах ставит вопрос о китайском вкладе в создание верификационного режима.

Китай может внести весомый вклад в функционирование МСМ и получить большую пользу от работы этой системы. По условиям договора, государства обязаны обеспечивать непрерывное поступление данных со своих национальных сегментов МСМ только после вступления ДВЗЯИ в силу. Однако большинство подписавших договор государств уже провели сертификацию своих станций МСМ, и данные с этих станций поступают в Международный центр данных (МЦД) ДВЗЯИ. До недавнего времени Китай не обеспечивал непрерывного поступления данных со станций, расположенных на его территории. Однако после визита исполнительного секретаря ОДВЗЯИ доктора Лассина Зербо в Пекин в августе 2013 г. Китай пообещал начать передачу данных со своих станций. Эти данные стали поступать в МЦД в январе 2014 г.¹⁸.

Важно обеспечить продолжение поступления данных с китайских станций в рамках процедуры тестирования и оценки, которая необходима для сертификации (т. е. официального введения в строй) этих станций. В настоящее время тестирование проходят 9 китайских станций; еще две находятся в стадии строительства¹⁹. Скорейшая сертификация этих объектов и начало их полноценной работы в рамках МСМ стали бы позитивными сигналами для сторонников ДВЗЯИ в США и по всему миру.

Как уже говорилось, строительство сегментов МСМ на территории ядерных государств является важной мерой транспарентности и обязанностью этих государств в рамках ДВЗЯИ. Китай последовательно выказывает нежелание участвовать в более широких мерах транспарентности в том, что касается ядерного арсенала, объясняя это необходимостью обеспечить выживаемость своих ядерных сил в случае нанесения противником первого удара. В этой связи Пекин рассматривает отсутствие подтвержденной информации о своих ядерных силах как стратегическое преимущество²⁰. Однако сертификация станций МСМ и передача дан-

ных с этих станций не наносят Китаю никакого ущерба и не раскрывают никакой информации о его ядерном арсенале. Напротив, более высокая степень открытости в данной области позволит улучшить международный имидж Китая и поможет оградить страну от обвинений в недостаточной транспарентности со стороны как ядерных, так и неядерных государств.

Аргументы в пользу транспарентности этим не ограничиваются. С точки зрения ДВЗЯИ и влияния этого договора на стратегические отношения раскрытие информации о проведенных в прошлом ядерных испытаниях могло бы стать еще одной мерой укрепления климата доверия. После окончания холодной войны Россия и США, а также Франция и Великобритания предоставили подробную информацию о своих программах ядерных испытаний до начала переговоров по ДВЗЯИ. Они, в частности, раскрыли данные о количестве, мощности и целях испытаний. Эти данные позволили скорректировать находящиеся в открытом доступе оценки количества испытаний. Китай, который провел как минимум 45 ядерных испытаний, тоже мог бы предоставить соответствующую информацию. Раскрытие данных о прошлой деятельности не связано с какими-то особыми проблемами и рисками, однако оно может внести весомый вклад в развитие культуры транспарентности²¹.

Тем не менее некоторые исследователи полагают, что китайские дипломатическое и военное ведомства, а также члены Постоянного комитета Политбюро КПК могут склоняться к иным подходам в плане диалога с США по стратегическим вопросам²². Хотя данная тема будет иметь более широкие последствия для стратегических отношений между Китаем и США, вполне логично предположить, что позиция Китая по вопросу ДВЗЯИ во многом объясняется нынешним тупиковым состоянием двусторонних отношений.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СФЕРЫ ОХВАТА ДВЗЯИ

Оппоненты ДВЗЯИ в США делают предположения о том, что Россия и Китай, возможно, продолжают проведение секретных ядерных испытаний сверхмалой мощности. Такие подозрения могут быть использованы для срыва ратификации договора, однако есть несколько способов их развеять²³.

Во время ратификационных слушаний в Госдуме РФ в 2000 г. Ю. С. Капралов, директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения (ДВБР) МИД РФ, заявил, что «качественная модернизация ядерных вооружений возможна только путем полномасштабных и гидроядерных испытаний с выделением энергии расщепления, что прямо противоречит ДВЗЯИ». Годом ранее во время слушаний в Сенате США глава американской делегации на переговорах по ДВЗЯИ, Стивен Ледогар, заверил Сенат в том, что Россия согласна со сферой охвата договора²⁴. Российская пресса сообщала, что министр обороны Российской Федерации С. Б. Иванов во время визита на Новую Землю в июле 2006 г. сделал следующее заявление: «Россия не нарушает своих международных обязательств в области непроведения ядерных испытаний». ²⁵ Хотя российские официальные лица с тех пор неоднократно говорили о том же, представляется, что политическое заявление высокого уровня, нацеленное конкретно на международную аудиторию, помогло бы развеять обеспокоенность скептиков по данному вопросу. Однако с российской точки зрения было бы неприемлемо делать такое заявление в одностороннем порядке: Россия подписала и ратифицировала договор, так что в дополнительных заверениях нет необходимости. Более приемлемым подходом стало бы совместное заявление всех пяти постоянных членов Совбеза ООН, в котором среди прочего ядерные государства подтверждали сферу охвата договора. Такое заявление помогло бы снять озабоченность касательно не только России, но и Китая.

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ЯДЕРНЫХ ПОЛИГОНОВ И ОБЪЕКТОВ

Вопрос запрета на испытания любой мощности не ограничивается политическими заверениями. Такие дополнительные меры, как транспарентность ядерных полигонов и военных ядерных объектов, тоже помогли бы укрепить доверие между государствами.

Во время переговоров по ДВЗЯИ участники хорошо понимали трудности, связанные с верификацией взрывов малой мощности. Очевидных решений этой проблемы не найдено. В результате было принято решение принять нулевой порог (т.е. запретить взрывы любой мощности). Переговорщикам было ясно, что добиться 100-процентного обнаружения невозможно. В неофициальном порядке было предложено ввести порог обнаружения взрывов МСМ на уровне 1 килотонны (1000 тонн тротилового эквивалента) при любых условиях. Именно такой уровень мощности взрыва был признан значимым с военной точки зрения²⁶. Во время переговоров решения проблемы найти не удалось, однако в связи с российскими опасениями возможных нарушений договора на ядерных полигонах было решено построить вышеупомянутую станцию мониторинга в Мине, штат Невада, с целью надежного покрытия американского ядерного полигона в Неваде сетью сейсмического мониторинга ДВЗЯИ.

На обсуждение выносились и другие предложения. К примеру, Россия предложила отделиться от ДВЗЯИ договориться о размещении дополнительных детекторов в местах проведения испытаний и обмениваться информацией о проведенных экспериментах. Это предложение перекликалось с Совместным экспериментом по контролю 1988 г., когда в процессе переговоров по верификационному протоколу к советско-американскому Договору о пороговом ограничении ядерных испытаний 1974 г. команды советских и американских ученых разместили в стволах шахт измерительное оборудование перед проведением испытаний в Неваде и Семипалатинске. Эксперты также предлагали ряд мер, направленных на верификацию того, что ядерные эксперименты не нарушают требований ДВЗЯИ²⁷.

Кроме того, Россия высказала заинтересованность в мерах по обеспечению прозрачности полигонов для ядерных испытаний на взаимной основе с Китаем. Однако данное предложение не встретило поддержки со стороны китайцев, которые настаивали на том, что мер, уже содержащихся в ДВЗЯИ, будет вполне достаточно. Никаких усилий в данном направлении предпринято не было, поскольку у официальных ядерных держав в то время были другие приоритеты.

После провала ратификации договора в Соединенных Штатах и медленного угасания усилий в области контроля над вооружениями во время президентства Дж. Буша-младшего российские переговорщики тем не менее пытались поддерживать диалог в данной области с США. И. Д. Сергеев, помощник Президента России по вопросам стратегической стабильности, в ходе II конференции по статье XIV ДВЗЯИ предложил целый ряд новых мер транспарентности. Он, в частности, заявил: «В качестве меры укрепления доверия после вступления договора в силу мы готовы предложить — для начала Соединенным Штатам — рассмотреть возможность разработки дополнительных верификационных мер для ядерных полигонов, которые выходят далеко за рамки требований договора. Сюда может входить обмен геологическими данными и результатами определенных экспериментов, установка дополнительных детекторов и другие меры»²⁸. Однако данное предложение в Вашингтоне проигнорировали. С целью поддержания стратегического диалога было бы полезно вновь внести данное предложение, чтобы решить проблему с испытаниями малой мощности.

В то же время есть несколько возможных причин, по которым российская сторона может без особого энтузиазма относиться к идее дополнительных мер прозрач-

ности. В частности российские эксперты уже посещали ядерный полигон в Неваде в рамках совместного верификационного эксперимента, в то время как американские ученые были только на полигоне в Семипалатинске, который с тех пор уже закрыли. На полигоне на Новой Земле американцы не были. Таким образом, Россия может рассматривать предоставление доступа на Новую Землю в качестве крупного козыря, в обмен на который она потребует ответных достаточно весомых форм сотрудничества.

Последнее из 132 ядерных испытаний на Новой Земле было проведено в проливе Маточкин Шар в октябре 1990 г. С 1995 г. полигон используется для проведения подкритических и неядерных испытаний, чтобы удостовериться в безопасности и надежности российского ядерного арсенала. В 2006 г. сообщалось, что каждый год проводится до шести таких испытаний²⁹. Российские официальные лица несколько подтверждали, что полигон поддерживается в рабочем состоянии³⁰.

Однако нынешняя ситуация сильно отличается от положения дел в прошлом, когда на полигоне активно проводились испытания. Когда-то численность гарнизона на Новой Земле составляла 15 тыс. человек. На 1 января 2010 г., по данным переписи, все население Новой Земли составляло всего 2940 человек³¹. Сообщается также, что единственным действующим подразделением на полигоне является научно-экспериментальный отдел, который в основном занимается мониторингом радиационной обстановки³². С тех пор как в 2006 г. на Новой Земле побывали министр обороны С.Б. Иванов и руководитель *Росатома* С.В. Кириенко, ни одного визита высокого уровня на полигон не состоялось. В 2010 г. директором полигона вместо генерала Ю.И. Соколова был назначен полковник А.И. Капелько, что также указывает на сокращение роли Новой Земли в российском оружейном ядерном комплексе³³.

Россия недавно усилила свое военное присутствие в Арктике, согласно решению президента В.В. Путина о расширении российского оперативного потенциала в регионе в свете возможной конкуренции за природные ресурсы³⁴. Однако представляется, что в условиях запрета на ядерные испытания поддерживать в рабочем состоянии инфраструктуру для таких испытаний, да еще и в регионе, к которому даже нет круглогодичного доступа, было бы неоправданно дорого. Хотя нынешний начальник полигона, полковник А.А. Синицын, заявил, что российские ядерные лаборатории продолжают *неядерные взрывные эксперименты* на полигоне³⁵ (скорее всего, речь идет о гидродинамических и подкритических испытаниях, которые не запрещены ДВЗЯИ), основная работа по поддержанию российского ядерного арсенала в безопасном и рабочем состоянии, похоже, переместилась в такие ядерные центры, как Саров. По крайней мере, похоже, что российские разработчики ядерного оружия столкнулись с теми же проблемами, что и американские, причем решение этих проблем они ищут в том же направлении. К примеру, *Росатом* объявил о разработке лазера, который во многом сходен с лазерной установкой в американской Национальной лаборатории Лоуренса Ливермора, но обладает большей мощностью. Целями создания этого лазера являются обеспечение безопасности и надежности российского ядерного оружия³⁶.

Еще одной потенциальной областью сотрудничества является прозрачность оружейных ядерных объектов. Поскольку российские и американские ученые уже более 20 лет ведут продуктивное сотрудничество и обмениваются визитами, было бы полезно обсудить официальные подходы, связанные с ДВЗЯИ в рамках сотрудничества ядерных лабораторий. Одной из таких мер могли бы стать разовые инспекционные визиты на задекларированные оружейные ядерные объекты с целью проверки их использования по назначению. В этом отношении был бы полезен опыт выполнения Конвенции о запрещении химического оружия и ее верификационного режима.

АЛЕКСАНДР ЧЕКОВ (аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД РФ):

Существует распространенное мнение, что ратификация ДВЗЯИ Вашингтоном может спровоцировать *эффект домино*. Безусловно, это событие станет важнейшей вехой в судьбе ДВЗЯИ и, скорее всего, послужит толчком к его ратификации рядом других ключевых государств. Однако это не означает автоматического разрешения всех существующих противоречий вокруг договора, а конкретно северокорейской и индопакистанской проблемы. В этой связи можно сказать, что ратификация ДВЗЯИ США не сможет разорвать *гордиев узел* проблем вокруг XIV статьи, но в то же время значительно ослабит его.

При этом, однако, нужно подчеркнуть, что меры по обеспечению прозрачности и ядерных полигонов, и ядерных объектов следует предпринимать вне рамок ДВЗЯИ, а число их участников следует ограничить только ядерными государствами в связи с рисками ядерного распространения. В то же время определенную степень прозрачности для неядерных государств в отношении ядерных полигонов можно обеспечить через механизмы Договора об открытом небе, который позволяет государствам-участникам осуществлять облеты с использованием специально оборудованных самолетов.

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ДВЗЯИ

Сотрудничество по ядерным вопросам являлось центральным элементом американо-российской политики *перезагрузки*. Однако *пражская повестка дня* в области разоружения скорее всего канула в Лету. Кроме того, в условиях нарастания напряженности между Россией и США с одной стороны и между Китаем и США с другой. В этой связи крайне важно найти точки соприкосновения. Подписание нового договора СНВ после истечения срока действия нынешнего сейчас кажется чем-то из области фантастики. Любые попытки возобновить дискуссии на тему тактического ядерного оружия, скорее всего, ни к чему не приведут. В этих условиях ДВЗЯИ мог бы обеспечить контекст для развития многостороннего сотрудничества в ядерной области. Возможный дополнительный вклад со стороны России и Китая мог бы способствовать ратификации ДВЗЯИ Соединенными Штатами, а также имел бы положительное влияние на отношения между этими государствами в других сферах. Предлагаемые меры имеют разную степень практической значимости и политического символизма. Однако повышение прозрачности между Россией, США и Китаем в области запрета на ядерные испытания будет способствовать укреплению доверия и стратегической стабильности. Оно поможет обеспечить предсказуемость в данной сфере и послужит гарантией от неприятных ядерных сюрпризов. 🇺🇸

Примечания

¹ Взгляды, высказанные в данной статье, не представляют собой официальных позиций каких-либо государств или Подготовительной комиссии ОДВЗЯИ. Автор несет исключительную ответственность за все высказанные мнения, ошибки, недочеты и т. д.

² Clinton Sends CTB Treaty to Senate: Hearing Set to Begin in October. September 1997, Arms Control Association, <http://www.armscontrol.org/print/244> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

³ Horowitz L. A Detour Strategy for the Test Ban Treaty. *The Washington Quarterly*. Fall 2011. Vol. 34, no 4. P. 87–99.

⁴ Deibel T. The Death of a Treaty. *Foreign Affairs*, 2002, September-October, <http://www.foreignaffairs.com/articles/58251/terry-l-deibel/the-death-of-a-treaty> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

⁵ Речь Барака Обамы на площади Градчаны, Прага, Чешская Республика. 5 апреля 2009 г., посольство США в Чешской Республике, <http://prague.usembassy.gov/obama.html> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

⁶ Речь Обамы в Берлине, <http://blogs.wsj.com/washwire/2013/06/19/transcript-of-obamas-speech-in-berlin/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

⁷ The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States, http://www.usip.org/files/America's_Strategic_Posture_Auth_Ed.pdf (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

⁸ McGrath K. Verifiability, Reliability, and National Security: The Case for U. S. Ratification of the CTBT. *The Nonproliferation Review*. 2009, Vol. 16, Is. 3. P. 407–433.

⁹ Большее внимание, уделяемое России по сравнению с Китаем, в определенной степени отражает сохраняющуюся ментальность холодной войны, поскольку легче критиковать известного врага, чем страну, о которой имеется мало подтвержденных данных.

¹⁰ The Comprehensive Test Ban Treaty: An Assessment of the Benefits, Costs, and Risks. National Institute for Public Policy: National Institute Press, 2011.

¹¹ Во время переговоров по ДВЗЯИ российская сторона указывала на то, что, поскольку геологические породы вокруг ядерного полигона в Неваде имеют песчаную природу, сейсмические станции МСМ должны располагаться намного ближе к этому полигону, чтобы удовлетворять требованиям по порогу обнаружения взрывов.

¹² Более подробная информация о верификационном режиме ДВЗЯИ содержится в источнике: <http://www.ctbto.org/verification-regime/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

¹³ Интервью с российским участником переговоров по ДВЗЯИ, ноябрь 2011 г.

¹⁴ Monitoring Novaya Zemlya. NORSAR, <http://www.norsar.no/c-84-Regional-Monitoring.aspx> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

¹⁵ Профили станций, официальный сайт ОДВЗЯИ, <http://www.ctbto.org/verification-regime/station-profiles/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

¹⁶ Russia reaffirms strong support for the CTBT. CTBTO Press-release, 2011, October 3, <http://www.ctbto.org/press-centre/highlights/2011/russia-reaffirms-strong-support-for-the-ctbt/?Fsize=xhczayqbmduc> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

¹⁷ CTBTO Head Visits Moscow, Signs Tsunami Warning Agreement. CTBTO Highlights, 2013, October 4, <http://www.ctbto.org/press-centre/highlights/2013/ctbto-head-visits-moscow-signs-tsunami-warning-agreement/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

¹⁸ China's Foreign Minister Wang Yi Reaffirms Commitment to the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT); Progress on CTBTO Stations in China. CTBTO Highlights, 2013, August 7, <http://www.ctbto.org/press-centre/press-releases/2013/chinas-foreign-minister-wang-yi-reaffirms-commitment-to-the-comprehensive-nuclear-test-ban-treaty-ctbt-progress-on-ctbto-stations-in-china/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.); Chinese Monitoring Stations are Now Sending Data. CTBTO Highlights, 2013, January 6, <http://www.ctbto.org/press-centre/press-releases/2014/chinese-monitoring-stations-now-sending-data/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

¹⁹ См. раздел *Station profiles*, официальный сайт ОДВЗЯИ, <http://www.ctbto.org/verification-regime/station-profiles/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

²⁰ Grand C. Nuclear Weapon States and the Transparency Dilemma, p.36, in *Transparency in Nuclear Warheads and Materials: The Political and Technical Dimensions*. Ed. Nicholas Zarimpas, SIPRI, 2003.

²¹ Там же, с. 40.

²² Kulacki G. Why China Won't Engage the US on Strategic Issues. All Things Nuclear blog, Union of Concerned Scientists, 29 September 2010, <http://allthingsnuclear.org/post/1210302696/why-china-wont-engage-on-strategic-reassurance> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

²³ The Comprehensive Test Ban Treaty: An Assessment of the Benefits, Costs, and Risks. National Institute for Public Policy, National Institute Press, 2011.

З
И
Л
А
Н
А

- ²⁴ Slipchenko V. Russia, Ratification and the CTBT's Entry Into Force. VERTIC. 2010, June. Occasional Paper 3.
- ²⁵ Литовкин В. Ядерный взрыв без ядерного взрыва. *РИА Новости*, 24 июля 2006 г., <http://ria.ru/analytics/20060724/51743307.html> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- ²⁶ Интервью с российским участником переговоров по ДВЗЯИ, ноябрь 2011 г.
- ²⁷ См. например: Jones S. and von Hippel F. Transparency Measures for Subcritical Experiments Under the CTBT. *Science and Global Security*. 1997. Vol. 6. P. 291–310.
- ²⁸ Slipchenko V. Там же.
- ²⁹ Литовкин В. Там же.
- ³⁰ См. например: Новая Земля, <http://novajazemlja.narod.ru/nuclear.htm> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- ³¹ Лесков С. Репортаж с Новой Земли: жизнь после ядерных взрывов. *Известия*, 18 ноября 2009 г., <http://www.izvestia.ru/news/355448> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- ³² Лесков С. Там же.
- ³³ Соколова Н. Генерал Юрий Соколов прощается с Новой Землей. *Правда Севера*, 2 февраля 2010 г., <http://www.pravdasevera.ru/?id=1051777806> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- ³⁴ Фаляхов Р. За нефть и газ стоит ледовая дружина. *Газета.ru*, 10 декабря 2014, <http://www.gazeta.ru/business/2013/12/10/5796761.shtml> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- ³⁵ Осипов С. Полигон номер раз. На Новой Земле продолжает работу ядерный объект РФ. *Аргументы и Факты*, 11 декабря 2013, <http://www.aif.ru/society/safety/1062347> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- ³⁶ Nekhai O., Isakova Y. Russia to build laser nuclear explosion simulation installation. *The Voice of Russia*, 2011, September 30, <http://english.ruvr.ru/2011/09/30/57370758.html> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

Максим Старчак

ГРОЗИТ ЛИ РЕЖИМУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ БРАЗИЛЬСКОЕ ОБОГАЩЕНИЕ УРАНА?

*Бразилия не должна быть колонизирована
путем технологической зависимости.*

Лозунг с плаката на входе
в Экспериментальный центр Арамар ВМС Бразилии.

Любая программа по обогащению урана в неядерном государстве является серьезным фактором международных отношений и вызовом международному режиму нераспространения ядерного оружия. Она оказывает заметное влияние на дискуссии по проблеме сохранения режима нераспространения ядерного оружия, эффективности деятельности таких международных организаций, как МАГАТЭ и ООН, а также значительно воздействует на многосторонние и двусторонние отношения.

Сохранность режима ядерного нераспространения возможна, если ко всем странам будут предъявляться единые требования. Бразильская программа по обогащению урана — это не только развитие национальной промышленности, но и вызов режиму ядерного нераспространения.

ОБ ИСТОРИИ БРАЗИЛЬСКИХ ПРОГРАММ ПО ОБОГАЩЕНИЮ УРАНА

Впервые Бразилия начала проводить ядерные исследования в 1930-е гг., когда на ее территории были открыты большие месторождения урана. Это стало началом ядерного сотрудничества с США. В 1945 г. было подписано первое секретное Соглашение между Бразилией и Соединенными Штатами в атомной сфере, по которому Бразилия обязывалась продать США 5000 тонн монацита¹ в течение 3-х лет².

Однако несогласие США передавать ядерные технологии в обмен на сырье вынудило президента Жетулио Варгаса развивать независимую ядерную программу. В 1951 г. был создан Национальный исследовательский совет под руководством Альваро Сильвы. В 1953 г. Сильва предложил развивать национальную ядерную программу, которая предусматривала бы производство обогащенного урана и строительство реакторов. Поддержку бразильскому научному и технологическому развитию он начал искать во всех возможных странах, кроме США.

В том же 1953 г. президент Бразилии Жетулио Варгас поставил перед Советом национальной безопасности задачу — возобновить исследования в сфере атомной энергетики с точки зрения национальной безопасности. Тогда же адмирал Альваро Альберто договорился с западногерманскими партнерами приобрести

А
Н
А
Л
И
З

у них 3 центрифуги, разработанные нацистами, для использования их в развитии программы по обогащению урана, однако сделка, оцениваемая в 80 тыс. долл., была предотвращена британскими оккупационными войсками после вмешательства со стороны США.

После смерти президента Варгаса исполняющий обязанности президента Кафе Филью (1954–1956) отменил национальную ядерную политику и заключил несколько соглашений с США о строительстве исследовательских реакторов, аренде обогащенного урана и изучении урановых запасов Бразилии.

С приходом нового президента Жуселину Кубичека в 1956 г. экспорт монацита прекращается и создается Национальная комиссия по ядерной энергии (НКЯЭ). В начале 1960-х гг. Бразилия пыталась получить французскую технологию диффузионного разделения изотопов урана, однако в 1964 г. переговоры были прерваны — французское правительство отказалось от сотрудничества с военным режимом, захватившим власть в Бразилии. В 1968 г. НКЯЭ приняла решение о строительстве первой АЭС *Ангра-дус-Рейс*³ мощностью 657 МВт, право на строительство которой получила американская *Westinghouse Electric Corporation*.

В 1967–1974 гг. Бразилия достигла наивысших показателей экономического роста в мире по внутреннему валовому продукту (ВВП) — 14%. Это в значительной степени было обеспечено сокращением расходов на оплату труда, повышением нормы прибыли, притоком иностранных капиталовложений и ростом внешних займов. Бразилия стала успешной промышленной и военной державой.

Однако в середине 1970-х гг. Бразилия впервые серьезно столкнулась с проблемами энергообеспечения. Электроэнергии, вырабатываемой на гидроэнергостанциях, не хватало, а импортировать уголь и нефть после нефтяного шока 1973 г. стало слишком дорого. Необходимо было искать альтернативные источники энергообеспечения.

Один из взоров был обращен на атомную энергетику. Однако встал вопрос, опираться исключительно на собственные силы и использовать собственный уран или делать ставку на импорт обогащенного урана. Более надежным и экономически выгодным был признан путь создания собственных технологий обогащения урана.

В 1975 г. руководство страны приняло стратегию достижения самодостаточности в ядерной области и подписало с ФРГ широкомасштабное соглашение в атомной сфере, одним из пунктов которого было строительство завода по обогащению урана. Планировалось, что завод по обогащению урана мощностью 300 тонн урана в год с обогащением 3,2% будет построен в Резенде, в 100 км от Рио-де-Жанейро, в течение 5 лет. На объекте взаимодействия двух стран должны были применяться гарантии МАГАТЭ в соответствии с трехсторонним соглашением, подписанным Бразилией, ФРГ и МАГАТЭ в феврале 1976 г.

Однако из-за экономических и технических проблем бразильско-немецкое сотрудничество развивалось проблематично. ФРГ контролировала ресурсы Бразилии, в то время как переданная ими технология обогащения методом согла Беккера оказалась чрезмерно энергоемкой и неэффективной в промышленных масштабах. Пилотный каскад установки был закрыт еще до того, как был получен первый обогащенный уран. Также развитию сотрудничества мешала отрицательная внешняя реакция как со стороны США, так и со стороны СССР.

Неудовлетворенность от сотрудничества с ФРГ на фоне быстрого развития ядерной программы главного регионального соперника Аргентины подтолкнула военное правительство Бразилии в 1979 г. к необходимости развития секретной параллельной ядерной программы, скрытой от международного контроля.

Параллельная ядерная программа была практически полностью отделена от гражданской ядерной энергетики и осуществлялась под фактическим руководством вооруженных сил. Программа имела несколько направлений исследований. Про-

ектом разработки центрифуг для обогащения урана, необходимых для производства ядерного топлива для атомных подводных лодок (АПЛ), получившим кодовое название «Циклон», занимался Исследовательский центр ВМС Арамар. Проект возглавил военно-морской офицер, адмирал Отон Луис Пинеиру да Силва, физик, только что вернувшийся с постдипломной практики у профессора Мэнсона Бенедикта из Массачусетского технологического института⁴, принимавшего участие в проекте *Манхэттен*.

Отон да Силва установил тесные связи с *Институтом изучения вопросов энергетики и ядерной физики (IPEN)*, который оказался единственной в Бразилии высокотехнологичной организацией, не связанной с корпорацией *Nuclebras*, занятой в германо-бразильском атомном проекте, подлежащем строгому контролю со стороны международных организаций.

За короткий срок программа ВМС добилась существенного успеха. 8 сентября 1982 г. группа ученых под руководством Отона да Силвы, используя только одну центрифугу, впервые в истории Бразилии получила опытный образец изотопно-обогащенного урана. Обогащение составило около 1,2%, в то время как для Ангра необходим был по крайней мере 3%-ный обогащенный уран⁵. По утверждению Отона да Силвы, разработка технологии обогащения урана стоила бюджету не более 200 млн долл.⁶

В 1986 г. Бразилия успешно освоила процесс обогащения урана до 20%⁷. Через год в эфире национального телевидения обеспокоенный успешным развитием ядерной программы Аргентины (по данным бразильского штаба вооруженных сил в 1982 г., Аргентина была уже в состоянии произвести бомбу, все зависело от политической воли⁸) о бразильском успехе вынужден был объявить президент Жозе Сарней. В этом 1987 г. Бразилии удалось создать каскад из 48 центрифуг, а в 1991 г. — уже из 500.

Ряд международных экспертов пришли к выводу, что Бразилия сможет создать свою атомную бомбу в течение 15–20 лет. Однако президент Национальной комиссии по ядерной энергии Назаре заверил, что Бразилия не будет превышать 20%-ный уровень обогащения, считая неуместным использование ядерных вооружений⁹.

Однако другие данные говорят, что, возможно, Бразилия больше использовала внешнюю поддержку, чем принято считать. По словам Дани К. Недэль из Вильсоновского центра, секретные документы и устные свидетельства ключевых бывших бразильских ученых и чиновников показывают, что Бразилия хотела обойти международно-правовые и политические препятствия, тайно покупая материалы и ноу-хау на черном ядерном рынке, в таких странах, как Китай. В декабре 1982 г. тогдашний президент Национальной комиссии по атомной энергии (CNEN) Рекс Назаре посетил Китай с целью покупки обогащенного урана у Китайской национальной ядерной корпорации¹⁰.

Точные контуры этой покупки остаются неясны. Однако, по словам бывшего советника бразильского Совета национальной безопасности, Бразилия обогащала в Китае собственный природный уран. Есть признаки того, что материал был доставлен в Китай между маем 1984-го и началом 1985 г. Позже полученный обогащенный уран хранился в *Экспериментальном центре ВМС Бразилии Арамар* в Иперу. Неясным остается уровень обогащения китайского урана: респонденты подтверждают, что это был высокообогащенный уран (ВОУ), но два источника утверждают, что это был оружейный уран (около 90% обогащения), а третий источник говорит об уране с обогащением выше 20%¹¹.

По некоторым данным, военные хотели использовать уран, обогащенный в Китае, чтобы проверить небольшое ядерное устройство. Другой источник утверждает, что заявление президента Сарнея в 1987 г. об обогатительных возможностях Бразилии были блефом и речь шла о китайском обогащенном уране¹².

Как бы то ни было, к концу 1980-х гг. в Бразилии усилились демократические силы, которые умерили аппетиты военных. В 1988 г. была принята новая конституция Бразилии, которая запретила использование ядерной энергии в целях, исключаяющих мирный характер. В 1990 г. была создана парламентская комиссия по исследованию параллельной ядерной программы, которая выявила, что Институт перспективных исследований ВВС разработал два устройства атомной бомбы: одна мощностью от 20 до 30 килотонн, а вторая — 12 килотонн¹³. Расследование также показало, что военное правительство Бразилии тайно перевезло 8 тонн урана в Ирак в 1981 г. и, предположительно, более 24 тонн оксида урана в Иран в начале 1980-х¹⁴.

С выходом доклада параллельная программа официально перестала функционировать. Однако, как заявил в августе 2005 г. бывший президент Национальной комиссии по ядерной энергии Жозе Луис Сантана, когда он вступил в должность, [в 1990 г.] бразильские вооруженные силы продолжали создавать ядерную бомбу, а также, что военные даже получили достаточное количество высокообогащенного урана из неопределенного источника¹⁵.

В 1990 г. новый президент Бразилии Фернандо Коллор де Мелло добился отмены абсолютного контроля военных над *параллельной* ядерной программой. Финансирование работ в области атомной энергетики было сокращено. Вследствие нехватки средств в 1996 г. ВМС были вынуждены временно отказаться от проекта создания АПЛ¹⁶. Однако производство обогащенного урана, переведенное в 1987 г. в Центр экспериментальных исследований *Арамар* в Иперу, какое-то время еще продолжалось. С августа 1994 г. по март 1995 г. 700 из 1600 сотрудников центра были уволены. Работы по обогащению урана в Иперу прекратились.

В 1993 г. в центре *Арамар* находилось 5600 ультрацентрифуг, объединенных в 14 каскадов, что позволяло производить до 5,5 тонн ядерного топлива в год¹⁷. В 1995 г. в *Арамаре* было около 1000 центрифуг¹⁸. К 1997 г. их число еще более уменьшилось и достигло 725 штук мощностью 2200–3600 ЕРР/год¹⁹. Производилось ли обогащение после 1997 г., сколько за это время было произведено урана и какой степени обогащения, до сих пор не известно.

БРАЗИЛИЯ И РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

О плюсах. Стремясь успокоить мировое сообщество, военные правительства Бразилии и Аргентины 20 мая 1980 г. решили подписать бразильско-аргентинское соглашение о мирном использовании ядерной энергии и техническом сотрудничестве с целью создания ядерного топливного цикла и координации ядерной политики. Президент Бразилии Жозе Сарней и аргентинский президент Рауль Альфонсин укрепили это сотрудничество в 1985 г. Совместной декларацией о ядерной политике. Президенты и технический персонал совершили взаимные визиты на ядерные установки обеих стран. Тем самым военные режимы пытались снизить внимание мировой общественности к своей деятельности и создать образ мирной и открытой ядерной программы.

28 ноября 1990 г. президенты Коллор де Мелло (Бразилия) и Карлос Менем (Аргентина) подписали вторую декларацию по общим вопросам ядерной политики, в которой оба правительства заявили о своей приверженности исключительно мирному использованию атомной энергии и созданию единой системы учета и контроля ядерных материалов. 18 июля 1991 г. Бразилией и Аргентиной было подписано Гвадалахарское соглашение, в соответствии с которым было создано Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов (АБАКК). Бразилия и Аргентина установили общую систему учета и контроля ядерных материалов, с тем чтобы ядерные материалы, используемые во всей ядерной деятельности обеих стран, не отвлекались на цели, запрещенные договором.

13 декабря 1991 г. Аргентиной, Бразилией, МАГАТЭ и АБАКК было заключено четырехстороннее соглашение о применении всеобъемлющих гарантий агентства. Соглашение предусматривало полномасштабные гарантии МАГАТЭ аргентинских и бразильских ядерных установок, но позволяло двум странам сохранять все права на любые технологические секреты, связанные с развитием ядерных программ.

С момента своего создания АБАКК выполнило более 1200 проверок на 75 ядерных объектах Аргентины и Бразилии. Действия по учету и контролю выполнялись группой из 10 профессиональных техников при поддержке 100 инспекторов, предоставленных двумя странами, с общей стоимостью около 20 млн долл. В итоге поставив свои ядерные установки под гарантии МАГАТЭ и АБАКК, а в 1996 г. став членом Группы ядерных поставщиков, Бразилия формально оформила себя как надежного члена режима нераспространения.

О минусах. Тем не менее Бразилия хотела оставить себе возможность для независимых действий в ядерной сфере. В частности Сенат Бразилии противился открытию своей ядерной программы, но под давлением МИДа ратифицировал четырехстороннее соглашение 9 февраля 1994 г. Однако, чтобы сохранить контроль и обойти соглашение, Сенат принял дополнительные поправки, защищающие промышленные секреты от возможных инспекций Арамарского центра со стороны МАГАТЭ. Также поправка запрещала инспекции МАГАТЭ вне обычного графика. Наконец Бразилии разрешили представить отчетные документы по уже обогащенному урану, но у МАГАТЭ и АБАКК не было способа, чтобы проверить эти цифры²⁰. Тем самым они оставляли возможность сохранить у себя любое количество урана любой степени обогащения, что давало повод критиковать политику Бразилии в сфере нераспространения.

В целом развитию бразильской ядерной программы способствовала ее юридическая свобода. До 1994 г. Бразилия уклонялась от ратификации договора Тлателолко о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Латинской Америке²¹, а до 1998 г. воздерживалась от присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Однако, присоединившись к ДНЯО, Бразилия добилась для себя некоторых послаблений.

Во-первых, Бразилия заявила, что не возьмет на себя больше обязательств по гарантиям или ограничениям, чем те, что она уже приняла в рамках Договора Тлателолко и четырехстороннего соглашения о гарантиях. *Во-вторых*, Бразилия, в соответствии с ДНЯО, будет иметь гарантированное право развивать мирную ядерную энергетику. Наконец Бразилия будет иметь возможности для сохранения и расширения своей ядерной инфраструктуры, в которую на протяжении многих лет вкладывался существенный финансовый и политический капитал.

О НАЧАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ПРОГРАММЫ ОБОГАЩЕНИЯ УРАНА

В 2000 г. *Indústrias Nucleares do Brasil (INB)* подписала контракт с бразильским флотом о создании в Резенде²² завода по обогащению урана²³ с использованием разработанных военными центрифуг. Предполагалось, что мощность завода будет составлять 100–120 тыс. ЕРР/год. Правительство Бразилии выделило 130 млн долл. на этот проект.

Первая заявленная цель амбициозной бразильской программы состояла в том, чтобы первый каскад завода по обогащению урана к 2012 г. обеспечил 60% потребностей в топливе двух энергоблоков единственной бразильской АЭС: *Ангра-1* мощностью 637 МВт и *Ангра-2* мощностью 1350 МВт. До сих пор Бразилия обеспечивала себя топливом для ядерных реакторов следующим образом: урановый концентрат отправляли в канадскую *Cameco* для изготовления гексафторида урана (UF₆), который затем направлялся в Европу на завод *Urenco* по обогащению урана. После обогащения урановый концентрат возвращался в Бразилию в INB для

изготовления уранового порошка, который затем использовался для производства урановых таблеток, основного элемента тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов. Все это обходилось бюджету Бразилии в 25–30 млн долл. в год.

Вторая цель состоит в том, чтобы к 2015–2020 гг. выйти на самообеспечение и даже превратиться в экспортера обогащенного урана.

INB планировала пустить в эксплуатацию первый каскад с 20 000 ЕРР/год к концу 2001 г.²⁴. Однако из-за бюджетных ограничений ввод в эксплуатацию был перенесен сначала на июль 2002 г., потом на начало 2003-го, а затем и на 2004 г. Открыли завод только в 2006 г.

КРИТИКА ДНЯО И КОНФЛИКТ С МАГАТЭ

В 2003 г. к власти в Бразилии пришел социалист Лула да Силва, который во время предвыборной кампании яростно критиковал ДНЯО, назвав его несправедливым и устаревшим. В своей речи в сентябре 2002 г. он подверг критике ДНЯО в качестве несправедливого, благоприятствующего США и другим странам, уже имеющим ядерное оружие, спрашивая: «Если кто-то просит меня разоружиться и держать рогатку, пока он смотрит на меня с пушкой, что мне делать?»²⁵.

В то же время только что назначенный министр науки и техники Роберто Амарал также заявил, что Бразилия является мирной страной, которая всегда оберегала и защищала спокойствие в мире, но мы не можем отказаться от любой формы научного знания, будь то геном, ДНК или ядерное деление²⁶, добавил Амарал.

На этом фоне в 2003 г. бразильское руководство заявило о переходе к процессу обогащения урана в краткосрочной перспективе у себя в стране и намерении через 10 лет начать экспорт данной услуги, а также о возобновлении работ по созданию АПЛ.

В 2003 г. завод по обогащению урана в Резенде был открыт. Директор *INB* Карлос Морейра Фрейре заявил, что с данным заводом Бразилия будет девятой страной в мире, имеющей потенциал для обогащения урана в промышленных масштабах²⁷. Эти слова подтвердил министр науки и технологий Роберто Амарал, также заявив, что программа обогащения урана не может и не должна быть остановлена²⁸.

Эта информация стала поводом для проверки объектов Резенде инспекторами МАГАТЭ. Однако *INB* отказалась допустить инспекторов, что вызвало большие подозрения по поводу истинных ядерных намерений Бразилии. Атомщики мотивировали свой отказ желанием защитить информацию, представляющую коммерческую тайну. В Бразилии опасались, что США окажут давление на МАГАТЭ, чтобы получить технологии более экономичного обогащения урана. Как настаивают местные ученые, разработанные ими центрифуги в 25 раз эффективнее тех, что используются во Франции и США²⁹. Однако ведущий эксперт по вопросам энергии физик Жозе Гольдемберг из Университета Сан-Паулу считает, что в других странах есть более современное оборудование³⁰.

Нежелание допускать инспекторов подняло волну подозрений за рубежом. Некоторые наблюдатели отмечали, что, по их оценкам, в Резенде может производиться высокообогащенный уран (ВОУ), достаточный для изготовления шести бомб в год³¹. Бразильские власти это яростно отрицали. Мы можем обогащать уран до 5% и нам понадобились бы десятилетия, чтобы добиться 90%-ного обогащения (необходимого для создания бомбы. — **М. С.**), говорил Одэр Гонсалвеш, президент Бразильской комиссии по ядерной энергии. Однако бывший инспектор ООН Дэвид Олбрайт сказал, что работал с Гонсалвешем в Бразильском физическом обществе и знает, что бразильские центрифуги могут быть использованы для производства ВОУ, даже если этого не было в первоначальных планах использования. «Центрифуги легко перенастраиваются. Изменение конфигурации каскадов или

вторичное использование обогащенного урана может привести к производству оружейного урана»³², — заявил Олбрайт.

Появились подозрения, что Бразилия ведет незаявленную ядерную деятельность, страну стали сравнивать с Ираном. Предполагалось, что отказ визуального осмотра связан с тем, что центрифуги на самом деле имеют нелегальное происхождение: либо они получены через сеть пакистанского ученого Абдул Кадыр Хана³³, либо через Карл-Хайнца Шааба, бывшего сотрудника MAN Technologie AG в Германии, фирмы, которая разработала центрифуги для обогащения урана европейского консорциума *Urenco*. Существует мнение, что Шааб и другие эксперты помогали Бразилии³⁴. Отсюда следует, если бы инспекторы МАГАТЭ увидели бразильские центрифуги, они смогли бы обнаружить факты передачи технологий *Urenco*.

В ответ МИД Бразилии выступил с заявлением о недопустимости сравнивать Бразилию со странами, ведущими незаявленную ядерную деятельность³⁵. В то же время президент Лула сам сравнивал программы Бразилии и Ирана, заявив в сентябре 2005 г.: «Если Иран хочет обогащать уран, если он хочет развивать мирную ядерную программу, так же как это делает Бразилия, это его право». По его словам, Иран не должен быть наказан только из-за подозрений Запада в его желании создать атомную бомбу³⁶.

Бразильские власти отвергали все обвинения и считали требования МАГАТЭ неуместными, потому что Бразилия является единственной страной в мире, находящейся под контролем двух учреждений — МАГАТЭ и АБАКК.

Тем не менее после нескольких месяцев напряженных переговоров в ноябре 2004 г. Бразилия подписала с МАГАТЭ соглашение об инспекциях на Резенде, слегка сбив волну критицизма в свой адрес. Бразилия позволила МАГАТЭ провести проверку всех видов деятельности Резенде, за исключением посещения зала центрифуг для визуального осмотра. Критика в адрес Бразилии спала, формально подозрения были развеяны.

СОМНИТЕЛЬНОСТЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАВОДА В РЕЗЕНДЕ

Несмотря на удачное разрешение конфликта из-за нерегулярного финансирования, завод в Резенде не удавалось ввести в промышленную эксплуатацию. Только в 2006 г. INB объявила о пуске первой очереди завода. Предполагается, что он будет состоять из четырех модулей общей мощностью 115 000 ЕРР/год. Каждый модуль будет состоять из четырех или пяти каскадов 5000–6000 ЕРР/год³⁷. Первая очередь завода должна была обеспечить 60–70% потребностей двух энергоблоков АЭС *Ангра*³⁸.

В ноябре 2009 г. был введен второй каскад центрифуг. Однако производственный план не был выполнен. Производство запустили с задержкой, и вместо запланированных 12 тонн к концу 2009 г. удалось произвести только 730 кг 4%-ного обогащенного урана. Третий каскад центрифуг был введен 30 декабря 2010 г.

Три каскада в настоящее время произвели около 3 тыс. кг 4%-ного обогащенного урана, обеспечив около 5,5% потребности страны. На этом этапе завод покрывает 60% потребности в топливе станции *Ангра-1* и *-2*, а недостающее количество обеспечивается трудностями поставок оборудования и финансирования.

Как показывают цифры, жизнеспособность завода в Резенде, как в настоящее время, так и в будущем, вызывает большие сомнения. Еще в 2000 г. управляющая компания INB сообщила, что рентабельность завода в Резенде зависит от завершения строительства энергоблока *Ангра-3* и продажи топлива за рубеж³⁹.

Строительство *Ангра-3* мощностью 1229 МВт в 2010 г. спустя 24 года после заморозки проекта было продолжено французской компанией *Areva*. Ввод в эксплуатацию намечен на 2018 г.

В плане развития атомной отрасли Бразилии на период до конца 2022 г. говорится о том, что страна сможет обеспечить все потребности своих энергоблоков АЭС и будет продавать обогащенный уран в качестве топлива для АПЛ и АЭС в Китай и другие страны Азии⁴⁰. В 2005 г. министр науки и технологий Бразилии Эдуардо Кампос заявил, что в течение ближайших 20 лет Бразилия может стать одной из немногих стран, поставляющих ядерное топливо на мировой рынок⁴¹. Обосновывая это тем, что бразильская технология более экономична, чем мировые аналоги, а также тем, что рынок услуг обогащения урана в 2001 г. превысил 18 млрд долл. и постоянно растет⁴².

Однако специалисты из Ассоциации по контролю над вооружениями (США) считают, что экспортные амбиции раздуты. По их мнению, на рынке существует избыток урана, а значит, коммерческая состоятельность Резенде под большим вопросом⁴³. Кроме того, бразильские центрифужные технологии, декларируемые как инновационные, на самом деле широко известны, считают эксперты⁴⁴. Это подтверждают переговоры президента Лулы да Силвы в ноябре 2010 г. с компаниями Южной Кореи, Китая и Франции на предмет возможного экспорта урана в эти страны. Тогда только французская компания *Areva* посчитала *вполне возможным* партнерство в конверсии и обогащении урана, но контракт не заключила.

Данные переговоры совпали с завершением технико-экономического обоснования завода по обогащению урана в Бразилии. Как сообщает влиятельное бразильское издание *О Эштадо до Сан Пауло*, доклад настоятельно рекомендует производство обогащенного урана для экспорта и полагает, что страна может заработать 1,5 млрд долл. в год на этом рынке⁴⁵. ТЭО позволило *INB* говорить о привлечении 420 млн долл. для начала строительства в 2012 г. второй очереди завода в Резенде⁴⁶, оснащенного 16 каскадами обогатительных машин мощностью 203 000 ЕРР. К 2015–2020 гг. это поможет Бразилии достичь топливной независимости и даже превратиться в экспортера урановых услуг⁴⁷.

Даже не принимая во внимание возможное появление новых АЭС в Бразилии, завод в Резенде не может обеспечить и существующие энергоблоки. Экспорт обогащенного урана и коммерческая эффективность завода пока остаются в нереализованных планах. История развития завода по обогащению урана показала его большее политическое, нежели экономическое, значение для Бразилии. Бразилии важнее было показать свое техническое, промышленное и научное лидерство в регионе, а не снизить финансовую нагрузку на развитие атомной энергетики в стране.

О ЗАПАСАХ УРАНА В БРАЗИЛИИ

Бразилия занимает седьмое место в мире по извлекаемым ресурсам урана — 277 тыс. тонн. Однако, согласно *INB*, исследования, разведка и геологические поиски урана были проведены только на 25% национальной территории, на глубине не более 100 метров. Основные открытия месторождений произошли между 1973-м и началом 1980-х гг., когда запасы урана увеличились с 6,3 тыс. до 309 тыс. тонн. За последние 20 лет эволюция запасов была незначительной⁴⁸.

В 2009 г. *INB* объявила, что Бразилия поднимет добычу урана на руднике Лагоа-Реал/Каэтите с 340 тонн в год до примерно 1200–1360 тонн к 2012 г.⁴⁹. Впоследствии планы скорректировались до 680 тонн к 2015 г. Ресурсы рудника оцениваются в 93 тыс. тонн.

В 2008 г. *INB* договорилась с компанией Гальвани, производителем удобрений, восстанавливать уран из фосфатов, добытых на месторождении Санта-Китерия. Запасы месторождения оцениваются в 76 тыс. тонн урана с содержанием 0,08% U⁵⁰. Если лицензия на новый рудник будет получена в 2014 г., то производство стартует в 2017 г. Ожидается, что на месторождении Санта-Китерия можно будет добывать в год до 1200 тонн с перспективой расширения до 1600 тонн⁵¹.

Также в Бразилии имеются еще три разведанных месторождения: Фигейра с запасами в 6,8 тыс. тонн; Эспиньярас — 8,5 тыс., Аморинополис — 20 тыс. тонн⁵², работы по которым не ведутся.

Пока для загрузки двух блоков АЭС Бразилии необходимо около 320–400 тонн урана в год. За последние 8 лет добыча урана выше 345 тонн не поднималась. По итогам 2012 г. удалось добыть только 231 тонну, что на 13% меньше, чем в 2011 г. Однако добыча урана на территории Бразилии пока не позволяет обеспечить даже имеющиеся реакторы АЭС. Так, у *INB* было достаточно урана для перезагрузки первого блока АЭС *Ангра* в марте 2014 г., однако перезагрузку *Ангры-2* во втором полугодии 2014 г., возможно, придется осуществлять с привлечением импорта, который, по мнению *INB*, будет стоить около 33 млн долл.⁵³ Проблема еще в том, что государство не обладает монополией на добычу урана. Правительство требует у частных компаний сообщать, если они сталкиваются с ураном при извлечении других полезных ископаемых.

Дефицит урана будет нарастать. С вводом *Ангры-3* при создании реакторов АПЛ и исследовательского реактора потребности могут возрасти до 800 тонн в год. Кроме этого не стоит забывать о существующих планах по строительству как минимум еще четырех энергоблоков до 2030 г. Так, в ходе визита Президента России В. В. Путина в июле 2014 г. между *Русатом Оверсиз* и бразильской *Samargo Correa* было подписано соглашение, предусматривающее возможность совместной работы по сооружению новых энергоблоков. Семи энергоблокам АЭС на 80 лет эксплуатации потребуется около 110 тыс. тонн урана. Бразилия вынуждена будет импортировать уран из других стран, а значит, ни о каких экспортных перспективах Резенде не может быть и речи.

Это подтверждает и тем, что в мае 2014 г. Бразилия направила 119 тонн уранового концентрата во Францию для дальнейшего обогащения и возвращения в Резенде для производства топлива. С вводом завода по обогащению урана в Резенде политика Бразилии по обеспечению себя ядерным топливом не поменялась, и в ближайшее время не поменяется. Бразилия не может обеспечить свои заводы по обогащению урана собственным сырьем, а сами заводы не способны обеспечить потребности бразильской атомной промышленности.

СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННАЯ ПРОГРАММА ПО ОБОГАЩЕНИЮ УРАНА: СКРЫТЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕСКРЫВАЕМЫЕ ЖЕЛАНИЯ

С приходом к власти Лулы да Силвы было заявлено, что Бразилия намерена в ближайшие десятилетия построить и ввести в боевой состав шесть АПЛ⁵⁴, сделав свой подводный флот мощнейшим в Южной Америке. Бразилия, претендуя на роль регионального лидера, должна была показать свое промышленное и военное превосходство в регионе. Однако, несмотря на заявление о возобновлении работ по строительству АПЛ, финансирование ядерных программ было недостаточным. Только в 2007 г. президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва объявил о возобновлении ядерных программ и заявил, что если раньше денег не хватало, то теперь этого не произойдет⁵⁵. В течение восьми лет Бразилия должна направить около 540 млн долл. для завершения своей ядерной программы по созданию АПЛ, включающей прежде всего открытие завода по обогащению урана с 10 каскадами мощностью в 40 тонн в год. Новые мощности по обогащению урана должны были обеспечить сырьем не только реакторы АПЛ, но и экспериментальный реактор.

В 2008 г. особая роль атомного подводного флота в обеспечении безопасности прибрежных месторождений полезных ископаемых была подтверждена в обновленной Стратегии национальной безопасности, в соответствии с которой производятся формирование, содержание, подготовка и перевооружение войск.

При этом пока не понятно, зачем Бразилии атомный флот. *Во-первых*, говорилось, что решение вооружиться АПЛ никак не связано с воссозданием американского

АНДРЕЙ ФРОЛОВ (главный редактор журнала *Экспорт вооружений* Центра анализа стратегий и технологий):

При обосновании решения о начале работ над АПЛ в Бразилии использовались следующие доводы: протяженность бразильской береговой линии составляет 7400 км, и наличными силами практически невозможно ее прикрыть на всех участках. А АПЛ представляет собой высоко-мобильное средство защиты, в первую очередь от возможных десантов на территорию страны. При этом наличие АПЛ в составе бразильских ВМС даст им неоспоримое превосходство над любым другим флотом в Латинской Америке, включая аргентинский, который традиционно рассматривался в качестве вероятного противника № 1.

Четвертого флота ВМС, ответственного за Карибский бассейн, Центральную и Южную Америку. Во-вторых, в Стратегии национальной безопасности указывается, что у Бразилии нет врагов в регионе и в обозримом будущем они не появятся⁵⁶.

МАГАТЭ разрешает строительство АПЛ, однако инспекторы МАГАТЭ не имеют возможности инспектировать военные объекты. Другими словами, как только поставляемый уран прошел через ворота завода, на котором строятся АПЛ, он может быть использован для любых целей, в том числе для производства ядерного оружия⁵⁷.

По мнению сотрудника Центра исследований военно-воздушных сил Западного авиационно-

го командования (Нью-Дели, Индия) Дебалины Гошал, так как АПЛ требуют обогащенного урана, Бразилия развитием подводного флота могла бы замаскировать создание ядерного оружия⁵⁸.

Желание Бразилии стать морской державой и войти в узкий круг обладателей АПЛ говорит о ее стремлении заявить о себе как о мировой державе и амбициях на постоянное членство в Совете Безопасности ООН. В долгосрочной перспективе, по мнению Дебалины Гошал, Бразилия может увеличить свои амбиции, начав преобразовывать подводные лодки в подводные лодки, способные нести крылатые ракеты с ядерным оснащением⁵⁹.

В 2011 г. ВМС получили около 120 млн долл. на строительство завода по обогащению урана, а в феврале 2012 г. в Арамарском центре ВМС открылась первая очередь завода. Технические детали работы основаны на исследованиях, проведенных в 1990-е гг. в Институте энергетических и ядерных исследований Бразилии. Мощность завода — 9 тыс. ЕРР в год.

Подозрения в скрытых мотивах подогревались многочисленными выступлениями высшего руководства Бразилии. Так, в ноябре 2007 г. бразильский генерал из министерства обороны и консультант Постоянного представительства Бразилии при ООН Жозе Морейра испугал общественность следующим заявлением: «Если правительство примет решение, мы сможем в будущем создать ядерное оружие... Мы не можем не обращать внимание на ситуацию в мире <...> в котором существует дефицит воды, энергии, продовольствия и полезных ископаемых. Бразилия богата всеми перечисленными ресурсами. По этой причине мы должны быть сильны, контролируя к ним доступ»⁶⁰.

Через два года, в сентябре 2009 г., уже вице-президент Жозе Аленкар поддержал идею создания Бразилией ядерного оружия. Для страны с границей, протяженностью 15 000 километров, богатой морскими месторождениями нефти, это оружие будет не только важным инструментом сдерживания, но и станет средством повышения ее значения на международной арене, заявил Аленкар⁶¹. Можно предположить, что вице-президент знал, что несколько дней назад офицер бразильской армии Далтон Эллери Жирау Баррозу в Военно-техническом институте защитил докторскую диссертацию, в которой разработал математические принципы ядерного оружия, похожего на ядерные боеголовки W89, используемые в американских

и английских ракетах. Тем самым он подтвердил, что Бразилия уже имеет знания и технологии для разработки атомной бомбы.

ПРОБЛЕМА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОТОКОЛА

Ратифицировав в 1998 г. ДНЯО, Бразилия не подписала дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ от 1997 г., который предусматривает неограниченное инспектирование МАГАТЭ без предварительного уведомления. После заявления о начале промышленного обогащения урана в 2003 г. МАГАТЭ предложило Бразилии подписать дополнительный протокол. Однако бразильский МИД заявил, что расширять меры в соответствии с дополнительным протоколом «в случае такой страны, с открытым демократическим обществом и сильной репутацией в плане соблюдения своих обязательств в сфере нераспространения, как Бразилия, нет необходимости»⁶².

В дальнейшем при обсуждении вопроса о подписании дополнительного протокола бразильские власти обращали внимание на необходимость разоружения со стороны ядерных государств⁶³. Кроме того, особую обеспокоенность у местных специалистов вызывают строгие проверки. Бразилия не хотела бы в дальнейшем ограничивать свою автономию в ядерной программе⁶⁴.

По мнению профессора Жозе Гольдемберга, отказ от протокола вызывает подозрения, что часть обогащенного урана в Бразилии в настоящее время используется для производства ядерного оружия. Заявления о том, что это с новыми инспекциями Бразилия может лишиться своих эксклюзивных технологий, по мнению профессора, не являются аргументом, так как другие страны, обогащающие уран и подписавшие ДНЯО, допускают инспекторов МАГАТЭ⁶⁵.

Национальная стратегия обороны 2008 г. говорит о том, что Бразилия не будет подписывать протокол к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ, пока ядерные державы не добьются прогресса в области ядерного разоружения⁶⁶. Однако даже после подписания нового Договора о сокращении СНВ Россией и США политика Бразилии не изменилась. В новой Стратегии национальной обороны вышеперечисленный пункт был сохранен⁶⁷.

Обоснование политики ограничений инспекций стало ясно на заседании Группы ядерных поставщиков (ГЯП) в январе 2009 г., где представители Бразилии активно сопротивлялись принятию каких-либо обязательств, которые могли бы привести к большей прозрачности ядерной программы по созданию АПЛ⁶⁸.

В 2010 г. МАГАТЭ в очередной раз предложило Бразилии подписать дополнительный протокол, но получило отказ от министра обороны Нельсона Жобима. Министр добавил, что Бразилия также не станет вводить дополнительные ограничения (предъявляемые МАГАТЭ всем экспортерам обогащенного урана) на продажу урана в третьи страны⁶⁹.

Директор отдела по разоружению и чувствительным технологиям МИД Бразилии Сантьяго Моурао указывает, что именно министерство обороны, и в частности военно-морской флот, является основным противником подписания дополнительного протокола. Адмирал Отон Пинеиро, ныне президент *Eletronuclear*, отметил, что военно-морской флот был очень озабочен навязчивыми проверками, которые могли бы раскрыть наиболее чувствительные технологии Бразилии. Существует также группа в бразильском руководстве, которая верит, что присоединение к ДНЯО было ошибкой, потому что это означает принятие своего рода статуса государства второго класса. Эта группа считает, что дополнительный протокол будет усугублять эту ошибку. Предполагается, что бразильские технологии обогащения были незаконно получены из Германии и Бразилия хотела скрыть доказательства этому⁷⁰.

Однако несмотря ни на что, если Бразилия хочет оставаться надежным членом режима нераспространения и не подвергаться критике, она должна выполнять все международные нормы, а не выборочные.

ПОЗИЦИЯ США И СРАВНЕНИЕ С ИРАНОМ

По мнению Джеймса Гудби, бывшего переговорщика по контролю над вооружениями в администрации Билла Клинтона, бразильские ядерные устремления лежат в области экономики и статуса. Бразилия — демократическое государство и партнер США в регионе⁷¹. И это несмотря на стремление бывшего президента Лулы да Силвы отстаивать собственные цели и интересы. Лула да Силва критиковал *лицемерную американскую торговую политику*, которая, по его мнению, позволяет США защищать собственную промышленность, отрицая интересы таких стран, как Бразилия. Он также сопротивлялся диктату экономической политики со стороны МВФ и Всемирного банка и призывал лидеров других стран сделать то же. Делал да Силва и другие шаги, направленные на дистанцирование от американской политики.

Тем не менее США отказались от стратегии давления 1970-х гг., которая привела к последующей потере рынка для атомной промышленности. Официальная позиция Белого дома свелась к тому, что у США нет обеспокоенности по поводу возможного распространения ядерного оружия Бразилией. Так, официальный представитель госдепартамента США Шон Маккормак дал понять, что разница с ситуацией вокруг Ирана заключается в вопросе доверия к Рио-де-Жанейро⁷². Мы не можем сравнивать демократический строй Бразилии с тоталитарным режимом, как в Северной Корее или Иране, дополнил бывший госсекретарь США Колин Пауэлл⁷³.

Позже, посетив Бразилию и побывав на бразильских ядерных объектах, в интервью 5 октября 2004 г. бразильскому телеканалу *Глобо* Колин Пауэлл сказал, что Соединенные Штаты считают, что Бразилия не имеет желаний, планов и заинтересованности в создании ядерного оружия, а стремится развивать ядерно-энергетическую программу в мирных целях. Также бывший госсекретарь выразил надежду, что со временем Бразилия проявит мудрость и присоединится к дополнительному протоколу МАГАТЭ⁷⁴.

Таким образом, ни США, ни кто-либо другой в 2005 г. не пошли по пути убеждения Бразилии отказаться от завода в Резенде, хотя такие идеи были⁷⁵. Как справедливо указывает Жаклин Шир, старший аналитик вашингтонского Института науки и международной безопасности, США не должны поддерживать двойные стандарты, когда речь идет о попытках разработки мощностей по обогащению урана⁷⁶.

Бернард Аронсон, бывший помощник государственного секретаря по межамериканским делам с 1989 по 1993 г., в статье в *Нью-Йорк Таймс* 3 апреля 2012 г. призвал Бразилию добровольно завершить свою программу обогащения урана, став тем самым примером Ирану⁷⁷. Это вызвало негативную реакцию среди общественности и ученых Бразилии.

Нельзя утверждать, что Бразилия стремится получить ядерное оружие, но ее напористая военно-промышленная политика, отказ подписать дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ и погоня за технологиями ядерного двигателя должны заставить задуматься американских политиков и аналитиков в области нераспространения⁷⁸, как бы отвечает им Трэвис Стэлкап, научный сотрудник Школы государственной и общественной службы им. Джорджа Буша Техасского университета A&M.

Несмотря на то что вряд ли Бразилия ведет недеклалируемую деятельность, важен потенциал. По мнению исследователей Лиз Палмер и Гэри Милхоллина, у завода в Резенде есть потенциал, чтобы произвести достаточно материала для создания

до 6 боеголовок в год; при условии загрузки всех мощностей потенциал завод вырастет до 63 боеголовок в год⁷⁹.

Для США, по мнению их посольства в Бразилии, существуют две тенденции в ядерной области Бразилии, являющиеся причиной для беспокойства. *Во-первых*, Бразилия стремится быстро расширить свою ядерную деятельность, в частности посредством разработки технологий обогащения и переработки урана и ядерных разработок под контролем военно-морских сил. *Во-вторых*, Министерство иностранных дел и другие официальные лица правительства Бразилии становятся менее полезными в сфере нераспространения под предлогом того, что государства, обладающие ядерным оружием, должны прилагать большие усилия в разоружении, несмотря на все свидетельства прогресса в этой области. Кроме того, США не довольны позицией Бразилии, отказывающейся четко выступить против ядерных усилий Ирана, заявляя о его праве на развитие ядерной энергии в мирных целях и ставя под сомнение выводы МАГАТЭ о том, что некоторые действия Ирана не совместимы с мирной ядерной программой. Если эти тенденции сохранятся, это может осложнить наши глобальные инициативы в области нераспространения и в то же время подвергнуть искушению некоторые другие правительства подумывать о возможности развития оружейных технологий, если не о самом оружии⁸⁰.

Тем самым нельзя сказать, что бразильские программы по обогащению урана не беспокоят США, однако в публичное пространство эти обеспокоенности, в отличие от ситуации с Ираном, не выходят. Хотя в сравнении с Ираном Бразилия вовсе не безупречна.

Так, Иран вступил в ДНЯО в 1970 г., а Бразилия только в 1998 г. Иран подписал дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ, а Бразилия категорически отказывается это делать. Высшее руководство Ирана всегда подтверждало свою приверженность отказу от ядерного оружия, а бразильские чиновники, как показано в данной статье, открыто критикуют ДНЯО, а некоторые даже выступают за право обладания ядерным оружием. Иран никогда не делал шагов, которые могли бы быть расценены как стремление к созданию ядерного оружия, Бразилия же, вероятно, тайно скупала обогащенный уран и, по некоторым сведениям, готовилась к проведению подземного испытания собственной бомбы в конце 1980-х — начале 1990-х гг.⁸¹.

Молчаливое согласие США на развитие ядерных программ Бразилии может объясняться как причинами геополитического характера: близость к региону Латинской Америки и нежелание вступать в разногласия с ведущей экономической данного региона, — так и демократичным характером понятного политического режима в Бразилии, чего нельзя сказать о непредсказуемом для США Иране. Однако режим ядерного нераспространения слишком важная вещь, чтобы зависеть от политической конъюнктуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время Бразилия свободно развивает две программы промышленного обогащения урана на заводах в Резенде и Иперу. Оба завода имеют амбициозные программы развития. Завод в Резенде расширяет объемы производства топлива для бразильских АЭС и возможного экспорта, хотя коммерческая эффективность завода в настоящее время отсутствует. Завод в Иперу готовится к расширению производства для обеспечения строящихся АПЛ ядерным топливом, хотя зачем АПЛ стране, более века не ведущей никаких войн. Перед мировым сообществом это ставит закономерные вопросы об истинных мотивах.

Еще большие вопросы возникают, когда мы вспоминаем о том, что Бразилия несколько лет проводила спорные исследования, затягивала процесс ратификации ДНЯО, в настоящее время не подписывает дополнительный протокол, скрывая от контроля МАГАТЭ центрифуги в Резенде, программу АПЛ в Иперу. И это на фоне

многочисленных заявлений руководства страны о возможностях создать ядерную бомбу в прошлом и такой возможности в будущем.

Бразилия рассматривается как *командный игрок*, получивший *зеленый свет* от США и в целом от мирового сообщества. Почему так происходит: Иран с похожими претензиями выставлен страной-изгоем, а Бразилия — промышленным лидером региона? Ответом выступает демократический режим Бразилии. Однако ДНЯО должен быть единым для всех государств независимо от особенностей политического режима. Да, Бразилия вряд ли создает ядерное оружие, однако проведенное исследование позволяет сделать вывод, что она имеет все возможности для овладения технологиями его изготовления, а значит, ее политика в этой области должна отвечать всем требованиям транспарентности.

Примечания

¹ Радиоактивный минерал. В монаците обычно содержится от 3,5 до 10% оксида тория (ThO_2) и 0,1–0,4% оксида урана (U_3O_8).

² Ana Maria Ribeiro de Andrade. Conflitos políticos no caminho da autonomia nuclear brasileira/Associação Nacional de História — ANPUH XXIV Simpósio nacional de história, 2007. <http://snh2007.anpuh.org/resources/content/anais/Ana%20Maria%20Ribeiro%20de%20Andrade.pdf> (последнее посещение — 16 мая 2014 г.).

³ Блок *Ангра-1* с реактором *PWR-630* был сдан в коммерческую эксплуатацию 1 января 1985 г.

⁴ Позже ставший президентом корпорации *Электронуклеар*, занимающейся сегодня эксплуатацией реакторов *Ангра-1* и *Ангра-2*.

⁵ Kuramoto R., Appoloni C. Uma Breve História da política nuclear brasileira, <http://www.periodicos.ufsc.br/index.php/fisica/article/viewFile/6612/6104> (последнее посещение — 16 июля 2014 г.).

⁶ Pinheiro da Silva 1995; Flores 1991. См.: Barletta Michael. The Military Nuclear Program in Brazil. Center for International Security and Arms Control. Stanford University. August, 1997. P. 9.

⁷ FeldmanYana. Brazil, http://www.sipri.org/research/disarmament/nuclear/researchissues/past_projects/issues_of_concern/brazil/brazil_default (последнее посещение — 9 апреля 2014 г.).

⁸ Ciência: Fissura nuclear. Teoria e Debate nº 02 — março de 1988 publicado em 2006, 29 Março, <http://www.fpa.org.br/o-que-fazemos/editora/teoria-e-debate/edicoes-antiores/ciencia-fissura-nuclear> (последнее посещение — 9 апреля 2014 г.).

⁹ OEdSP 9/6/87; FdSP 9/6/87; Spector with Smith 1990:247, 250. См.: Barletta Michael. The Military Nuclear Program in Brazil. Center for International Security and Arms Control Stanford University, August, 1997. P. 7.

¹⁰ Nedal Dani K.. Brazilian Nuclear Cooperation with the People's Republic of China, <http://www.wilsoncenter.org/publication/brazilian-nuclear-cooperation-the-peoples-republic-china> (последнее посещение — 29 мая 2014 г.).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Menges Constantine C. Brazil's Lula da Silva, Castro and China. *The Washington Times*. 2002, December 10; Brazil: Nuclear Weapons Programs. *GlobalSecurity.Org*, Updated 2005, April 28.

¹⁴ Valerie Lincy and Kelly Motz, Nuclear Cheating: A well-worn path, *Iran Watch Bulletin*. 2005, July 22 Vol. 1, Is. 4.

¹⁵ Ex-Leader Says Brazil Pursued A-Bomb. Associated Press. 2005, August 8; Brazil Nearly Built Bomb in 1990s, Scientist Says. *Associated Press*. 2005, August 30.

¹⁶ Renato Yoichi Ribeiro Kuramoto, Carlos Roberto Appoloni. Uma breve história da política nuclear brasileira. *Caderno Brasileiro de Ensino de Física*. Dezembro, 2002. Vol. 19, No 3. P. 387.

- ¹⁷ Geraldo Lesbat Cavagnari Filho. R&D Militar: Situacao, Avaliacao e Perspectivas. <http://www.unicamp.br/nee/premissas/prem5.1.pdf> (последнее посещение — 9 апреля 2014 г.).
- ¹⁸ См.: Barletta Michael. The Military Nuclear Program in Brazil. Center for International Security and Arms Control. Stanford University. P. 7.
- ¹⁹ States Formerly Possessing or Pursuing Nuclear Weapons, <http://nuclearweaponarchive.org/Nwfaq/Nfaq7-4.html> (последнее посещение — 9 апреля 2014 г.).
- ²⁰ Brazil-Nuclear Programs, http://www.mongabay.com/history/brazil/brazil-nuclear_programs.html (последнее посещение — 29 мая 2014 г.).
- ²¹ Подписан в 1967 г.
- ²² До этого Резенде занимался только производством ядерного топлива производительностью 120 т урана в год.
- ²³ Положительное экологическое заключение по разделительному заводу было выдано соответствующим бразильским органом в 1996 г. Но дожидаться лицензии от национальной комиссии по ядерной энергии атомщикам пришлось 13 лет — они получили ее только 5 января 2009 г.
- ²⁴ Uranium Enrichment and Fuel Fabrication — Current Issues. Brazil, <http://www.wise-uranium.org/erproj.html#RESENDEENR> (последнее посещение — 16 мая 2014 г.).
- ²⁵ Relations With U.S. a Challenge for Leftist Elected in Brazil. 2002, October 31, <http://www.nytimes.com/2002/10/31/world/relations-with-us-a-challenge-for-leftist-elected-in-brazil.html> (последнее посещение — 29 мая 2014 г.).
- ²⁶ Brazil Needs A-Bomb Ability, Aide Says, Setting Off Furor. 2003, January 9, <http://www.nytimes.com/2003/01/09/world/brazil-needs-a-bomb-ability-aide-says-setting-off-furor.html> (последнее посещение — 10 мая 2014 г.).
- ²⁷ Gandra Alana. Usina de enriquecimento de urânio está pronta. 2006, January 21, http://www.ubaweb.com/revista/g_mascara.php?grc=9131 (последнее посещение — 9 апреля 2014 г.).
- ²⁸ Urânio: Brasil não é contra a inspeção internacional, mas contra aumento da inspeção que pode apropriar-se da tecnologia desenvolvida pelo país. de 05 de Janeiro de 2004, <http://www.jornaldaciencia.org.br/Detail.jsp?id=15243> (последнее посещение — 16 мая 2014 г.).
- ²⁹ Бразилия открыла центр обогащения урана. 2006, 6 мая, http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4981000/4981308.stm (последнее посещение — 29 мая 2014 г.).
- ³⁰ Janaína Simões, Domínio do ciclo de produção de urânio não é comercialmente justificável, diz Goldemberg ao Inovação. 2011, 21 de fevereiro, <http://www.inovacao.unicamp.br/report/noticias/index.php?cod=859> (последнее посещение — 9 апреля 2014 г.).
- ³¹ Критики системы гарантий отмечают, что МАГАТЭ не может проверить возможность разделения отдельных центрифуг, что позволяет операторам занижать пропускную способность установок и использование избыточных мощностей для производства незаявленного НОУ. См.: Brazil as Litmus Test: Resende and Restrictions on Uranium Enrichment. October, 2005. <http://www.armscontrol.org/print/1898> (последнее посещение — 29 мая 2014 г.).
- ³² Muello Peter. Brazil to begin enriching weapons grade Uranium. 2006, April 20, <http://acapella.harmony-central.com/showthread.php?1224550-Brazil-to-begin-enriching-weapons-grade-Uranium> (последнее посещение — 9 апреля 2014 г.).
- ³³ Это предположение высказал в сентябре 2004 г. Генри Сокольски, исполнительный директор Образовательного центра по политике нераспространения, ссылаясь на чиновников МАГАТЭ.
- ³⁴ Palmer Liz, Milhollin Gary. Brazil's Nuclear Puzzle. *Science*. 2004, October 22. P. 617.
- ³⁵ Folha de São Paulo, São Paulo. 2006, 06 abril. P. A1, A4.
- ³⁶ Reavey Elizabeth. Brazil's Nuclear Ambitions: Worrisome? Council on Hemispheric Affairs. 2008, August 15, <http://www.coha.org/brazils-nuclear-ambitions-worrisome/> (последнее посещение — 16 мая 2014 г.).

- ³⁷ Nuclear Power in Brazil (Updated March 2014). <http://www.world-nuclear.org/info/Country-Profiles/Countries-A-F/Brazil/>(последнее посещение — 29 мая 2014 г.).
- ³⁸ Бразильские центрифуги обладают производительностью около 10 ЕРР или слегка меньше, как сообщили Джеффри Ротвеллу, экономисту Стэнфордского университета источник, знакомые с проектом. Эти источники, разговаривающие в условиях анонимности из-за засекреченности проекта, говорят, что длина машины составляет почти 2 метра, а сами машины относятся к сверхкритичным. Они добавляют, что исследователи из бразильского флота сейчас пытаются увеличить длину ротора без переделки конструкции систем разгона и подшипников. Эта модификация, по их словам, могла бы улучшить характеристики машины. См.: Geoffrey Rothwell. Market Power in Uranium Enrichment. *Science and Global Security*. 2009. № 17. P. 132–154.
- ³⁹ Hibbs Mark. INB Won't Be Profitable Unless Angra-3 Finished. *Nucleonics Week*. 2000, July 13. P. 14.
- ⁴⁰ Ivonete Dainese. Brazil Plans to Increase Uranium Production for Domestic Use, Export. *Sao Paulo Gazeta Mercantil*. 2006, June 20.
- ⁴¹ Brazil as Litmus Test: Resende and Restrictions on Uranium Enrichment. 2005, October, <http://www.armscontrol.org/print/1898> (последнее посещение — 10 мая 2014 г.).
- ⁴² Energia nuclear & proliferação nuclear, <http://www.newton.freitas.nom.br/artigos.asp?cod=77> (последнее посещение — 16 мая 2014 г.).
- ⁴³ Brazil as Litmus Test: Resende and Restrictions on Uranium Enrichment. 2005, October, <http://www.armscontrol.org/print/1898> (последнее посещение — 10 мая 2014 г.).
- ⁴⁴ Rohter Larry. Brazil Pressing for Favorable Treatment on Nuclear Fuel. *New York Times*, 2004, September 25, http://www.nytimes.com/2004/09/25/international/americas/25brazil.html?_r=1 (последнее посещение — 9 апреля 2014 г.).
- ⁴⁵ Brasil negocia venda de urânio enriquecido. 2011, 6 de fevereiro, <http://economia.estadao.com.br/noticias/economia+brasil,brasil-negocia-venda-de-uranio-enriquecido,53914,0.htm> (последнее посещение — 9 апреля 2014 г.).
- ⁴⁶ Ordoñez Ramona. Brasil investe quase R\$1 bi para produzir todo o urânio de Angra 3. 2011, 19 de janeiro, http://www.mar.mil.br/menu_v/sinopse/2007/19-01-2011.htm (последнее посещение — 10 мая 2014 г.).
- ⁴⁷ Nuclear Power in Brazil (Updated November 2013). <http://www.world-nuclear.org/info/Country-Profiles/Countries-A-F/Brazil/>(последнее посещение — 10 мая 2014 г.).
- ⁴⁸ Plano Nacional de Energia 2030. Ministério de Minas e Energia, Secretario de Planejamento e Desenvolvimento Energético, Empresa de Pesquisa Energética. Novembro de 2007. http://www.mme.gov.br/mme/galerias/arquivos/publicacoes/pne_2030/PlanoNacionalDeEnergia2030.pdf (последнее посещение — 10 мая 2014 г.).
- ⁴⁹ Nuclear Power in Brazil (Updated March 2014). <http://www.world-nuclear.org/info/Country-Profiles/Countries-A-F/Brazil/>(последнее посещение — 29 мая 2014 г.).
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ INB: Brasil pode voltar a importar urânio em 2014. 2013, 22 de outubro, <http://economia.estadao.com.br/noticias/negocios-geral,inb-brasil-pode-voltar-a-importar-uranio-em-2014,168198,0.htm> (последнее посещение — 29 мая 2014 г.).
- ⁵² Сырьевой комплекс зарубежных стран. Бразилия. Информационно-аналитический центр *Минерал*. <http://www.mineral.ru/Facts/world/116/136/index.html> (последнее посещение — 10 мая 2014 г.).
- ⁵³ INB: Brasil pode voltar a importar urânio em 2014, 22 de outubro de 2013, <http://economia.estadao.com.br/noticias/negocios-geral,inb-brasil-pode-voltar-a-importar-uranio-em-2014,168198,0.htm> (последнее посещение — 29 мая 2014 г.).
- ⁵⁴ И 20 неатомных (15 — новых, 5 — отремонтированных).

- ⁵⁵ Бразилия возрождает атомную программу. *Атоминфо*. 2007, 12 июля, <http://atominfo.ru:17000/hl?url=webds/atominfo.ru/news/air1792.htm&mime=text/html&charset=windows-1251> (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).
- ⁵⁶ Сычев Василий. Атомный карнавал. *ИА Лента ру*. 2013, 6 марта, <http://lenta.ru/articles/2013/03/06/prosub/> (последнее посещение — 29 августа 2014 г.).
- ⁵⁷ Rühle Hans. Is Brazil Developing the Bomb? *Der Spiegel*. 2010, May 7. <http://www.spiegel.de/international/world/0,1518,693336,00.html> (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).
- ⁵⁸ Ghoshal Debalina. South America Goes Nuclear: Now Brazil. 2013, August 20, <http://www.gatestoneinstitute.org/3941/nuclear-brazil> (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Rühle Hans. Brazil and the Bomb. 2010, November 11. <http://www.ip-global.org/2010/11/11/brazil-and-the-bomb/> (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).
- ⁶¹ Brazil favors developing nuclear weapons. 2009, September 28, http://www.spacewar.com/reports/Brazil_favors_developing_nuclear_weapons_999.html (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).
- ⁶² Horner Daniel. Brazil Defends Limits on SWU Plant Inspections. *Nuclear Fuel*. 2004, May 24. P. 1, 13, 14.
- ⁶³ Morrison Daphne. Brazil's Nuclear Ambitions, Past and Present. 2006, September. 1, <http://www.nti.org/analysis/articles/brazils-nuclear-ambitions/> (последнее посещение — 24 июня 2014 г.).
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ O Estado de S. Paulo — Opinião — 21/02/11. См.: Observatório cone sul de defesa e forças armadas informe brasil № 410. 2011, 19 de fevereiro-25 de fevereiro, <http://rigofa2011.blogdiario.com/1299574500/> (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).
- ⁶⁶ Diehl Sarah, Fujii Eduardo. Brazil's New National Defense Strategy Calls for Strategic Nuclear Developments. 2009, October 30, <http://www.nti.org/analysis/articles/brazils-new-defense-strategy/> (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).
- ⁶⁷ Estratégia Nacional de Defesa, 2012, Brazilian Ministry of Defense, <http://www.defesa.gov.br/arquivos/2012/mes07/end.pdf> (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).
- ⁶⁸ Rühle Hans. Brazil and the Bomb. 2010, November 11, <http://www.ip-global.org/2010/11/11/brazil-and-the-bomb/> (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).
- ⁶⁹ Бразилия не примет жесткого контроля над Резенде — министр обороны. *Атоминфо*. 2010, 15 марта, <http://atominfo.ru:17000/hl?url=webds/atominfo.ru/news/air9492.htm&mime=text/html&charset=windows-1251> (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).
- ⁷⁰ Brazil: Scen setter for October 27–30. Visit of Special Rep of the President for Non-Proliferation-AMB Burk, 2009 October 23, http://www.wikileaks.org/plusd/cables/09BRASILIA1261_a.html (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).
- ⁷¹ Chernus Ira. Brazil: The Next Nuclear *Threat*? <http://spot.colorado.edu/~chernus/NewspaperColumns/WarAndPeaceIssues/BrazilNuclearThreat.htm> (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).
- ⁷² Бразилия вступает в ядерный клуб. *Российская газета*. 2006, 18 мая, № 4069, <http://www.rg.ru/2006/05/18/brazilia-uran.html> (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).
- ⁷³ Veja, São Paulo, No 1875. 2004, 13 outubro. P. 11.
- ⁷⁴ Nuclear Weapons Programs, <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/brazil/nuke.htm> (последнее посещение — 16 июля 2012 г.).
- ⁷⁵ Brazil as Litmus Test: Resende and Restrictions on Uranium Enrichment. <http://www.armscontrol.org/print/1898> (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).

⁷⁶ Curtis Jessica. Brazil Flips The Switch On Uranium Enrichment Plant. 2009, March 2, http://www.huffingtonpost.com/jessica-curtis/brazil-flips-the-switch-o_b_171158.html (последнее — 10 августа 2014 г.).

⁷⁷ Aronson Bernard. Can Brazil Stop Iran? *The New York Times*. 2012, April 4, http://www.nytimes.com/2012/04/04/opinion/can-brazil-stop-iran.html?_r=2& (последнее посещение — 29 августа 2014 г.).

⁷⁸ Stalcup Travis C. What is Brazil Up to with its Nuclear Policy? 2012, October 10, <http://journal.georgetown.edu/2012/10/10/what-is-brazil-up-to-with-its-nuclear-policy-by-travis-stalcup/comment-page-1/> (последнее посещение — 29 августа 2014 г.).

⁷⁹ Palmer Liz, Milhollin Gary. Brazil's Nuclear Puzzle. *Science*. 2004, October 22. P. 617.

⁸⁰ Brazil: scener setter for October 27–30 Visit of special Rep of the president for Non-Proliferation-AMB Burk, 2009 October 23, http://www.wikileaks.org/plusd/cables/09_BRASILIA1261_a.html (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).

⁸¹ Ядерное нераспространение: О чем молчит американская ядерная корова? *Иран.ру*. 2006, 21 апреля, http://www.iran.ru/news/politics/39029/Yadernoe_nerasprostranenie_O_chyom_molchit_amerikanskaya_yadernaya_korova (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).

Иван Золотухин

РОССИЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: К ПАРТНЕРСТВУ В ЯДЕРНОЙ СФЕРЕ

В условиях усиления конфронтации с Западом флюгер внешнеполитического курса России поворачивается на Восток, где формируются причудливые конфигурации межгосударственных объединений, происходит эволюция интеграционных институтов, усложняется набор механизмов влияния и сотрудничества.

Для Юго-Восточной Азии (ЮВА) Россия пока еще остается гостем с неясными стратегическими задачами, однако стремящимся реализовать определенные направления двусторонних отношений: политическое, экономическое, энергетическое и научно-техническое. Сотрудничество со странами ЮВА определяет вектор субрегиональных интересов России, с одной стороны, в контексте усиления позиций в АТР по линии активизации участия в интеграционных процессах и институтах (АТЭС, АСЕАН, ВАС), в рамках диалогового формата по стратегическим вопросам (АРФ, форум *Азия–Европа*, Совещание министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами, форум *Диалог по сотрудничеству в Азии*), с другой стороны — посредством взаимодействия и интенсификации контактов на двустороннем уровне¹.

Основой экономического сотрудничества между Россией и АСЕАН стало подписанное в декабре 2005 г. *Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области экономики и развития*².

13 декабря 2005 г. была принята Комплексная программа действий на 2005–2015 гг., нацеленная на углубление и диверсификацию взаимовыгодного сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)³, в которой были обозначены 9 сфер сотрудничества. Среди них важное место занял военно-технический сегмент, представляющий для России особый интерес тем, что на долю АСЕАН приходится до 15% стоимости мировых поставок вооружений и военной техники, а в самих странах АСЕАН разработаны долгосрочные программы модернизации вооруженных сил. Россия представляет интерес для АСЕАН с точки зрения диверсификации поставок энергоресурсов, несмотря на то что ряд стран ЮВА (Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Бруней) являются крупными производителями углеводородного сырья. Страны ЮВА активно интересуются российскими научными разработками в сфере телекоммуникаций, биотехнологии, использования космической техники⁴.

За последнее десятилетие Россия также настойчиво стремится заинтересовать страны АСЕАН развитием сотрудничества в области ядерной энергетики⁵. И хотя Россия — не самый значимый актор в ЮВА, она обладает значительным стратегическим потенциалом и ядерными технологиями, что в совокупности с качественными интеллектуальными разработками в ядерной области привлекает

А
Н
А
Л
И
З

внимание потенциальных партнеров в лице стран, заинтересованных в развитии *мирного атома*.

АТОМНОЕ РАЗВИТИЕ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ситуация в ЮВА приводит к осознанию факта необходимости активного вовлечения возобновляемых технологий. Эксперты опасаются, что экологическая обстановка ухудшится в результате увеличения выброса в атмосферу диоксидов, из-за того что уголь вытеснит природный газ как главное топливо для производства электричества. Это существенно увеличит нагрузку на природную среду и может привести к негативным последствиям. Как следствие, исследователи предрекают ухудшение экологической обстановки в ЮВА, что может стать серьезным вызовом жизни и здоровью населения, затормозить развитие ряда экономических отраслей (туризма), а также разрушить уникальные природные условия⁶.

Рост потребления энергии динамично развивающихся экономик АТР возрастет до 67% к 2035 г., что составит более половины всего потребления энергии на планете⁷. Страны АСЕАН к 2035 г. 49% своих потребностей в энергетике будут компенсировать за счет использования угля (в 2011 г. — 31%), а потребление газа, в свою очередь, сократится с 44 до 28%⁸. Однако серьезный энергодефицит, который испытывают страны ЮВА, может быть ликвидирован за счет использования атомной энергии.

Вьетнам и Индонезия в большей степени подготовлены для запуска ядерных программ, работа над которыми началась еще с конца 1990-х, но впоследствии во Вьетнаме процесс ускорился, а в Индонезии затормозился. Сейчас Вьетнам вырабатывает 20 ГВт электроэнергии, причем $\frac{1}{3}$ из них с помощью гидроэлектростанций. Планировалось, что уже в 2015 г. 15% потребности энергии Вьетнама будет компенсировано за счет АЭС⁹. Вьетнам активно сотрудничает со странами, использующими ядерные реакторы: Россией, США, Францией, Великобританией, Китаем. К нашей стране у Вьетнама особое отношение. В октябре 2010 г. было подписано межправительственное соглашение между Россией и Вьетнамом о строительстве ядерного блока Нинь Тхуан, который будет состоять из двух энергоблоков с водо-водяными энергетическими реакторами (ВВЭР), каждый мощностью до 1,2 ГВт. Планируется ввести первый блок в 2020 г.¹⁰.

В Индонезии в 1990-х гг. создается Национальное агентство по ядерной энергетике (BATAN). Активная поддержка планов развития атомной энергетике в Индонезии шла и со стороны МАГАТЭ. Однако из-за усиления недовольства оппозиции и общественности, а также по причине открытия и освоения больших газовых месторождений Натуна, проекты по сооружению АЭС были отложены в 1997 г., получив новое развитие в 2005 г. как важное направление диверсификации источников энергии. В середине 2000-х гг. Росатом проявлял активность на индонезийском направлении, предполагая, что островная держава может стать одним из покупателей российских плавучих АЭС (ПАЭС). В 2010 г. индонезийское правительство приняло решение о строительстве АЭС на севере острова Ява, на склоне вулкана Муриа¹¹.

Таиланд имеет хорошие совокупные возможности стать региональным хабом по поставкам электричества в ЮВА. Однако его энергетические возможности связаны с потреблением природного газа (составляющего 70% энергопотребления Таиланда). К 2020 г. Таиланд планирует достичь 45-гигаваттного потребления энергии, но половина ее будет идти за счет использования газа. С ростом цен на газ Атомная энергетическая комиссия и ее отдел по развитию мирного атома стали проводить оценку осуществимости использования ядерной энергии¹². Новый план по развитию энергетике на 2010–2030 гг., одобренный в 2010 г., подразумевал увеличение возобновляемой энергии в общем энергетическом объеме потребления страны до 18%¹³. До 2021 г. запланировано строительство 2-х объектов общей

мощностью 4 ГВт¹⁴, также были озвучены предложения по созданию еще 4-х атомных станций¹⁵.

Для строительства объектов были исследованы 5 возможных локаций: 3 на юге возле Серат Тани и один в Нахон Си Таммарат были исключены по причине протестов со стороны местного населения, а также из-за близости южных провинций Нараттхиват, Сонгла, Ялу, являющихся территориями исламского сепаратизма, где и происходят теракты. Местная оппозиция также выступила против строительства реакторов в Убон Ратчатани (возле границы с Лаосом) и в 200 км от Бангкока в Нахон Саване¹⁶.

Малайзия, в 2009 г. первоначально рассматривавшая перспективы использования ядерного реактора не раньше 2025 г.¹⁷, через год изъявила намерение запустить в работу первую АЭС в 2021 г.¹⁸. В качестве локальных объектов для строительства АЭС называли берег Малаккского пролива, султанаты Джохор (Бату Пахат), Селангор (Пулау Ангса) и Перак (Ситиаван) на западе страны, а также султанат Паханг.

Касательно мощностей объектов высказывали разные мнения. Так, Абдул Азиз Раджа Аднан, генеральный директор лицензионного совета Малайзии по атомной энергии, хотел бы, чтобы на первой малазийской АЭС было установлено два блока по 500 МВт, хотя другие эксперты склонялись к более традиционному выбору — двум блокам по 1 ГВт каждый¹⁹.

В то же время малазийский атомный проект еще находится на стадии обсуждения и рановато говорить не только о серьезных прорывах, но и о конкретных этапах проекта.

Предложения по строительству АЭС в Мьянме, актуальные в первой половине 2000-х гг., ныне отложены на дальнюю перспективу. Предпосылки к созданию атомного реактора возникли с начала 2000-х гг., предложение по созданию в Мьянме исследовательского реактора и Центра ядерных исследований исходило от России²⁰. Именно наша страна могла стать главным партнером Мьянмы в сфере ядерного сотрудничества, однако в дальнейшем данный проект оказался заморожен по политическим и экономическим причинам²¹.

Сингапур заинтересован в перспективах использования реакторов малого и среднего размеров и даже готов сотрудничать в этом направлении с Малайзией. В ноябре 2010 г. премьер-министр Ли Сянь Лун сделал официальное заявление, что Сингапур «не может позволить себе отказаться от атомной энергии». Однако небольшие размеры города-государства, а также высокая плотность населения создают риски техногенных катастроф²². Создание АЭС в Сингапуре пока видится делом очень отдаленной перспективы.

Единственным на сегодняшний момент государством ЮВА, в котором есть АЭС, являются Филиппины. Филиппинские инициативы по развитию атомной энергии начались еще при режиме Фердинанда Маркоса, и во многом они были вызваны мировым энергетическим кризисом 1973 г. Строительство двухблочной атомной станции в Батане мощностью в 621 МВт длилось с 1976 по 1984 г. и обошлось филиппинской казне в 460 млн долл.²³.

После свержения режима Маркоса в 1986 г. электростанция была законсервирована и уже почти 30 лет так и не была введена в эксплуатацию, во многом из-за проблем с финансированием и нерешенностью вопросов безопасности²⁴. Серьезным ударом по перспективам *Батан-1* стала авария на Чернобыльской АЭС, произошедшая в том же году, когда была заморожена филиппинская АЭС.

Среди проблем, препятствующих запуску АЭС в Батане, можно назвать сейсмоопасность Филиппинского архипелага, хотя исследователи из частной консалтинговой австралийской компании MEETS отмечают, что опасения эти излишни (инспектора проводили исследования и не обнаружили существенных рисков), а более серьезным преткновением может стать скорее некомпетентность работников и операторов станции²⁵.

Таким образом, среди стран ЮВА лишь Вьетнам, Индонезия и Таиланд имеют конкретные планы развития ядерной энергетики или заявили о своем намерении приступить к этому процессу²⁶. Хотя по оценкам экспертов ядерная энергия в странах ЮВА начнет внедряться в начале 2020-х гг., а к 2030 г. будет создан прочный фундамент для ее реализации²⁷, все-таки стоит сказать, что на сегодняшний момент развитие атомной энергетики в субрегионе находится в зачаточном состоянии. Как отмечает С. Ключанская, «атомная инфраструктура большинства стран создается с нуля...». И это означает, что «страна, которая выигрывает тендер на реализацию проекта атомной энергетики, с большой вероятностью получит также контракт и на обучение персонала будущей станции, и на обеспечение инфраструктуры безопасности, и так далее»²⁸.

В целом же ЮВА находится между молотом недостатка энергоресурсов и накопительной рисков, связанных с использованием ядерных технологий (оправданных и неоправданных).

ВЫЗОВЫ И ОПАСНОСТИ

Общественность стран ЮВА, где возникли или только возникают предпосылки для создания АЭС, страшат техногенные катастрофы, которые с учетом природно-климатических особенностей ЮВА могут нанести непоправимый урон не только уникальной флоре и фауне, но и аграрному сектору (чаще всего АЭС стараются вывести за пределы больших городов, что, безусловно, не нравится сельским жителям). Население сельской местности крайне болезненно воспринимает любые попытки строительства АЭС, независимо от того, как это преподносится СМИ и учеными. Общественное мнения сельской общины крайне нетерпимо ко всему, что связано с атомной энергией, несмотря на то что многие ожидания селян неоправданны, поводов для паники и алармизма нет, а применение ядерных технологий может оказать позитивное влияние на развитие аграрных районов. Например, использование облучающих технологий способно увеличить лежкость, срок хранения и всхожесть растений. Растительная клетка меньше реагирует на облучение, кроме того, после облучения она получает дополнительную зарядку и становится более выносливой, при этом растение остается безопасным для человека в качестве продукта питания²⁹.

В странах ЮВА необходимы социальные и образовательные программы, которые могут дать адекватное представление об АЭС и помочь населению объективно взглянуть на наличие ядерных объектов, понять их целесообразность и низкую степень опасности для окружающей среды.

Зачастую не всегда правительственные программы помогают в преодолении негативного и враждебного отношения жителей деревень к АЭС. Например, в Индонезии программа стоимостью 16 млн долл. в провинции Бангга Белитун провалилась, поскольку местное население не поверило в то, что провинция Бангга не является геологически сейсмоопасной зоной³⁰.

Фукусимский синдром также оказал влияние на развитие ядерных программ ряда стран ЮВА³¹. И хотя реакция в странах ЮВА на аварию 11 ноября 2011 г. на АЭС Фукусима в целом была достаточно сдержанной, энтузиазма у сторонников мирной нуклеаризации поубавилось. Вероятность ядерной аварии/катастрофы создает серьезное политическое противодействие использованию ядерной энергии, сводит на нет или существенно замедляет ее развитие.

Заморожено строительство АЭС в Таиланде (глава Национального совета мира и порядка Прают Чаноча недавно отметил невозможность создания АЭС и предложил рассмотреть вариант создания угольной ТЭЦ³²), Малайзия отодвигает ядерный проект на отдаленную перспективу³³.

Индонезия, которая вместе с Вьетнамом выступает в авангарде развития ядерных технологий, но в отличие от Вьетнама обладает, без сомнения, большими эконо-

мическими возможностями для создания АЭС, все-таки не доверяет возобновляемой энергетике и видит в ней для себя больше рисков, нежели выгод.

Для того чтобы было принято политическое решение, направленное на развитие ядерной энергетики в ЮВА, необходимо учитывать несколько ключевых факторов: доступность альтернативных источников энергии, адекватные меры безопасности, принятие общественностью использования ядерных технологий, наличие опытных кадров (обученного технического и инженерного персонала) и экспертов, а также последовательное и постоянное финансирование проектов³⁴.

Безопасность выступает одним из важнейших факторов для долгосрочного успешного развития ядерной энергетики в регионе, особенно в свете развития инфраструктуры и предрасположенности субрегиона к природным катастрофам.

К крайне негативным факторам, препятствующим созданию ядерного сектора в ЮВА, можно отнести политическую нестабильность и опасность терактов. Ситуация в ЮВА обостряется также функциональными проблемами по эксплуатации объектов АЭС.

Авторы исследовательского проекта *Перспективы ядерной безопасности. Партнерство в Юго-Восточной Азии* по результатам экспертных опросов и полевых исследований обозначили следующие потенциальные вызовы ядерной безопасности на примере трех стран ЮВА.

Таблица 1. Потенциальные вызовы ядерной безопасности в Индонезии, Вьетнаме и Мьянме³⁵

Страна	Вызовы ядерной безопасности
Индонезия	<p>Недостаточные ресурсы для улучшения мощностей и культуры безопасности.</p> <p>Необходимость укрепления человеческих ресурсов в ядерном секторе.</p> <p>Отсутствие целостной координации.</p> <p>Неконтролируемый экспорт радиоизотопов в другие государства.</p>
Вьетнам	<p>Недостаточный уровень системной подготовки персонала.</p> <p>Нехватка оборудования для пограничного контроля и других действий в сфере ядерной безопасности.</p> <p>Риск использования Вьетнама как морского центра нелегальной транспортировки ОМУ.</p> <p>Плохое понимание концепта товаров двойного назначения.</p> <p>Отсутствие действительно независимого органа ядерного регулирования.</p>
Мьянма	<p>Недостаток законодательных и принудительных мер в ядерной сфере.</p> <p>Отсутствие механизмов ядерного регулирования на национальном уровне.</p> <p>Нехватка ресурсов и оборудования для пограничного контроля, включая недостаточную компьютеризацию органов таможенной службы.</p> <p>Недостаточный уровень индивидуальной подготовки в сфере ядерной безопасности.</p>

Решение проблем безопасности в ЮВА является краеугольным камнем стабильного устойчивого развития государств и экономик, являющихся важнейшим хабом региональных и глобальных экономических процессов. Огромное стратегическое значение ЮВА состоит в особенностях ее геополитического положения, растущих

угроз, связанных как с социальными (антропогенными), так и с природными факторами (цунами, землетрясениями).

Противоречия между государствами ЮВА, обладающими разным стратегическим потенциалом и военно-политическими ресурсами, но стремящимися не допустить усиления внутрирегиональных игроков, не способствуют улучшению атмосферы доверительных отношений, важных для развития ядерных технологий. В частности Филиппины и Сингапур рассматривают перспективы создания АЭС в повестке наиболее серьезных вопросов, имеющих политическое значение³⁶.

Особое внимание у стран ЮВА вызывает высокая вероятность того, что растущая день ото дня мощь КНР приведет к дисбалансу сил в регионе (что особенно явно можно проследить в конфликте вокруг островов Спратли и Парасельских в Южно-Китайском море), и тогда китайская угроза получит воплощение не только в мечтах одиозных политиков, обуреваемых территориальными аппетитами.

Есть вероятность того, что развитие мирного атома в ЮВА сможет снизить накал страстей по спорным островам, шельфовая зона которых изобилует залежами нефти и газа. КНР в принципе не против развития атомной энергии в ЮВА, если оно будет осуществляться под контролем МАГАТЭ, тем более что в ЮВА действует зона, свободная от ядерного оружия (ЗСЯО), скрепленная Бангкокским договором 1995 г.

Однако строительство АЭС требует колоссальных финансовых затрат, на которые вряд ли готовы пойти страны ЮВА. Существует, правда, относительно недорогой вариант создания ПАЭС, к которому испытывают интерес как островные страны ЮВА — Индонезия и Малайзия, так и КНР. В частности китайцы хотят поставить 4 ПАЭС в акватории Южно-Китайского моря³⁷.

Но помимо политической сложности данного шага существует неоднозначная оценка ПАЭС со стороны экспертов. Некоторые из них считают, что «на плавучих станциях будут установлены реакторы типа КЛТ-40С, которые работают на высокообогащенном уране». Специалисты *Гринпис* считают, что реактор ПАЭС содержит расщепляющийся материал, достаточный для создания многих десятков атомных бомб. Смущает экспертов и слабая охраняемость ПАЭС³⁸.

В то же время в ЮВА выработаны и действуют механизмы двустороннего, многостороннего и регионального сотрудничества, ставшие основой регионализации, а формат ASEAN Way стал важным способом обсуждения наиболее ключевых проблем региона. В рамках АСЕАН действует АСЕАНовский региональный форум (АРФ) как площадка обсуждения проблем безопасности и угроз и вызовов стабильности в АТР. В 2010 г. на встрече в Ханое министры иностранных дел приняли Ханойский план действий, ориентированный на активное сотрудничество в следующих сферах: противодействие терроризму и транснациональной преступности, морская безопасность, ядерное нераспространение, разоружение.

В рамках АСЕАН выработаны 4 региональных инструмента, способных как внедрить, так и усилить программу физической защиты радиоактивных материалов. Среди них Бангкокский договор о ЗСЯО, региональное соглашение о сотрудничестве Азии и Тихого океана, региональный проект МАГАТЭ *Программа технического сотрудничества*, Форум ядерного сотрудничества в Азии³⁹.

Бруней, Камбоджа, Филиппины, Сингапур и Таиланд участвуют в Инициативе по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР-ОМУ).

Сингапур с 2005 г. начал проводить морские учения (Deep Sabre) по недопущению судов, провозящих ОМУ и технологии их создания⁴⁰. Получает распространение в ЮВА сеть ядерной судебной экспертизы.

В сентябре 2013 г. прошла первая встреча АСЕАНТОМ (АСЕАНовской сети регулирующих органов по атомной энергии). Данный проект, в который помимо десятки АСЕАН вошли члены МАГАТЭ (всего АСЕАНТОМ включает 41 государство), направлен на развитие сотрудничества в сфере ядерной безопасности, ядерной экспертизы, по предотвращению незаконной перевозки ядерных и радиоактивных материалов и возвращению использованных радиоактивных материалов в страны происхождения⁴¹.

5 государств АСЕАН входят в АНЕНТ (Азиатскую сеть образования в области ядерных технологий), занимающуюся распространением, управлением и укреплением знаний в ядерной сфере, а также обеспечением постоянной доступности талантливых и квалифицированных человеческих ресурсов в отрасли ядерных исследований в Азии и улучшением ресурсов для устойчивого развития ядерных технологий⁴².

ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ РОССИЯ?

В настоящее время перед Россией стоит необходимость выработать формулу участия и активизации своей деятельности в ЮВА.

У России есть колоссальный опыт строительства АЭС и утилизации радиоактивных отходов, причем наша страна является безусловным лидером в этом направлении и способна предложить проекты реализации национальных программ атомной энергетики на более выгодных условиях и с учетом уникальных задач, связанных с особенностями географического положения стран ЮВА⁴³. После аварии на Фукусиме, когда возросло недоверие к японским блокам, под японские возможности в строительстве АЭС заложена мина недоверия. На этом фоне, как бы это цинично не звучало, шансы России возросли, поскольку созданные по российским технологиям АЭС являются одними из самых безопасных (например, Тяньваньская АЭС в КНР), однако, как отмечалось, говорить о серьезной готовности большинства стран ЮВА к созданию АЭС пока рановато.

Большой интерес у партнеров в ЮВА может вызвать свинцово-висмутовый быстрый реактор (СВБР-100) — крайне надежный, крайне устойчивый и крайне компактный реактор, входящий в число проектов Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России при Президенте РФ в рамках направления *Новая технологическая платформа: замкнутый ядерный топливный цикл и реакторы на быстрых нейтронах* и включенный в Федеральную целевую программу *Ядерные энерготехнологии нового поколения на период 2010–2015 гг. и перспективу до 2020 г.*⁴⁴.

СВБР-100 может быть использован в составе региональных электростанций мощностью 100–400 МВт, что очень удобно для небольших курортных местечек (с опреснителями, отелями, улицами, барами и т. д.). Изначальное предназначение этого реактора — энергетическая установка атомных подводных лодок. Вода под давлением заменена в нем на жидкий металл (свинцово-висмутовый сплав с температурой кипения выше 3000 °С). Станция с таким реактором способна без подзарядки работать 7, а то и 15 лет, и ей не нужен большой, как на ВВЭР, персонал — до 1500 человек, достаточно десятка человек). Иными словами, СВБР экономически эффективен.

При монтаже станции (например, в Сингапуре и на Филиппинах) можно заглубить реактор в землю (поскольку на островах мало земельных участков, а страны не хотят терять инфраструктуру), и ему не страшны ни землетрясения, ни цунами. Даже если с ним гипотетически что-нибудь случится, он просто *засыпает*, в отличие от электростанции ВВЭР-1200, имеющей инерционность 7–15 дней по выводу в нормальный режим. Стоимость ВВЭР в 10 раз дороже, чем СВБР, покупку которого может профинансировать даже негосударственная организация⁴⁵.

Очень важное значение для продвижения отечественных разработок в области ядерных технологий играет созданный в 2012 г. по инициативе *Росатом* при участии Института проблем безопасного развития атомной энергии РАН на базе Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) Дальневосточный научно-образовательный центр ядерных технологий, радиационной и экологической безопасности (далее — Центр).

Джомарт Алиев, гендиректор ЗАО *Русатом Оверсиз* отметил, что «ДВФУ нам нужен как шоурум, как демонстрационная площадка референтных технологий, т. е. тех, которые интересны за рубежом, прежде всего в странах Азии», вторая задача ДВФУ — это подготовка высокопрофессиональных кадров для обслуживания АЭС и выполнения операциональных и технических функций⁴⁶.

Основные образовательные блоки Центра (они поставляются *Росатомом*) включают следующие направления: 1) поставка блоков АЭС и подготовка операторов АЭС, физиков-ядерщиков и радиохимиков; 2) облучающие технологии; 3) ядерная медицина; 4) разборка, утилизация объектов ядерной энергетики (АЭС, полигонов, мест захоронений), использование сорбентов, вывод радионуклеотидов; 5) проект открытия лаборатории экологии океана под эгидой МАГАТЭ, в которой осуществляется онлайн-мониторинг распространения загрязняющих веществ в воздушной и водной среде, в частности отслеживается ситуация в опасных и неблагоприятных районах, например на *Фукусиме* (периодически японцы сливают по 100 т зараженной воды в океан и в этом не признаются, хотя по косвенным признакам это заметно⁴⁷).

К сожалению, среди стран ЮВА лишь немногие сотрудничают с Россией в рамках конкретных проектов. На этом фоне очень важны наши отношения с Вьетнамом, с которым наше государство формирует дорожку конструктивного сотрудничества. Вьетнамцы очень доброжелательно настроены к российским проектам и инициативам, и именно с Вьетнамом Россия планирует создать 13 энергоблоков общей мощностью 15 ГВт⁴⁸.

Премьер-министр Дмитрий Медведев, упомянув планы строительства АЭС *Ниньтуан-1*, назвал этот шаг *флагманский проектом*, стоимостью от 10 млрд долл.⁴⁹ Вьетнам продолжает оставаться наиболее перспективным партнером России в ЮВА в сфере атомной энергетики.

Среди относительно новых проектов с другими государствами субрегиона можно назвать договоренность между Россией и Бангладеш⁵⁰ по строительству блока АЭС *Руппур*. В 2020 г. планируется запуск двух российских атомных реакторов мощностью 1 ГВт⁵¹.

Также в последние годы *Росатом* налаживает контакты с Институтом ядерных технологий Таиланда. В прошлом году готовились межправительственное соглашение по сотрудничеству в сфере исследования и использования космического пространства в мирных целях, а также проект программы научно-технического сотрудничества до 2020 г.⁵²

Активную международную деятельность по продвижению российских ядерных технологий и продукции, в том числе и в ЮВА, реализует ЗАО *Русатом Оверсиз*, опирающееся на более чем 250 предприятий российской атомной отрасли. *Русатом Оверсиз* предлагает уникальные комплексные решения в энергетике, начиная с добычи урана и заканчивая развитием сетевой инфраструктуры⁵³.

В целом Россия способна удовлетворить самые широкие потребности заинтересованных партнеров в самых широких сферах ядерного сотрудничества.

Поскольку, помимо ядерной энергетики, страны ЮВА глубоко заинтересованы в создании неэнергетических ядерных технологий, таких как, например, использование радиоизотопов в медицине, сельском хозяйстве и других отраслях, у России есть неплохие шансы зарекомендовать себя в этих направлениях.

Таблица 2. Использование радиоактивных источников для неэнергетических производственных целей в Юго-Восточной Азии⁵⁴

Использование радиоактивных источников для неэнергетических целей	Вьетнам	Камбоджа	Лаос	Мьянма	Таиланд
Облучатели	+	Н/д	Н/д	+	+
Ядерная медицина	+	Н/д	Н/д	+	+
Радиоизотопная диагностика	+	+	+	+	+
Радиотерапия	+	Н/д	+	+	+
Резонансный циклический ускоритель	+	Н/д	Н/д	Н/д	+
Промышленная радиография	+	+	Н/д	Н/д	+
Промышленные приборы	+	+	+	+	+
Исследование реактора	+	Не ведется	Не ведется	Не ведется	+
Нейтронный генератор	+	Н/д	Н/д	+	+
Утилизация радиоактивных отходов	+	+	+	+	+

Использование радиоактивных источников для неэнергетических целей	Индонезия	Филиппины	Бруней	Малайзия	Сингапур
Облучатели	+	+	Н/д	+	+
Ядерная медицина	+	+	Н/д	+	+
Радиоизотопная диагностика	+	+	+	+	+
Радиотерапия	+	+	+	+	+
Резонансный циклический ускоритель	+	+	Н/д	+	+
Промышленная радиография	+	+	+	+	+
Промышленные приборы	+	+	+	+	+
Исследование реактора	+	+	Не ведется	+	Не ведется
Нейтронный генератор	+	+	Н/д	+	+
Утилизация радиоактивных отходов	+	+	+	+	+

Н/д — информация недоступна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для развития сотрудничества между Россией и странами ЮВА в ядерной отрасли необходимо учитывать геополитическую ситуацию, специфику экологической обстановки и геологические условия в субрегионе.

ALUMNI ПИР-ЦЕНТРА

СВЕТЛАНА КЛЮЧАНСКАЯ (к.и.н., ведущий специалист Международной бизнес-школы Новосибирского государственного университета экономики и управления):

Подписание соглашения России и Вьетнама о строительстве первой АЭС в стране в 2011 г. стало важным стратегическим шагом, закрепившим позиции России как лидера в конкурентной борьбе за регион Юго-Восточной Азии. Перенос окончательных сроков ввода в эксплуатацию АЭС в этой связи не должен вводить в заблуждение — это не первый подобный случай, да и не редкая ситуация в процессе строительства АЭС. Что действительно важно, так это то, что, являясь первой АЭС в регионе ЮВА, *Ниньтхуан-1* не только обеспечивает занятость профильным российским институтам и машиностроительным объединениям, привлекает студентов в российские вузы и центры подготовки специалистов, дает заказы поставщикам топлива для АЭС, но и может стать тем ключом, который откроет доступ российскому атомному сектору к огромному рынку региона с постоянно растущей потребностью в электроэнергии. К региону, где остро стоит вопрос с доступом к пресной воде, что дает шанс для российских альтернативных проектов в области атома, таких, как плавучие АЭС, найти свою нишу на рынке. Последовательное исполнение взятых на себя обязательств, несмотря на все внешние условия, способно закрепить и увеличить стратегический отрыв *Росатома* от конкурентов на энергетическом рынке ЮВА, обеспечив стабильное развитие этой экспортной отрасли нашей страны в будущем.

России необходимо управлять развитием ядерной энергии в мирных целях и продвигать интеллектуальные и образовательные инициативы и технологии, одновременно проявляя гибкость, конкурируя с французами, американцами (США имеют отчетливый геополитический интерес в ЮВА и активизируют сотрудничество с Вьетнамом, Таиландом, Мьянмой в сфере использования мирного атома).

Россия способна и должна конкурировать в области наукоемких, научно-конструкторских работ, так же как и гарантий соблюдения техники безопасности, экологической безопасности и ликвидации возможных последствий аварии. Реализация Россией программ и проектов по использованию ядерных технологий, а также экспертное обеспечение строительства АЭС и поддержка в сохранении экологического баланса способствуют укреплению *мягкой силы* России в регионе⁵⁵.

В целом, сопоставляя вероятные выгоды, а также принимая во внимание вероятные риски и угрозы, стоит отметить, что России предстоит выработать целостную стратегию активного взаимодействия в ЮВА. Ядерное сотрудничество является одним из наиболее оптимальных направлений, позволяющих сосредоточиться как на экономической выгоде, так и на решении стратегических проблем и вопросов безопасности.

Ядерное направление сотрудничества России со странами ЮВА, таким образом, может способствовать не только решению энергетического вопроса в субрегионе, но и в перспективе стать рычагом развития конструктивного взаимодействия в других сферах.

России необходимо зарекомендовать себя ответственным поставщиком и партнером, показать свою готовность не только в предоставлении оборудования, технологий, интеллектуальных ресурсов, но и способной стать гарантом мирного использования ядерной энергии под контролем МАГАТЭ. Безусловно, в регионе, где были привиты и получили плодотворное развитие принципы ненасильственной дипломатии *ASEAN Way*, для того чтобы развивать сотрудничество, следует преодолеть все косности и двусмысленности, которые могут нести конфликтный потенциал и даже угрозу стабильности в ЮВА⁵⁶.

Примечания

¹ Концепция внешней политики России–2013, <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f> (последнее посещение — 28 июля 2014 г.).

² Лукин А. В., Иванов А. В. Россия и АТР. Перспективы сотрудничества, http://www.perspektivy.info/book/rossija_i_atr_perspektivy_sotrudnichestva_2010-11-19.htm (последнее посещение — 24 июля 2014 г.).

³ Комплексная программа действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2005–2015 гг., http://archive.kremlin.ru/interdocs/2005/12/13/1335_type72067_98791.shtml (последнее посещение — 27 июля 2014 г.).

⁴ Ключанская С. Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях. *Индекс Безопасности*. 2011. Т. 17, № 2 (97). С. 55.

⁵ Лукин А. В., Иванов А. В. Цит. соч.

⁶ Zhu W. Coal to Surpass Gas in Southeast Asia Power Boom, <http://www.bloomberg.com/news/2013-10-02/coal-to-surpass-gas-in-southeast-asia-power-use-boom-iea-says.html> (последнее посещение — 29 июля 2014 г.).

⁷ Kidd S. Nuclear in Southeast Asia — where and when? <http://www.neimagazine.com/opinion/opinionnuclear-in-southeast-asia-where-and-when> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

⁸ Woody T. Asia Pacific nations will consume more than half the world's energy by 2035, <http://qz.com/135082/asia-pacific-nations-will-consume-more-than-half-the-worlds-energy-by-2035/> (последнее посещение — 17 июля 2014 г.).

⁹ Desker B. Southeast Asia Going Nuclear. December 26, 2013 <http://www.asianscientist.com/features/southeast-asia-going-nuclear-2013/> (последнее посещение — 31 июля 2014 г.).

¹⁰ Алиев А. Эксклюзивное партнерство. Expert Online, 08 ноября 2012, <http://expert.ru/2012/11/8/eksklyuzivnoe-partnerstvo> (последнее посещение — 26 июля 2014 г.).

¹¹ Ожаровский А. В Индонезии протестуют против планов строительства АЭС, http://www.bellona.ru/articles_ru/articles_2010/indonesia-rally (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

¹² Desker B. Op. cit.

¹³ The approval of Thailand Power Development Plan, http://www.egat.co.th/en/index.php?option=com_content&view=article&id=27:the-approval-of-thailand-power-development-plan&catid=11:news-release&Itemid=112 (последнее посещение — 12 августа 2014 г.).

¹⁴ Ключанская С. Цит. соч. С. 70.

¹⁵ Desker B. Op. cit.

¹⁶ Thongrung W. Nuclear power plants moved out of South. The nation, 20.09.2010, <http://www.thaivisa.com/forum/topic/399191-ubon-ratchathani-nakhon-sawan-picked-as-principal-nuclear-power-plant-locations/> (последнее посещение — 17 июля 2014 г.).

¹⁷ Малайзия рассматривает возможность использования ядерной энергетики не раньше 2025 г., <http://www.atomic-energy.ru/news/2009/10/23/6758> (последнее посещение — 6 августа 2014 г.).

¹⁸ Малайзия построит первый атомный блок к 2021 г., <http://www.atomic-energy.ru/news/2010/12/20/17004> (последнее посещение — 6 августа 2014 г.).

¹⁹ Мирный атом Малайзии, <http://www.atominform.ru/news2/b0478.htm> (последнее посещение — 31 июля 2014 г.).

²⁰ Khlopkov A. and Konukhov A. Russia, Myanmar and nuclear technologies, <http://ceness-russia.org/data/doc/MyanmarENG.pdf> (последнее посещение — 30 июля 2014 г.).

²¹ Ключанская С. Цит. соч. С. 69.

²² Emerging Nuclear Energy Countries, <http://www.world-nuclear.org/info/Country-Profiles/Others/Emerging-Nuclear-Energy-Countries/> (последнее посещение — 20 июля 2014 г.).

²³ Ключанская С. Цит. соч. С. 70.

- ²⁴ Tim Diass. Going Nuclear in SEA, <http://www.energytribune.com/64902/going-nuclear-in-southeast-asia#sthash.FcgpIWZ.dpbs> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- ²⁵ Clarke M., Ebeling D., Cordero D. Options for the Conversion of the Bataan Nuclear Power Plant to Fossil Fuel Firing, <http://www.metts.com.au/bataannucdoc.html> (последнее посещение — 3 августа 2014 г.).
- ²⁶ Соколов Ю. Ядерная энергетика — следующая четверть века. *Международная жизнь*. 2008. № 1. С. 89.
- ²⁷ Desker B. Op. cit.
- ²⁸ Ключанская С. Цит. соч. С. 64.
- ²⁹ Интервью с руководителем Дальневосточного научно-образовательного центра ядерных технологий, радиационной и экологической безопасности Д.Г. Крюковым. Владивосток, 17 июля 2014 г.
- ³⁰ Sofiah J. Nuclear Energy in Southeast Asia: Public Engagement Before Policies. S. Rajaratnam School of International Studies. No. 077/2014. 23 April 2014.
- ³¹ Prospects for Nuclear Security in Southeast Asia. Prepared by the James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS, Monterey, United States), the Center for Energy and Security Studies (CENESS, Moscow, Russia), and the Vienna Center for Disarmament and Non-Proliferation (VCDNP, Vienna, Austria). Monterey/Moscow/Vienna. May 2012. P. 16–17.
- ³² Thailand rules out nuclear power, says will look at coal to meet energy needs. 11 August, 2014, <http://www.in.com/news/current-affairs/thailand-rules-out-nuclear-power-says-will-look-at-coal-to-meet-energy-needs-52901170-in-1.html> (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).
- ³³ Thailand freezes nuclear power plant plans, <http://www.eco-business.com/news/thailand-freezes-nuclear-power-plant-plans/> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).
- ³⁴ Prospects for Nuclear Security in Southeast Asia. P. 9–10.
- ³⁵ Таблица создана по материалам *Prospects for Nuclear Security in Southeast Asia*. P. 34–38.
- ³⁶ Барри Д. Перспективы и риски использования атомной энергии, <http://www.eurasiareview.com/12122013-energy-security-southeast-asia-revives-nuclear-power-plans-analysis/> (последнее посещение — 3 августа 2014 г.).
- ³⁷ Интервью с руководителем Дальневосточного научно-образовательного центра ядерных технологий, радиационной и экологической безопасности Д.Г. Крюковым. Владивосток, 17 июля 2014 г.
- ³⁸ Пономарева В. *Гринпис* предупреждает об опасности строительства плавучих АЭС в странах Юго-Восточной Азии, http://www.bellona.ru/russian_import_area/international/russia/nuke_industry/co-operation/39015 (последнее посещение — 26 июля 2014 г.).
- ³⁹ Ridwan M. Physical protection of significant radioactive sources: An Indonesian perspective. — Govt Austria, Vienna, Austria//Security of Radioactive Sources. 2003. P. 245–268.
- ⁴⁰ Finch R. International Cooperation in Nuclear Forensics: Southeast Asia, http://csis.org/files/attachments/131111_Session%202_Finch.pdf (последнее посещение — 19 июля 2014 г.).
- ⁴¹ Finch R. International Nuclear Threat Reduction. Sandia National Laboratories, http://csis.org/files/attachments/131111_Session%202_Finch.pdf P. 13.
- ⁴² Murogov V.M. Nuclear Technology: History, State and Technical Challenges of Nuclear Power Development. Responsible Science Program ISTC. P. 104.
- ⁴³ Ключанская С. Цит. соч. С. 76.
- ⁴⁴ СВБР: Свинцово-висмутый большой рывок. Интервью с Владимиром Петраченко, генеральным директором ОАО *АКМЭ-инжиниринг*, <http://www.atomic-energy.ru/interviews/2013/01/29/38536> (последнее посещение — 21 июля 2014 г.).
- ⁴⁵ Интервью с руководителем Дальневосточного научно-образовательного центра ядерных технологий, радиационной и экологической безопасности Д.Г. Крюковым. Владивосток, 17 июля 2014 г.

⁴⁶ Из выступления Джомарта Алиев, гендиректора ЗАО *Русатом Оверсиз* 25 сентября 2013 г. в ДВФУ (г. Владивосток).

⁴⁷ Интервью с руководителем Дальневосточного научно-образовательного центра ядерных технологий, радиационной и экологической безопасности Д. Г. Крюковым. Владивосток, 17 июля 2014 г.

⁴⁸ Ключанская С. Цит. соч. С. 71.

⁴⁹ Алиев А. Цит. соч.

⁵⁰ Примечание: Бангладеш географически не относится к Юго-Восточной Азии, хотя очень близок к данному субрегиону АТР не только территориально, но и экономически. Автор указывает Бангладеш в качестве примера сотрудничества со слаборазвитым, но экономически бурно развивающимся государством, нуждающимся в электроэнергии (для сравнения с похожими по уровню экономического развития странами ЮВА — Камбоджой, Лаосом, Мьянмой).

⁵¹ Атомная энергетика в Бангладеш, <http://eircenter.com/ua-analitika/atomnaya-energetika-v-bangladesh/> (последнее посещение — 27 июля 2014 г.).

⁵² Россия и Таиланд определили новые сферы сотрудничества, http://rus.ruvr.ru/2013_03_28/Rossija-i-Tailand-opredelili-novie-sferi-sotrudnichestva/ (последнее посещение — 20 июля 2014 г.).

⁵³ Интервью генерального директора ЗАО *Русатом Оверсиз* Джомарта Алиева. 21.06.2013, <http://www.i-russia.ru/nuclear/articles/19170/> (последнее посещение — 23 июля 2014 г.).

⁵⁴ Таблица создана по материалам *Prospects for Nuclear Security in Southeast Asia*. P. 15–19.

⁵⁵ Sofiah J. Op. cit.

⁵⁶ Статья выполнена в рамках Программы «Научный фонд» ДВФУ по теме «Новые теоретические основания анализа международных отношений в АТР».

З
И
Л
А
Н
А

Юрий Федоров

ИРАН: ЯДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО ИЛИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СВЕРХДЕРЖАВА БУДУЩЕГО?

Летом 2014 г. обозначилась реальная возможность урегулирования иранского ядерного кризиса: впервые с момента возникновения этой проблемы Тегеран продемонстрировал стремление к ее решению. Если оно будет найдено, геополитическая ситуация в обширном регионе между Красным морем и Афганистаном, прежде всего в зоне Персидского залива, серьезно изменится, могут произойти крупные перемены на мировом рынке углеводородов, контуры и масштабы которых сегодня поддаются лишь приблизительной оценке.

Суть возможных перемен сформулирована американским специалистом по Ближнему Востоку Амиром Ханджани. «Шах Ирана мечтал о превращении своей страны в западноазиатскую Японию. Война, революция, радикализм и санкции разрушили эти мечты, но если Тегеран согласится с компромиссом по ядерной проблеме, он покинет *скамью штрафников* и... сможет превратиться в *мини-Китай* или *мини-Индию*. Его огромный экономический потенциал будет наконец высвобожден. Америка также выиграет от этого сценария по причинам, которые мало кто себе представляет. ...На протяжении 35 лет американские политики... тратили миллиарды долларов на изощренное оружие, были заключены союзы с весьма сомнительными режимами, для того чтобы сдерживать Иран, вместо того чтобы использовать величайшее оружие Америки — ее *мягкую силу*, обусловленную торговлей и инвестициями»¹, — говорит А. Ханджани.

Такого рода сценарий становится все более вероятным, однако параметры возможного компромисса по ядерной проблеме — и даже его желательность — являются объектами политических дебатов как в США, так и в Иране. Остается открытым и вопрос о том, насколько обоснованы предположения о быстром превращении Ирана в новую *энергетическую сверхдержаву*.

ДВИЖЕНИЕ К ЯДЕРНОМУ КОМПРОМИССУ

В соответствии с условиями принятого 24 ноября 2013 г. Совместного плана действий (СПД), в Иране прекращено обогащение урана до более 5% по ²³⁵U, завершено *разбавление* до 5% по ²³⁵U половины имевшегося у него на 20 января 2014 г. гексафторида урана, обогащенного до 20%, начата конверсия в оксид урана 100 кг гексафторида урана, обогащенного до 20% и примерно 1500 кг гексафторида урана 5%-ного обогащения, отсутствовали технологические линии для реконверсии оксидов урана в его гексафторид. Тегеран предоставил МАГАТЭ информацию и разрешил доступ инспекторам агентства на свои ядерные объекты в соответствии с СПД и т. д.². Это свидетельствует о серьезной заинтересованности Ирана в компромиссном решении ядерной проблемы. В свою очередь США и другие западные страны *разморозили* 4,2 млрд долл. из выручки за экспортированную Ираном нефть и сняли запрет на иранский импорт и экспорт золота и драгоцен-

З
И
И
Л
А
Н
А

АРТЕМ БЛАЩАНИЦА (старший преподаватель кафедры Новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета):

Иран демонстрирует достаточно высокие показатели по размерам разведанных запасов и добыче углеводородного сырья. Кроме того, сегодня эта страна является лидером по производству электроэнергии на Ближнем Востоке и планирует в дальнейшем наращивать объемы, в том числе при серьезном участии российских партнеров. Постоянно растущая в мире, особенно в Азии, потребность в энергоносителях — это отличная возможность для Ирана нарастить свое присутствие на глобальном энергетическом рынке. Вместе с тем в контексте увеличения в стране внутреннего спроса, недостаточно стремительно развивающейся транспортной инфраструктуры для иранского нефтегазового экспорта и достаточно жесткой конкуренции со стороны других государств — лидеров по добыче углеводородного сырья при всем имеющемся у Ирана потенциале его превращение в энергетическую державу возможно, но в долгосрочной перспективе и при более благоприятных политических и экономических условиях.

ностей, запчастей и материалов для автомобильной промышленности и обслуживания гражданской авиации.

Тем не менее переговоры между группой шести и Ираном, которые должны были до 20 июля 2014 г. привести к заключению всеобъемлющего соглашения по урегулированию иранского ядерного кризиса, завершены не были³. Принято решение об их продолжении. Встречи дипломатов проходили, как это обычно бывает, за закрытыми дверями, однако многочисленные утечки информации в общих чертах позволяют определить положение дел.

Остались нерешенными четыре проблемы. Первая — количество центрифуг для обогащения урана, которыми может располагать Иран. Это ключевая проблема предстоящих раундов переговоров. Вторая — изменение конструкции ядерного реактора, строящегося в Араке. Третья — количество и процедуры инспекций, предназначенных для проверки выполнения Ираном будущего всеобъемлющего

соглашения. И наконец четвертая — срок действия этого соглашения.

Сегодня Иран располагает примерно 18,5 тысячами центрифуг *IR-1* первого поколения, из них для обогащения урана используются чуть более 10 тысяч. Установлено также около 1000 центрифуг *IR-2m* второго поколения, которые пока в процесс обогащения урана не вовлечены. Наконец в Натанзе имеется несколько десятков экспериментальных центрифуг *IR-4*, *IR-5* и *IR-6*⁴. Предполагается, что при использовании всех центрифуг первого и второго поколения Иран сможет в течение двух месяцев произвести 25 кг урана, обогащенного до 90%, необходимых для одного ядерного боезаряда⁵. Хотя эти оценки приблизительны, при возобновлении Ираном обогащения урана он может в течение года накопить ядерной взрывчатки, достаточной для создания от двух до шести боеприпасов.

США в начале последнего раунда переговоров настаивали на потолке в 1500 центрифуг, но затем согласились увеличить его, по одним данным, до 6000, по другим — до 5000 единиц⁶. В свою очередь в июле 2014 г. иранские переговорщики дали понять, что Иран согласен заморозить количество имеющихся на данный момент центрифуг, но никоим образом не готов снижать его. Вместе с тем, по словам руководителя иранской делегации на переговорах, министра иностранных дел Мохаммеда Джавада Зарифа, его страна согласна хранить низкообогащенный уран, полученный на этих центрифугах, не в виде газообразного гексафторида, а в виде твердых оксидов урана и отказаться от конверсии последних в гексафторид⁷. Это важно, поскольку обогащение урана возможно только в том случае, если он находится в газообразной форме. Таким образом, гарантированное отсутствие мощностей по конверсии может оказаться тем самым компромиссным вариантом, который сдвинет с мертвой точки вопрос о количестве центрифуг.

Сблизились позиции *шестерки* и Ирана по реактору, строящемуся в Араке. Тегеран предлагает изменить его конструкцию так, чтобы количество плутония, который он способен произвести, было бы не 9 кг в год, как это планировалось изначально, а 2 кг. Партнеры по переговорам настаивают, чтобы годовая производительность реактора не превышала 1 кг плутония⁸. Сохраняются расхождения относительно механизмов проверки выполнения соглашения и сроков его действия. Иран готов принимать инспекции МАГАТЭ на условиях Дополнительного протокола к типовому соглашению о гарантиях МАГАТЭ, тогда как США настаивают на более интрузивных процедурах. Нет согласия относительно проверки информации, относящейся к прошлой военной ядерной деятельности Ирана⁹. Наконец *шестерка* добивается, чтобы срок действия соглашения был не менее 20 лет, Иран же согласен на его значительно меньшую продолжительность.

Но, несмотря на существенный прогресс, достигнутый с ноября 2013 г., вопрос о том, когда и в какой форме будет достигнуто решение иранского ядерного кризиса и будет ли оно достигнуто вообще, остается открытым. История переговоров по разоружению и нераспространению показывает, что обсуждение проблем, в которых переплетаются технические и стратегические аспекты, может длиться годами. Стороны ведут бесконечные дискуссии по мелким и мельчайшим техническим деталям, тогда как ключевые вопросы остаются в подвешенном состоянии. Их урегулирование обычно происходит в форме пакетных сделок, требующих принципиальных политических решений. Принять их особенно трудно в случае иранского ядерного кризиса, поскольку компромиссное решение, каким бы оно ни было, предполагает сохранение за Ираном некоторой потенциальной возможности, выйдя из соглашения, начать производство ядерного оружия.

Иранский подход к ядерной проблеме определяется двумя во многом противоречащими друг другу тенденциями. В этом десятилетии в Тегеране усилились позиции прагматического крыла во главе с нынешним президентом Х. Рухани, которое, возможно, осознает бесперспективность противостояния с Западом и готово отказаться от ядерного оружия или по крайней мере надолго заморозить его создание, с тем чтобы снять санкции, восстановить экономику и, — это самое интересное! — попытаться установить более или менее конструктивные отношения с США, а в перспективе, не исключено, стать привилегированным партнером Америки в регионе. Такая стратегия в наибольшей мере отвечает национальным интересам Ирана, но требует пересмотра доминирующих идеологических и стратегических установок.

Однако будущее соглашение по ядерной проблеме, отвечающее интересам *модернизаторской* части иранского истеблишмента, должно быть приемлемо и для консервативной группировки, играющей сегодня хотя и не решающую, но очень важную роль во внешней и внутренней политике страны. В этой группе ключевое место принадлежит руководителям Корпуса стражей исламской революции (КСИР), части высшего шиитского духовенства, уверенной, что Америка есть *воплощение сатаны*, а *ядерный холокост* угоден Аллаху, и некоторым другим кругам, не готовым к изменению нынешнего курса Ирана. С одной стороны, они не могут не понимать, что сохранение и возможное ужесточение экономических санкций будет и далее усугублять и без того тяжелое положение в стране и скорее рано, чем поздно, взорвет внутривнутриполитическую ситуацию с непредсказуемыми в деталях, но, бесспорно, опасными для них последствиями. С другой — они выступают против крупных перемен во внешней политике как по идеологическим соображениям, так и в силу опасений, что урегулирование ядерной проблемы и снятие санкций, открывающее путь для постепенной модернизации иранской экономики и социально-политических институтов, не говоря уже о возможном сближении с США, могут ослабить их позиции в иранской экономике и бюрократической системе. Эти круги могут рассчитывать на то, что в Вашингтоне в конечном итоге пойдут на уступки и откажутся от своего требования о сокращении парка центрифуг. В этом случае они, с одной стороны, сохранят потенциал гипотетического создания ядерного оружия, а также свою репутацию внутри страны, а с другой — избавятся от удушающих иранскую экономику санкций.

В этой ситуации Западу, прежде всего США, требуется решить для себя два вопроса. Первый — какой уровень риска, связанного с потенциальным выходом Ирана из будущего соглашения по ядерному урегулированию, приемлем. С технической точки зрения этот вопрос формулируется следующим образом — насколько длительным должен быть период между началом обогащения урана свыше 5% и испытанием первого образца ядерного взрывного устройства. Второй вопрос, что лучше (или, точнее, что хуже):

- соглашение, которое позволяет Ирану сохранить некоторый потенциал производства ядерного оружия, но одновременно серьезно ограничивает иранские ядерные усилия и ставит их под международный контроль; или
- сохранение жестких экономических санкций, но одновременно бесконтрольные и не ограниченные никакими международными мерами усилия Ирана по созданию ядерного оружия.

Ответов на эти вопросы нет. Сторонники жесткой линии в отношении Ирана справедливо замечают, что появление у Ирана ядерного оружия скорее всего спровоцирует в регионе эффект домино, прежде всего через обретение ядерного оружия Саудовской Аравией. Эр-Риад, например, может попросту купить в Пакистане несколько ядерных боезарядов. В итоге противостояние между Саудовской Аравией и Ираном в зоне Персидского залива, а в более широком контексте — противостояние в этом регионе между суннитами и шиитами может приобрести ядерное измерение. Последствия для международной стабильности и мировой энергетической безопасности, естественно, могут быть самыми неприятными.

Кроме того, подход США к урегулированию иранского ядерного кризиса имеет внутривосточное измерение. Линия администрации Б. Обамы на мировой арене в целом и в отношении Ирана в частности является предметом острой критики со стороны республиканцев, в том числе в американском конгрессе. Любые уступки Тегерану интерпретируются и будут интерпретироваться как недопустимая слабость Белого дома, чреватая для Соединенных Штатов и их союзников в регионе серьезными опасностями. Нельзя не учитывать также влияние израильского и саудовского лобби. Для Израиля и Саудовской Аравии неприемлемо не только ядерное вооружение Ирана, но и его стратегическое сближение с Соединенными Штатами, которое ослабит международные позиции этих двух стран.

И самое главное, сторонники жесткой линии в отношении Ирана указывают, и совершенно справедливо, на то, что главным фактором, побудившим Тегеран к поискам компромисса по ядерным проблемам, является воздействие экономических санкций. В 2013 г. в результате санкций иранский ВВП упал на 5%, безработица возросла, по американским данным, до 20% трудоспособного населения, из примерно 100 млрд долл. иранских средств, размещенных в иностранных банках, было заморожено от 60 до 80 млрд долл., инфляция достигла 50–70%¹⁰. Эти обстоятельства, естественно, подталкивают американское руководство к выводу о том, что сохранение и ужесточение санкций в конечном итоге заставят Тегеран полностью принять американскую позицию по количеству центрифуг и другим не решенным пока вопросам ядерного урегулирования.

Но это лишь одна сторона сложной расстановки сил и мнений в американском политическом и бюрократическом истеблишменте относительно отношений с Ираном. Немалую роль в нем играют сторонники компромиссного урегулирования иранского ядерного кризиса. Они считают, что, получив ядерное оружие, Тегеран избавится от параноидальных опасений за свою безопасность и его внешняя политика обретет более рациональный характер, а это в свою очередь сделает возможным сближение Ирана с Западом.

При этом не вызывает сомнений, что в случае срыва переговоров Иран возобновит бесконтрольное обогащение урана, построит реактор в Араке и в конечном итоге получит ядерное оружие. Так, в заявлении американской Ассоциации по контролю за вооружениями говорится, если компромиссное решение достигнуто не будет, то:

- не удастся наложить ограничения на иранский потенциал по обогащению урана — Иран сможет возобновить его обогащение до более высоких уровней и нарастить свои запасы обогащенного урана. Время, которое потребуется Ирану для получения оружейного ядерного материала, не увеличится, а, наоборот, сократится;
- инспекции иранских ядерных объектов, вероятно, продолжатся, но вне контроля останется необъявленная ядерная деятельность и необъявленные объекты, которые, скорее всего, играют ключевую роль в производстве ядерного оружия;
- санкции против Ирана останутся, возможно, некоторые из них усилятся, однако санкции сами по себе не могут остановить осуществление иранской ядерной программы; поддержка санкций со стороны союзников США может сократиться¹¹.

Наконец в США и, по-видимому, в еще большей мере в Европе имеет место и та точка зрения, что ядерное вооружение Ирана не несет в себе серьезной опасности ни для интересов Запада, ни для безопасности Израиля. Збигнев Бжезинский в частности заявляет: «Израиль имеет реальную ядерную монополию в регионе, и так будет в течение длительного времени. ...Совершить самоубийство своими необдуманными действиями как только у них появится одна бомба иранцы точно не захотят. ...Что вы будете делать с одним ядерным боеприпасом, который у вас только-только появился... и от расплаты за применение которого вам не защититься ничем? А израильтяне имеют, по разным оценкам, от 150 до 200 бомб»¹².

Таким образом, перспективы решения иранской ядерной проблемы зависят не столько от технических факторов, сколько от стратегических расчетов. Речь идет не о том, сохранит Иран или нет некоторый производственный потенциал, позволяющий ему в случае принятия соответствующего решения начать обогащение урана, а о том, насколько это приемлемо или не приемлемо для Запада, прежде всего для США. Ответ на этот по сути дела политический вопрос имеет политический характер и зависит, помимо всего прочего, от глобального стратегического и геополитического контекста. Его эволюция как на глобальном уровне, так и в ближневосточном регионе стимулирует поиски компромиссных решений иранской ядерной проблемы.

В последние годы стратегическое мышление и внешнеполитическая практика в странах Запада, прежде всего в США, все более складывались под влиянием гипотезы о формировании *новой биполярности*. В обозримой перспективе, утверждают ее сторонники, мировая политика будет все больше зависеть от взаимодействия Соединенных Штатов и Китая, экономическое, политическое и военное влияние которого будет неуклонно возрастать как на глобальном уровне, так и, особенно, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такие представления, типичные для современного геополитического дискурса, не учитывают усиливающиеся в Китае экономических трудностей и сопряженных с ними внутривнутриполитических противоречий. Это еще раз доказывает инерционность современного политического мышления и его неспособность предвидеть радикальные изменения сложившихся трендов. Тем не менее переориентация интеллектуальных, политических, экономических, военных и иных ресурсов Соединенных Штатов на предполагаемое противостояние с Китаем, сначала на региональном, а затем на глобальном уровне в международных театрах происходит. Но, для того чтобы усилить американские позиции в Азии США, необходимо перенаправить туда политические и иные ресурсы, которые сегодня задействованы на Ближнем Востоке, иными словами, снизить актуальную и потенциальную вовлеченность в ближневосточные дела, а это в свою очередь подталкивает к договоренности с Ираном по ядерной проблеме.

Заинтересованность США и европейских государств в компромиссе с Ираном усиливается также в результате острого международно-политического кризиса вокруг

Украины. К лету 2014 г. противодействие российской политике в отношении Украины, прежде всего прекращение *гибридной войны* в Донбассе, стало ключевой задачей внешней политики США и большинства европейских стран. Изменился европейский стратегический ландшафт. Особое место в нем заняло пространство, протянувшееся широкой полосой между Балтийским и Черным морями, включающее их акватории, прибалтийские государства, страны Вышеградской группы, Румынию, Молдову, Белоруссию и Украину. В этой зоне сосредоточено политическое и в растущей степени военное противостояние России и государств — членов НАТО. Фактически здесь возник новый эпицентр системы стратегических взаимодействий Северного полушария. Хотя сегодня практически невозможно более или менее обоснованно прогнозировать развитие событий вокруг Украины, очевидно, что кризис в отношениях между Россией и Западом обрел мощную инерцию и вряд ли он будет разрешен в ближайшие годы, а нестабильность в Украине и война в Донбассе непосредственно затрагивают интересы безопасности ряда стран — членов НАТО. США и европейские государства не заинтересованы в том, чтобы распылять свои далеко не безграничные ресурсы между российско-украинской и иранской проблематикой. И поскольку (по крайней мере на момент написания этой статьи) напряженность вокруг Украины нарастает, а последствия этого для ведущих стран Запада явно важнее, чем события на Ближнем Востоке, последние не могут не стремиться к сокращению своей вовлеченности в ближневосточные проблемы и, следовательно, к урегулированию иранского ядерного кризиса. Кроме того, намерение Запада снизить зависимость Европы от поставок российского газа повышает интерес США и европейских государств к освоению и эксплуатации иранских углеводородных месторождений и усилению роли Ирана на мировом энергетическом рынке.

Развитие событий на региональном уровне также подталкивает Запад к компромиссу с Ираном. Продвижение Ирана к ядерному оружию в отсутствие такого компромисса будет намного более быстрым, чем в случае, если он будет найден. Следовательно, возрастает угроза военного удара Израиля по иранским ядерным объектам, который с высокой вероятностью может спровоцировать вооруженный конфликт в зоне Персидского залива, неизбежно втягивающий в себя Соединенные Штаты и вызывающий скачок цен на нефть, политические и экономические последствия которого труднопредсказуемы.

Понятно также, что если удастся договориться с Тегераном о приемлемом для США и европейских государств компромиссе по ядерной программе, то появится перспектива стратегического сближения Ирана и Запада. Не противостоящий Западу шиитский Иран может стать важным инструментом противодействия суннитским террористическим организациям. Снижение напряженности в ирано-американских и ирано-европейских отношениях с высокой вероятностью будет способствовать смягчению иранского внешнеполитического поведения, особенно если иранский истеблишмент после снятия санкций почувствует вкус к сближению с Западом. Помимо всего прочего это будет сдерживать активность *Хизбаллы* и *Хамаса*. Наконец появление в регионе Ирана как потенциального партнера, а не противника Запада сократит не только энергетическую, но и политическую зависимость США и европейских стран от Саудовской Аравии, расширит их возможности балансировать между Ираном и арабскими государствами Персидского залива.

НЕФТЯНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИРАНА

Сразу после объявления в ноябре 2013 г. о согласовании СПД в средствах массовой информации, а частично и в аналитических публикациях распространилось предположение о том, что в случае окончательного разрешения иранского ядерного кризиса в Иран хлынут массовые иностранные инвестиции, добыча нефти и газа быстро увеличится, вызвав обвал цен и, соответственно, крах российской экономики. В этом есть своя логика. По доказанным запасам нефти Иран находится на четвертом месте в мире после Венесуэлы, Саудовской Аравии и Канады, а по запасам газа — на первом.

Таблица 1. Первые шесть стран по доказанным запасам углеводородов, данные за 2013 г.¹³

Нефть*			Газ**		
страна	запасы	экспорт	страна	запасы	экспорт
Венесуэла	298	1,4	Иран	33,8	3
Саудовская Аравия	266	7,7	Россия	31,3	199
Канада	174	1,6	Катар	24,7	133
Иран	157	1–1,5	Туркменистан	17,5	40
Ирак	150	2,6	США	9,3	-49
Россия	93	7,4	Саудовская Аравия	8,2	0

*Запасы — млрд баррелей, экспорт — млн баррелей в день.

**Запасы — трлн м³, экспорт — млрд м³ в год.

Важно, что Иран, как и Россия, одновременно имеет запасы как нефти, так и газа глобального значения. Других таких стран в мире нет. При этом себестоимость добычи нефти в Иране — около 2,5–3 долл./баррель — значительно ниже, чем в большинстве других нефтедобывающих стран, что делает инвестиции в ее добычу весьма привлекательными для международных энергетических корпораций.

Таблица 2. Средняя себестоимость добычи традиционной нефти в различных странах¹⁴

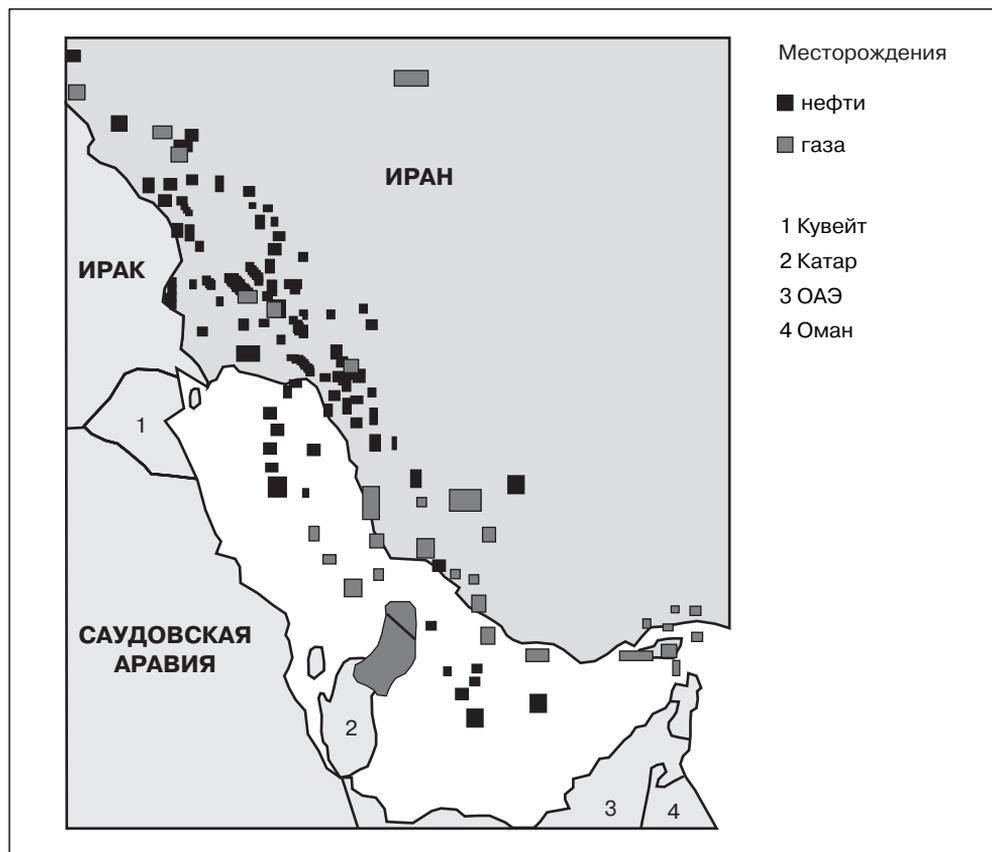
Страна	Долл./баррель
ОАЕ, Кувейт, Саудовская Аравия	1,5–2
Иран	2,5–3
Ангола, Ливия, Мексика, Алжир, Нигерия	3–5
Ирак, Бразилия, Венесуэла, Азербайджан, США (Мексиканский залив)	5–10
Норвегия, Казахстан, Китай	10–15
США (Аляска)	16
Россия	В среднем 20 ¹⁵
Канада	26

Кроме того, практически все известные сегодня иранские месторождения нефти и газа расположены в сравнительно узкой полосе, идущей с севера на юг сначала вдоль границы с Ираком, а затем по обе стороны от иранского побережья, как на суше, так и в акватории Персидского залива. Это, помимо всего прочего, сводит к минимуму транспортные издержки, позволяя в частности строить нефтяные терминалы, заводы по сжижению газа и загрузочные терминалы сжиженного природного газа (СПГ) в непосредственной близости к местам добычи природного газа.

Сочетание огромных запасов нефти и удобного с точки зрения транспортировки расположения ее месторождений теоретически создает возможность в несколько раз увеличить иранский нефтяной экспорт. Однако достижение этой цели сталкивается с серьезными трудностями. Исторический максимум добычи нефти в Иране — 6,6 млн баррелей в день (мбар./д), причем примерно 90% экспортировалось, — имел место в 1974–1975 гг.

Рисунок 1. Расположения иранских месторождений нефти и газа

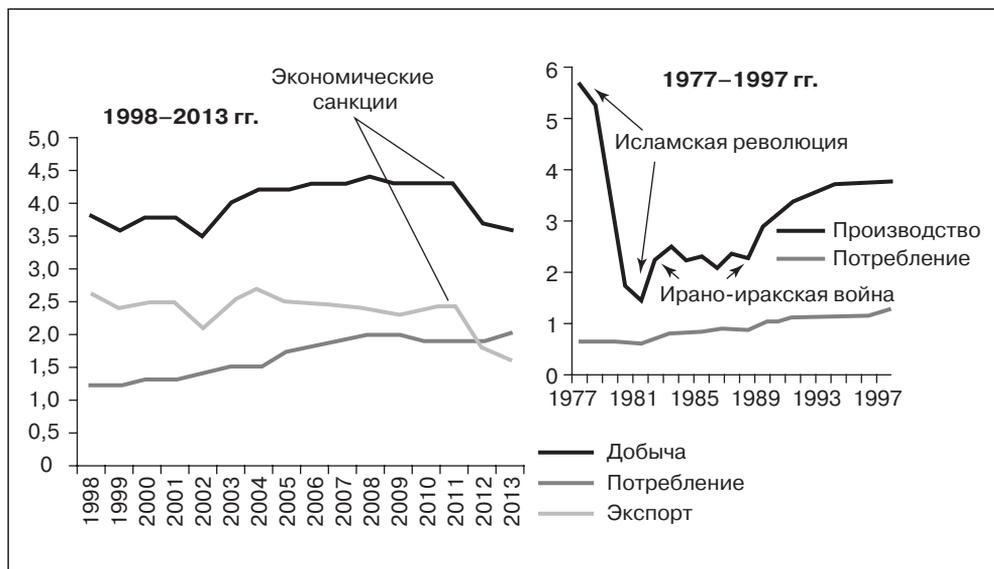

Источник: EIA.

Сначала исламская революция 1978–1979 гг., а затем война с Ираком привели к более чем троекратному падению добычи нефти. Вплоть до конца 1980-х гг. она ненамного превышала 2 мбар./д. После прекращения войны, стабилизации внутривосточного положения и частичного восстановления экономики, подорванной революционным хаосом и *исламизацией* общественной жизни, Ирану удалось увеличить производство нефти в 2003–2011 гг. до 4–4,5 мбар./д и довести ее экспорт до 2,3–2,5 мбар./д.

Санкции, введенные в 2010–2011 гг., привели к заметному снижению производства и экспорта нефти при сохранении внутреннего потребления примерно на уровне 2 мбар./д. Имеются различные оценки величины этого падения. Так, в ежегодном обзоре мировой энергетики, подготовленном *BP*, предполагается, что добыча и экспорт нефти в 2013 г. сократились примерно на 0,8 мбар./д по сравнению с пиковыми уровнями (соответственно 4,4 и 2,4 мбар./д), достигнутыми в 2008 г.¹⁶ По оценкам американской *Energy Information Administration (EIA)*, падение было заметно более существенным: если в 2011 г. в Иране добывалось 4,2 мбар./д жидких углеводородов, в том числе примерно 3,7 мбар./д сырой нефти, то в 2013 г. производство сырой нефти не превышало 2,7 мбар./д, а газового конденсата и жидких компонентов (*natural gas plant liquids*) в сумме было произведено около 0,5 мбар./д.¹⁷ Экспорт нефти снизился до 1 мбар./д, сократившись на 1,5 мбар./д, а соответствующая выручка в эти годы уменьшилась со 100 млрд до 35 млрд долл.¹⁸

Рисунок 2. Производство, потребление и экспорт нефти в Иране (по данным EIA и BP)

В целом же ответ на вопрос о том, превратится ли Иран в энергетическую сверхдержаву после снятия санкций, и если да, то как быстро, зависит от масштабов иностранных инвестиций в его нефте- и газодобывающие отрасли и доступности соответствующих технологий. Если будет изменено национальное законодательство, которое после свержения шахского режима не слишком благоприятно для иностранных инвестиций, Иран, вполне вероятно, сможет привлечь необходимые средства.

Перспектива снятия с Ирана экономических санкций, естественно, поставила четыре вопроса: как быстро Иран сможет восстановить *досанкционный* уровень добычи нефти? какими будут затраты, необходимые для этого? каковы дальнейшие перспективы наращивания производства нефти? и как рост добычи нефти в Иране может повлиять на динамику мировых цен на нефть?

По планам иранских властей, к 2018 г. в Иране будет добываться 5,7 мбар./д нефти, для чего требуется 14 млрд долл. инвестиций¹⁹. Многие специалисты скептически оценивают эти планы, указывая, что сокращение ее производства с конца 1970-х гг. обусловлено не только переходящими обстоятельствами: революцией, войной и экономическими санкциями, — но, главное, общей технической деградацией добывающей промышленности. В частности более 60% иранской нефти добывается на месторождениях, открытых и введенных в эксплуатацию еще до национализации нефтяной промышленности, т.е. в 1950–1960-е гг., пик добычи на них давно пройден, а используемые технологии добычи сильно устарели. Сверхкрупные (иранские. — Ю. Ф.) месторождения, в том числе Гачсаран, Агха Джари, Ахваз, Марум и Парси, находятся в скверном состоянии, давление (в пластах. — Ю. Ф.) быстро падает, а уровень воды повышается. Достижение предреволюционного производства нефти остается мечтой, а предсанкционного будет весьма трудным. ...Если Иран сможет привлечь необходимые инвестиции и технологии, ему понадобится 3–4 года, чтобы добыча нефти превысила уровень в 4 мбар./д²⁰.

Такие оценки выглядят убедительными, но они не учитывают нескольких важных обстоятельств. После заключения СПД иранское руководство неоднократно заявляло о намерениях быстро восстановить добычу нефти до уровня, на котором она была во второй половине прошлого десятилетия, т.е. до 4,0–4,4 мбар./д²¹. Это

предполагает не освоение и введение в эксплуатацию новых месторождений, а прежде всего расконсервацию заглушенных в 2012–2013 гг. скважин. Консервация и расконсервация нефтяных скважин — процесс, хорошо известный и сравнительно простой²². В свете этого непонятно, почему восстановление добычи нефти до *предсанкционного* уровня должно занять несколько лет и потребовать многомиллиардных инвестиций. Каких-либо конкретных доказательств этого при подготовке данной статьи обнаружить не удалось.

Другой вопрос, что поддержание добычи на этом уровне в течение нескольких лет действительно потребует освоения новых месторождений, поскольку эксплуатируемые сегодня залежи нефти быстро истощаются. По оценкам, сделанным до введения санкций, для этого Ирану до 2020 г. потребовалось вложить в нефтяную промышленность от 130 до 145 млрд долл., т. е. 23–30 млрд долл. ежегодно, начиная с 2014–2015 гг.²³. Это, по крайней мере теоретически, может быть сделано без привлечения дополнительных иностранных инвестиций, поскольку ежегодная выручка от экспорта нефти в *досанкционный* период составляла около 100 млрд долл.

Кроме того, Тегераном поставлена задача привлечь в нефте- и газобывающую отрасли 100 млрд долл. иностранных инвестиций²⁴. С этой целью в Иране рассматриваются правила, регулирующие участие иностранного капитала в освоении и эксплуатации углеводородных запасов: вместо используемой до последнего времени схемы *buy-back* предполагается ввести соглашения, основанные на разделе продукции, что гораздо привлекательнее для крупных иностранных инвесторов. Далее, в иностранных банках заморожено около 100 млрд долл., часть из них в случае снятия санкций может быть инвестирована в освоение новых запасов нефти. Наконец ведется работа по освоению нескольких крупных месторождений, общая добыча на которых к концу десятилетия должна составить 0,6–0,65 мбар./д.

Таблица 3. Месторождения, планируемые к вводу в эксплуатацию до 2020 г.²⁵

Месторождение	Запасы, млрд баррелей	Планируемая добыча нефти к 2020 г., мбар./д
Азадеган	6–7	0,260
Ядаван	3,2	0,135–0,185
Яран	1,1	0,05–0,06
Азар	?	0,065
Южный Парс	3	0,055
Другие	1,1	0,022
Итого	14,3–15,3	0,6–0,65

Таким образом, можно ожидать, что в случае урегулирования ядерного кризиса Иран сможет относительно быстро увеличить добычу нефти до 4–4,5 мбар./д, а к концу десятилетия довести ее как минимум до 5 мбар./д. Более значительный рост производства нефти возможен при условии действительно массированных иностранных инвестиций. Исключать этого нельзя, но более или менее обоснованно оценить его вероятность невозможно.

Если эти прогнозы оправдаются, а внутреннее потребление не вырастет сколько-нибудь заметно, то экспорт иранской нефти к концу десятилетия может возрасти до 3 мбар./д, что составит около 5% от мировой торговли нефтью в 2013 г. Само по себе такое увеличение предложения нефти вряд ли серьезно снизит цены на мировом рынке. Так, по оценкам Института энергетических исследова-

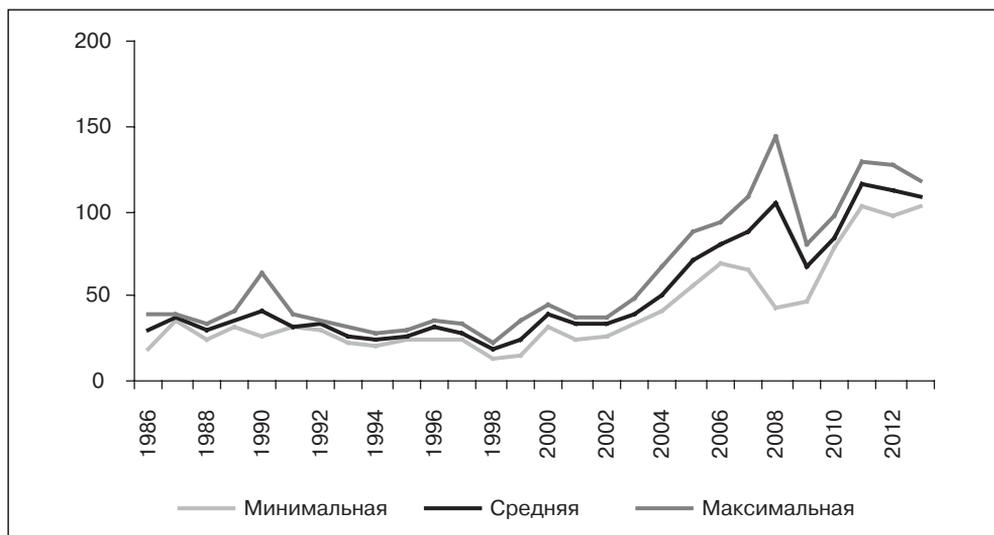
ний (ИНЭИ) РАН, основанных на моделях, принимающих во внимание соотношение спроса и предложения, снятие санкций с Ирана в сочетании с повышением роли новых нефтедобывающих стран Южной Америки способно снизить мировые цены на нефть не более чем на 10%, т. е. примерно до 90–92 долл. за баррель²⁶.

Проблема, однако, в том, что модели, основанные на соотношении спроса и предложения, не учитывают некоторые важные факторы динамики цен на нефть. С одной стороны, они складываются под влиянием обстоятельств, состояние и тренды развития которых можно предсказать, по крайней мере теоретически: издержки производства, затраты на разработку новых технологий, открытие и подготовку к эксплуатации новых месторождений, спрос и предложение, налоговая политика ведущих экспортеров и т. д. Эти факторы меняются относительно медленно, и размах их изменений за редкими исключениями сравнительно невелик. Он намного меньше, чем амплитуда изменений цен, в том числе их колебаний в пределах одного года, которая в ряде случаев, как, например, в 2005–2009 гг., сопоставима с их средними значениями.

В самом общем плане причина этого связана с тем, что предметом торговли на мировом нефтяном рынке являются не партии *реальной* нефти, а так называемые деривативы, прежде всего контракты на поставки нефти через определенный промежуток времени, как правило, несколько месяцев. Так, крупные российские специалисты-энергетики пишут: «...физический спрос и предложение нефти в сегодняшнем мире не играют прежней значительной роли при формировании цен. Свидетельством тому является чрезвычайно высокая (2–3-кратная) волатильность цен в кризисный и посткризисный периоды, тогда как объемы реальных поставок нефти менялись в это время всего на 10–12%. Центр ценообразования на нефть постепенно перемещается с рынка физической нефти не только на рынок *бумажной* нефти (с середины 1980-х гг.), но и в нефтяные сегменты мирового (глобального) финансового рынка (с середины нулевых годов нынешнего столетия)»²⁷.

Рисунок 3. Динамика мировых цен на нефть и амплитуда ежегодных колебаний, 1986–2013 гг. (долл./бар.)²⁸

Иными словами, в каждый конкретный момент времени мировая цена на нефть определяется как *объективными* детерминантами — издержками, затратами на обустройство новых месторождений, налоговой политикой стран-экспортеров и т. д., так и во многом факторами субъективного свойства, прежде всего ожида-

ниями тех, кто покупают и продают крупные партии деривативов. В итоге относительно небольшие колебания физического предложения нефти в результате тех или иных политических событий, экстремальных климатических явлений и даже предположения, что такие колебания могут произойти (или не произойти) вызывают всплески или падения цен на нефть в результате массового сброса нефтяных контрактов или, наоборот, повышенного спроса на них.

Возвращаясь к иранской проблематике, можно с уверенностью предположить, что сравнительно небольшое увеличение предложения в сочетании со снижением напряженности военно-политической обстановки в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке в целом неизбежно приведет к стабилизации мирового рынка нефти и, следовательно, снизит привлекательность игры на повышение цен и их снижение.

В свете этого становится понятно предложение Москвы о закупках в Иране 25 млн тонн нефти ежегодно на сумму около 20 млрд долл., расплачиваться за которые Россия намеревалась поставками российских товаров. Это позволило бы Тегерану увеличить экспорт нефти на 500 тыс. баррелей в день, т. е. примерно в 1,5 раза, что, естественно, снизило бы заинтересованность в достижении компромисса с Западом по ядерной проблеме и, столь же естественно, заблокировало бы снятие с Ирана санкций. Однако в ходе российско-иранских переговоров ежегодные объемы нефти, которые Иран был бы готов поставлять в Россию, были снижены в 9–10 раз — до 2,5–3 млн т в год²⁹. Иными словами, заинтересованность Ирана в снятии западных санкций существенно выше, чем в развитии отношений с Россией, а российские товары, что неудивительно, не слишком привлекательны. Кроме того, по мнению иранского внешнеполитического эксперта Хасана Бехештипура: «Иран был бы обязан продавать свою нефть по цене ниже рыночной, а Россия увеличила бы свое влияние на мировом энергетическом рынке, чего иранцы предпочли бы избежать. Россия (подчеркнул Бехештипур!) стремится к монополистической политике и хочет получить исключительную роль энергетического центра мира, поэтому на энергетическом рынке Россия и Иран — не просто союзники, а конкуренты»³⁰.

ИРАНСКИЙ ГАЗ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

В результате потенциального снятия санкций Иран может выйти на мировой и европейский рынки газа. Последнее особенно важно для России, учитывая стремление западных стран максимально сократить поставки российских энергоносителей в Европу. Иранское руководство в свою очередь в полной мере использует обостряющееся противостояние между Россией и Западом в собственных интересах, в частности, чтобы открыть доступ для иранского газа в Европу. В мае 2014 г. министр нефтяной промышленности Ирана Бижан Намдар Зангане заявил, что его страна стремится поставлять природный газ в Европу, чтобы помочь ей диверсифицировать поставки энергоресурсов и снизить зависимость от России. «Будущим страной, способной поставлять газ в очень больших количествах, Иран всегда стремился присутствовать на европейском рынке, поставляя его по газопроводам или в сжиженном виде», — заявляет Б. Н. Зангане³¹.

Появилась информация о том, что Иран обсуждает с неназванной страной в Европе поставки иранского газа на сумму до 25 млрд долл. Если ориентироваться на средние цены, по которым *Газпром* продает газ в Европу, речь идет о примерно 62 млрд м³ в год. Иран, однако, может предложить Европе и более низкую, чем Россия, цену³². Если эта информация отражает реальные планы и расчеты, поставки иранского газа в Европу могут серьезно ослабить позиции *Газпрома* на этом континенте (в 2010–2013 гг. поставки российского газа в Европу колебались от 130 до 160 млрд м³ в год).

В августе 2014 г. Али Маджеди, заместитель иранского министра нефти по международным отношениям, сообщил, что Иран готов поставлять газ в Европу через газопровод *Набукко* и две европейские страны заинтересовались этим³³. Наблю-

датели сразу же обратили внимание на то, что проект *Набукко* был фактически снят с повестки дня в 2013 г. Следовательно, Маджеди мог либо оговориться, имея в виду на самом деле подключение Ирана к *Трансадриатическому (ТАР)* и *Транс-анатолийскому (ТАНАР)* газопроводам, соединяющим азербайджанское месторождение Шах Дениз сначала с балканскими странами, а затем с Италией, либо строительство *ITE (Iran–Turkey–Europe)* газопровода, либо речь действительно идет о возрождении *Набукко*.

Последнее, вообще говоря, не исключено. От *Набукко* европейские государства отказались по нескольким причинам: были введены санкции против Ирана, а без иранского газа этот проект был бессмысленным, а кроме того, он не мог конкурировать с российским газопроводом *Южный поток*. Но поскольку строительство последнего фактически заблокировано Европейским союзом и надежды на его возобновление иллюзорны, в Европе вполне могут вернуться к *Набукко*. Причин тому две. Будущие поставки газа по *ТАР–ТАНАР* невелики — около 10 млрд м³ в год. Это обусловлено ограниченными возможностями Шах Дениза: реализация второй очереди этого проекта, что должно стать основным источником газа для этого трубопровода, позволит увеличить добычу газа там всего на 8–12 млрд м³ в год³⁴. Перспектива строительства Транскаспийского газопровода, соединяющего богатые туркменские газовые месторождения с азербайджанскими терминалами для дальнейшей транспортировки в Европу, минимальна. Ашхабад сделал ставку на экспорт газа в Китай и не заинтересован в компромиссном разрешении запутанной проблемы разграничения экономических зон в Каспийском море, без которого строительство Транскаспийского газопровода невозможно. В свете этого возрождение *Набукко*, мощность которого должна быть не менее 30 млрд м³ в год, с иранским участием вполне возможно.

Соответственно, встает вопрос: сможет ли Иран стать заметным игроком на мировом газовом рынке, если будут сняты санкции и он получит инвестиции и технологии, необходимые для быстрого освоения газовых месторождений, прежде всего одного из крупнейших в мире — *Южный Парс*, где находятся около 40% иранских запасов газа³⁵. В 2003–2013 г. добыча газа в этой стране увеличилась почти в 2 раза. На выходе из скважин она составляла соответственно 126 и 226 млрд м³/год, а производство осушенного газа (*dry natural gas*), из которого извлечены все жидкие компоненты, возросло с 82 до 166 млрд м³/год³⁶. Иными словами, сегодня Иран добывает больше газа, чем расположенный рядом Катар, являющийся крупнейшим поставщиком сжиженного газа на мировой рынок.

Однако практически весь прирост добычи был поглощен внутренним потреблением, которое стимулировалось правительственными субсидиями. Кроме того, экономические санкции блокируют участие иностранных компаний в разработке, эксплуатации и транспортировке иранских энергоресурсов. Еще в 1995 г. правительство США запретило американским фирмам участвовать в энергетических проектах в Иране, если объем инвестиций превышал 20 млн долл. В итоге Иран пока играет минимальную роль на мировом газовом рынке: импортирует около 10 млрд м³ газа из Туркмении и экспортирует газ в Армению (около 0,5 млрд м³), Азербайджан (0,25 млрд м³) и в Турцию (8–9 млрд м³). Тем не менее официальные иранские оценки газозэкспортных возможностей страны весьма оптимистичны. Осенью 2013 г. Тегеран объявил об экспортных проектах с общим объемом до 158 млрд м³/год³⁷. По другим данным, к 2020 г. Иран предполагает экспортировать 80 млрд м³ газа в год³⁸.

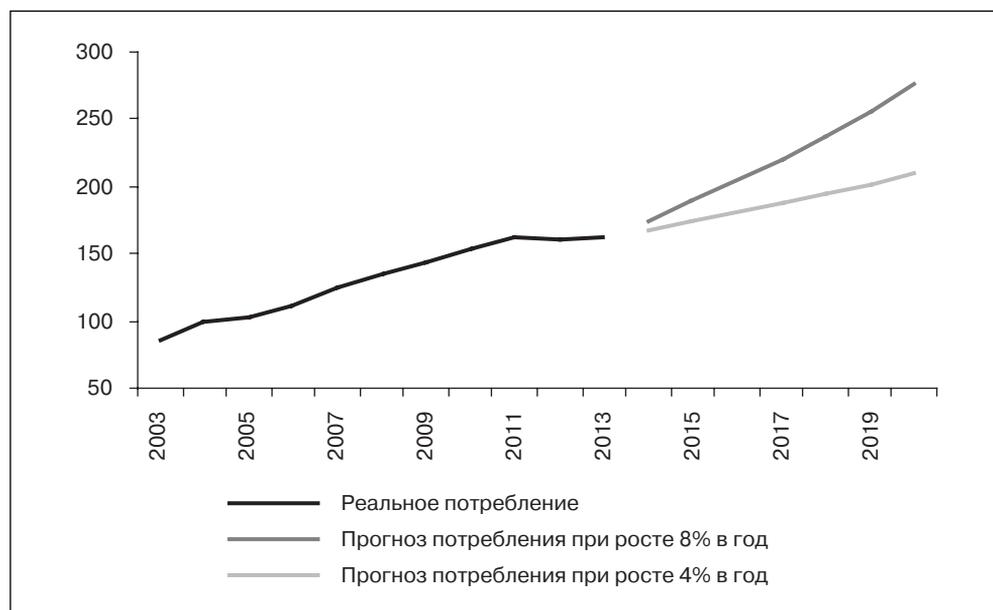
Специалисты, как зарубежные, так и российские, в большинстве своем скептически оценивают перспективы экспорта иранского газа. Так, Лорент Рюзекса, старший советник известной консультационной фирмы *HIS*, полагает, что, если санкции с Ирана будут сняты, то «в долгосрочной перспективе это окажет сильнейшее воздействие на экспорт, но (подчеркнул он!) на это потребуются годы»³⁹. Один из ведущих европейских специалистов по иранской энергетике, Дэвид Джалил-ванд, считает, что дополнительные экспортные возможности Ирана не превысят 10 млрд м³/год, а экспортные объемы, сопоставимые с 50 млрд м³/год, в ближайшие два десятилетия просто недостижимы, главным образом в результате роста

внутреннего потребления и малой вероятности институциональных реформ, снижающих темпы роста потребления газа в стране⁴⁰. По оценкам ИНЭИ РАН, к 2020 г. Иран может нарастить добычу до 215 млрд м³/год, а к 2030 г. — до 260 млрд м³/год, что позволит ежегодно экспортировать 30–35 млрд м³ газа⁴¹. На чем основаны все эти оценки, неясно.

На деле перспективы экспорта иранского газа зависят от роста его производства и, соответственно, от инвестиций, в том числе иностранных, внутреннего потребления, наличия газопроводов и заводов по сжижению. В 2000-е гг. и производство, и потребление газа в Иране росло очень быстрыми темпами — в среднем 7,7–7,8% в год, и в 2003–2011 гг. увеличилось почти в 2 раза — с 85 до 162 млрд м³/год, но в 2012–2013 гг. рост потребления газа практически прекратился, резко замедлился рост его добычи⁴². Возможно, это было вызвано падением ВВП в стране в результате санкций.

Рисунок 4. Потребление природного газа в Иране, 2003–2020 гг. (млрд м³/год; без учета газа, закачиваемого в скважины для добычи нефти)⁴³

Сколько-нибудь обоснованные оценки потребления газа иранскими предприятиями и населением в ближайшие 5–6 лет вряд ли возможны. Оно зависит от динамики ВВП, экономической политики правительства и ряда других столь же труднопрогнозируемых факторов. Можно лишь указать, что если сохранятся темпы его роста, характерные для 2003–2010 гг., то он к 2020 г. достигнет 270–280 млрд м³/год, а если они снизятся до 4%, то его величина составит примерно 210 млрд м³/год.

Столь же трудно обоснованно оценить будущее производство газа в Иране. Одна из причин этого — невозможность предугадать величину и характер иностранных инвестиций в случае отмены санкций. Единственным, хотя и не очень надежным ориентиром могут служить нынешние планы Ирана по добыче газа. По прогнозу иранской *Pars Oil and Gas Company*, занимающейся разработкой и эксплуатацией месторождения *Южный Парс*, освоение с 13-й по 24-ю фаз этого месторождения добавит к нынешней добыче газа 142 млрд м³/год⁴⁴. По данным американской *Energy information administration*, освоение фаз 11–24 может прибавить к сегод-

няшной добыче газа в Иране еще примерно 195 млрд м³/год (без газового конденсата)⁴⁵. В какой мере нынешние планы реалистичны, сказать трудно, но если они осуществляются, то к 2020 г. производство газа (без газового конденсата) достигнет 370–420 млрд м³/год, без учета потенциального увеличения добычи на других, кроме *Южного Парса*, месторождениях. Это означает, что экспортные возможности Ирана к 2020 г. составят от 60 до 170 млрд м³/год, при условии, что объем газа, закачиваемого в скважины для увеличения добычи нефти останется на нынешнем уровне — около 28–30 млрд м³/год.

Таблица 4. Экспортные возможности Ирана к 2020 г., млрд м³/год

Дополнительная добыча на месторождении Южный Парс	При росте внутреннего потребления газа в среднем на	
	8% в год	4% в год
145	60	130
195	120	170

Источник: EIA.

С этими расчетами можно соглашаться или не соглашаться, но по крайней мере они совпадают по порядку величины с только что упомянутыми иранскими планами расширения экспорта до 80 или даже 158 млрд м³/год.

Выход на мировой газовый рынок невозможен без предприятий по сжижению газа и газопроводов, соединяющих месторождения с иностранными импортерами. В настоящее время около 90% экспорта иранского газа приходится на Турцию. Летом 2014 г. завершено строительство газопровода в Ираке. В 2015 г. по нему планируется поставить от 1,5 до 3 млрд м³, в 2016 г. — 5,5 млрд м³, а в 2017 г. — до 10 млрд м³ газа⁴⁶. В марте 2014 г. было подписано ирано-оманское соглашение о строительстве 200-километрового подводного газопровода мощностью 7,5 млрд м³/год стоимостью в 1 млрд долл. для поставок в Оман иранского газа начиная с 2017 г.⁴⁷

В подвешенном состоянии остается строительство газопровода, протяженностью около 2800 км, соединяющего иранские газовые месторождения в зоне Персидского залива с пакистанскими и, в перспективе, индийскими потребителями. Иран завершил сооружение своей части газопровода, тогда как Пакистан пока не приступил к строительству своего участка. Ссылаясь на экономические санкции, введенные против Ирана, пакистанское руководство, судя по всему в результате давления со стороны США, добилось отсрочки завершения проекта до 2016 г.⁴⁸. Максимальная мощность этого газопровода с учетом возможных потребителей в Индии — 40 млрд м³/год, но пока предполагается, что Пакистан будет импортировать не более 8 млрд м³/год.

В различной стадии обсуждения находятся проекты строительства газопроводов в Сирию, Кувейт, Бахрейн и ОАЭ совокупной мощностью 22–25 млрд м³/год. Как и Оман, названные государства Персидского залива заинтересованы в иранском газе прежде всего для осуществления масштабных проектов по опреснению морской воды. В целом же географическая направленность этих газопроводных проектов свидетельствует о том, что Иран готовится выступить прежде всего как важный источник снабжения газом близлежащих государств и, возможно, в более отдаленной перспективе, Индии. Если бы амбиции Ирана не выходили за пределы этого региона, его газовые проекты не угрожали бы российским интересам в Европе.

Однако, как уже говорилось, Иран весьма заинтересован в проникновении на европейский газовый рынок. Соответствующие планы поддерживаются турецким руководством, которое стремится превратить Турцию в средоточие газовых

трубопроводов, соединяющих каспийские и иранские месторождения с европейскими потребителями. В частности в феврале 2014 г. по инициативе Анкары были активизированы переговоры о строительстве в дополнение к уже действующему газопроводу мощностью 10 млрд м³/год магистрального газопровода *ITE pipeline* (Iran–Turkey–Europe) протяженностью около 5 тыс. км, по которому иранский газ будет поставляться в Европу⁴⁹. Планируется, что пропускная мощность этого газопровода составит 35 млрд м³/год; инвестиции в его иранскую часть длиной 1800 км от порта Асалуе до города Базарган на границе с Турцией оцениваются в 8,5 млрд долл., а в турецкую — в 4 млрд долл.⁵⁰. Если этот план будет реализован, появление на европейском рынке дополнительно 35 млрд м³ газа заметно снизит зависимость стран Европейского союза от российского экспорта.

Наряду со строительством новых трубопроводов в Иране разрабатываются проекты строительства заводов по сжижению газа. Во второй половине 2000-х гг. предполагалось построить семь крупных заводов по сжижению газа совокупной производительностью 70 млн тонн СПГ (100 млрд м³) ежегодно.

Таблица 5. Иранские проекты строительства заводов сжиженного природного газа⁵¹

Проект	Мощность, млрд м ³ *	Примечания
Иран СПГ	15	Стоимость от 3,3 до 4,6 млрд долл.; строительство приостановлено
Парс СПГ	14	Проектирование приостановлено
Персиан СПГ	22	Проектирование приостановлено
Голшан СПГ	14	На стадии обсуждения или начального проектирования
Лаван СПГ	3–4	
Северный Парс СПГ	28	
Кешм СПГ	4–5	
Итого	100–102	

* 1 т сжиженного природного газа в процессе регазификации производит 1,38 тысяч м³ газа.

Реализация этих проектов либо не начиналась, либо была приостановлена, поскольку, за одним исключением, все они предполагали иностранное участие. После введения экономических санкций против Ирана иностранные участники покинули газовые проекты, а осуществление единственного проекта, полностью финансировавшегося из иранских источников, *Иран СПГ*, было приостановлено в начале этого десятилетия из-за нехватки средств и невозможности получения импортного оборудования. Тем не менее международные энергетические компании заинтересованы в участии в производстве сжиженного газа в Иране и в случае отмены санкций строительство заводов СПГ в Иране может начаться или возобновиться к концу этого или началу будущего десятилетия, а Иран может превратиться в заметного поставщика СПГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начавшиеся после избрания Хасана Рухани президентом Ирана контакты иранских и американских представителей связаны не только с необходимостью урегулировать наконец противостояние относительно ядерной программы. Речь шла и идет о том, чтобы определить возможности и, если они будут сочтены реальными, сфор-

мулировать конкретные пути перестройки всей системы американо-иранских отношений, ослабить нынешнее противостояние и постепенно перейти сначала к политическому, а затем к стратегическому сотрудничеству. Такое развитие событий отвечает глубоким интересам обеих стран, по крайней мере, так как эти интересы понимают и интерпретируют прагматические группы в их правящих элитах.

Первым шагом на этом пути может стать решение ядерной проблемы, предусматривающее сохранение за Ираном некоторого потенциала обогащения урана. Достижение соответствующего компромисса сталкивается с серьезными трудностями. Для влиятельных кругов американского истеблишмента сама мысль об этом неприемлема, а иранские консерваторы отвергают сотрудничество с Западом, особенно с США, как по идеологическим соображениям, так и опасаясь, что кардинальное переосмысление внешнеполитической стратегии Ирана подорвет их позиции внутри страны. Однако исторический опыт показывает, что прагматически понимаемый здравый смысл часто оказывается сильнее идеологизированных установок.

Согласование *всеобъемлющего соглашения* по иранской ядерной проблеме стимулирует глубокие изменения на Ближнем Востоке. Иран может вернуться к той роли, которую он играл в 1960–1970-е гг., до падения шахского режима. Менее быстрыми и менее глубокими будут сдвиги в мировом энергетическом рынке. В нынешнем десятилетии Иран не превратится в энергетическую сверхдержаву. Однако, если, конечно, иранской элите удастся снять препятствия для массивных иностранных инвестиций, экспорт иранских нефти и газа к концу десятилетия по более или менее реалистическим оценкам, может вырасти до 3 мбар./д и 50–60 млрд м³/год соответственно. Для России будет особенно неприятным появление 30–35 млрд м³ иранского газа на европейском континенте. Если же имеющиеся планы увеличения экспорта газа из Ирана до примерно 150 млрд м³/год будут выполнены, но пока это маловероятно, поскольку предполагает наличие нескольких крупных заводов по производству СПГ, Иран займет второе место на мировом газовом рынке, обогнав Катар. Россия потеряет свое нынешнее уникальное положение крупнейшего поставщика газа в Европу, а цены на него упадут, как минимум, на 40–50 долл. за 1000 кубометров⁵².

В какой мере эти планы могут быть выполнены после снятия санкций оценить трудно, поскольку последние были лишь одним из факторов, сдерживающих рост производства нефти и газа. К другим причинам относятся соперничество различных структур, ведомств, политических и бюрократических кланов в иранской верхушке; крупные субсидии на потребление газа внутри страны, приводящие к тому, что рост производства практически полностью поглощается внутренним потреблением, сопротивлением ряда влиятельных политических и бюрократических кликов по привлечению крупных иностранных инвестиций в одну из ключевых отраслей национальной экономики.

Сочетание этих факторов приводит некоторых исследователей к выводу о том, что иранские планы выхода на мировой рынок газа выполнены не будут. Однако преодоление трудностей, вызванных этими обстоятельствами, требует главным образом политических решений, которые становятся более вероятными, по мере того как появляются практические возможности привлечения крупных средств из-за рубежа. Фактически иранские правящие круги стоят перед дилеммой: либо провести серьезные институциональные реформы, снимающие препятствия для принципиального увеличения производства газа, что в конечном итоге соответствует интересам всех групп элиты, либо заморозить нынешнюю ситуацию и не получить ничего.

Примечания

¹ Handjani A. Energy Lawyer, a Senior Adviser to Karv Communications, a strategic communications firm. Looking into the Future: Iran and the United States beyond the P5+1. *The Huffington Post*. 2014, April 26, http://www.huffingtonpost.com/amir-handjani/looking-into-the-future-i_b_4839418.html (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

- ² Status of Iran's nuclear programme in relation to the Joint plan of action. Report by the Director General. IAEA. Board of Governors. GOV/INF/2014/16. 20 July 2014. Restricted distribution.
- ³ Само название *группа шести* вызывает недоумение — в ней помимо шести государств P5+1 (Великобритания, Германия, Китай, Россия, США, Франция) участвует и играет видную роль Высокий представитель ЕС по внешней политике.
- ⁴ Albright D., Izewicz P., Stricker A., and Kelleher-Vergantini S. ISIS Analysis of IAEA Iran Safeguards Report. Institute for Science and international Security. 2014. May 23. P. 2–4.
- ⁵ Migliorini P. Iranian Breakout Estimates: Updated September 2013. Institute for Science and International Security. 2013, October 24, http://www.isisnucleariran.org/assets/pdf/Breakout_Study_24October2013.pdf (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).
- ⁶ Sanger D.-E. Iran Outlines Nuclear Deal; Accepts Limit. *The New York Times*. July 15, 2014. http://www.nytimes.com/2014/07/15/world/middleeast/iran-outlines-nuclear-deal-accepts-limit.html?_r=1 (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).
- ⁷ Так, из диоксида урана низкого обогащения по ²³⁵U изготавливают топливо для ядерных реакторов в виде брусков или таблеток.
- ⁸ Borger J. Iran nuclear talks: gaps remain as deadline approaches. *The Guardian*. 2014, July 18, <http://www.theguardian.com/world/2014/jul/18/iran-nuclear-talks-deadline> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).
- ⁹ Albright D., Heinonen O., and Stricker A. *The Six's Guiding Principles in Negotiating with Iran*. Institute for Science and International Security. 2014, July 22. P. 7–8.
- ¹⁰ Katzman K. Iran Sanctions. CRS Report. Congressional Research Service. 2014, June 26. Washington DC. P. 51–52.
- ¹¹ Statement On Extension of P5+1 Nuclear Talks With Iran. From Daryl Kimball, Executive Director. Arms control association. 2014, July 19, <http://www.armscontrol.org/pressroom/Statement-On-Extension-of-P5%201-Nuclear-Talks-With-Iran> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).
- ¹² A Time of Unprecedented Instability? A conversation with Zbigniew Brzezinski. Foreign Policy. By David Rothkopf. 2014, July 21, http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/07/21/a_time_of_unprecedented_instability_a_conversation_with_zbigniew_brzezinski (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).
- ¹³ По данным: BP Statistical Review of World Energy. June 2014. BP; Серов М., Ходякова Е. *Лукойл и Газпром нефть* не торопятся эвакуировать сотрудников из Ирака. *Ведомости*. 20 июня 2014 г., <http://www.vedomosti.ru/companies/news/27949271/neftyaniki-ne-boyatsya-voynu> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).
- ¹⁴ Левенбук М., Котов В. Энергетический сдвиг. *The Chemical Journal*. N 7–8. P. 60.
- ¹⁵ Себестоимость добычи нефти в России колеблется в зависимости от транспортных расходов от 4–15 долл./бар. в Западной Сибири до 27–41 долл./бар. на проекте *Сахалин-1*. Себестоимость добычи нефти на Арктическом шельфе — до 96 долл./бар. Михаил Левенбук, Василий Котов. Цит. соч. С. 61.
- ¹⁶ BP Statistical review of world energy. June 2014. BP. P. 8, 9.
- ¹⁷ Country Analysis Brief: Iran. U. S. Energy information administration. July 21, 2014. P. 11.
- ¹⁸ Katzman K. Iran Sanctions. CRS Report. Congressional Research Service. June 26, 2014. Washington DC. P. 51–52.
- ¹⁹ Рябова И. Иран запланировал к 2018 г. удвоить нефтедобычу. *Slon*. 14 апреля 2014 г., <http://slon.ru/fast/economics/iran-zaplaniroval-k-2018-godu-udvoit-neftedobychu-1084058.xhtml> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).
- ²⁰ Kashfi M. Kashex International Petroleum Consulting, Dallas. Prospect of sanctions' end highlights woes of Iranian oil and gas industry. *Oil & Gas Journal*, 2014 March 03, <http://www.ogj.com/articles/print/volume-112/issue-3/general-interest/prospect-of-sanctions-end-highlights-woes-of-iranian-oil-and-gas-industry.html> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).
- ²¹ Так, выступая в декабре 2013 г. на конференции министров стран — членов ОПЕК, иранский министр нефтяной промышленности Бижан Намдар Занганех заявил, что Иран «ни при каких условиях не откажется от права нарастить добычу нефти до 4 мбар./д, даже если цена

на нефть упадет до 20 долларов за баррель». Цит. по: Kashfi M. Kashex International Petroleum Consulting, Dallas. Prospect of sanctions' end highlights woes of Iranian oil and gas industry. *Oil & Gas Journal*, 2014 March 03, <http://www.ogj.com/articles/print/volume-112/issue-3/general-interest/prospect-of-sanctions-end-highlights-woes-of-iranian-oil-and-gas-industry.html> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

²² Расконсервация скважин предполагает главным образом подсоединение всех коммуникаций, проверки давления в трубном и затрубном пространствах, а также состояния штуцеров и других компонентов скважины, промывку скважины, разбуривание цементных мостов, т. е. заглушек в стволе скважины.

²³ Katzman K. Iran Sanctions. CRS Report. Congressional Research Service. June 26, 2014. Washington DC. P. 53.

²⁴ По словам Мехди Хоссейни, советника иранского министра нефтяной промышленности, Тегеран планирует привлечь 100 млрд долларов инвестиций. Guy Chazan. Oil majors weigh benefits and costs of return to Iran. *The Financial Times*. 2013, November 3, <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/912cbcd4-418d-11e3-9073-00144feabdc0.html#axzz39cF7dffQ> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

²⁵ Country Analysis Brief: Iran. U. S. Energy information administration. 2014, July 21. P. 15.

²⁶ Сможет ли Иран обрушить мировые цены на нефть — прогноз экспертов РАН. *ИА REGNUM*. 21 апреля 2014 г., <http://www.regnum.ru/news/polit/1793470.html#ixzz39JVMCKIL> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

²⁷ Бушуев В., Конопляник А., Миркин Я. Цены на нефть: анализ, тенденции, прогноз. М.: *ИД Энергия*, 2013. С. 8.

²⁸ Bolton P. Oil prices. 28 January 2014. House of commons. Library. P. 12.

²⁹ Российско-иранская нефтяная сделка: подробности остались за кадром. *Голос Америки*. 6 августа 2014 г., <http://www.golos-ameriki.ru/content/editor-russia-iran-oil-pact/1973045.html> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

³⁰ Yuzik Y. Iran Gives Russia Its Best Chance to Hit Back Against Western Sanctions. *Time*. 2014, August 8, <http://time.com/3091410/iran-gives-russia-its-best-chance-to-hit-back-against-western-sanctions/> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

³¹ Critchlow A. Iran offers Europe gas amid Russian energy embargo fears. *The Telegraph*. 2014, May 4, <http://www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/energy/10808037/Iran-offers-Europe-gas-amid-Russian-energy-embargo-fears.html> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

³² Иран и Турция ведут переговоры об экспорте иранского газа в Европу. А что *Газпром*? *Neftegaz.Ru*. 13 февраля 2014 г., <http://neftegaz.ru/news/view/119870> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

³³ Иран готов поставлять газ в Европу через газопровод *Nabucco*. *ИТАР-ТАСС*. 11 августа 2014 г., <http://itar-tass.com/ekonomika/1372865> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

³⁴ Куртов А. Если Иран реанимирует *Набукко*, где окажется Казахстан? http://www.kursiv.kz/news/details/kompanii/esli_iran_reanimiruet_nabukko_gde_okazhetsya_kazakhstan/ (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

³⁵ Южный Парс находится в акватории Персидского залива в территориальных водах Ирана и Катар. Площадь около 9,7 тыс. км², из них 3,7 тыс. км² принадлежат Ирану. Часть месторождения *Северный Купол* расположена в территориальных водах Катара. Южный Парс содержит от 13 до 14 трлн м³ газа, или примерно 8% его мировых запасов. Месторождение разделено на 29 участков (так называемых фаз), причем каждый из них связан с определенным проектом по поставке газа на внутренний и, в будущем, на внешний рынки.

³⁶ Country Analysis Brief: Iran. U. S. Energy information administration. July 21, 2014. P. 24. В данном случае речь идет об объемах газа на выходе из скважин. BP Statistical Review of World Energy. June 2014. BP. P. 22.

³⁷ Иран и Турция ведут переговоры об экспорте иранского газа в Европу. А что *Газпром*? *Neftegaz.Ru*. 13 февраля 2014 г., <http://neftegaz.ru/news/view/119870> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

³⁸ First stage of Iran-Iraq gas pipeline completed. *The Daily Sabah*. 2014, August 25, <http://www.dailysabah.com/energy/2014/08/25/first-stage-of-iran-iraq-gas-pipeline-completed> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

³⁹ Fineren D. Analysis — Iran a decade or more from becoming major gas exporter. *Reuters*. December 10, 2013. <http://uk.reuters.com/article/2013/12/10/uk-iran-gas-idUKBRE9B90P520131210> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

⁴⁰ Jalivand D.-R. Iran's gas exports: can past failures became future success? The Oxford Institute for energy studies. The Oxford University. June 2013. P. 23.

⁴¹ Серов М., Старинская Г., Базанова Е., Киселева М. Иран готов соперничать с Россией за поставки газа в Европу. *Ведомости*. 12 августа 2014 г., <http://www.vedomosti.ru/politics/news/32013951/gazovyj-sopernik-rossii>. (последнее посещение — 2 августа 2014 г.). Впрочем, эти оценки особого доверия не вызывают. Так, заводом нефтегазового комплекса ИНЭИ РАН Татьяна Митрова почему-то считает, что себестоимость добычи в Иране — около 50 долл. за 1000 м³, что, по ее мнению, сопоставимо с Россией. На самом деле средняя себестоимость добычи газа в России в начале 2012 г. была примерно 30 долл. См.: East European Gas Analysis. 6 сентября 2012 г., http://www.eegas.com/rep2012q1-cost_r.htm (последнее посещение — 2 августа 2014 г.). Каким образом себестоимость добычи газа в Иране может оказаться почти на 40% выше, чем в России, объяснить крайне трудно, если вообще возможно.

⁴² BP Statistical review of world energy. June 2014. BP. P. 23.

⁴³ Рассчитано по: BP Statistical review of world energy. June 2014. BP. P. 23.

⁴⁴ Fineren D. Ibid.

⁴⁵ Country Analysis Brief: Iran. U. S. Energy information administration. July 21 2014. P. 26.

⁴⁶ Иранский газ экспортируется в Турцию, Армению и Республику Нахичевань. *Iran.Ru*. 7 августа 2014 г., www.iran.ru/news/economics/94279/Iranskiy_gaz_eksportiruetsya_v_Turciyu_Armeniyu_i_respubliku_Nahichevan (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

⁴⁷ Oman and Iran agree to build submarine gas pipeline. *The Dayly Star*. 2014, March 12, <http://www.dailystar.com.lb/News/Middle-East/2014/Mar-12/250051-oman-iran-agree-to-build-submarine-gas-pipeline.ashx#axzz3BwtBOGUo> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.); Zanganeh: Iran to export 20 mcm/d of gas to Oman. *Zawya*. 2014, August 31, https://www.zawya.com/story/Iran_to_soon_start_gas_exports_to_Oman-ZAWYA20140831040438.

⁴⁸ Iranian oil minister says IP gas pipeline still alive. *The Daily Times*. 2014, August 13, <http://www.dailytimes.com.pk/business/13-Aug-2014/iranian-oil-minister-says-ip-gas-pipeline-still-alive> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

⁴⁹ Иран готовит инфраструктуру для экспорта природного газа в Европу. *Iran.Ru*. 25 июля 2014 г., http://www.iran.ru/news/economics/94207/Iran_gotovit_infrastrukturu_dlya_eksporta_prirodnogo_gaza__Evropu (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

⁵⁰ Options for Delivering Iranian Gas to Europe Via Turkey. *Natural gas Europe*. 2014, June 16, <http://www.naturalgaseurope.com/iranian-gas-to-europe-via-turkey> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

⁵¹ По данным: Jalivand D.-R. Iran's gas exports: can past failures became future success? The Oxford Institute for energy studies. The Oxford University. June 2013; Katzman K. Iran Sanctions. CRS Report. Congressional Research Service. 2014, June 26. Washington DC; World's LNG Liquefaction Plants and Degasification Terminals. As of September 2014. Global LNG Info, <http://www.globalnginfo.com/Introduction.htm> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.); Iran to Export 1st LNG Cargo in 2013. *Payvand Iran News*. 2012, June 18, www.payvand.com/news/12/jun/1168.html (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

⁵² Сможет ли Иран обрушить мировые цены на нефть — прогноз экспертов РАН. *ИА REGNUM*. 21 апреля 2014 г., <http://www.regnum.ru/news/polit/1793470.html#ixzz39JVMCKIL> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

Юлия Свешникова

ОБЕСПОКОЕННЫЕ ПЕРЕМЕНАМИ: ИРАНСКАЯ ДИСКУССИЯ О КЛЮЧЕВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОБЫТИЯХ

В июле 2014 г., когда переговоры Ирана с *шестеркой* международных посредников вновь были отложены до осени, на первый план вышел международный и региональный контекст процесса заключения ядерной сделки. Несомненно, ядерные амбиции Тегерана остаются значимым пунктом международной повестки и предметом беспокойства ближневосточных государств. Однако по ходу нарастания нестабильности в Ираке, обострения арабо-израильского конфликта и усиления международных трений в связи с украинским кризисом иранское ядерное дело встречается с новыми факторами влияния. Развитие событий на региональной и международной арене стало предметом дискуссии в иранских политических и научных кругах.

Прагматический настрой побуждает Тегеран оценивать внешние события с точки зрения национальной безопасности, внутренние — с позиций сохранения власти правящей элиты. Баланс восприятия внешних и внутренних угроз оказывает непосредственное влияние на формирование политики Ирана. Исследование хода переговоров по иранскому ядерному вопросу показало более тесную взаимосвязь процесса принятия решений с внутренними угрозами правящему режиму, а не с давлением извне. Взаимоотношение элит и общественные настроения влияют на поведение Ирана в ближневосточном комплексе безопасности и формирование его реакции на вмешательство в дела региона внешних игроков.

Между тем поведение Ирана в переговорном процессе по ядерной программе зависит от позиции не только команды президента Хасана Рухани, но и от настроения консервативной элиты, выражающегося в терминологии религиозно окрашенной риторики. Из беспокойства ультраконсерваторов по поводу возможного заключения окончательной сделки вытекает и противостояние прямым переговорам с США. Представляется, что баланс элит и их взгляды на ряд внутренних, региональных и международных вопросов также оказывают огромное влияние на иранскую внешнюю политику. Духовный лидер Али Хаменеи по-прежнему является окончательным звеном в цепи принятия решений, но и он вынужден обеспечивать баланс различных фракций на иранской политической арене, которые, в свою очередь, определяют его действия.

В данной статье приводится обзор иранского спектра мнений по некоторым текущим региональным и международным событиям, влияющим на внешнюю политику Тегерана: переговорный процесс по ядерной программе, дестабилизация ситуации в регионе, активизация деятельности группировки *Исламское государство Ирака и Леванта* (ИГИЛ)¹ и российско-украинский кризис.

А
Н
А
Л
И
З

КРАСНЫЕ ЛИНИИ В ЯДЕРНОМ ВОПРОСЕ

Многие иранские политологи и экономисты считают, что если санкции все же будут отменены, это станет настоящим национальным достижением. Некоторые придерживаются мнения, что Иран станет основным бенефициаром успешного исхода переговоров по ядерной программе, поскольку в результате усилится его ближневосточные позиции при ослаблении региональной роли Саудовской Аравии и других стран Персидского залива².

Действительно, так называемый *фактор Рухани* придал ускорение затянувшимся переговорам после периода охлаждения отношений Ирана с Западом, в частности с США, во время президентства Махмуда Ахмадинежада. Умеренный политик Х. Рухани и его команда, подписав промежуточное соглашение по ядерной программе, положили начало серии более интенсивных дипломатических контактов с Западом — сигналы о готовности продолжать продуктивное взаимодействие поступали с обеих сторон. Так, в Великобритании отметили намерение вновь открыть посольство в Иране, а в США началось обсуждение возможности совместного участия Вашингтона и Тегерана в урегулировании региональных кризисов, в частности в Сирии и Ираке, как следствие первичных мер по построению доверия.

Х. Рухани и его команде удалось воскресить положительный образ исламского государства времен Хатами, что было необходимо для успеха переговоров. Глава команды переговорщиков министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф плотно работал с Хасаном Рухани также еще со времен администрации Хатами, что выгодно отличает его политическую карьеру от консервативных коллег периода президентства М. Ахмадинежада — бывшего министра иностранных дел Али-Акбара Салехи и секретаря Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ) Саида Джалили.

Тем временем команда умеренных политиков, стоящих во главе правительства, отражает лишь некоторый текущий вектор в иранской политике, но не политический ландшафт в целом. Именно на Х. Рухани и Д. Зарифа обрушилась критика консерваторов за предательство национальных интересов в ходе прямых переговоров с США. Госсекретарь США Джон Керри и министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф, казалось, нашли общий язык — Керри, зять которого, кстати, иранец, очень хорошо отзывался о Зарифе как о твердом волевом человеке, который знает, чего хочет от переговоров³. В Иране же ирано-американский обмен любезностями был назван консерваторами *сломом табу*⁴.

Министр Д. Зариф считает, что одна из основных проблем в ирано-американских переговорах — отсутствие достаточных знаний в США об Иране и его ситуации: с 1979 г. в Тегеране нет американского посольства, визитов американских лиц в Иран совершается крайне мало, в отличие от иранцев, которые имеют своего представителя при ООН и регулярно совершают поездки в Нью-Йорк, именно «из-за продолжительного отсутствия двусторонних отношений и накопленных проблем сейчас требуются прямые переговоры Ирана с США», — полагает Д. Зариф⁵. В то же время часть консервативной элиты готова критиковать Д. Зарифа именно за подобный подход — слишком дружественное общение с представителями США на переговорах, чреватое, по мнению консерваторов, необоснованными уступками с иранской стороны.

Политолог и преподаватель университета Тегерана Мохаммад Маранди отмечает, что иранцы действительно хотят прийти к соглашению, но некоторые группы в политической элите опасаются в результате этого поступиться своими интересами⁶. Интересы могут быть разные — от финансовых выгод до сохранения власти определенных групп и системы в целом. Иранский политический эксперт Фариде Фаррахи в связи с этим предположила, что заключение соглашения создаст и идеологический кризис. Исчезновение экономических и политических преимуществ для некоторых игроков в случае успеха переговоров подтверждает и тегеранский политолог Мохаммад-Али Шабани. Те, кто получает прибыль от отсутствия конкуренции в Иране и торговли в обход санкций, не хотят потерять столь доходный рынок, говорит М.-А. Шабани⁷. В элите существуют и более глобальные

опасения: по поводу существенного ущерба экономике, который может быть нанесен в результате расширения сотрудничества Ирана с западными корпорациями и финансовыми институтами.

Главное звено в цепи принятия решений — аятолла Хаменеи — поддержал усилия команды переговорщиков и заявил о том, что страна должна использовать все ресурсы, чтобы им помочь. После телефонного разговора Барака Обамы с Хасаном Рухани в сентябре 2013 г. А. Хаменеи заявил, что поддерживает дипломатические усилия правительства и одобрил выступление президента на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке. Однако взгляд самого А. Хаменеи на переговоры не так однозначен. Духовный лидер, как и консервативная элита, позитивно настроен в отношении переговоров по ядерной программе, но негативно в отношении прямых переговоров с США, которые неизбежны, учитывая давнюю историю противостояния двух государств, в том числе и в период развития иранского ядерного дела. По мнению рахбара, к Ирану предъявляют слишком высокие требования, например, практически полный отказ от ядерного обогащения на своей территории, поэтому «если переговоры провалятся, ответственность окажется на стороне Запада»⁸, — считает он. Что касается усилий А. Хаменеи по сохранению баланса, то он напомнил правительству умеренных взглядов, что мнение традиционных консерваторов (или *му'мин*, т. е. истинно верующих), например, аятолла Ахмада Хатами, Ахмада Джаннати и Садека Аламольхода, должно непременно учитываться. А. Хаменеи высказался об этом мягко, но по сути выступление против собирательного врага единым фронтом представителей всех политических фракций — один из императивов, с которым Д. Зариф и Х. Рухани должны считаться. Одновременно А. Хаменеи напомнил об определенных рамках, за которые команда переговорщиков не имеет права выходить, например, требований к сохранению порога в минимум 190 000 центрифуг (или отдельных рабочих блоков). Об этих ограничениях А. Хаменеи говорил перед собранием корпуса Басидж, одобряя действия переговорщиков, которые, по его словам, в ходе последнего раунда переговоров действовали в рамках ограничений⁹.

От золотой середины мнения рахбара имеются существенные отклонения как в сторону прагматиков, настроенных на развитие интенсивных международных связей, так и в сторону консерваторов различного толка, сторонников духовного лидера и противников налаживания отношений с Западом.

В интервью журналу *Международные исследования (motaleat-e beynolmelali)* бывший президент (1989–1997 гг.) и прагматик А. А. Хашеми-Рафсанджани задался вопросом: в чем, собственно, фундаментальная разница между Россией, Китаем и США — если Иран строит отношения с первыми двумя, то почему нельзя вести переговоры с США? Консервативный сайт *Раджа Ньюс* не преминул отреагировать критикой А. А. Хашеми-Рафсанджани, который, по мнению автора статьи, «утратил способность анализировать внутреннюю и международную ситуацию», поскольку «санкции пахнут врагом», а Рафсанджани этого, похоже, не чувствует.

Основная доля критики в адрес переговорщиков исходит от меджлиса, в основном представленного консерваторами. Несколько раз парламент призывал министра Д. Зарифа к ответу в рамках специального заседания. Последний раз Д. Зариф давал объяснения по ходу переговоров в июле 2014 г. и, судя по последующим комментариям, удовлетворил парламентариев¹⁰. Член парламента реформист Мохаммад-Реза Табеш сообщил, что меджлис дал положительную оценку деятельности Д. Зарифа и его команды как отвечающую национальным интересам страны¹¹, хотя это не означает полного согласия по поводу действий команды переговорщиков. Накануне дедлайна для подписания окончательного соглашения между Ираном и *шестеркой* международных посредников появились очередные предостережения команде Д. Зарифа *о красных линиях*, очерченных рахбаром для ведения переговоров. О ключевой из них, удержании технического ядерного потенциала на уровне не менее 190 000 центрифуг, 13 июля 2014 г. напомнил редактор консервативной газеты *Кейхан* Хоссейн Шариатмадари¹² (фигура, назначенная на этот пост непосредственно аятоллой Хаменеи). В единстве с *Кейханом* выступил сайт *Раджа Ньюс*, отмечая, что научно-исследовательская работа

ЮЛИЯ ФЕТИСОВА (к.филос.н., редактор бюллетеня эксклюзивной аналитики *Russia Confidential*):

На сегодняшний день по-прежнему есть ощущения, что руководство Ирана пока не готово полностью отказаться от военной ядерной опции. Ключевое значение для Ирана имеет вопрос снятия санкций: в отличие от, например, Северной Кореи, *согласной* жить в международной изоляции (пока Китай снабжает страну топливом и продовольствием, этого достаточно для покрытия минимальных потребностей), Иран считает себя достойным более существенной роли в регионе и мире, а его большое население рождает большие материальные потребности. Именно поэтому политика санкций в отношении Ирана имела успех. Однако, несмотря на определенный прогресс переговоров *шестерки* и Ирана последнего года, не стоит рассчитывать на скорое заключение всеобъемлющего соглашения с Тегераном. Показательно, что в американском конгрессе сохраняется большая оппозиция снятию санкций против Ирана (отменить принятые конгрессом законы очень непросто: многие из них связаны не только с ядерной программой, но и с финансированием терроризма, нарушением прав человека); при этом именно американские санкции являются одними из наиболее болезненных для Ирана, и он, безусловно, рассчитывает на их скорейшее снятие либо существенное облегчение.

в ядерной сфере должна продолжаться без внешнего вмешательства. Переговорщики, в свою очередь, не должны принимать решения под давлением с противоположной стороны, а отношения с МАГАТЭ могут строиться только в обычном режиме, заявили консервативные ресурсы¹³. «На Иран оказывается слишком большое давление», — выступил пресс-секретарь меджлиса Бехруз Немати¹⁴, отметив, что Иран подпишет Дополнительный протокол к ДНЯО только когда сам сочтет нужным, и давить на Тегеран по этому поводу бесполезно¹⁵.

Некоторые члены парламента, например, Махмуд Набавиан, тоже выступили с заявлением о необходимости соблюдать *красные линии*, установленные рахбаром, в частности по количеству обогащенных мощностей и сохранению статуса завода Фордо. Некоторые традиционалисты, говоря об усилиях команды переговорщиков, изначально заявили, что не считают возможными переговоры с США¹⁶.

В целом иранские консерваторы были обеспокоены отсутствием полной информации о ходе переговоров и относительной независимостью команды переговорщиков, что наблюдалось на протяжении всего раунда пере-

говоров с момента избрания Х. Рухани. Депутаты в открытую стали жаловаться на отсутствие координации между парламентом и правительством по ядерному вопросу. «Я хочу заявить народу Ирана, — сказал депутат Махди Кучакзаде, — что мы не в курсе политики правительства ни в международных, ни во внутренних делах, они делают все, что им хочется»¹⁷. В связи с этим в меджлисе стали звучать предложения добавить в команду переговорщиков кого-то из парламентариев. Может быть, это послужило бы снижению уровня критики со стороны меджлиса в адрес команды Д. Зарифа, а может, имело целью ограничить полномочия правительства во внешней политике за счет установления большего контроля и повышения прозрачности переговоров для парламента. По убеждению аналитиков, считает сайт *Фарару*, наибольшие политические убытки в результате заключения соглашения потерпят как раз те, кто активно выступал против него и переговоров в целом, поскольку их антизападная позиция останется невостребованной¹⁸.

Примечательной чертой протеста традиционалистов против действий команды переговорщиков стало то, что он приобрел публичный характер и вылился на улицы. Организовались общественные группы, выступающие против соглашения по ядерной программе, например, *Комитет поддержки интересов Ирана*. В целом противники соглашения поименовали себя группой *обеспокоенных*.

В начале мая этого года после пятничного намаза *обеспокоенные* провели шествие против не выгодных для Ирана условий соглашения по ядерной программе. В кон-

це мероприятия демонстранты приняли резолюцию, осуждающую команду переговорщиков за *непрофессионализм и необдуманные действия* и сожгли американский флаг. Директор совета пятничных имамов Реза Тагави сообщил, что у демонстрантов не было разрешения на проведение шествия, а правоохранные органы каких-либо действий по разгону не предприняли. Весной в бывшем посольстве США прошла конференция под названием *Мы обеспокоены*, предметом которой также стала критика усилий переговорщиков. По сообщениям тегеранской администрации, разрешение на эту конференцию тоже не выдавалось¹⁹.

Позже на конференции *Красная линия* критика звучала в еще более жестких выражениях. Командир времен ирано-иракской войны и сторонник рахбара Саид Гасеми заключил, что расклад «выиграл–выиграл»²⁰ в переговорах используется как прием для обмана иранцев, потому что одна из сторон в любом случае окажется проигравшей. Выступление С. Гасеми сопровождалось скандированием лозунга *смерть переговорщикам*, что означало выражение неудовольствия по поводу тактики действий команды Д. Зарифа²¹.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Несмотря на значительное внимание, уделяемое международной ситуации вокруг иранской ядерной программы, определяющую роль в формировании позиции по вопросам безопасности играет региональный контекст. В число последних событий, обращающих на себя внимание Ирана, по-прежнему входят сирийский кризис и наступление *ИГИЛ* на территории Ирака и Сирии. Более стабильным вопросом при определении стратегии являются Израиль и его значение в выстраивании имиджа исламской республики.

Во главе ВСНБ, из ведения которого переговорный процесс по ядерному вопросу перешел в МИД, теперь находится бывший министр обороны Али Шамхани. Возможно, отчасти благодаря своему происхождению (Шамхани является этническим арабом) новый секретарь ВСНБ позитивно настроен на налаживание отношений Ирана со странами Персидского залива, но при этом занимает жесткую позицию по Израилю и США. Однако двойственное отношение Ирана к арабским странам проявляется до сих пор как во взглядах политиков из различных фракций, так и в аналитике.

Региональный баланс сил требует учета соотношения потенциалов Ирана и стран залива, ориентированных на поддержку внешнего игрока, — США. С одной стороны, *фактор Рухани* определяет конструктивную политику, направленную на решение проблем и миролюбивые отношения с соседями. Религиозная ориентация исламской республики также требует внимания к делам мусульманской *уммы*, независимо от внутрисламского дробления на шиитов, суннитов и другие более мелкие ответвления, несмотря на неистязающие попытки обвинения друг друга в вероотступничестве. Страны залива являются преимущественно мусульманскими членами Организации исламского сотрудничества (ОИС), что ставит перед Ираном императив о необходимости взаимодействия. Ряд региональных событий и участие в них Ирана доказали способность Тегерана завоевать признание среди мусульманского населения арабских стран. Другая сторона ирано-арабских отношений обусловлена иранским национализмом, в своей современной версии укрепившим позиции во времена Пехлеви. В русле этого национализма на арабские страны смотрят как на союзников США, исповедующих *золотой*, или *американский*, т. е. не истинный, ислам. С этой точки зрения, США используют арабские страны каждый раз, когда планируют предпринять какие-то действия против Ирана. Например, создание напряженности по поводу трех спорных островов в Персидском заливе ОАЭ начали именно под американским влиянием, считает известный профессор Пируз Моджтахедзаде²². Саудовская Аравия — основной региональный соперник Ирана — по мнению иранцев, и вовсе не соответствует идеалу *хранителя двух святынь*, поддерживая связи с Израилем, в то время как для Ирана поддержка Палестины стала одним из фундаментальных пунктов внешней политики и ее религиозного обоснования.

Свой взгляд в Иране поддерживали и на события в арабских странах, называемых *Арабской весной*, сначала считая их отсроченным продолжением исламской революции 1979 г., а затем просто оспаривая справедливость определенного для них названия. Так, *Арабская весна* обозначала бы приход тех стран, в которых произошли перевороты, к некоторому западному типу демократии, в то время как было бы уместнее называть их *исламским пробуждением*, поскольку в результате, напротив, усилился запрос на присутствие исламистов во власти. На деле не в интересах Ирана установление в соседних странах демократии по западному типу при поддержке западных государств, в то время как Тегеран призывает к единству в регионе для решения местных проблем собственными силами. Поэтому в Тегеране с удовольствием отмечали склонность арабских стран не к демократическим преобразованиям, а к укреплению позиций исламистов.

Активную деятельность по поддержке существующего режима в ходе *Арабской весны* Иран организовал в Сирии. Значение Сирии для Ирана важно со стратегической точки зрения, и ее алавитское представительство является лишь номинальной скрепой для сирийского союза с шиитским Ираном. Отношениям двух стран благоволит геополитика, и реальное значение Сирии заключается в том, что она является иранскими воротами в арабский мир и мостом для связи с ливанской *Хезболлой*. Еще Хафез Асад, президент Сирии в 1971–2000 гг., с подозрением относился к попытке Ирана расширить свое влияние в арабском мире за счет *Хезболлы*, однако в итоге одобрил этот союз как фронт противостояния Израилю. Для Ирана через Сирию пролегает и путь поставок оружия в Ливан, а сирийский режим, по словам рахбара, — это первая линия сражения Ирана и США²³. В целом для Ирана не столь важно, кто стоит у власти в Сирии, непосредственно Башар Асад или кто-то другой. Если бы в Тегеране были уверены, что Иран сохранит свое влияние на Дамаск и при смене режима, то не были бы заинтересованы в поддержке Асада. Пока же, когда иранцы по-прежнему находятся под международным давлением по поводу ядерной программы, лишний риск потери рычагов влияния в арабском мире им ни к чему.

Противостояние Израилю не только скрепило отношения Ирана с Сирией, но и обеспечило одну из идеологических опор самого иранского режима. В этом году на фоне израильской операции в Газе *день Кодса* (Иерусалима) прошел с размахом, несмотря на новое лицо режима при президенте Х. Рухани. «Антисионизм — это один из столпов нашей нации», — сказал аятолла Ахмад Хатами во время пятничной молитвы в Тегеране в этот день²⁴. *День Кодса*, заложный аятоллой Хомейни после 1979 г., стал важной датой не только на иранской, но и на арабской сцене как один из способов завоевать поддержку мусульман Ближнего Востока за счет солидарности с палестинскими арабами. Вместе с ливанской *Хезболлой*, доказавшей свою эффективность в деле противостояния Израилю, *День Кодса* стал одним из продуктов экспорта иранской революции в арабский мир. Однако благодаря усилиям, в том числе арабских стран, направленным на углубление суннитско-шиитского раскола, положительное впечатление об Иране как об успешном лидере антисиионистского сопротивления было нивелировано страхами об углубляющемся шиитско-персидском проникновении в суннитско-арабский мир. Теперь Иран настроен на восстановление позиции одного из ключевых противников Израиля за счет поддержки сопротивления.

В этом году в *День Кодса* лидер *Хезболлы* Хассан Насралла неожиданно обратился к публике лично, а не с помощью видеообращения, подчеркивая важность момента и по сути передавая сообщение о том, что Иран и его союзники могут саботировать усилия по урегулированию кризиса в Газе, если не будут привлечены к мирному процессу.

Операция в Газе лета 2014 г. также стала очередным поводом для Ирана обвинить США и другие западные страны в двойных стандартах подхода к международным кризисам, о чем, например, высказался глава судебной власти аятолла Садек Лариджани²⁵, и вновь указать на поднятое знамя антисиионизма.

Правительственная позиция находит свой ответ и в иранском обществе: по-прежнему имеются те, кто готов выступить в поддержку государственной политики по Израилю, несмотря на протесты оппозиционного движения в 2009 г., когда демонстранты кричали «Не Газа и не Ливан — отдам свою жизнь за Иран». 23 июля перед представительством ООН в Тегеране группа *Матери мира (madaran-e solh)* провела акцию против нападения Израиля на Газу²⁶. В этом году консерваторы поспешили напомнить, что лозунги 2009 г. предательские, поскольку должно звучать «и Газа, и Ливан, отдам свою жизнь за ислам». Это вполне соответствует позиции традиционалистов, использующих акцент на региональном сотрудничестве и единстве мусульманской *уммы* как опоры существующего режима и способ сохранения баланса с пришедшими к власти умеренными политиками, ориентированными на более широкую международную интеграцию Ирана.

РЕАКЦИЯ НА АКТИВИЗАЦИЮ ИГИЛ

С начала президентства Х. Рухани представители его администрации говорили о необходимости сотрудничества с Западом по вопросу противодействия терроризму. Однако в июне 2014 г. секретарь ВСНБ А. Шамхани заявил, что сотрудничество с Вашингтоном по поводу иракского кризиса совершенно нереалистично²⁷. В то же время сам А. Шамхани отметил, что расширение подконтрольной ИГИЛ территории — опасный звонок для Ближнего Востока, и противодействие должно осуществляться на уровне как отдельных государств, так и международного сообщества²⁸. Вероятнее всего, А. Шамхани как сторонник расширения региональных контактов Тегерана применительно к Ирану имел в виду именно сотрудничество по Ираку с ближневосточными государствами.

Различные сценарии развития ситуации с ИГИЛ в Ираке чреватые для Ирана проблемами. Например, автор аналитического портала *Табнак* предполагает три сценария развития ситуации: государственный переворот и приход к власти тоталитарного правителя; федерализация Ирака на курдскую и арабскую части; раскол на три отдельных государств — курдское, суннитское и шиитское²⁹. Ирак в иранской политике занимает важное место, и все три сценария могут потребовать корректировки этой политики. Разумеется, «в интересах Ирана центральное правительство Ирака должно быть шиитским, с суннитским государством в Ираке будут возникать противоречия», — считает автор. Отделение курдов может повлечь за собой волнения в курдской части Ирана и разжигание сепаратистских настроений. Косвенной угрозой для Ирана является дестабилизация Ирака и смена власти, для чего, по мнению некоторых, и создано ИГИЛ.

При этом в Иране настаивают на отсутствии явной угрозы, скорее в связи с нежеланием втягиваться в еще один конфликт на фоне собственных проблем. Член комиссии меджлиса по безопасности Аббас-Али Мансури-Арани заявил, что невозможно, чтобы происходящее в Ираке угрожало Ирану. «На границах Ирана обеспечивается хорошая защита, ИГИЛ не сможет приблизиться к Ирану даже на расстояние 100 км», — сказал Мансури-Арани³⁰. Обеспечено это убеждение и соображением о том, что те, кто поддерживают ИГИЛ, не позволят группировке приблизиться к Ирану из-за опасения ответных действий не только в отношении самих повстанцев, но и их покровителей.

Вряд ли и консервативные группы в Иране позволят реформистскому крылу всерьез обсуждать сотрудничество с Западом по вопросу противодействия террористам ИГИЛ. Пресс-секретарь Корпуса стражей исламской революции (КСИР) бригадный генерал Рамезан Шариф недавно заявил, что непосредственно США побуждают ИГИЛ напасть на Иран, хотя у группировки, которая, кстати, сформирована по американо-сионистскому дизайну, нет для этого возможностей³¹. В то же время появилась информация о закулисных ирано-американских переговорах в Омане по иракскому вопросу. При этом многочисленные ограничения для развития двусторонних отношений, в том числе в сфере противодействия терроризму, и в частности ИГИЛ, позволят в крайнем случае тактически скоординировать усилия на сирийско-иракской территории. Более слаженного сотрудничества

по противодействию текущим террористическим угрозам Иран, скорее, попыбует достичь с Россией.

Похоже, что во время сирийского конфликта, куда Иран активно вовлечен, у Тегерана больше не возникло желания предпринимать какие-то активные действия в Ираке. Пресс-секретарь МИД Ирана Марзие Афхам отметила, что у Ирака есть все необходимые ресурсы для противодействия ИГИЛ собственными силами³². Вообще, если бы Иран задумал вмешаться в иракскую ситуацию, это была бы задача именно КСИР, у которого на данный момент помимо Сирии есть и другие заботы вроде противодействия террористической группировке *Армия справедливости (jaish al-adi)* в районе провинции Систан и Белуджистан.

Нежелание Ирана вмешиваться в подобного рода конфликты подтверждается и примером из недавней истории. Бывший переговорщик по ядерной программе Хоссейн Мусавиан напоминает, что в 2008 г. при нападении Талибана на Мазари-Шариф были убиты 9 иранских граждан, причем 8 из них были дипломатами. В ВСНБ тогда разыгрались жаркие дебаты о необходимости вторжения в Афганистан. Хасан Рухани как раз был секретарем совета и, полагаясь на его мнение, рахбар ветировал предложение о военном вторжении, несмотря на то что решение было одобрено советом в целом³³. Вероятнее всего, и на новом посту Х. Рухани предпочтет занять сдержанную позицию и не будет открыто вмешиваться в конфликт, учитывая ограниченность ресурсов в период санкций и необходимость концентрироваться на других политически нестабильных очагах. Это не исключает присутствия в Ираке иранских военных советников и дипломатических усилий по противодействию угрозе расширения влияния ИГИЛ и терроризму в целом.

ПОДХОДЫ К УКРАИНСКОМУ КРИЗИСУ

Иранская аналитика не обошла вниманием украинский кризис, который значим в контексте ирано-российских отношений. Эксперты не упускают возможности затронуть вопрос разыгрывания Россией иранской карты в своих отношениях с США. В связи с напряженностью по поводу украинских событий и антироссийских санкций иранцы считают использование Россией своего влияния на переговорный процесс по ядерной программе более вероятным.

Недоверие к России спровоцировали и некоторые недавние события, как, например, отказ России от поставки в Иран зенитно-ракетных комплексов С-300 после введения санкций в 2010 г. Теперь, рассуждают аналитики, даже если Россия переживает, президент Х. Рухани будет решать, принять ли исполнение Москвой своих обязательств или нет.

Аналитический сайт *Иранская дипломатия* описывает три возможные опции давления Москвы на Вашингтон со стороны иранского ядерного вопроса: ветировать резолюции СБ ООН по Ирану, намеренно провоцировать разногласия в процессе переговоров или к раздражению США интенсивно развивать свои отношения с Тегераном³⁴. В связи с этим упоминают высказывание замминистра иностранных дел России Сергея Рябкова о том, что если Россия вынуждена будет использовать свое влияние на переговоры с Ираном для давления на Запад, она сделает это. С влиянием России на переговорный процесс согласен и коллега Шуайб Бахман из Центра изучения Ирана и Евразии (ИРАС), который говорит о возможности Москвы как упростить восстановление отношений Ирана с Западом, так и усложнить, хотя такая риторика с российской стороны — это, скорее, политический блеф³⁵. Впрочем, автор статьи на *Иранской дипломатии* комментирует, что право вето России уже не так важно в этой ситуации, поскольку в течение добавленного к переговорам времени стороны смогут прийти к соглашению. Возможно, Россия постарается этому препятствовать, но в конечном итоге не сможет предотвратить, считают аналитики.

Из положительных моментов разногласий России и Запада эксперты называют решимость России проводить более самостоятельную политику в ближневосточных делах, например, к неудовольствию Вашингтона пытаться ослабить анти-

иранские санкции³⁶. Бывший переговорщик Хоссейн Мусавиан считает, что кризис, отдаливший Россию и Запад, может способствовать сближению последнего с Ираном³⁷. В долгосрочной перспективе украинский кризис может иметь косвенные последствия и для всего Ближнего Востока³⁸.

В целом, среди элит существуют два подхода к кризису на Украине. Один из них определяется как полный нейтралитет, включая воздержание от оценок происходящему, и принадлежит он Хасану Рухани. Президент считает, что этот кризис — не дело Ирана и надо отделять интересы Ирана и России в регионе в целом и в Сирии в частности, а также в других вопросах. Вмешательство может создать для Ирана дополнительные проблемы, которые совсем не нужны в ходе тяжелых для Тегерана переговоров по ядерной программе. Второй подход принадлежит консерваторам, в частности начальнику генштаба генерал-майору Хасану Фирузабади, описавшему украинский кризис как урок, который западные страны, преданные либеральной демократии, преподали не только Украине, но и всем независимым государствам, имеющим соблазн поддаться на обольщение *мирового высокомерия* [США]³⁹. По сути подходы различаются лишь возможностью давать оценки происходящему, поскольку вмешательство Ирана в украинский кризис в любом случае было бы неуместно и неразумно с точки зрения ограниченности ресурсов на данный момент.

По объективным причинам региональная политика остается для Ирана в центре внимания. Во-первых, это связано с необходимостью поддержания баланса в собственном ближневосточном комплексе безопасности. Во-вторых, несколько очагов напряженности в регионе, в частности в Ираке и Сирии, естественным образом побуждают Иран обращать внимание на региональные дела. Ограниченность ресурсов на фоне длительного действия международных санкций сдерживает возможность участия в том или ином качестве в урегулировании всех конфликтов. Активная поддержка действующего режима в Сирии оттянула на себя как финансовые, так и человеческие ресурсы, поэтому для Ирана неразумно открывать второй фронт по противодействию *ИГИЛ*. Политики и эксперты поспешили высказаться о достаточности ресурсов внутри самого Ирака, для того чтобы справиться с *ИГИЛ*, хотя полная дестабилизация внутри Ирака Ирану не выгодна. Несмотря на провозглашенный исламский характер образования, созданного на захваченных *ИГИЛ* территориях, для исламской республики Иран группировка представляет собой угрозу безопасности и стабильности шиитского доминирования в Ираке, а значит, предпочтительнее должна быть названа террористической, а не исламистской.

Акцент на региональных делах вопреки международной ориентации команды Х. Рухани в первую очередь поддерживают консервативные элиты. Особая риторика консервативных аятолл по поводу *Дня Кодса* в этом году подчеркивает важность образа лидера антиизраильского сопротивления во внутри- и внешнеполитической линии Ирана. В противовес усилиям команды Х. Рухани по сглаживанию противоречий и активизации международного взаимодействия для урегулирования ядерного вопроса и снятия санкций консервативные элиты постараются усилить поляризацию Ирана и Запада, в том числе за счет подогрева антиизраильских настроений.

Аналитики не обошли вниманием и украинский кризис, в частности изменение ближневосточной политики России в связи с ухудшением отношений с Западом. И если так называемые международники во главе с Х. Рухани предпочитают не комментировать не касающийся непосредственно Ирана кризис, консерваторы и аналитики предпочитают говорить о возможных плюсах и минусах российско-американских разногласий в контексте урегулирования иранского ядерного вопроса. На Россию по-прежнему смотрят без иллюзий, как на партнера-оппортуниста, готового с удовольствием разыграть иранскую карту в решении собственных проблем.

В том или ином ракурсе основные события международной повестки дня рассматриваются во взаимосвязи с переговорным процессом по ядерной программе, анализируется эффект, оказываемый ими на отношения Ирана с Западом, в частности с США. Примечательно, что консервативные группировки, с подозрением

относящиеся к действиям команды Х. Рухани или вовсе рассматривающие участие в переговорах как проявление слабости Ирана, сделали свои усилия публичными. Теперь не только меджлис, укомплектованный консерваторами, призывает МИД к ответу, но и различные группы проводят публичные акции, порой несанкционированные, против действий команды переговорщиков.

Впрочем, пока духовный лидер поддерживает работу Х. Рухани на международной арене и призывает его лишь учитывать мнение традиционной духовной элиты, команде Д. Зарифа дан *зеленый свет* на продолжение избранной дипломатической линии. Однако установленные рахбаром рамки, за которые МИД не имеет права выйти, обсуждая условия сделки с западными представителями, повлияют на гибкость иранцев в переговорах, судьба которых совсем не однозначна. Различные элиты внутри Ирана, которые извлекают выгоду из сложившейся системы, в том числе из санкций, в виде власти или материальных выгод, постараются воспрепятствовать заключению соглашения и подорвать усилия умеренных политиков, стоящих за Х. Рухани. Главным их аргументом для представления духовному лидеру станет перспектива ослабления системы в результате налаживания отношений Ирана с Западом, хотя неизвестно, насколько властным элитам на пользу придется продолжение экономических трудностей, связанных с санкциями.

Иранская система власти имеет комплексный характер не только в статике, в смысле государственного устройства, но и в динамике, в смысле взаимоотношения различных групп влияния. И если верхушка айсберга, которой в последнее время является умеренный президент и его команда, демонстрируют решимость прийти к соглашению и справиться с внутренними проблемами за счет ослабления внешнего давления, это еще не означает, что все участники системы в целом консолидировали свою позицию по ядерному вопросу, а значит, оптимизм по поводу заключения соглашения этой осенью следует умерить. 🌐

Примечания

¹ Впоследствии переименовано в Исламское государство (ИГ).

² ایران برنده واقعی تحولات منطقه است. باشگاه خبرنگاران. ۱۸ خرداد ۱۳۹۳
<http://www.yjc.ir/fa/news/4863893/ایران-برنده-واقعی-تحولات-منطقه-است> (последнее посещение — 25 августа 2014 г.).

³ احمال توافق در مذاکرات هسته ای/ کروی: ایران حق دستیابی به انرژی صلح آمیز هسته ای دارد. کلمه. ۲۴ تیر ۱۳۹۳
<http://www.kalame.com/1393/04/24/klm-192022/> (последнее посещение — 20 июля 2014 г.).

⁴ مذاکرات به نتیجه برسد 'باید با ولی فقیه خداحافظی کنیم'. فارسی BBC. ۲۶ تیر ۱۳۹۳
http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/07/140717_I57_nuclear_redlines.shtml (последнее посещение — 22 июля 2014 г.).

⁵ ظریف: نیاز است آمریکا از طریق مذاکرات با واقعیات ایران آشنا شود. فارسی BBC. ۱ مرداد ۱۳۹۳
http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/07/140723_I12_iran_us_zarif_kerry_nuclear_talks.shtml (последнее посещение — 25 июля 2014 г.).

⁶ ایران برنده واقعی تحولات منطقه است. باشگاه خبرنگاران. ۱۸ خرداد ۱۳۹۳
<http://www.yjc.ir/fa/news/4863893/ایران-برنده-واقعی-تحولات-منطقه-است> (последнее посещение — 25 августа 2014 г.).

⁷ در همایش اصولگرایان "دلواپس" چه گذشت؟ فرارو. ۱۳ اردیبهشت ۱۳۹۳
<http://fararu.com/fa/news/188742/در-همایش-اصولگرایان-دلواپس-چه-گذشت> (последнее посещение — 20 июля 2014 г.).

⁸ بهمنی ارش. حمایت از دولت؛ مراعات خط قرمزهای هسته ای. روز آنلاین. ۱۸ تیر ۱۳۹۳
<http://www.roozonline.com/persian/news/newsitem/article/-16dc08ff30.html> (последнее посещение — 25 июля 2014 г.).

تاکید دوباره رهبر انقلاب بر حمایت از دولت و تیم سیاست خارجی. ۲۹ ابان ۱۳۹۲^۹

<http://www.khabaronline.ir/detail/323540/Politics/leader> (последнее посещение — 25 августа 2014 г.)

'مجلس ایران از توضیحات هسته‌ای وزیر خارجه در جلسه غیر علنی اذعان شد. فارسی BBC. ۳۱ تیر ۱۳۹۳^{۱۰}

http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/07/140722_I39_majlis_zarif_nuclear.shtml (последнее посещение — 23 июля 2014 г.).

ظریف وین ۶ را در مجلس تشریح کرد. خبرگزاری دانشجویان ایران ایسنا. ۳۱ تیر ۱۳۹۳^{۱۱}

<http://www.isna.ir/fa/news/93043118105/6-را-در-مجلس-تشریح-کرد> (последнее посещение — 23 июля 2014 г.).

Foroohar K. Iranian President's 'Eyes and Ears' Take In Nuclear Talks as Time Ticks Down. *Bloomberg*. 2014, 15 June, <http://www.bloomberg.com/news/2014-07-13/iran-sending-rouhani-s-brother-to-nuclear-talks-signals-gravity.html> (последнее посещение — 10 августа 2014 г.).

بهمنی ارش. حمایت از دولت؛ مراعات خط قرمزهای هسته‌ای. روز آنلاین. ۱۸ تیر ۱۳۹۳^{۱۲}

<http://www.roozonline.com/persian/news/newsitem/article/-16dc08ff30.html> (последнее посещение — 25 июля 2014 г.).

'مجلس ایران از توضیحات هسته‌ای وزیر خارجه در جلسه غیر علنی اذعان شد. فارسی BBC ۳۱ تیر ۱۳۹۳^{۱۴}

http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/07/140722_I39_majlis_zarif_nuclear.shtml (последнее посещение — 23 июля 2014 г.).

ثابتی رضا. جزئیات اختلاف ایران و ۵+۱ از زبان آیت‌الله خامنه‌ای. فارسی BBC ۱۷ تیر ۱۳۹۳^{۱۵}

http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/07/140708_I26_khamenei_centrifuges_swu_nuclear.shtml (последнее посещение — 25 июля 2014 г.).

'مذاکرات به نتیجه برسد' باید با ولی‌فقیه خداحفاظی کنیم. فارسی BBC ۲۶ تیر ۱۳۹۳^{۱۶}

http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/07/140717_I57_nuclear_redlines.shtml (последнее посещение — 22 июля 2014 г.).

در همایش اصولگرایان "دلواپس" چه گذشت؟ فرارو. ۱۳ اردیبهشت ۱۳۹۳^{۱۷}

<http://fararu.com/fa/news/188742/در-همایش-اصولگرایان-دلواپس-چه-گذشت> (последнее посещение — 20 июля 2014 г.).

^{۱۸} Ibid.

تظاهرات بدون مجوز مخالفان توافق هسته‌ای در تهران. رادیو زمانه. ۱۹ اردیبهشت ۱۳۹۳^{۱۹}

<http://www.radiozamaneh.com/144094> (последнее посещение — 20 июля 2014 г.).

^{۲۰} Министр Зариф часто говорит об игре с положительным результатом применительно к международным делам.

'مذاکرات به نتیجه برسد' باید با ولی‌فقیه خداحفاظی کنیم. فارسی BBC ۲۶ تیر ۱۳۹۳^{۲۱}

http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/07/140717_I57_nuclear_redlines.shtml (последнее посещение — 22 июля 2014 г.).

حتماً بخوانید/تحلیل استاد پیروز مجتهدزاده، درباره تحولات اخیر منطقه. خدمت. ۱۰ اردیبهشت ۱۳۹۱^{۲۲}

<http://khedmat.ir/vdcgtz9q.ak9zx4prra.html> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

چرا ایران از سوریه حمایت می‌کند؟ صراط. ۷ اردیبهشت ۱۳۹۲^{۲۳}

<http://www.seratnews.ir/fa/news/108511/چرا-ایران-از-سوریه-حمایت-می-کند> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

Karami A. Iranian leaders stress unity in support of Gaza on Quds Day. *Al-Monitor*. 2014, 25 July, <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/07/iran-unity-gaza-support-quds-day.html#ixzz38VDDRO00> (последнее посещение — 30 июля 2014 г.).

^{۲۵} Ibid.

اردلان سیاوش. جنگ غزه و منافع ایران. فارسی BCB ۳ مرداد ۱۳۹۳^{۲۶}

http://www.bbc.co.uk/persian/iran/2014/07/140725_sa_gaza_iran.shtml (последнее посещение — 30 июля 2014 г.).

Karami A. Iran, US can end Iraq crisis says Rouhani adviser. *Al-Monitor*. 2014, 15 June, <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/06/iraq-crisis-end-iran-us-rouhani-adviser.html#ixzz39uZCICs5> (последнее посещение — 30 июля 2014 г.).

داعش در نزدیکی ایران، آیا جنگ در راه است؟ ایران وایر. ۱۱ ژوئن ۲۰۱۴^{۲۸}

<http://iranwire.com/features/6050/> (последнее посещение — 30 июля 2014 г.).

- تحولات اخیر عراق و تاثیرات آن بر ژئوپلیتیک ایران. تابناک. ۲۲ خرداد ۱۳۹۳²⁹
<http://www.tabnak.ir/fa/news/407577/> (последнее посещение — 27 июля 2014 г.).
- داعش جرات نزدیک شدن به ایران را ندارد. تابناک. ۱۱ تیر ۱۳۹۳³⁰
<http://www.tabnak.ir/fa/news/412735/> (последнее посещение — 27 июля 2014 г.).
- در صورت حمله داعش به مرزهای ایران، واکنش سپاه چه خواهد بود؟/سردار شریف در گفتگو با «انتخاب» پاسخ می دهد.³¹
 انتخاب. ۳ تیر ۱۳۹۳
<http://www.entekhab.ir/fa/news/168658/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- داعش در نزدیکی ایران، آیا جنگ در راه است؟ ایران وایر. ۱۱ ژوئن ۲۰۱۴³²
<http://iranwire.com/features/6050/> (последнее посещение — 30 июля 2014 г.).
- Ibid.³³
- کمرنگ شدن نقش روسیه با بهبود روابط ایران و غرب. دیپلماتی ایرانی. ۹ فروردین ۱۳۹۳³⁴
<http://www.ir.diplomacy.ir/fa/page/1930714/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- کمرنگ شدن نقش روسیه + با بهبود روابط ایران + و غرب/ <http://www.tadbirkhabar.com/news/political/25908/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- "انگیزه "مسکو" از بازی با "کارت ایران" در "بحران اوکراین. تدبیر. ۱ فروردین ۱۳۹۳³⁵
<http://www.tadbirkhabar.com/news/political/25908/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- و ارتباط S300 چرا تنش های بی سابقه میان روسیه و آمریکا به نفع ایران تمام می شود؟/احتمال دستور پوتین برای تحویل
 بانکی با ایران. انتخاب. ۵ فروردین ۱۳۹۳³⁶
<http://www.entekhab.ir/fa/news/153490/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- چرا تنش های بی سابقه میان روسیه و آمریکا به نفع ایران تمام- <http://www.isna.ir/fa/news/92122717995/> (последнее посещение — 23 июля 2014 г.).
- تاثیر مثبت بحران اوکراین بر روابط مسکو، تهران و پکن. خبرگزاری دانشجوی ایران ایسنا. ۲۷ اسفند ۱۳۹۲³⁷
<http://www.isna.ir/fa/news/92122717995/> (последнее посещение — 23 июля 2014 г.).
- تاثیر مثبت بحران اوکراین بر موضوع هسته های ایران. الف. ۵ فروردین ۱۳۹۳³⁸
<http://www.alef.ir/vdchxvni-23niqd.tft2.html?220736> (последнее посещение — 23 июля 2014 г.).
- نوربخش نهدی. تاثیر تنش غرب و روسیه بر روی مذاکرات هسته ای ایران. میزان خبر. ۸ فروردین ۱۳۹۳³⁹
<http://mizankhabar.net/index.php/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).
- آرشیو مقالات/1214-تاثیر تنش غرب و روسیه بر روی مذاکرات هسته ای- <http://mizankhabar.net/index.php/> (последнее посещение — 1 августа 2014 г.).

Екатерина Степанова

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Статья первая в серии из двух статей

В первой половине 2010-х гг. основными поводами для очередного обострения международного интереса к терроризму и противодействию терроризму были три сюжета: Афганистан, Ирак/Сирия и активность доморощенных исламистско-джихадистских ячеек разного типа и степени локализации (в контексте от Бостонского марафона в США до Сочинской олимпиады в России).

Лишь последний из этих трех сюжетов довольно быстро отошел на второй план. Это был всплеск международного интереса к (анти)террористической тематике в преддверии зимних Олимпийских игр в Сочи 2014 г. Еще почти за год до зимней олимпиады взрывы на Бостонском марафоне в апреле 2013 г. — четвертый по общему числу жертв теракт в истории США — в очередной раз подчеркнули актуальность террористической угрозы для развитого мира, в том числе со стороны *доморощенных* мини-ячеек джихадистского типа, сохраняющуюся и спустя более 10 лет после терактов 11 сентября 2001 г. Серия терактов, предпринятая в канун олимпиады на российской территории в конце 2013 — начале 2014 г., включая три теракта в Волгограде, показала высокий уровень угрозы национальной и международной безопасности, которую могут представлять ячейки относительно локализованных сетевых движений исламистско-сепаратистского типа. Однако в данном контексте эта угроза была успешно нейтрализована — высокая степень безопасности и антитеррористической защиты, обеспеченная Россией на сочинских зимних играх, сделала их одними из наиболее безопасных в истории олимпиад. Этого, к сожалению, нельзя сказать ни о других типах и очагах террористических угроз, ни об общемировой динамике терроризма, интенсивность которого не только не снижается, но и продолжает нарастать.

В статье рассматриваются основные тенденции в области террористической активности в начале XXI в. на базе существующей статистики. Из них особого внимания заслуживает основное направление транснационализации современного терроризма — его регионализация. Эта тенденция наблюдается во многих контекстах, но, пожалуй, она нигде не проявила себя так явно, как в контексте текущего кризиса внутри и вокруг Ирака и на примере трансграничного феномена *Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)*.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ

Резкое обострение внутривнутриполитического кризиса на Украине весной 2014 г. в результате неконституционной смены власти и разгоревшаяся к лету гражданская война на юго-востоке этой страны спровоцировали рост напряженности в отношениях России и Запада, беспрецедентный со времен окончания

А
К
Т
У
А
Л
Ь
Н
О
С
Т
Ь

ALUMNI ПИР-ЦЕНТРА

КИРИЛЛ ЛИХАЧЕВ (к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ):

ИГИЛ, безусловно, опасен. Хотя ультрарадикальная идеология объединила против *ИГИЛ* шиитов (*Хезболла*), саудитов и курдов, даже прямое военное вмешательство международной коалиции в Ирак (что пока маловероятно) не сможет полностью обезопасить мировое сообщество от этой системной проблемы. Так как цель *ИГИЛ* — создание целостного государства в регионе, то для России угроза *ИГИЛ* пока что второстепенна. При этом в случае поражения или распада *ИГИЛ* разномастные интернациональные группировки джихадистов могут продолжить свою деятельность в родных странах. Но хотя, по разным данным, до 1500 чеченцев присоединились к *ИГИЛ*, мало верится, что они смогут существенно дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе в ближайшем будущем.

холодной войны. Эти проблемы на время заслонили собой другие угрозы безопасности, в том числе террористические, по крайней мере в контексте Европа–Северная Евразия. Если терроризм — это, строго говоря, *намеренное применение насилия против гражданского населения и некомбатантов со стороны негосударственного игрока ради достижения политических целей путем асимметричного давления на государство и общество*, то при всей остроте внутреннего кризиса и вооруженного противостояния на Украине террористические методы в украинском контексте пока практически не применялись¹. В 2014 г. доминирующими формами политического насилия на Украине оставались: а) *бое столкновения между комбатантами* (новороссийскими ополченцами и формированиями украинской армии, национальной гвардии и других военизированных группировок); б) *причинение комбатантами так называемого*

побочного ущерба (теоретически ненамеренного) мирному населению в ходе и в виде прямого результата военных действий между ними; в) *репрессивно-карательное насилие* со стороны государственных и негосударственных вооруженных игроков против гражданского населения и объектов (например, одесский погром 2 мая 2014 г. и неизбирательные бомбардировки городских районов как способа сознательного *коллективного наказания* нелояльного киевским властям населения Донецкой и Луганской республик). Хотя ситуация вокруг Украины и вооруженный конфликт на юго-востоке этой страны — главный сегодня кризис в области европейской безопасности — (пока) в основном не связан с угрозами террористического типа, в глобальном масштабе терроризм не только продолжает оставаться серьезной угрозой, но и демонстрирует тенденцию к дальнейшему росту.

Никакие текущие кризисы в сфере европейской безопасности не отменяют одного простого факта: *2013-й год стал годом пика террористической активности в мире* не только за весь прошедший период с начала XXI в., но и за весь период, по которому вообще доступна статистика по терроризму (с 1970 г.)². Предыдущие рекорды по числу терактов пришлись на два предшествующих года — 2011-й и 2012-й, а 2012-й год еще и лидирует по числу погибших в терактах³. Террористическая активность в мире находится на своем историческом пике и продолжает расти. При этом ее центр приходится на Ближний и Средний Восток и прежде всего на зоны трех крупных вооруженных конфликтов: в Афганистане, Ираке (и все больше в Сирии), а также на Пакистан (особенно на районы, прилегающие к Афганистану).

В *Афганистане* в преддверии окончательного вывода большей части сил США и НАТО, назначенного на конец 2014 г., на международную повестку дня вновь вышла проблема возможной дестабилизации и эскалации вооруженного насилия, в том числе в форме терроризма, внутри и вокруг этой страны. Несмотря на то что по мере вывода войск США и НАТО конфликт в Афганистане постепенно менял фор-

му, превращаясь из борьбы вооруженной исламистской оппозиции прежде всего с иностранными силами в противостояние между повстанцами и афганскими правительственными силами, одной из основных форм этого противостояния оставался терроризм против гражданского населения. Кроме того, поспешный вывод западных сил из Афганистана в отсутствие не только стабильности, безопасности и мирного процесса, но и функциональной государственной власти и устойчивого политического процесса усилили обеспокоенность всех стран региона и прилегающих к нему государств относительно возможных трансграничных выплесков вооруженных столкновений, терроризма, экстремизма и нестабильности с территории Афганистана.

Главным лидером по всем основным показателям террористической активности в начале XXI в. оставался *Ирак* — в основном в контексте вооруженного сопротивления американской военной интервенции 2003 г. и последующей оккупации страны силами США и их союзников, а также подконтрольному им иракскому правительству (так, в 2002–2011 гг. только на Ирак пришлось более трети всех погибших в терактах в мире)⁴. Однако к середине 2010-х гг. ведущим импульсом терроризма в регионе стала активизация радикально-исламистских группировок уже в новом, расширенном *ирако-сирийском контексте* и прежде всего движения *ИГИЛ*. В условиях нового витка вооруженного конфликта в Ираке уже после вывода американских сил и развернувшейся в соседней Сирии полномасштабной гражданской войны трансграничный феномен *ИГИЛ* стал даже более ярким примером *регионализации* повстанческо-террористического движения, претендующего на квазигосударственные функции, чем трансграничная активность вооруженных исламистов во главе с талибами в афгано-пакистанском контексте.

ДИНАМИКА ТЕРРОРИЗМА В НАЧАЛЕ XXI В.

Методология

Одним из основных достижений в области исследования терроризма в начале XXI в. стало прояснение его научного определения — в рамках так называемого согласованного академического определения терроризма, сформулированного в 2011 г. А. Шмидом на основе систематических консультаций с несколькими сотнями ведущих мировых специалистов в этой области⁵. Это *среднеарифметическое* определение пока не стало частью международного права (и не оформлено соответствующей конвенцией ООН), но получает все большее распространение в научных и экспертных кругах и стратегических документах ряда международных организаций и используется в методологии крупнейшей академической базы данных по терроризму — *Global Terrorism Database (GTD)*⁶. Не противоречит этой дефиниции и данное во введении к статье определение терроризма, разработанное автором в 2007–2008 гг.⁷.

Все наиболее авторитетные исследователи — и определения! — терроризма делают особый упор на его политической природе как тактики для достижения политических целей⁸. Главная специфика терроризма — сочетание его асимметричной природы с *коммуникативной* функцией, т. е. использование *мягких* мишеней (гражданского населения и некомбатантов) как жертв, главное назначение которых — генерирование более широкого политического резонанса. Этот резонанс террористы сознательно используют как инструмент, рычаг для дестабилизации политической обстановки, запугивания общества, а главное — для оказания виртуального давления на *государство*.

Теракт действительно успешен в том случае, когда его основное измерение — дестабилизирующее воздействие общественно-политического резонанса — значительно превосходит нанесенный им физический ущерб. При этом степень и характер дестабилизационного влияния теракта (серии терактов) на политику зависят не только от масштаба и типа самого теракта, но и прежде всего от того

конкретного политического контекста, в котором он применяется. Терроризм не абстрактен, а предельно конкретен: адекватно определить *конечный* политический эффект теракта невозможно в отрыве от его конкретного контекста, опираясь только на *физические*, измеряемые показатели.

Гибель всего нескольких человек в результате теракта в мирной столице какого-нибудь западного государства (Лондоне, Мадриде, Париже) может иметь неизмеримо больший политический эффект, чем, например, гибель 100–200 и более человек в теракте в столице одной из азиатских или африканских стран, погруженных в пучину вооруженных конфликтов (Багдаде, Кабуле, Могадишо или Бамако). Один-два теракта в мегаполисе или крупном транспортном узле (Бомбее, Стамбуле, Пекине, Москве, Волгограде и т. п.) могут оказать несравнимо большее влияние на политический климат, чем месяцы систематической террористической активности на дальней периферии той же страны. В Европе сотни терактов со стороны, например, корсиканских сепаратистов не вызвали и малой доли того общественно-политического резонанса, который имели редкие, буквально единичные теракты исламистского типа с относительно массовыми (по европейским меркам) жертвами.

Те статистические данные, которые сегодня имеются в распоряжении исследователя, в основном касаются измеряемых количественных параметров (числа терактов, жертв, активных террористических группировок) и не передают тех контекстных политических условий, которые в значительной мере определяют конечный — и наиболее важный — политический эффект терроризма. Поэтому при работе со статистикой важно не забывать, что количественные параметры дают лишь часть общей картины и не обязательно прямо пропорциональны политическому эффекту теракта в конкретном политическом контексте.

Однако лишь анализ статистических данных позволяет говорить о глобальных тенденциях, опираясь не на субъективные ощущения или спекулятивные оценки, а на научно-методологическую основу. Кроме того, современные методы (например, методология Глобального индекса терроризма) позволяют оценить хотя бы прямой кумулятивный эффект терроризма. Наконец в условиях все большей информационно-коммуникационной плотности и взаимозависимости в современном мире, резкий рост количественных параметров терроризма, особенно внутри одного и того же региона или в рамках одного политического контекста, как правило, сопровождается и ростом их политического резонанса.

Подъем терроризма в начале XXI в.

Среди основных тенденций современного терроризма для трех указанных выше сюжетов наибольшее значение имели следующие:

- общий подъем террористической активности в мире, особенно резко — в последние несколько лет;
- рост смертоносности от терроризма;
- крайне неравномерное распределение террористической активности по странам и регионам мира: концентрация большей части террористической активности в мире в двух регионах, которые лидируют с большим отрывом от остальных, и всего в 2–3-х зонах наиболее интенсивных и широко интернационализированных конфликтов;
- выход на первый план мотиваций, целей и идеологий религиозного и националистического толка при сохраняющемся уровне терроризма иных мотивационно-идеологических типов (правого, левого и т. д.). Рост терроризма смешанных идеологически-мотивационных типов, особенно религиозно-националистического;

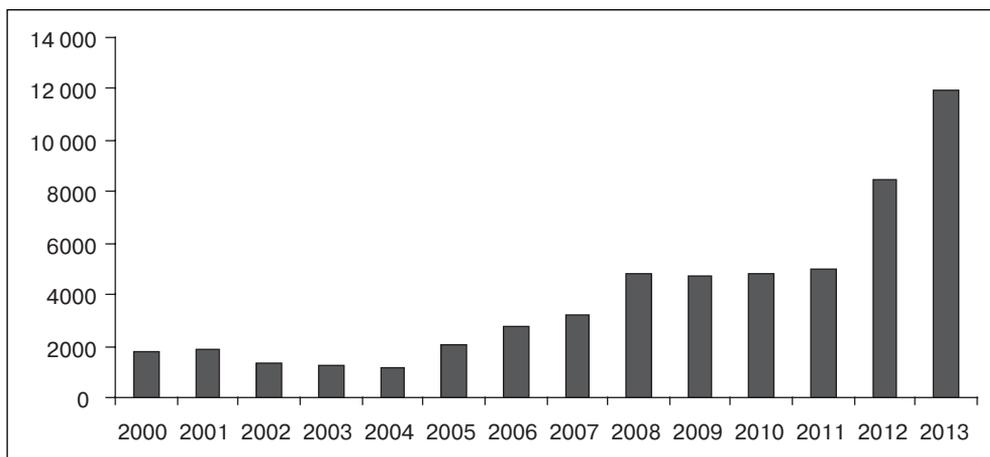
- ❑ доминирование организаций радикально-исламистского толка среди наиболее опасных террористических группировок;
- ❑ абсолютное доминирование терроризма в качестве тактики в вооруженных локально-региональных конфликтах как над терроризмом мирного времени (в отсутствие вооруженного конфликта), так и над терроризмом, ставящим глобальные, универсалистские цели;
- ❑ транснационализация терроризма на разных уровнях мировой политики и размывание грани между *внутриполитическим* и *международным* терроризмом;
- ❑ противонаправленные, но взаимосвязанные тенденции транснационализации и фрагментации современного терроризма;
- ❑ распространение сетевых и различных гибридных структур в организационных системах террористических организаций;
- ❑ растущая связь терроризма с теневой экономикой и переход многих террористических группировок на самофинансирование;
- ❑ развитие тактических приемов, средств и методов технического, финансового, а главное — информационно-коммуникационного обеспечения терроризма.

Остановимся подробнее на некоторых этих тенденциях на базе существующей статистики.

Согласно материалам Глобальной базы данных по терроризму (GTD), уровень террористической активности в мире с начала XXI в. значительно вырос по всем параметрам и показателям. Наиболее значительный рост демонстрирует число терактов — более чем в 6,3 раз, с 1880 терактов в 2001 г. до 11952 терактов в 2013 г., последнем, по которому на момент выхода статьи была доступна статистика по терроризму (см. рис. 1). Особенно тревожно то, что по числу терактов лидируют именно три первых года текущего десятилетия, причем динамика развивается по нарастающей. Если в 2011 г. было зарегистрировано 5007 терактов, в 2012-м — 8480, а в 2013 — уже почти 12 тысяч терактов, что составляет абсолютный рекорд не только с начала XXI в., но и за весь исторический период (с 1970 г.), по которому имеется статистика по терроризму (см. рис. 2).

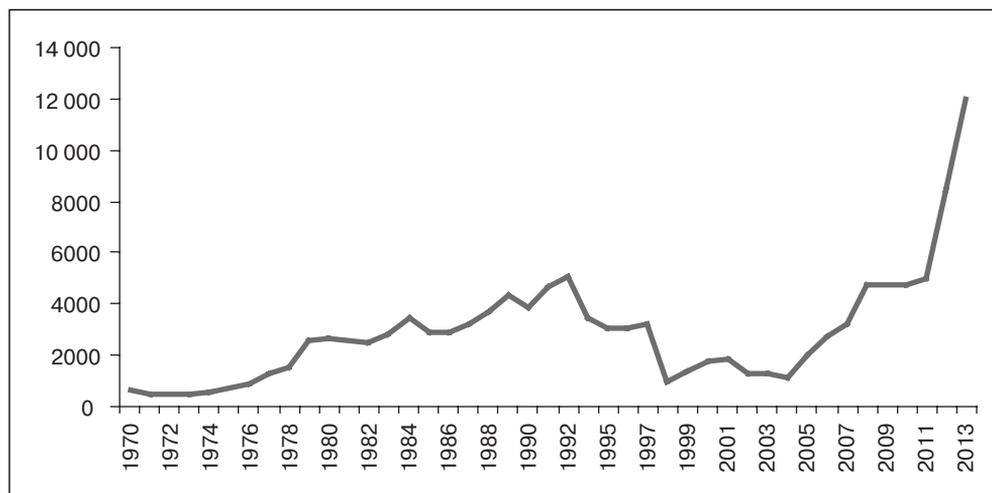

Рисунок 1. Число терактов в мире, 2000–2013 гг.

Источник: Global Terrorism Database, 2014.

Рисунок 2. Число терактов в мире (1970–2013 гг.)

Источник: Global Terrorism Database, 2014.

Возросла и смертоносность терактов, причем по числу убитых здесь также лидируют два последних года. Даже если следовать узкому определению терроризма, учитывая лишь подтвержденные жертвы только среди гражданского населения и некомбатантов, получится, что в 2012 г. в терактах погибли более 11 тысяч человек, а на предыдущем пике — в 2007 г. — более 5000 (в основном благодаря резкому подъему террористической активности в Ираке)⁹.

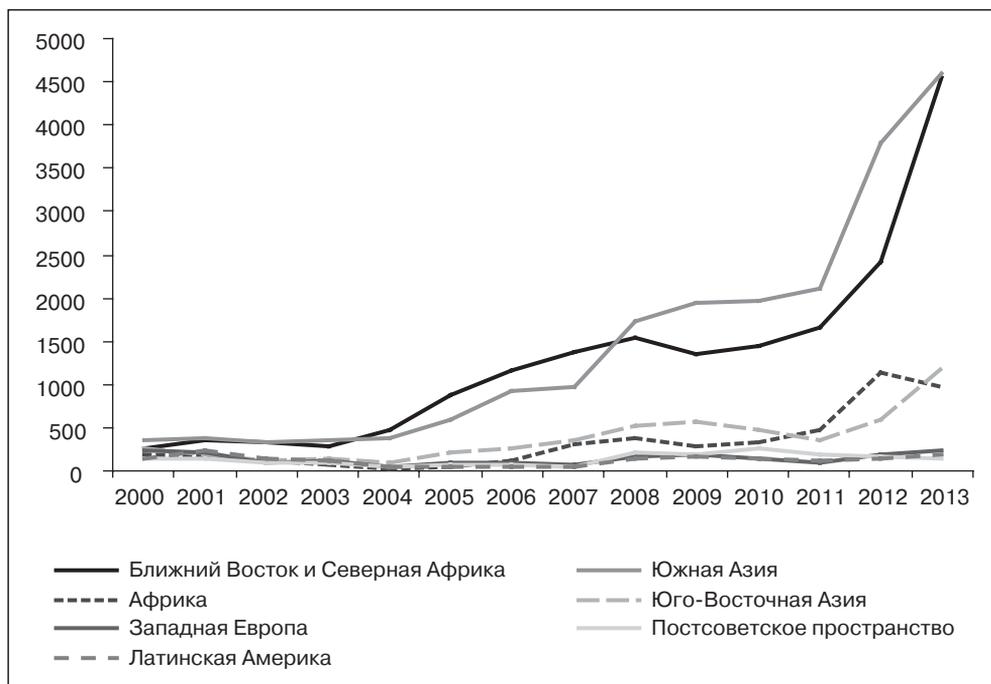
Ту же тенденцию демонстрирует и так называемый Глобальный индекс терроризма (*Global Terrorism Index — GTI*), который интегрирует сразу 4 количественных параметра (число терактов, число погибших и раненых в терактах и уровень материального ущерба). За первое десятилетие, для которого выведен этот индекс — 2002–2011 гг., т. е. за первые 10 лет после терактов 11 сентября 2001 г., террористическая активность в мире возросла на 234 %¹⁰.

С одной стороны, лишь немногие государства мира свободны от терроризма: из 158 стран, по которым вычисляется Глобальный индекс терроризма, в 2002–2011 гг. лишь в 31 стране вообще не было терактов¹¹. С другой стороны, распределение террористической активности — и ее роста — по регионам мира носит очень *неравномерный характер*.

В 2000–2013 гг. среди регионов мира абсолютными лидерами по совокупности всех показателей терроризма были *Ближний Восток*, включая арабскую Северную Африку, и *Южная Азия*, включая Афганистан и Пакистан (в данном случае к периоду начала XXI в. уместно присоединить 2000-й год, чтобы показать ситуацию до терактов 11 сентября 2001 г.). По числу терактов первая пятерка регионов мира наряду с *первым эшелон* — (1) Южной Азией и (2) Ближним Востоком, включает следующих с большим — почти 4-кратным — отрывом (3) Юго-Восточную Азию и (4) Африку южнее Сахары (*второй эшелон*), за которыми с отрывом следует (5) Западная Европа (вместе со следующими за ней с небольшим отрывом постсоветским пространством и Латинской Америкой она формирует *третий эшелон*) (см. рис. 3). Картина смертоносности терроризма почти такая же, только без Западной Европы (место которой в первой пятерке занимает постсоветское пространство), а два абсолютных лидера меняются местами, хотя и близки по общему числу жертв (на первом месте по числу убитых в терактах — Ближний Восток, в основном благодаря ситуации в Ираке, а на втором — Южная Азия). На этом фоне, например, Северная Аме-

рика, даже несмотря на теракты 11 сентября 2001 г., в целом демонстрирует один из самых низких уровней террористической активности в мире (причем как после, так и до терактов 11 сентября). В современной же Европе, несмотря на достаточно большое число терактов, они редко смертоносны (например, в 2012 г. на территории стран — членов ЕС от рук террористов погибло всего 17 человек — по сравнению с 11 тысяч убитых в терактах во всем мире в том же году)¹².

Рисунок 3. Распределение терактов по регионам мира (2000–2013 гг.)

З
И
Л
А
Н
А

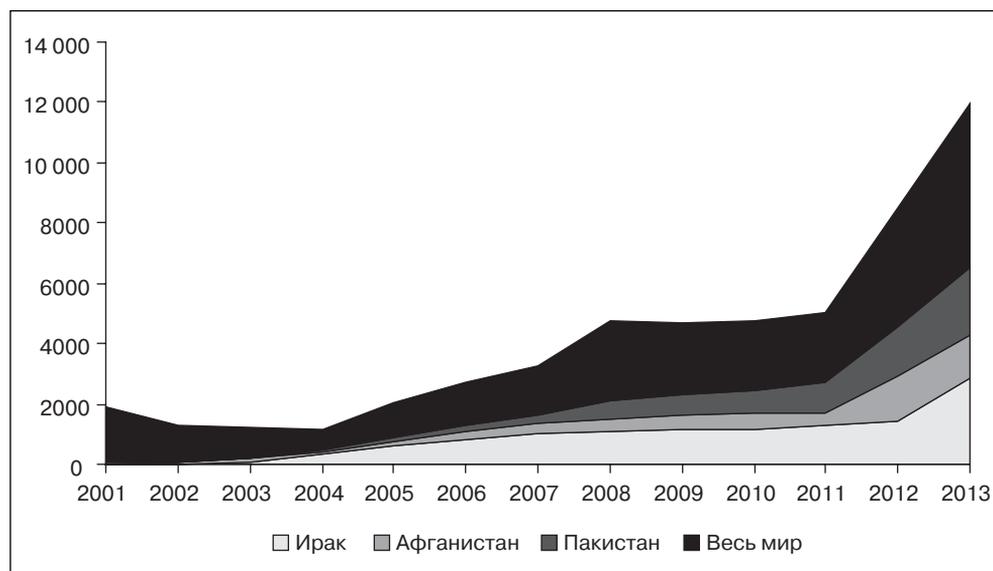
Источник: Global Terrorism Database, 2014.

Тенденция к непропорциональному сосредоточению большей части террористической активности лишь в нескольких регионах мира еще более очевидна применительно к странам. Так, в 2001 г. 87% всех терактов пришлось всего на 10 стран — тех же, что лидировали и по совокупности показателей террористической активности за весь период 2002–2011 гг.¹³.

При этом более половины всех терактов и жертв в них в начале XXI в. пришлось всего на 3 страны — на первую тройку стран, наиболее затронутых терроризмом (см. табл. 1): на Ирак, Афганистан и Пакистан (см. рис. 4). Собственно, первый в новом веке статистически значимый подъем террористической активности начался не с терактов 11 сентября 2001 г., а с 2004–2005 гг., почти исключительно благодаря вооруженному конфликту в Ираке, ставшему реакцией на интервенцию во главе с США 2003 г. По мере эскалации вооруженного сопротивления иностранным силам и поддерживаемому им афганскому правительству резко возросшая там террористическая активность сделала Афганистан вторым центром террористической активности в мире. К началу 2010-х гг. на тот же уровень вышел соседний Пакистан (по числу терактов даже обогнав Афганистан), в том числе благодаря росту террористической активности в трансграничном афгано-пакистанском контексте. В итоге, по данным GTD, в 2012 г. на эти три страны (Ирак, Афганистан

и Пакистан) приходилось 54% всех терактов в мире и 58% всех убитых в терактах¹⁴. Очевидно, что в рассматриваемый период терроризм сильнее всего вырос именно в тех странах, которые стали центральными мишенями *войны с терроризмом* во главе с США, причем не до, а после того, как они стали объектами иностранных интервенций. Как в Ираке, так и в Афганистане развернулись наиболее интенсивные и наиболее широко интернационализированные конфликты начала XXI в., и в обоих случаях динамику роста террористической активности запустило вооруженное сопротивление западному военному присутствию и слабым марионеточным правительствам в мусульманских странах.

Рисунок 4. Число терактов в мире и в Ираке, Афганистане и Пакистане (2001–2013 гг.)

Источник: Global Terrorism Database, 2014.

Таблица 1. 10 стран с наиболее высоким уровнем террористической активности (2002–2011 гг.), по убыванию

Рейтинг	Страна	Показатель GTI
1	Ирак	9,556
2	Пакистан	9,049
3	Афганистан	8,669
4	Индия	8,147
5	Йемен	7,305
6	Сомали	7,244
7	Нигерия	7,242
8	Таиланд	7,086
9	Россия	7,068
10	Филиппины	6,801

Источник: Global Terrorism Index (GTI), 2012.

В целом Ирак и Афганистан оказали более сильное влияние на динамику глобального терроризма, чем вооруженные конфликты во всех остальных государствах из первой двадцатки стран с наивысшим уровнем террористической активности (за 2002–2011 г.). Конфликты в остальных 18 странах относятся к двум типам контекстов. В первом случае это транснационализированные конфликты на территории ослабленных и нефункциональных государств, часто в условиях объявленного (Сомали) или необъявленного (Йемен, Пакистан) иностранного военного вмешательства, но без прямых западных интервенций. Вторая, преобладающая категория — это неинтернационализированные конфликты, часто смешанного исламистско-сепаратистского толка, в периферийных районах таких дееспособных государств, включая крупные региональные державы, как Индия, Таиланд, Нигерия, Россия, Филиппины, Турция и т. д.

На этом фоне особого внимания заслуживает Сирия, где терроризм все активнее применяется в контексте относительно недавней (с 2011 г.), но крайне интенсивной и уже сильно транснационализированной гражданской войны. То, под какую из перечисленных выше двух категорий подпадет Сирия, по мере включения в базы данных статистики по конфликтам, разразившимся уже в 2010-е гг., в значительной мере зависит от того, насколько сирийское государство сможет сохранить свою дееспособность. Не исключен, хотя пока и маловероятен, и третий, наихудший, сценарий, при котором в случае полномасштабной западной интервенции Сирия имеет шанс выйти на уровень Ирака и Афганистана как главных очагов террористической активности в мире (в 2014 г. она уже опередила их по уровню конфликтности в Глобальном индексе мира — *Global Peace Index*)¹⁵.

Хотя эта статья не посвящена специально *России*, было бы странно не сказать пару слов о ее месте в общемировом контексте. С одной стороны, в начале XXI в. Россия демонстрировала достаточно высокий уровень террористической активности. В основном благодаря терроризму исламистско-сепаратистского типа в северокавказском контексте, Россия вошла в десятку стран, наиболее подверженных терроризму за предыдущее десятилетие, заняв в ней предпоследнее, 9-е, место (см. табл. 1). Это единственная европейская страна и единственная страна с *высоким средним* уровнем дохода в первой десятке¹⁶ (где доминируют страны с *низким средним* уровнем дохода, хотя есть и несколько бедных стран). Самый крупный теракт в России за этот период — захват заложников в Беслане в 2004 г. — стал третьим по масштабу терактом в мире за десятилетие после 11 сентября 2001 г.¹⁷

С другой стороны, за последние 10 лет положение России по уровню террористической активности по сравнению с другими странами мира стало лучше, чем за последние 20 лет. Сам факт, что Россия по этому показателю теперь сместилась на уровень между Таиландом и Филиппинами (где, кстати, доминирует терроризм того же исламистско-сепаратистского типа в контексте периферийных конфликтов), говорит об определенной стабилизации российской ситуации и является результатом дальнейшей фрагментации вооруженно-террористической активности в северокавказском контексте. Хотя угрозы этого типа сохраняются (что показали, например, теракты в Волгограде в конце 2013 г.), всплеск террористической активности в преддверии Олимпийских игр в Сочи не помешал государству эффективно обеспечить полную безопасность проведения зимней олимпиады и вряд ли развернет постепенный нисходящий тренд по числу террористических инцидентов (наметившийся после 2010 г.).

В целом российский случай твердо относится к наиболее распространенному типу в рамках первой двадцатки стран, подверженных террористическим угрозам. Это достаточно *стандартный* сюжет, особенно по меркам евроазиатского/азиатского регионов, где почти в каждой второй стране в контексте периферийного конфлик-

та боевики исламистского-сепаратистского типа применяют террористические методы против дееспособного государства, которое так или иначе справляется с этой угрозой своими силами и способно обеспечить ее более или менее эффективное сдерживание. Важно подчеркнуть, что, хотя *терроризм как тактика периферийных конфликтов на территории дееспособных государств*, безусловно, угрожает национальной и региональной безопасности, не он определяет главное лицо современного терроризма, не он представляет собой основной террористический вызов глобальной безопасности и не на него сегодня приходится *центр тяжести* террористической активности в мире.

В целом состав первой двадцатки стран с наиболее высоким уровнем террористической активности хорошо иллюстрирует тот факт, что *в последние десятилетия терроризм в основном применяется в контексте вооруженных конфликтов*. Тот факт, что терроризм может проявляться и в странах, на территории которых нет конфликтов (например, атаки доморощенных джихадистских мини-ячеек в западных странах, корсиканских сепаратистов во Франции и т.д.), а некоторые типы терактов (например, со стороны лево-или праворадикальных акторов или экстремистов, действующих в защиту окружающей страны) вообще чаще осуществляются в условиях *мирного времени*, не меняет общей картины. Она состоит в том, что львиная доля террористической активности в мире либо осуществляется непосредственно в конфликтных зонах, либо, даже за пределами таких зон, напрямую связана с повесткой дня того или иного конфликта. Работа со всеми основными базами данных и индексами в этой области показывает высокую корреляцию между терроризмом и уровнем интенсивности вооруженного конфликта.

Однако то, что терроризм в основном применяется как тактика в локальных или региональных вооруженных конфликтах, отнюдь не означает, что он равномерно используется во всех конфликтах. Если бы это было так, то было бы непонятно, почему основные тенденции в общемировой динамике конфликтов и терроризма могут не совпадать. Например, если число конфликтов в начале XXI в. было стабильно ниже, чем в последние десятилетия XX в.¹⁸, то терроризм, напротив, за последнее десятилетие испытал период самого резкого роста за всю историю. Объяснение кроется не столько в числе, сколько в характере вооруженных конфликтов и состоит в отмеченном нами феномене — непропорционально высокой роли в генерировании современного терроризма всего лишь нескольких, но зато самых крупных и интенсивных вооруженных конфликтов. При этом все эти конфликты служат ареной либо масштабной интернационализации, включая прямое иностранное вмешательство (Афганистан и Ирак), либо широкой транснационализации (Пакистан).

Наконец в мотивационно-идеологическом плане существует расхожее мнение об абсолютном доминировании по всем показателям терроризма религиозно-экстремистского толка (как тактики группировок, в идеологии которых преобладает религиозно-экстремистская составляющая). Это мнение верно лишь отчасти. Так, большинство терактов в XXI в. пока в совокупности совершено группировками иных типов (как светской политической ориентации левого, правого, националистического толка, так и, например, радикально-националистической ориентации умеренно-конфессионального толка). Однако, хотя религиозный терроризм и не доминирует по числу терактов, он значительно превосходит все иные мотивационно-идеологические типы по смертоносности.

При этом наибольшее число жертв влечет за собой именно *терроризм радикально-исламистского толка*. В 2013 г. семь наиболее смертоносных группировок в мире были радикально-исламистскими: Талибан в Афганистане, ИГИЛ (Ирак и Сирия), *Техрик-э-Талибан* (Пакистан), *Боко Харам* (Нигерия), *Лашкар-э-Джангви* (Паки-

стан), *Джабхат аль-Нусра* (Сирия), *аш-Шабаб* (Сомали). В 2012 г. только на эти 7 группировок пришлось почти половина (около 5000) всех убитых в терактах в мире. Отметим, что все эти группировки наряду с применением *террористических* методов являлись активными участниками *военных действий* (и сторонами — комбатантами — в вооруженных локально-региональных конфликтах). Кроме того, все они служат примерами *трансграничного характера и регионализации* радикально-исламистской повстанческо-террористической активности. В отличие от этих группировок, например, *Аль-Каида* как таковая в 2012–2013 гг. не совершила ни одного теракта¹⁹.

ДВИЖЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ДЖИХАДА: СЕТЕВАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ

В условиях глобализации терроризм на разных уровнях мировой политики — от локального до глобального — отличается скорее степенью транснационализации, чем ее наличием или отсутствием. Подчеркнем, транснационализация терроризма носит не столько количественный, сколько качественный характер. Несмотря на то что из нескольких тысяч террористических группировок, отслеживаемых GTD, лишь небольшая часть, например, атакует гражданские цели на территории другой страны (стран)²⁰, размывается сама грань между *внутриполитическим* и *транснациональным* терроризмом. Даже действующие на локальном уровне группировки транснационализируют те или иные аспекты своей активности (финансово-техническое, информационно-пропагандистское обеспечение, подготовку и т. п.). Более того, террористические ячейки определенной мотивационно-идеологической ориентации могут адресовать свои действия именно *миру в целом* и действовать во имя абсолютно транснациональных и даже глобальных целей, даже не выезжая из своей страны и в основном пользуясь местными ресурсами. Иными словами, сегодня актуальнее говорить о разном уровне и степени транснационализации терроризма, который определяется прежде всего масштабом конечных целей группировки — локальным, локально-региональным или глобальным²¹.

На *терроризме глобальной направленности* следует остановиться особо, так как в отличие от более традиционных типов и контекстов террористической активности это сравнительно недавнее явление. О нем как о феномене с уверенностью можно говорить лишь начиная с рубежа XX–XXI вв. — в основном в связи с *Аль-Каидой* и тем сетевым движением *глобального джихада*, импульс которому она задала. Такой терроризм не привязан и не ограничен каким-то одним или даже несколькими локально-национально-региональными контекстами — он применяется во имя подчеркнуто универсалистских целей, которые носят экзистенциальный и поистине глобальный характер (построение *всемирного халифата* или, как в случае с *Аум синрикё*, приближение глобального апокалипсиса) и в принципе не могут служить предметом переговоров. Это терроризм не просто транснационального, а *наднационально-экстерриториального* характера.

Несмотря на теракты 11 сентября 2001 г., за полтора десятилетия, прошедшие с начала XXI в., терроризм этого типа в целом не только не лидировал по основным измеряемым показателям, но и сильно уступал по ним таким более традиционным видам, как терроризм националистического или смешанного религиозно-националистического толка, как тактике в конкретных вооруженных конфликтах на локально-региональном уровне. Несмотря на это, феномен *Аль-Каиды* и связанный с ней терроризм сумел привлечь к себе несравнимо, непропорционально большее внимание на уровне мировой политики и международных СМИ и создать впечатление, что он доминирует в современном дискурсе по терроризму.

З
И
Л
А
Н
А

Этот парадокс объясняется тем, что главный эффект терроризма — не столько в масштабе его *физических* параметров, сколько в его способности оказывать непропорционально большое влияние на политику. В этом смысле терроризм глобальной направленности аль-каидовского типа — самый асимметричный из всех: для того чтобы обеспечить глобальный информационно-политический резонанс, ему необязательно физически присутствовать повсеместно. *Аль-Каида*, несмотря на небольшое число убежденных вооруженных адептов и инцидентов после 2001 г., удалось добиться поистине глобального резонанса и политического эффекта прежде всего с помощью небольшого числа четко рассчитанных терактов с массовыми жертвами, в основном в условиях *мирного времени*, только усиливающих демонстративный эффект, либо в странах Запада (в Нью-Йорке, Мадриде или Лондоне), либо против мишеней, тесно ассоциирующихся с западным миром (например, теракты на о. Бали в 2002 г.), во имя подчеркнуто глобальных целей. Они продиктованы идеологией *глобального джихада*, которая является главным ресурсом этого движения и в начале XXI в. стала главной антисистемной протестной идеологией на глобальном уровне. Она не просто ставит под вопрос существующий мировой порядок в целом, но и выдвигает целостную, хотя и совершенно утопическую альтернативу такого порядка (что, например, не по силам движению антиглобалистов).

Однако в середине второго десятилетия XXI в., после массивной антитеррористической кампании против *Аль-Каиды* и уничтожения большей части первого поколения ее лидеров, включая Усаму бен Ладена (убитого в ходе запоздалой спецоперации США), уместно задать вопросом: как так случилось, что терроризм глобально-джихадистского типа продолжает считаться серьезной и до сих пор чуть ли не главной террористической угрозой международной безопасности, когда, например, в 2011 г. из более 5000 терактов в мире *Аль-Каида* была напрямую ответственна лишь за одно похищение²², а в 2012 и первой половине 2013 г. вообще не совершила ни одного теракта и даже не вошла в первую двадцатку наиболее активных и смертоносных террористических организаций²³? Ответ на этот вопрос более сложен и кроется в динамичной структурно-организационной трансформации транснационального движения *глобального джихада* за последнее десятилетие и в его адаптации к изменившимся условиям²⁴. Существуют два основных подхода к эволюции движения *глобального джихада* в последние годы.

Хотя оба подхода подразумевают определенную степень фрагментации *Аль-Каиды*, *первый подход* рассматривает этот процесс в основном как достаточно четко структурированное деление на несколько крупных, хорошо организованных и напрямую подотчетных центральной *Аль-Каиде* региональных филиалов (т.е. на *регионализацию по принципу сверху вниз*). Согласно этому подходу, который с конца 2000-х гг. преобладает в экспертно-политическом дискурсе в США и на Западе, движение глобального джихада подразделяется на три уровня. Во-первых, определенные функции стратегического командования и контроля сохраняются за *центральной Аль-Каидой*, базирующейся в Пакистане и Афганистане (т.е. тому, что осталось от ее исторического ядра). Во-вторых, утверждается, что главный *центр тяжести Аль-Каиды* переместился на уровень *региональных филиалов* с относительно четкой организационной структурой, базирующихся в ряде мусульманских регионов (среди них обычно называют *Аль-Каиду на Аравийском полуострове*, *Аль-Каиду в странах Исламского Магриба*, а также *Аль-Каиды* в Ираке, Восточной Африке и Юго-Восточной Азии). Третий уровень движения формируют *идеологические последователи Аль-Каиды* — мини-ячейки и отдельные лица, в основном на Западе, которые «знакомы с [этой] организацией только посредством ее идеологии, во имя которой они осуществляют акты насилия»²⁵. Однако рост числа и активности таких ячеек чаще всего интерпретируется как свидетельство организационной деградации *Аль-Каиды*,

которая подается как результат контртеррористического давления со стороны США и их союзников.

Второй подход, сторонником которого является автор данной статьи, делает упор на полноценной *сетевой фрагментации* движения *глобального джихада*. Этот подход отрицает, что на современном этапе историческое ядро *Аль-Каиды* реально продолжает осуществлять какие-либо функции стратегического командования, и отводит ей и ее оставшимся лидерам, в частности А. аз-Заварихи, роль, скорее, идеологических символов и вдохновителей. Этот подход, в принципе, не отвергает возможность существования региональных филиалов *Аль-Каиды* в мусульманских регионах мира (ближе всего роль такого филиала подходит *Аль-Каиде на Аравийском полуострове*, сохранившей прямую генетическую связь с первоначальной *Аль-Каидой*, в меньшей степени — *Аль-Каиде в странах Исламского Магриба*, т. е. в Северной Африке). Однако этот подход опровергает картину движения *глобального джихада* как иерархически интегрированного по принципу *сверху вниз* интернационала, четко подразделенного на крупные региональные филиалы. Большинство так называемых региональных филиалов *Аль-Каиды* (за твердым исключением лишь *Аль-Каиды на Аравийском полуострове*) — это вооруженные группировки, которые имеют глубокие местные корни и главные приоритеты которых неразрывно связаны с конкретным контекстом соответствующего региона и локально-региональных конфликтов. Если они и выходят на региональный уровень, то, скорее, по принципу *снизу вверх*, чем по команде *сверху вниз* от какого-то вышестоящего центра, а заявления некоторых таких групп о приверженности идеям *Аль-Каиды* и даже *клятвы верности* носят, скорее, декларативный характер.

В рамках этого второго подхода, в качестве наиболее активных адептов идеологии именно «глобального» джихада и наиболее динамичного направления развития его организационных форм сегодня, скорее, выступают как раз более мелкие, сетевые ячейки, активные в нескольких десятках стран мира и продвигающие *подчеркнуто универалистскую, глобальную повестку*. Такую сетевую фрагментацию лучше всего суммирует теория *джихада отдельных ячеек* Абу Мусаба ас-Сури (на Западе оно более известно как *безлидерный джихад*)²⁶. В отличие от группировок, действующих в контексте конкретных вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, в Азии или Африке, ячейки этого типа в полном смысле слова *экстерриториальны* по своим взглядам и целям, и большинство из них возникает именно на Западе, а не в мусульманских странах. Эти мини-ячейки формируются разными путями, процесс их радикализации может иметь различные формы, и они, как правило, не связаны друг с другом формальными связями. Однако они разделяют идеологию глобального джихада, в совокупности составляют гибкое и устойчивое транснациональное сетевое движение и отчетливо воспринимают себя как части этого движения.

Недавний подъем террористической активности со стороны террористов-одиночек или автономных ячеек джихадистского типа, причем прежде всего на Западе, служит наглядной иллюстрацией такой сетевой фрагментации движения *глобального джихада*. Этот процесс развивается в двух формах, грань между которыми очень тонка и ее не всегда можно провести: в форме так называемого *безлидерного сопротивления* или в виде терроризма со стороны *одиноких волков*, т. е. террористов-одиночек.

Безлидерное сопротивление — это *сетевая стратегия* и организационная форма, которая сознательно берется на вооружение, часто под давлением внешних обстоятельств, сетевыми структурами, состоящими из ячеек и отдельных лиц, чтобы усилить асимметричные преимущества сети по отношению к ее иерархически организованным оппонентам (например, государствам). Хотя сегодня вооружен-

ное безлидерное сопротивление чаще всего ассоциируется с глобальным джихадом, сама концепция была впервые сформулирована правыми экстремистами еще в конце 1980-х гг. и впоследствии активно применялась на практике, в частности радикальными защитниками окружающей среды, особенно *Фронтом освобождения Земли* (Earth Liberation Front, или ELF).

Сетевая фрагментация не предполагает централизованного рекрутирования новобранцев в четко сложившуюся организационную структуру, а вдохновляет своих сторонников на то, чтобы они во имя общих целей движения сами формировали собственные ячейки на местах, которые вообще могут быть не связаны между собой. Идея организовать террористическую ячейку апеллирует к жажде славы и индивидуальному чувству справедливости молодых людей не меньше, чем к их политическим взглядам и идеологическим воззрениям. Эти характеристики описывают безлидерную сеть Фронта освобождения Земли, но в равной степени они применимы к сетевому уровню микроячеек *глобального джихада*. Этот уровень развивается под влиянием идеологии *центральной, или исторической Аль-Каиды*, но он не связан с ней организационно; такие микроячейки могут иметь контакты, например с йеменско-аравийским региональным филиалом, а могут их и вовсе не иметь.

Если безлидерное сопротивление — это именно сетевая стратегия, то террористы-одиночки, или так называемые *одинокие волки*, действуют вообще вне каких-либо организационных рамок, т.е. *независимо от какой-либо группировки или сети*. В последнее время на Западе наблюдается некоторый рост числа атак со стороны джихадистов-одиночек. Хотя в 2000-е гг. постепенный рост числа таких терактов больше затронул страны Западной Европы (террористы-одиночки были ответственны за 14 % всех атак, спланированных и осуществленных джихадистами в Западной Европе в 1995–2012 гг.)²⁷, с 2009 г. число планировавшихся и осуществленных терактов этого типа возросло и в США (пока самый смертоносный из них — теракт, осуществленный майором Н. Хасаном в Форт-Худ в 2009 г.). Несмотря на недавний рост числа инцидентов со стороны террористов-одиночек, доминирующий тип джихадистского терроризма на Западе — это террористическая активность автономных мини-ячеек, поддерживающих определенные связи с более широкой сетью, т.е. являющиеся хотя и автономными, но *сетевыми агентами* (например, Лидская ячейка, ответственная за взрывы 2005 г. в Лондоне). Не всегда можно четко определить, насколько такая автономная ячейка действовала в координации с более широкой сетью (как, например, в случае с Ф. Шахзадом, припарковавшим машину со взрывчаткой на Таймс-сквер в Нью-Йорке (2010 г.) или с бостонской ячейкой братьев Царнаевых)²⁸.

При всей своей маргинальности сетевое движение фрагментированных, но постоянно возникающих вновь ячеек *глобального джихада* представляет серьезную террористическую угрозу международной безопасности, особенно внутри и для самих западных стран. Однако в целом это менее серьезный вызов, чем те угрозы, которые несет в себе процесс *регионализации* (выхода с более локального на полноценный региональный уровень) радикально-исламистских группировок в зонах реальных, наиболее интенсивных вооруженных конфликтов, как правило, трансграничных и происходящих в условиях развала или ослабления государственной власти. Одному из наиболее ярких примеров таких угроз и группировок — вооруженно-террористическому радикально-исламистскому движению *ИГИЛ* в ирако-сирийском контексте — посвящен следующий раздел статьи.

Продолжение будет опубликовано в следующем номере журнала.

Примечания

- ¹ Отдельные инциденты в контексте украинского кризиса могут на поверку оказаться терактами или угрозами террористического типа (например, угрозы подрыва газо- и нефтепроводов как способ давления на государство(а) или взятие людей в заложники ради политических целей). Даже, например, покушение на жизнь харьковского мэра Г. Кернеса в апреле 2014 г. можно будет считать терактом только в том случае, если: а) оно не является чисто криминальным актом (покушением на убийство), преследующим преимущественно материально-экономические цели, и б) к нему не причастны части государственного аппарата (в противном случае этот инцидент должен квалифицироваться как внесудебная расправа со стороны представителей государственного силового аппарата с политическим противником).
- ² 2013-й — последний год, по которому к осени 2014 г. была доступна статистика по терроризму Global Terrorism Database (GTD)/START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism), University of Maryland [в статье используется версия на 15.08.2014], <http://www.start.umd.edu/data/gtd/> (последнее посещение — 25 августа 2014 г.)
- ³ Ibid.
- ⁴ Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002–2011. Sydney; N.Y.: Institute for Economics and Peace, 2012. P. 12, http://www.visionofhumanity.org/sites/default/files/2012_Global_Terrorism_Index_Report.pdf (последнее посещение — 25 августа 2014 г.).
- ⁵ The Routledge Handbook of Terrorism Research/Ed. by Alex P. Schmid. L.; N.Y.: Routledge, 2011. P. 86–87.
- ⁶ Global Terrorism Database, 2014.
- ⁷ Stepanova E. Terrorism in Asymmetrical Conflict. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. P. 11–14; Степанова Е. А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23–32.
- ⁸ Hoffman B. Inside Terrorism. N.Y.: Columbia University Press, 1998; Crenshaw M. Terrorism in Context. University Park (Penn.): Pennsylvania State University Press, 1995.
- ⁹ Testimony by W. Braniff, Executive Director, National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland, before the United States House Armed Services Committee Hearing on the State of Al Qaeda, its Affiliates, and Associated Groups: View From Outside Experts. Washington, DC: United States House of Representatives, 2014, February 4. P. 2.
- ¹⁰ Global Terrorism Index. P. 23.
- ¹¹ Ibid. P. 6.
- ¹² EU-TESAT 2013: EU Terrorism Situation and Trend Report. The Hague: European Police Office (Europol), 2013. P. 9.
- ¹³ Global Terrorism Index. P. 12.
- ¹⁴ Global Terrorism Database 2014.
- ¹⁵ Global Peace Index 2014: Measuring Peace and Assessing Country Risk. Sydney, N.Y., Oxford: Institute for Economics and Peace, 2014. P. 6, 15.
- ¹⁶ Global Terrorism Index. P. 7.
- ¹⁷ Ibid. P. 14.
- ¹⁸ UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset v.4–2014, 1946–2013. http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_prio_armed_conflict_dataset/ (последнее посещение — 25 августа 2014 г.).
- ¹⁹ Testimony by W. Braniff. Op. cit. P. 3.
- ²⁰ Global Terrorism Database, 2014.
- ²¹ Terrorism: Patterns of Internationalization/Ed. by J. Saikia and E. Stepanova. New Delhi, London, Singapore: Sage, 2009.
- ²² Global Terrorism Index. P. 6.

²³ Testimony by W. Braniff. P. 3.

²⁴ Подробнее см. Степанова Е. А. Транснациональный терроризм спустя 10 лет после терактов 11 сентября: подъем, спад или трансформация? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 4–34.

²⁵ National Strategy for Counterterrorism. Washington D. C.: The White House, 28 June 2011. P. 19.

²⁶ Sageman M. Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007.

²⁷ Nesser P. Single actor terrorism: scope, characteristics and explanations//Perspectives on Terrorism. 2012. Vol. 6, N 6. P. 65–66.

²⁸ Подробнее см. Stepanova E. Lone wolves and network agents in leaderless jihad: the case of the Boston Marathon bombing cell // Perseverance of Terrorism: Focus on Leaders. Amsterdam: IOS Press, 2014. P. 50–63.

Кямал Гасымов

ОРУЖИЕ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ В ФЕТВАХ МУСУЛЬМАНСКИХ БОГОСЛОВОВ

Кто отнимет жизнь у человека
не за убийство или распространение нечестия на земле,
тот словно убил всех людей,
а кто сохранит жизнь человеку,
тот словно сохранит жизнь всем людям.

Коран (5:32)

Война — это хитрость.

Пророк Мухаммад

А
Н
А
Л
И
З

Мусульманские богословы ('улама') очень часто играют роль *проводника* различных идей в общество. Во многих государствах, где основной религией является ислам, они непосредственно участвуют в формировании общественного мнения на различные вопросы, явления и события. Порой от их заключений или правовых решений (фетв)¹ зависит, будут ли простые мусульмане участвовать на выборах или в принятии новой конституции или станут бойкотировать участие, примут ли те или иные достижения науки и техники или откажутся от них. В то же время посредством 'улама' власти подготавливают общество к различным явлениям или убеждают в правоте тех или иных социально-политических решений. Иначе говоря, 'улама' очень часто выполняют функцию посредников между властью и обществом.

В данной статье мы рассматриваем правовые заключения (фетвы) мусульманских богословов и мыслителей по созданию и использованию оружия массового уничтожения (ОМУ) в целом и ядерного оружия в частности. Особое внимание в статье уделяется следующим вопросам: по каким причинам мусульманские ученые вынуждены рассматривать данный вопрос? Какие методы и аргументы мусульманские богословы используют для обоснования (или, наоборот, отрицания) необходимости создания ядерного оружия (ЯО)? Какие идеологические и политические цели они преследуют, издавая фетвы по данному вопросу? Чем отличаются фетвы суннитских и шиитских, умеренных и радикальных богословов по этому вопросу и в то же время что их объединяет? Дело в том, что дискуссии об ОМУ в целом и о ЯО в частности уже долгое время ведутся между мусульманскими учеными. Они спорят о том, следует ли мусульманским народам обладать атомной бомбой или нет? Не противоречат ли *атомная политика* и ЯО исламской этике и принципам исламского права? Каким должно быть отношение мусульманского государства к ОМУ?

В этом контексте мы, с одной стороны, рассмотрим основные, наиболее показательные и известные фетвы суннитских мусульманских авторитетов по данному вопросу, в том числе коллективную фетву ученых университета аль-Азхар, фетвы бывшего верховного муфтия Египта Али Джумы и *глобального муфтия* Юсуфа аль-Карадави, а также фетву саудийского богослова Насра аль-Фахда (на которого ориентируются сторонники *Аль-Каиды*), с другой стороны, мы обсудим фетву Высшего руководителя (*рахбар*) Ирана Али Хаменеи о запрещении (*тахрим*) создания ЯО, которая вызвала большую полемику среди ученых и политиков.

ФЕТВЫ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

В 2002 г. члены Комитета по изданию фетв университета аль-Азхар издали фетву в ответ на многочисленные вопросы об отношении ислама к ОМУ, например, такие как: разрешается ли исламским государствам производить и приобретать атомное оружие? и дозволено ли (с точки зрения ислама) мусульманским государствам использовать его для самозащиты? Ученые ответили следующим образом: создание и приобретение ЯО — необходимость (*ваджиб*) для мусульман. Аллах велел мусульманам по мере возможности быть сильными, для того чтобы устрашить врагов, заставить их отказаться от враждебных действий, защитить себя от преступников, но при этом не проявлять чрезмерную жестокость. Исламским государствам разрешено, а точнее необходимо (*ваджиб*) использовать любое оружие в целях самозащиты. В качестве основного аргумента '*улама*' приводят аят Корана: «Приготовьте против них сколько можете силы и боевых коней, чтобы *устроить врага Аллаха и вашего врага, а также тех, которых вы не знаете*, но которых знает Аллах» (8:60)². Из данного аята следует: мусульмане должны тщательно изучить своего врага.

Под врагами имеются в виду, *во-первых*, враги Аллаха и враги мусульман, т. е. все, кто совершают агрессию против мусульман и их святынь. *Во-вторых*, это враги, которых мусульмане не знают (*которых вы не знаете*), иначе говоря, все, кто тайно сеют смуту в среде мусульман, ведут против них подрывную деятельность и идеологическую войну. Поэтому мусульманам следует изучить врага и быть готовыми к отражению любой атаки. Для этого необходимо, чтобы они не отставали от своего врага в научных и военных достижениях, постоянно обладали достоверной и полной информацией о нем и приобрели оружие, не слабее по мощности оружия врага. «Всем арабским и мусульманским государствам следует вооружиться новейшим вооружением», — гласит фетва. Авторы фетвы также отмечают, что самым большим показателем отсталости исламской *уммы* (*нации*, общины) является то, что она не создает новейшее вооружение, в отличие от ее врагов, которые день и ночь работают ради того, чтобы превзойти мусульман в сфере ОМУ³. Кроме этого председатель Комитета по фетвам, шейх Али Абу аль-Хасан, комментируя фетву, сказал, что «законоеды сошлись во мнении о том, что если мусульмане откажутся от приобретения подобного оружия, то они, согласно исламскому праву, будут считаться грешниками»⁴.

Таким образом, согласно данной фетве мусульманам необходимо создавать ОМУ, потому что другие народы либо создали, либо работают над созданием подобного вооружения, которое может быть использовано против мусульман. Фактически богословы одного из самых престижных и известных исламских учебных заведений (которое известно как центр *васатийи* — умеренного, срединного исламского учения) призывают мусульманские правительства приобрести атомное оружие. Нужно отметить, что фетвы по таким важным общественно-политическим вопросам чаще всего появляются в том случае, когда, с одной стороны, власти или элиты требуют у '*улама*' поддержать их решения *Кораном* и *сунной*, т. е. легитимировать с помощью священных текстов, а с другой стороны, когда *арабская улица* требует от них дать срочный ответ на актуальный вопрос.

В июне 2002 г. министр электрификации и энергетики Египта Хассан Ахмад Юнис заявил о планах строительства АЭС возле Александрии. В этом же месяце немец-

кая газета *Die Welt* опубликовала статью, в которой со ссылками на сведения спецслужб и анализ экспертов говорится о том, что «Египет пытается при помощи Китая добывать уран на Синае для военных целей (а именно для создания ракет дальнего радиуса)»⁵. В ответ посольство Китайской Народной Республики в Египте на официальном сайте посольства опубликовало заявление, в котором назвало данную информацию *сфабрикованной*⁶.

После этих событий 29 июня 2002 г. командир военно-воздушных сил Арабской Республики Египет (АРЕ) генерал-лейтенант Сами Аннан во время пресс-конференции в Каире заявил, что Египту крайне необходимо приобрести сдерживающее оружие⁷. Учитывая вышесказанное, добавим, что руководство АРЕ довольно часто делало заявления о том, что пока определенные государства на Ближнем Востоке не откажутся от атомного оружия (имея в виду прежде всего Израиль), многие арабские правительства будут всерьез задумываться об использовании атомной энергии в военных целях⁸. К тому же некоторые египетские политики и представители интеллигенции не раз обращались к правительству АРЕ с просьбой приобрести ЯО, для того чтобы противостоять угрозе Израиля. Очевидно, что в *азхаровской* фетве также не случайно упоминаются «враги, которые покушаются на мусульман, их святыни, и день и ночь работают над созданием ОМУ». Вполне возможно, что в данном случае атомная политика государства стала одной из причин появления фетвы (тем более что фетву издало самое главное религиозное учреждение страны). На это указывает и определенная активность в атомной политике АРЕ в 2001–2002 гг.

Кроме богословов университета аль-Азхар на аналогичную тему издал фетву широко известный мусульманский правовед и мыслитель Юсуф аль-Карадави⁹, названный исследователями *глобальным муфтием*. На его сайте ему был задан вопрос: «В этом веке возникло множество наук, в том числе и ядерная физика. Как известно, атомная бомба была использована против Японии, а химическое оружие против курдов в Ираке в городке Халабджа. Все это показало, что атомное и химическое оружие несут человечеству огромный вред. Однако данными видами оружиями обладают многие страны мира. Что касается мусульман, то у них нет подобного оружия. Более того, они еще подписали договоры, запрещающие им иметь ядерное и химическое оружие. Мой вопрос: имеют ли мусульмане право стремиться к обладанию названным вооружением?». Ю. аль-Карадави отвечает: да, мусульмане имеют право создать ОМУ, но только для самозащиты и в качестве фактора сдерживания. Ю. аль-Карадави приводит в пример Соединенные Штаты и СССР, которые, по его мнению, не уничтожили друг друга, потому что обе страны имели ЯО¹⁰.

Согласно Ю. аль-Карадави, обладание ЯО для самозащиты является всеобщей обязанностью (*фард кифайа*) мусульманской общины. Он пишет: «Ядерное оружие — это особое оружие, которое гарантирует мир. Почему это Израилю можно обладать *ядерным щитом*, а арабам, которые его окружают, нет? Мы особая многочисленная община (*умма*) и поэтому имеем право обладать этим оружием с целью, о которой сказано: «Приготовьте против них сколько можете силы и боевых коней, чтобы устроить врага Аллаха и вашего врага, а также тех, которых вы не знаете, но которых знает Аллах» (Коран, 8:60)».

Как мы видим, Ю. аль-Карадави приводит практически те же аргументы, которые до него привели члены Комитета по фетвам университета аль-Азхар, однако на этот раз в фетве прямо упоминается Израиль. Нужно отметить, что *глобальный муфтий* уже долгое время призывает мусульман объединить силы, *во-первых*, ради создания современного вооружения, а *во-вторых*, ради борьбы с Израилем. В этом контексте показательна еще одна его фетва, которая возникла как ответ мусульманке из Германии. Она задала ему вопрос, в котором говорится, что ее муж работает в сфере производства оружия и ракет. Он работает над созданием оружия, обладающего большой разрушительной силой. Его проекты не поддерживали в арабских странах, и поэтому он уже долгое время работает в Германии. В итоге она спрашивает: совершает ли он грех или небогоугодный поступок?

Ю. аль-Карадави отвечает, что если он точно знает, что это вооружение будет использовано против мусульман, то ему не следует работать на немецком заводе. Если же он уверен, что это не так, то он может продолжать свою деятельность. Однако Ю. аль-Карадави советует ему уехать в Индонезию, так как сейчас там идет бурное развитие военной промышленности (особенно в сфере ракетной техники и военных самолетов), которое началось еще при бывшем министре науки и технологий Бахаруддине Юсуфе Хабиби. Ю. аль-Карадави отмечает, что сам Б. Хабиби тоже работал в Германии, но вернулся на родину. По мнению Ю. аль-Карадави, враги мусульман направили свои силы, чтобы приостановить возрождение (*нахда*) военного производства в Индонезии, поэтому мусульманским ученым следует по возможности участвовать в этом возрождении¹¹.

Таким образом, мы видим, что мусульманские богословы настоятельно советуют своим правительствам приобретать ядерное вооружение, так как они обеспокоены тем, что Израиль обладает ОМУ и что западные страны, которые, по мнению богословов, всячески поддерживают Израиль, также превосходят мусульман в военном отношении. Однако, кроме фактора внешней угрозы, вышеупомянутые фетвы объединяет еще одно обстоятельство.

Дело в том, что в рассмотренных нами фетвах ЯО рассматривается как средство сдерживания (*рад'*) и запугивания (*тахвиф*). Иначе говоря, богословы особо отмечают, что создавать ЯО допускается в целях самозащиты. На наш взгляд, это тоже не случайно. Здесь можно увидеть полемику с радикалами, которые призывают использовать ОМУ в наступательной войне. Poleмика с ними усилилась после террористического акта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. После этого события идеологи *Аль-Каиды* и различные джихадистские группы, близкие к *Аль-Каиде*, все чаще стали поднимать вопрос об использовании ОМУ против Соединенных Штатов и их союзников.

В 2003 г. саудийский богослов Насир аль-Фахд¹² опубликовал фетву, в которой обосновал, почему мусульманам разрешено применять ОМУ первыми. Фетва возникла как ответ на следующий вопрос: «В СМИ распространилась информация о том, что *Аль-Каида* планирует нанести удар по Соединенным Штатам с помощью ОМУ. Однако никто из современных ученых так и не объяснил, разрешает ли исламское право *муджахидам* использовать это оружие?»¹³. Прежде чем ответить на вопрос, Н. аль-Фахд оговаривается, что подобные решения принимают не кто-нибудь, а ученые, вовлеченные в джихад¹⁴. Этим он пытается делигитимизировать остальных '*улама*' — тех, кто связан со своими правительствами, участвует в политике национального государства, отрицает построение мирового халифата и критикует действия *Аль-Каиды* (например, упомянутые *азхаровские* богословы или Ю. аль-Карадави).

Н. аль-Фахд не заставляет ждать ответа и объявляет, что мусульмане имеют право применять ОМУ, особенно если терпят на поле боя поражение от более сильного врага. Он приводит следующие аргументы: несмотря на то что Пророк запретил убивать гражданское население: детей, женщин и стариков, — при необходимости, в военное время, когда нет возможности придерживаться данного правила, мирным населением можно пожертвовать. Обычно, говорит Н. аль-Фахд, противники данного решения приводят три аргумента:

- в исламе запрещено (*харам*) убивать женщин и детей;
- запрещено портить землю и производить разрушения¹⁵;
- ОМУ вместе с врагами убьет и часть мусульман, а убивать мусульман — великий грех.

Н. аль-Фахд говорит: да, в исламе запрещено убивать детей и женщин, однако даже первая община мусульман во время войны с мекканскими язычниками совершала неожиданные ночные атаки, в результате которых гибли как женщины, так и дети, потому что ночью бойцы не могли распознать кто вооружен, а кто нет¹⁶.

Кроме этого первые мусульмане использовали катапульты (*манджаник*), от которых гибли как женщины, так и дети¹⁷. Следовательно, использование ОМУ против неверных можно сравнить с использованием катапульт.

Что касается второго аргумента, то Н. аль-Фахд отвечает на него так: да, использование подобного оружия уничтожит пашни, приведет землю в непригодное состояние, что запрещено исламом¹⁸. Однако известно, что Пророк одобрил вырубание финиковых пальм для победы над иудеями¹⁹. Это значит, что в случае необходимости мусульманам разрешено применять тактику *выжженной земли*.

На третий довод Н. аль-Фахд возражает точно так же: хотя ислам строго запрещает убийство мусульман и многие мусульманские авторитеты говорят, что следует избегать атак, если среди неверующих есть мусульмане (торговцы, туристы и т. д.), в случае необходимости ради достижения высокой цели джихада, т. е. победы над неверующими, следует атаковать, несмотря на то что вместе с врагом погибнут и мусульмане.

Фактически Н. аль-Фахд строит свою систему аргументации на классическом правиле исламского права «при острой необходимости запретное становится дозволенным» (*аль-дарурат тубих аль-махзурат*)²⁰. Это означает, что при острой необходимости, когда речь идет «о сохранении религии, жизни, разума, потомства и имущества мусульманина», дозволяется совершать действия, которые запрещены исламским правом. Но если в трудах мусульманских модернистов данное правило используется, для того чтобы реформировать исламское право и ответить на вызовы современности (например, с помощью данного правила модернисты в своих фетвах разрешают мусульманам, которые не имеют средств для покупки или строительства жилья, брать ипотечные кредиты в банках, которые выдают их под проценты), то в фетвах таких богословов, как Н. аль-Фахд, данное правило используется для оправдания массовых убийств. Иными словами, Н. аль-Фахд пытается убедить мусульман в том, что можно использовать ОМУ, потому что враг намного сильнее и не оставляет мусульманам иного выбора. Он призывает игнорировать все международные договоры (всякие *жневские соглашения*), запрещающие мусульманам обладать данным оружием. По его словам, только Аллах волен запрещать или разрешать что-либо. В принципе, согласно Н. аль-Фахду, для легитимизации использования ОМУ достаточно всего лишь одного доказательства: в исламском праве есть общее правило, которое выражено аятом Корана: «Воздаянием за зло является равноценное зло» (42:40). «Соединенные Штаты сбросили столько бомб разной мощности на мусульман за последние десятилетия, что мусульмане имеют право ответить этой стране тем же, и даже не нужно никаких других доказательств. По некоторым подсчетам, американцы убили в Афганистане, Ираке и в других странах около 10 млн мусульман. Это дает мусульманам право ответить тем же и, используя ОМУ, уничтожить такое же количество американцев», — говорит Н. аль-Фахд²¹.

Данная фетва Н. аль-Фахда была взята на вооружение многими сторонниками и идеологами глобального джихада. Фетва переведена на русский язык и опубликована на главных сайтах кавказских джихадистов²². На нее в своем сочинении ссылается и лидер *Аль-Каиды* Айман аз-Завахири²³. Этот факт прибавляет данной фетве легитимности и делает ее *популярной* среди радикалов. Отметим, независимо от того, обладают ли джихадисты ядерным или химическим оружием или приобретут его в будущем, они уже имеют фетву, которая с помощью правил исламского права и многочисленных ссылок на священные тексты объявляет использование ОМУ богоугодным делом.

Эта фетва стала серьезным вызовом для оппонентов *Аль-Каиды*. С момента появления фетва стала представлять угрозу безопасности многих мусульманских и арабских государств (например, Королевства Саудовской Аравии, Арабской Республики Египет) тем, что она призывает игнорировать все международные договоры, которые подписали правительства этих государств. Кроме того, фетва Н. аль-Фахда и похожая фетва А. аз-Завахири направлены не только против авто-

ритета богословов, функционирующих в пределах национального государства, но и против легитимности самого национального государства. Этим фетва оставляет за лидерами вооруженных отрядов право самим решать, когда и как использовать ядерное или химическое оружие. Поэтому возникла острая необходимость опровержения подобных идей. Первым развернутый ответ на фетву Н. аль-Фахда дал бывший верховный муфтий Египта, известный богослов Али Джума. Ниже мы подробнее рассмотрим его фетву, так как она важна для нашей темы.

Так, именитому муфтию был задан вопрос: «В последнее время некоторые группы (*джамааты*) в своих работах и книгах утверждают, что им разрешено использовать ОМУ против немусульманских государств, полагая, что их слова соответствуют шариату. Они ссылаются на некоторые правовые тексты и сравнивают ОМУ с использованием катапульта... Правы ли они и соответствуют ли их слова шариату?». Али Джума, прежде чем ответить, говорит, что шариат требует, чтобы мусульманские государства приобрели ОМУ и ссылается на уже упомянутый ранее аят: «Приготовьте против них сколько можете силы и боевых коней, чтобы устроить врага Аллаха...» (8:60). Создание ОМУ необходимо для стратегических целей — как фактор сдерживания и баланса сил. Как мы видим, в этом вопросе он полностью солидарен с мнением *азхаровских* богословов и Ю. аль-Карадави.

Что касается использования данного оружия во время войны, то А. Джума говорит, что оно обусловлено решением легитимного правителя государства — *вали аль-амра* (президента, короля и т. д.).

Во-первых, так как только легитимный правитель имеет прерогативу объявления войны, заключения международных договоров и т. д., он принимает столь важные решения не спонтанно, а посоветовавшись со специалистами в различных областях знания. Какие-то главари вооруженных отрядов не имеют права принимать подобные решения.

Во-вторых, мусульманские страны добровольно подписали различные договоры с международными организациями, которые направлены на сохранение мира и безопасности. Следовать договорам обязательно в исламском праве²⁴. Вероломное нарушение договоров — великий грех.

В-третьих, Пророк запретил вероломно нападать на людей.

В-четвертых, убийство невинных людей, женщин и детей является одним из тяжелейших грехов в исламе и запрещено Пророком²⁵.

В-пятых, если ОМУ будет использовано против немусульманских стран, то погибнут и мусульмане — граждане или коренные жители этих стран, а убийство мусульманина — великий грех и, как сказано в Коране: «А если кто по умыслу убьет верующего, то возмездие ему (т. е. убийце) — ад, где пребудет он вечно» (4:92).

В-шестых, подобное безрассудное действие нанесет огромный вред прежде всего самим мусульманам. Ведь страна, против которой будет использовано это оружие, в ответ использует оружие с еще большей разрушительной силой, а ветер разнесет ядовитые вещества в соседние страны. И даже если предположить, что в основе этого действия лежит благо/польза (*маслаха*), последствия этого действия принесут намного больше вреда (*мафсада*), чем пользы. А как гласит одно из правил исламского права: «Устранение вреда важнее/приоритетней, чем достижение блага».

В-седьмых, использование ОМУ противозаконно еще и потому, что исламское право запрещает наносить материальный ущерб людям, но в случае использования этого оружия будет нанесен ущерб имуществу людей, которые вообще не имеют отношения к военному конфликту.

В-восьмых, для того чтобы применить данное оружие на территории немусульманской страны, необходимо попасть в эту страну. Как правило, каждое государство впускает какого-либо человека на свою территорию с тем условием, что он

не будет нарушать ее законы и совершать преступления. Это очевидное правило, и действует оно с того момента, как человек получает визу и пересекает границу. И если мусульманин применит оружие, он вероломно нарушит договор с государством, которое его впустило на свою территорию, а предательство и вероломство строго осуждаются исламом.

Подводя итоги, Али Джума говорит, что тексты (т. е. *хадисы* и аяты), которые сторонники применения ОМУ приводят в своих фетвах, оторваны от контекста и использованы не к месту. По сути авторы этих фетв ссылаются на события, которые произошли много веков назад и не имеют отношения к настоящему. Что касается *хадисов* о том, что сподвижники Пророка во время ночных атак не различали женщин, детей и вооруженных бойцов, что Пророк одобрял использование катапульта, от которых погибали и безоружные люди, или что в случае крайней необходимости можно пожертвовать жизнями мусульман, которыми прикрываются враги, то, *во-первых*, речь в этих *хадисах* идет о войне, а война ведется под руководством легитимного правителя. А группы, которые призывают использовать ОМУ, не признают правителей мусульманских государств и утверждают, что они самостоятельно имеют право объявлять войну, называя ее *джихадом*. Кроме того, существует огромная разница между катапультами и ОМУ, и разрушение, которое приносит камнеметательная машина, не сравнимо с разрушениями и последствиями, которые оставляет после себя ОМУ²⁶.

Учитывая вышесказанное, отметим, что, несмотря на большую разницу в правовом мышлении упомянутых богословов, можно заметить, что в фетвах Н. аль-Фахда (и А. аз-Завахири) и в фетвах их оппонентов (группы богословов университета аль-Азхар, Ю. аль-Карадави и Али Джумы) много общего. Как первые, так и вторые считают, что мусульманским странам необходимо иметь ОМУ. Обе стороны рассматривают Израиль и Соединенные Штаты как угрозу для мусульманских народов и считают, раз эти страны имеют атомное оружие, то и мусульманам необходимо приобрести его. Интересно, что и первые и вторые ссылаются на одни и те же религиозные тексты, но интерпретируют их исходя из своих личных предпочтений, мировоззрения и политических целей. Более того, фактически обе стороны, как богословы-*джихадисты*, так и умеренные богословы, считают, что, согласно шариату, правомочно не только приобрести, но и в случае необходимости использовать данное оружие во время войны. Однако разница в том, что первые рассматривают королей и президентов мусульманских стран как сателлитов колониальных сил — США, Израиля и их союзников, поэтому мусульманам не следует ждать их решения или учитывать международные договора, которые они подписали. Получив доступ к ядерному или химическому оружию, мусульмане имеют право применить его, чтобы нанести максимальный урон многочисленному и сильному врагу. В то время как вторые (т. е. богословы, связанные с государством и представляющие интересы элит или правительств своих стран) настаивают, что только государство имеет право принимать решение об использовании ОМУ, так как иначе, если радикальные группы по своему усмотрению применяют это оружие, это приведет к мировой катастрофе.

ИРАНСКАЯ АТОМНАЯ ФЕТВА

27 сентября 2013 г. между президентом Соединенных Штатов Бараком Обамой и президентом Исламской Республики Иран Хасаном Рухани состоялся телефонный разговор. Это был первый после исламской революции 1979 г. телефонный разговор между президентами этих стран. Б. Обама заявил журналистам, что Х. Рухани сообщил ему о том, что Высший руководитель (*рахбар*) Исламской Республики Иран Али Хаменеи издал фетву, запрещающую создание ЯО²⁷. За пять месяцев до телефонного разговора целый ряд известных американских дипломатов, политологов, сенаторов и работников спецслужб (среди них бывший директор ЦРУ Майкл Хайден и известный политолог и государственный деятель Збигнев Бжезинский) обратились к Б. Обаме с письмом, в котором призвали его принять

во внимание фетву, изданную А. Хаменеи, и рассматривать ее как «одну из основ для дальнейших переговоров по атомному вопросу»²⁸. До этого события в 2012 г. Хилари Клинтон после встречи в Стамбуле с премьер-министром Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоганом заявила, что «ей было очень интересно узнать от турецкого премьера, что Высший руководитель Ирана сказал ему, что ислам запрещает создание ЯО»²⁹. Сам Р.Т. Эрдоган так же после визита в Иран в апреле 2012 г. говорил журналистам, что А. Хаменеи открыто заявил: «Исламское право строго запрещает создание ОМУ», и поэтому он не видит причин не верить в то, что Иран не собирается создавать атомное оружие»³⁰.

Таким образом, фетва дала повод многим политикам и экспертам на Западе утверждать, что Иран не собирается использовать свою ядерную программу в военных целях, потому что ислам запрещает создание ОМУ. Ведь Иран — это исламская республика, а фетва издана главным религиозным и политическим авторитетом страны, поэтому нет причин не доверять этой фетве. Иранские информационные проекты, направленные на развитие диалога с западным обществом, а точнее с политиками, журналистами и учеными, например *Иранский проект* (The Iran Project), стали представлять фетву как веский аргумент в пользу мирного характера иранской атомной программы³¹. А на сайте www.nuclearenergy.ir, который создан иранским правительством для представления на английском языке подробной информации об атомной программе, фетве выделен отдельный раздел³².

Однако, несмотря на это, мнения исследователей относительно фетвы разделились. Например, есть те, кто считают, что фетва носит обязывающий характер и способна положительно повлиять на переговоры. В этом отношении показательное мнение Сеид Хоссейна Мусавияна³³, который считает, что фетва *рахбара* — это обязательное для иранцев предписание. Он пишет, что, согласно 57-й статье иранской конституции, «иранский высший руководитель обладает особой властью над всеми тремя ветвями власти: законодательной, исполнительной судебной, и его предписания несут обязывающий характер»³⁴. Исходя из сильной связи между религией и политикой в Иране данная фетва носит как религиозный, так и правовой характер. Кроме того, фетва А. Хаменеи не была оспорена или отвергнута политиками или религиозными лидерами, так как он обладает высочайшим авторитетом. *На самом деле*, говорит С.Х. Мусавиян, «фетва также выполняет функцию государственного постановления (*хокм-е хокумати*), которое можно определить как норму, изданную религиозным лидером, который управляет нацией (*веляят-е факих*). Подобная норма не только носит обязывающий характер по отношению к исполнительной власти, но ее также поддерживают другие религиозные лидеры». С.Х. Мусавиян добавляет, что фетва, запрещающая производство, владение и применение ядерного, химического и биологического оружия, носит перманентный характер. Ни один религиозный лидер не сможет издать фетву против данной фетвы, потому что подобный вид оружия несет разрушение и зло. Он говорит, что самые авторитетные и знаменитые суннитские и шиитские богословы сходятся во мнении в этом вопросе. И даже если кто-то из богословов отвергает данную фетву, он остается в меньшинстве, не имеет авторитета и у него очень мало последователей³⁵.

Нам бы хотелось оспорить тезис С.Х. Мусавияна. *Во-первых*, мы не согласны с тем, что фетвы самых авторитетных суннитских богословов совпадают с фетвой аятолла А. Хаменеи. Как мы уже убедились ранее, авторитетные суннитские богословы не только одобряют, но и призывают свои правительства к созданию ОМУ. И эти богословы далеко не меньшинство, как считает С.Х. Мусавиян. Они имеют тысячи и даже миллионы последователей (например, если речь идет о шейхах Ю. аль-Карадави или А. Джума). Кроме суннитских богословов, создание ОМУ одобряют и некоторые шиитские богословы. Размеры статьи не позволяют нам рассмотреть все важные шиитские фетвы на данную тему, однако можно упомянуть мнение ливанского шиитского богослова шейха Хусайна аль-Хашена, который на своем сайте пишет о том, что ОМУ может быть создано в качестве сдерживающего фактора, особенно перед угрозой агрессивного сионизма³⁶. Также есть информа-

ция о том, что иранский аятолла Герами разрешил создание атомной бомбы ради устрашения врага³⁷. И в этом нет ничего удивительного — каждый богослов издает фетву по данному вопросу исходя из социально-политической ситуации и интересов своей страны, а так как ситуации и интересы разные, то и фетвы не могут быть одинаковыми, поэтому попытка С.Х. Мусавияна показать универсальность фетвы А. Хаменеи по данному вопросу выглядит неубедительно.

Таким образом, мы не разделяем выводов С.Х. Мусавияна и сходных с ним исследователей, а поддерживаем мнение тех ученых, которые предлагают не торопиться с выводами и критически взглянуть на иранскую атомную фетву.

Как известно, Высший руководитель Ирана аятолла А. Хаменеи несколько раз рассматривал ОМУ с точки зрения исламского права и исламских ценностей, так как начиная с середины 1990-х гг. ему приходится отрицать все обвинения в том, что Иран собирается создать ОМУ³⁸. В марте 2005 г. в одной из своих публичных речей он заявил, что «как президент Соединенных Штатов, так и государственные деятели этой страны многократно говорили об опасности атомного оружия, которое будет создано Ираном. Однако они прекрасно понимают, что история создания атомного оружия — это лишь миф... На самом деле они не хотят, чтобы в этом крайне сложном регионе, т.е. на Ближнем Востоке, который обладает самыми большими на земле запасами нефти, независимая страна, живущая под флагом ислама достигла развития и извлекала пользу из знания, прогресса и современных фетв»³⁹. В этой же речи он сказал, что использование атомного оружия для уничтожения других народов присуще американцам, а иранцы, несмотря на то что подвергались химической атаке во время ирако-иранской войны, не применили подобное оружие, потому что это запрещено исламом⁴⁰. Однако информация о том, что *рахбар* издал именно фетву, было упомянуто в официальном заявлении Ирана Международному агентству по атомной энергии в августе 2005 г.: «Лидер Исламской Республики Иран издал фетву о том, что производство, хранение и использование атомного оружия запрещено исламом и что Исламская Республика Иран не должна приобретать данное оружие»⁴¹. Аятолла А. Хаменеи еще раз использовал слово *харам* (т.е. *запрещено шариатом*) по отношению к ОМУ в своей речи на Международной конференции по разоружению и нераспространению, которая 17–18 апреля 2010 г. проходила в Тегеране. Он сказал: «Мы считаем, что использование этого оружия запретно (*харам*), а защита человечества от этой великой беды — наша всеобщая обязанность»⁴².

Нужно отметить, что, как только иранские официальные лица и СМИ стали распространять и популяризировать данную фетву, некоторые критики заявили, что фет-

ALUMNI ПИР-ЦЕНТРА

НАЗИРА АБДЫКАИМОВА (координатор по международным делам Исламского института исследований, Бишкек, Киргизия):

Коран гласит: «Аллах создал человека, сотворил его лучшим сложением и возвысил его». Свидетельством заботы Аллаха о человеке является тот факт, что всевышний запретил нападать, убивать, обезглавливать и ранить человека. Многие аяты Священного Корана запрещают убивать не по праву, предупреждают о недопустимости восхваления кровопролития. В исламе Аллах указал на то, что насилие по отношению к одному человеку является насилием по отношению ко всем людям (сура «Трапеза», аят 32). Военные действия не являются оптимальным вариантом решения проблем, особенно сейчас, в эпоху производства ОМУ, применение которого противоречит миссии ислама и других мировых религий. Один из алимов ислама, Сейед Али Хаменеи, издавал фетву, запрещающую создание и накопление ОМУ, а также он говорил о том, что создание и накопление такого оружия — это тяжкий грех с логической, религиозной и теоретической точек зрения. Ислам против уничтожения, против экстремизма и терроризма.

ва — на самом деле не фетва, а просто заявление, так как фетвы в письменном виде не существует. К тому же ее нет в разделе *Фетвы* на официальном сайте *рахбара*⁴³. Однако, как правильно отмечает исследователь Махди Халладжи, в шиитской традиции устные фетвы могут иметь такую же силу, как и письменные⁴⁴. Можно также добавить, что на сайте А. Хаменеи к данной фетве (а точнее к выступлению на конференции по нераспространению 2010 г.) имеются пояснения, сделанные шиитским богословом *ходжат ол-исламом* Яддаштом Ахмадом Моблеги. Он указывает на достоинства фетвы А. Хаменеи и говорит, что она издана на основе всех ключевых правил и ценностей шиитского фикха. Комментарий к фетве назван *Правовые доказательства незаконности атомного оружия*, т.е. это своего рода дополнение к речи А. Хаменеи с доказательствами из религиозных текстов⁴⁵. К слову, автор комментария приводит почти те же доказательства, что и упомянутый нами ранее шейх А. Джума.

Учитывая вышесказанное, возникает вопрос: раз устная фетва в шиизме по своей значимости мало чем отличается от письменной и раз фетву сопровождали комментарием и она воспринимается шиитскими богословами именно как фетва, т.е. религиозно-правовое постановление, а не просто как речь на конференции, означает ли это, что А. Хаменеи на самом деле запретил создание ЯО и что руководство Ирана будет строго подчиняться данному указанию? И если вышеупомянутый С.Х. Мусавиан прав в том, что фетва носит постоянный характер, может, теперь противникам иранской ядерной программы не о чем беспокоиться?

Все не так просто. Как мы уже говорили, фетвы — это правовое решение богослова по конкретному вопросу. Иначе говоря, фетва — это не божественное откровение или предписание, а личное мнение законоведа (хотя и обоснованное с помощью религиозных текстов). Ясно, что мнение может меняться, как меняется ситуация или проблема, относительно которых высказано мнение. Конечно, если вопрос, заданный богослову, относится к религиозной сфере, т.е. к вопросам богопочтения (*'ибадат*), например: *как совершать молитву? как выплачивать закят? или как правильно совершать пост*, — то в этом случае, как правило, текст фетв не меняется. Потому что ответы на эти вопросы четко обозначены в Коране и в речениях (*хадисах* или *ахбарах*) Пророка. И муфтий не имеет право что-то добавлять или отменять, когда речь идет о священных текстах. Однако когда фетва издана в ответ на вопрос, который относится к мирским делам (*му'амалат*) или касается социально-политических тем, она может меняться, потому что мирские дела и социально-политическая ситуация со временем меняются. Более того, как в шиитском, так и в суннитском праве (*фикх*) есть правило, которое можно выразить так: *фетва должна меняться с изменением времени и места*. Иначе говоря, богослов имеет право корректировать свою фетву и даже отказаться от нее исходя из условий времени и места. Таким образом, фетва аятолла А. Хаменеи о запрете ЯО не может считаться постоянным и неизменным решением, как считает С.Х. Мусавиан, ибо это не божественное установление, а религиозно-правовое решение, возникшее в ответ на определенную проблему.

Принимая во внимание вышесказанное, отметим, что лидер исламской революции аятолла Рухуллах Хомейни не раз менял свое мнение по тому или иному вопросу. Например, в одной из своих книг, изданной в 1944 г., он защищает монархию как форму правления и говорит, что законоведы никогда не возражали против принципа монархизма. Однако, будучи в ссылке в городе Неджеф и находясь в оппозиции к шаху, он поменял свое мнение, написав: «Султанат противоречит исламу, исламской модели правления и ее правилам». Р. Хомейни также издал фетву, в которой опроверг указ шаха Мохаммеда Реза Пехлеви о предоставлении женщинам избирательного права в 1963 г., но после революции он объявил, что женщины имеют право голоса и могут свободно участвовать в выборах⁴⁶.

Что касается вопроса о том, противоречит ли создание ОМУ исламу или нет, на наш взгляд, мнение шиитских и суннитских законоведов по данному вопросу совпадает. Потому что если мусульманский ученый, взвесив все аргументы, придет к мнению, что создание ОМУ — это необходимость (*дарура*) и оружие

отвечает интересам государства в конкретный исторический период или в конкретной социально-политической ситуации, то обосновать свое решение с помощью текстов Корана и сунны ему не составит никакого труда. И это несмотря на то что ислам запрещает массовые убийства и разрушения, а также убийства детей, женщин и стариков. Потому что в исламском праве есть принцип, который позволяет законоведу вывести ту фетву, которая наиболее прагматично и эффективно (особенно в критический момент) решает проблемы общества. Данный принцип называется *маслаха* (мн. ч. *масалих*), что означает *благо, польза* или *выгода*.

В исламском праве *маслаха* называется все, что приносит общественную пользу и помогает устранить вред (*мафсада*). Иными словами, столкнувшись с тяжелой и актуальной проблемой и не имея ясной инструкции из Корана и сунны, мусульманские законоведы имеют право формировать свои правовые нормы так, чтобы мусульманская община извлекала из них максимальную пользу — *маслаха*. Разумеется, богословы могут иметь разное представление о благах общины (мы в этом убедились, сравнивая фетвы богослова *Аль-Каиды* и фетвы *умеренных* богословов, представляющих интересы своих государств). Но все они, как шииты, так и сунниты, используют данный принцип. Например, видный шиитский законовед Саййид Али Табатабаи (1748–1816) писал, что ради достижения победы во время войны дозволено использовать катапульты, вырубать деревья, перекрывать населению в осажденном городе воду, поджигать дома и т.д. Чтобы усилить свой аргумент, он ссылается на действия Пророка во время его войны с жителями Таифа. Вспомним, что точно так же считает (и приводит ту же ссылку на действие Пророка) один из любимых авторов *Аль-Каиды* Н. аль-Фахд.

Кроме этого известно, что в шиитском исламе есть принцип *такийа* (*благоразумное скрывание веры*), т.е. если жизни отдельного мусульманина или интересам целой общины угрожает опасность, то ради сохранения жизни или соблюдения интересов общины разрешается скрывать свои убеждения, лгать и даже пренебрегать предписаниями ислама⁴⁷. Поэтому вполне возможно, что цель фетвы — *благоразумно* скрыть истинные цели иранской атомной программы ради интересов иранского народа. Иными словами, фетва возникла в ответ на критику МАГАТЭ, которая только усиливалась начиная с 2004 г. (особенно из-за плана по обогащению центрифуг в Натанзе)⁴⁸ и использовалась как аргумент в пользу исключительно мирного характера атомной программы.

Однако мы считаем, что, по всей видимости, когда аятолла А. Хаменеи издавал фетву, он действительно считал и скорее всего сегодня считает, что ядерная энергия должна использоваться исключительно в мирных целях. Но если в будущем политический контекст или баланс сил в мире изменятся и интересы государства будут требовать создания атомного оружия, очевидно, что Высший руководитель Ирана изменит свою фетву или издаст новую, разрешающую не только создание, но и использование ОМУ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По сути фетвы суннитских '*улама*', как *радикальных*, так и *умеренных*, одобряющих создание ОМУ, — это их реакция на ядерное оружие Израиля и *агрессивную* политику США и их союзников на Ближнем Востоке. Они чувствуют беззащитность своих государств перед ними, поэтому призывают элиты вооружаться и объявляют дозволенным/богоугодным создание атомного или химического оружия. В то время как фетва Верховного руководителя Ирана издана, чтобы защитить национальную атомную программу от критики *международного сообщества*.

Это говорит о том, что мусульманские богословы, издающие фетвы о религиозно-правовом статусе ОМУ, представляют интересы своей религиозной группы, страны и элит. Фетвы рассмотренных нами богословов (как суннитских, так и шиитских) появились в определенном контексте, они направлены на решения конкретных

идеологических и политических задач, поэтому говорить, запрещает ли ислам создание ОМУ или одобряет, непродуктивно. Все зависит от контекста. Исходя от ситуации и контекста, интересов государства (либо международной организации, в случае с *Аль-Каидой*), которые представляют 'улама', ОМУ может быть одобрено исламским правом или, наоборот, запрещено. 🤖

Примечания

¹ Фетва — это ответ (письменный или устный) муфтия (законоведа, *муджтахид*) на вопрос мусульманина на религиозную, социальную или политическую тему. Иначе говоря, фетва — это религиозно-правовое заключение по какому-либо вопросу, которое выдается мусульманским богословом.

² Здесь и далее аяты Корана цитируются в переводе М.-Н. Османова: Коран / Пер. с арабского и комментарий М.-Н. О. Османова. СПб.: Диля, 2009. Однако при необходимости мы предлагаем собственный перевод.

³ Фетва Комитета по фетвам университета аль-Азхар. 2002 г., 23 декабря. *Onislam*. 2007, 10 апреля, <http://www.onislam.net/arabic/ask-the-scholar/8363/8332/52543-2004-08-01%2017-37-04.html> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

⁴ Фикхийат сийассийа. Якин: Ислам юджиб аля аль-умма имтилак аль-аслиха ан-нававия [Политический фикх. Ф. Якин: «Ислам обязывает мусульман обладать атомным оружием»], <http://www.daawa.net/display/arabic/efuqh/efuqhdetail.aspx?eid=28&etype=3> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

⁵ 'Egypt seeks to develop nukes with Chinese help'. Daily Times, 2002, 23 June, <http://archives.dailytimes.com.pk/main/23-Jun-2002/egypt-seeks-to-develop-nukes-with-chinese-help> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

⁶ Embassy Spokesman On the So-called China's Assistance to Egypt in Developing Nuclear Weapons As Reported by German Newspaper Die Welt. *Embassy of the People's Republic of China in the Arab Republic of Egypt*. 2002, 27 June, <http://eg.china-embassy.org/eng/xinwen/2002/t78430.htm> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

⁷ Egypt to pose a future threat? *The Washington Times*. 2002, 23 July. http://www.washingtontimes.com/news/2002/jul/23/20020723-034656-1751r/?feat=article_related_stories (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

⁸ См. например: Ariel E. Levite Never Say Never Again: Nuclear Reversal Revisited. *International Security*. Vol. 27, N. 3, P. 59–88; Preventing Nuclear Proliferation Chain Reactions: Japan, South Korea, and Egypt. *Project of Woodrow Wilson School of Public and International Affairs*. 2008, <https://www.princeton.edu/sites/default/files/content/docs/news/wws591f.pdf> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

⁹ Юсуфа аль-Карадави (р. 1923) часто называют духовным лидером международной организации *Братья-мусульмане* (*аль-ихван аль-муслимун*). Его книги и идеи являются ориентиром не только для *Братьев-мусульман*, но и для последователей многих других исламских социально-политических движений. *Глобальным муфтием* его называют не только потому, что у него миллионы последователей по всему исламскому миру, но и потому, что он издает фетвы по различным актуальным проблемам, которые волнуют мусульман, живущих в разных странах. Поэтому его фетвы, в том числе по ОМУ, заслуживают особого внимания. Подробнее см.: Global mufti. The phenomenon of Yusuf al-Qaradawi. Ed. Jakob Skovgaard-Petersen and Bettina Graf. Hurst and Co, London, 2009. P. 55–74

¹⁰ Фетва Ю. аль-Карадави опубликована на его сайте: <http://www.qaradawi.net/new/component/content/article/220-2014-01-26-18-21-41/2014-01-26-18-26-08/684-> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

¹¹ Там же.

¹² Насир б. Хамд аль-Фахд (р. 1968) — известный в Саудовской Аравии богослов, автор многочисленных работ, в том числе фетв о джихаде против американцев. Его работы в основном публикуются на главном сайте джихадистов [<http://www.tawhed.ws>]. Он один из тех богословов, о которых хорошо отзывается и чьи труды изучает лидер *Аль-Каиды* Айман аз-Завахири. Был арестован саудийскими спецслужбами после взрывов 12 мая 2003 г. в Эр-Рияде.

¹³ Насир аль-Фахд. Хукм истихдам аслиха ад-димар аш-шамиль дид аль-куффар [Правовой статус использования ОМУ против неверующих], <http://www.tawhed.ws/r1?i=2912&x=2gi7siuw> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Буквально *сеять на земле нечестие (ифсад фи-ль-ард)*. Здесь отсылка к аятам Корана: «Среди людей есть такой, речи которого об этом мире вызывают восхищение. Он призывает Аллаха в свидетели тому, что у него на сердце, и он — заядлый спорщик. Когда же он отвращается [от тебя], то поспешает творить нечестие на земле, губить посевы и людской род. Но Аллах не любит нечестия» (2:204–205); «и не творите на земле нечестия!» (2:60).

¹⁶ Н. аль-Фахд ссылается на *хадисы (предания)* Пророка, чтобы подтвердить свои идеи. Например, он пишет «Са'аб б. Джасима спросил Пророка (да благословит и уберезет его Аллах), о женщинах и детях многобожников, которых убивали во время ночных атак. Пророк ответил: «Они из их числа». Как и многие подобные ему богословы, он отрывает эти предания от их исторического контекста и пытается в них найти оправдание своим идеям.

¹⁷ Он ссылается на *хадис (предание Пророка)*: «Пророк (да благословит его Аллах и приветствует) использовал катапульти для атаки на жителей Таифа».

¹⁸ Речь идет о запрете, выраженном в следующих аятах: «Не распространяйте нечестия на земле, после того как она приведена в порядок» (7:56) «Когда он уходит, то начинает распространять нечестие на земле, уничтожать посевы и губить потомство. Но ведь Аллах не любит нечестия» (2:205).

¹⁹ Речь идет о событии во время войны первой общины мусульман с иудейским племенем *бану надир*.

²⁰ Можно также перевести как *нужда не знает запретов*.

²¹ Насир аль-Фахд. Хукм истихдам аслиха ад-димар аш-шамиль дид аль-куффар [Правовой статус использования ОМУ против неверующих], <http://www.tawhed.ws/r1?i=2917&x=2gi7siuw> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

²² Работы Н. аль-Фахда можно часто встретить на сайте «Кавказ-Центр» и на других похожих сайтах. См.: например: <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2014/02/08/103095.shtml>; <http://www.kavkazjihad.com/ru/stati/analitika-tribuna/oni-mogut-bit-osazhdeni-i-ubiti-sredstvami-massovogo-vozddeystviya.html> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

²³ Айман аз-Завахири ссылается на фетву Н. аль-Фахда в своем труде *Оправдание*. Он использует методы аргументации саудовского богослова и повторяет его выводы. Подробнее см.: Rolf Mowatt-Larssen. *Islam and the Bomb: Religious Justification For and Against Nuclear Weapons. Belfer Center for Science and International Affairs*. 2011. P. 35–37.

²⁴ А. Джума (р. 1952) ссылается на Коран: «О вы, которые уверовали! Соблюдайте заветы/договора!» (5:1).

²⁵ Он ссылается на *хадис* из авторитетного для мусульман сборника пророческих преданий, составленного богословом аль-Бухари: «Пророк запретил убийство женщин и детей».

²⁶ Али Джума. Исти'мал аслиха ад-димар аш-шамиль дид ад-дувваль гейр аль-муслима [Использование ОМУ против немусульманских государств], <http://www.dar-alifta.org.eg/ViewFatwa.aspx?ID=646> (последнее посещение — 13 июля 2014 г.)

²⁷ Goodenough P. Iranian nuclear fatwa cited by Obama may not exist. CNS News, 2013, 1 October, <http://cnsnews.com/news/article/patrick-goodenough/iranian-nuclear-fatwa-cited-obama-may-not-exist> (последнее посещение — 12 июля 2014 г.).

²⁸ Goodenough P. Obama advised acknowledge Iran's nuclear fatwa. CNS News, 2013, 19 April, <http://cnsnews.com/news/article/obama-advised-acknowledge-iran-s-nuclear-fatwa> (последнее посещение — 12 июля 2014 г.).

²⁹ Goodenough P. Iranian nuclear fatwa cited by Obama may not exist. CNS News, 2013, 1 October, <http://cnsnews.com/news/article/patrick-goodenough/iranian-nuclear-fatwa-cited-obama-may-not-exist> (последнее посещение — 12 июля 2014 г.).

- ³⁰ Goodenough P. Iranian Leader convinces Turkey's PM that Islam forbids nukes. CNS News, 2012, 3 April, <http://cnsnews.com/news/article/iranian-leader-convinces-turkeys-pm-islam-forbids-nukes> (последнее посещение — 12 июля 2014 г.).
- ³¹ *The Iran Project*. Leader nuclear fatwa addresses entire world: Analyst, <http://theiranproject.com/blog/2014/06/12/leader-nuclear-fatwa-addresses-entire-world-analyst/> (последнее посещение — 13 июля 2014 г.).
- ³² Fatwa against nuclear weapons. http://nuclearenergy.ir/legal-aspects/#Fatwa_against_Nuclear_Weapons.
- ³³ С.Х. Мусавиян — известный иранский дипломат, который участвовал в переговорах по иранской атомной программе, в настоящее время научный сотрудник Принстонского университета, <http://www.princeton.edu/sgs/faculty-staff/seyed-hossein-mousavian/> (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).
- ³⁴ Seyed Hossein Mousavian. Globalising Iran's fatwa against nuclear weapons. *Survival: Global Politics and Strategy*. Vol. 55, N. 2. P. 147–162. P. 154.
- ³⁵ Ibid. P. 154–155.
- ³⁶ Хусайн аль-Хашен. Ас-Силах ан-навави фи-ль-мизан аль-фикхи [Атомное оружие на весах исламского права], <http://www.al-khechin.com/article/41> (последнее посещение — 12 июля 2014 г.).
- ³⁷ Али Насер. Мунталакат фикхийа ли-интадж аслиха ад-димар аш-шамиль [Создание ОМУ с точки зрения исламского права], <http://wahdaislamya.org/issues/145/anaser.htm> (последнее посещение — 12 июля 2014 г.).
- ³⁸ Eisenstadt M., Khalaji M. Nuclear Fatwa: Religion and Politics in Iran's Proliferation Policy. Policy focus N. 115, The Washington Institute for Near East Policy. 2011. P. 14.
- ³⁹ Али Хаменеи, выступление, 2005 г., <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=3274&q=> (последнее посещение — 12 июля 2014 г.).
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Seyed Hossein Mousavian. Globalising Iran's fatwa against nuclear weapons. P. 148.
- ⁴² Али Хаменеи, выступление, 2010 г., <http://farsi.khamenei.ir/message-content?id=9171> (последнее посещение — 13 июля 2014 г.).
- ⁴³ См. например: Tabatabai A. Don't misunderstand Khamenei's nuclear fatwa. *Arms control and regional security for the Middle East*. 2013, 28 February, <http://www.middleeast-armscontrol.com/2013/02/28/dont-misunderstand-khameneis-nuclear-fatwa/> (последнее посещение — 12 июля 2014 г.).
- ⁴⁴ Eisenstadt M., Khalaji M. Nuclear Fatwa: Religion and Politics in Iran's Proliferation Policy. P. 14.
- ⁴⁵ Яддашт Ахмад Моблеги. Делайели фекхий-е техрим-е селлаххай-е атоми [Правовые доказательства незаконности атомного оружия], <http://farsi.khamenei.ir/others-note?id=9222> (последнее посещение — 13 июля 2014 г.).
- ⁴⁶ Eisenstadt M., Khalaji M. Nuclear Fatwa: Religion and Politics in Iran's Proliferation Policy. P. 19.
- ⁴⁷ Подробнее см.: Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука. ГРВЛ, 1991.
- ⁴⁸ См. например.: The Nuclear Threat Initiative. *Iran Nuclear Chronology*., http://www.nti.org/media/pdfs/iran_nuclear.pdf?_=1316542527 (последнее посещение — 14 июля 2014 г.).

Алексей Рей

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННЫХ ЗАКУПОК В США

Реформа закупок [1990-х гг.] преуспела в выпуске новых руководящих документов, но не сделала ничего быстрее, лучше или дешевле...

Незванный специалист по закупкам в Министерстве обороны США,
интервью для RAND Corp. (2005)

Американская система государственных закупок вооружения, боевой и специальной техники, предметов снабжения, услуг и работ в интересах вооруженных сил является высокоразвитым механизмом, имеющим несколько ключевых функций:

- ❑ обеспечение качественного и количественного превосходства вооруженных сил США над потенциальными противниками (в случае стратегических ядерных сил — эффективного устрашения других стран, обладающих оружием массового поражения);
- ❑ стимулирование развития экономики США;
- ❑ продвижение научно-технического прогресса;
- ❑ поддержание производственных мощностей и кадрового потенциала предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК) США.

Эффективность этой системы ставится под сомнение американскими специалистами, указывающими на эндемичный характер коррупции, частые перерасходы средств и невыполнение изначально поставленных сроков многих военных программ, а также неспособность системы быстро приспосабливаться к новым требованиям вооруженных сил, возникающим в ходе военных действий. В сравнении с другими странами американская система закупок в ВПК может представлять гораздо более совершенной:

- ❑ наличие дел о коррупции, доведенных до реальных тюремных сроков при помощи Федерального бюро расследований и контрразведки видов вооруженных сил;
- ❑ существование нескольких ведомств и организаций, осуществляющих открытый и детальный мониторинг как отдельных контрактов, так и тенденций в контрактной системе в целом (Управление по подотчетности правительства Конгресса США, Управления генерального инспектора, Агентство по управлению оборонными контрактами, корпорация РЭНД и т. д.).

В данной статье будут рассмотрены 5 взаимосвязанных аспектов организации военных закупок в США:

А
Н
А
Л
И
З

- изменения во внешней среде, произошедшие в изучаемый период (2001–2013 гг.);
- сдвиги в структуре закупок за это время;
- проблемы в сфере закупок (обострившиеся и появившиеся заново);
- организационные и процедурные нововведения;
- результирующая оценка эффективности изменений.

ВНЕШНЯЯ СРЕДА

К XXI в. США подошли с радикально изменившейся структурой ВПК. Прошедшая с санкции государства **волна слияний и поглощений** резко снизила число генеральных подрядчиков и компаний второго эшелона. В ретроспективе становится ясно, что консолидация для США породила больше проблем, чем решила, потому что поводы для нее исчезли, а сама консолидация оказалась необратимой. Объединенные в интегрированные концерны лаборатории и предприятия сосредоточили в своих руках большую рыночную власть, особенно когда подразделение корпорации выигрывало тендер на оказание услуг по системному анализу проекта, в котором в качестве разработчика или производителя может выступать другое подразделение той же корпорации. Для того чтобы поставить преграды на пути подобного конфликта интересов, Министерство обороны вместе с антимонопольными органами было вынуждено вводить **брандмауэры**, заставляя персонал, отвечающий за соблюдение режима секретности, не допускать распространения информации из одного подразделения в другое. Консолидация породила снижение собственных корпоративных вложений в НИОКР и устранила целый ряд компаний *второго эшелона*, где работали компетентные инженеры и ученые, в предшествующие десятилетия часто предлагавшие на конкурсах проектов нетрадиционные концепции.

После атак 11 сентября 2001 г. США оказались вовлечены в **глобальный конфликт**, но не тот, к которому десятилетиями готовились вооруженные силы США. Противник не обладал всем спектром возможностей Советской Армии и использовал асимметричную стратегию, поэтому срочно потребовалось закрыть выявленные бреши в оснащении армии США и поставить на вооружение и снабжение большее количество разведывательно-ударных комплексов с характеристиками хуже, чем у лучших образцов. Для ликвидации проблем с кадровым обеспечением США в широких масштабах стали прибегать к услугам наемников из компаний, основанных бывшими военными.

Экономический кризис 2007–2010 гг. привел к сокращению военного бюджета и бюджета военных закупок. Ряд инициатив по экономии государственных средств в Министерстве обороны США были вызваны давлением со стороны Административно-бюджетного управления администрации президента, а **политический бюджетно-долговой кризис** 2011–2013 гг. усугубил проблемы перерасхода денег по военным программам.

Как и гражданский сектор (программы Medicare и Medicaid), закупки по программам медицинского обслуживания военнослужащих Министерства обороны США серьезно пострадали от **несоразмерного повышения цен на лекарства**, ставшего результатом фактического сговора компаний фарминдустрии и компаний — медицинских посредников.

СДВИГИ В СТРУКТУРЕ ЗАКУПОК

Падение интенсивности конкурентной борьбы из-за консолидации ВПК проявляется в росте доли закупок у единственного источника (по некоторым оценкам, на них приходится уже более половины крупных контрактов), а также в участии в конкурсах на разработку новых видов вооружения и военной техники нескольких

консорциумов, состоящих практически из одних и тех же компаний, но с разными фирмами-организаторами. Показательно, что по сравнению с 2011-м финансовым годом в 2012 г. доля 8 крупнейших компаний в закупках министерств обороны, энергетики и внутренней безопасности (см. табл.) увеличилась с 40,49 до 44,42%.

Таблица. Структура поставщиков министерств обороны, энергетики и внутренней безопасности в 2012 финансовом году¹

Подрядчик	Доля суммарных закупок, %
Lockheed Martin Corp.	11,87
Boeing	10,42
Raytheon Co.	5,32
General Dynamics Corp.	5,16
Northrop Grumman Corp.	3,66
United Technologies Corp.	2,97
Huntington Ingalls Industries	2,53
L-3 Communications Holdings	2,49
BAe Systems	2,25
SAIC	1,97
Humana	1,30
Bechtel Group	1,23
URS Corp.	1,16
TriWest Healthcare Alliance Corp.	1,13
Health Net	1,10
Bell Boeing Joint Project Office	1,09
Veritas Capital Fund II L. P.	1,07
Royal Dutch Shell	1,07
Supreme Group Holding	1,06

Рассчитано по: Top 100 Federal Contractors in FY 2012, Federal Contracting Data System — New Generation.

Широкая **интернационализация и транснационализация закупок в ВПК** включает практически все страны НАТО и Израиль. В исследовании Министерства обороны, проведенном в 2004 г., была изучена выборка из 12 крупных военных программ, в которых было обнаружено 73 иностранных поставщика; их доля в цене продукции составляла в среднем 4,3% (максимум — 12,5%). В 2011-м финансовом году среди списка крупнейших поставщиков министерств обороны, энергетики и внутренней безопасности на иностранные компании приходилось не менее 8,15%. Британские, французские, немецкие и израильские компании имеют в США филиалы, допущенные к работам по секретным и совершенно секретным контрактам.

Рост доли закупок услуг в общем бюджете военных закупок (граница в 60% была пройдена еще в 2004 г.) был мотивирован как приватизацией части функций Министерства обороны (в том числе в связи с закрытием арсеналов и консолидацией

военных баз), так и нехваткой военнослужащих в ходе глобального конфликта и увеличением закупок услуг строительных и многопрофильных инженерных компаний (например, *Halliburton*, *KBR*, *Bechtel* и др.) для восстановления инфраструктуры, строительства школ и больниц в Ираке и Афганистане.

Рост доли агентств разведывательного сообщества в бюджете закупок и переключивание на них функции перманентного ведения боевых действий готовят почву для дублирования заказов и неэффективности (из-за высокой степени секретности многих программ и отсутствия действенной координации).

ПРОБЛЕМЫ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Как и для любой сферы хозяйственной деятельности, для ВПК свойственны злоупотребления.

Секретность многих программ и разведывательной информации о тех угрозах, на которые они призваны отвечать, ограничивает возможность информированного контроля и надзора со стороны Конгресса и давления со стороны общественности.

Приватизация Министерства обороны при У. Клинтоне породила еще одного *зло-го гения* коррупции — Дарлин Дрююн (система закупок ВВС). В 1993 г. она добилась выплаты компенсации компании *McDonnell-Douglas*, в 2000 г. с ее помощью *Boeing* получила контракт на 412 млн долл. (транспортный самолет С-17), в 2001 г. *Lockheed Martin* — 4 млрд долл. на модернизацию самолета С-130J, в 2002 г. *Boeing* — 100 млн долл. на самолет раннего предупреждения E-3C Sentry. В 2003 г. с *Boeing* была заключена *танкерная сделка века* на 20 млрд долл. В 2000 г. Д. Дрююн устроила свою дочь на работу в *Boeing*, в 2001 г. — зятя, а в 2003 г. ушла туда сама. В октябре 2004 г. ее приговорили к заключению сроком на 9 месяцев.

В 2011 г. выяснилось, что директор Агентства передовых оборонных исследовательских проектов Министерства обороны США (*Defence Advanced Research Project Agency — DARPA*) с 2009 г. Регина Дуган владеет акциями в компании, которая получала финансирование от этого ведомства для разработки оборудования по обнаружению взрывчатки (ее отец — генеральный директор компании). Вслед за расследованием генерального инспектора в начале 2012 г. Р. Дуган была вынуждена уйти со своего поста.

Осенью 2013 г. был вскрыт коррупционный узел в ВМС США, в котором поставщик ремонтных услуг получал секретную информацию о перемещениях боевых кораблей, а в обмен предоставлял своим *благодетелям* деньги и услуги девушек легкого поведения.

В американском ВПК вообще чрезвычайно распространена практика *вращающихся дверей*. Отставные обладатели большого числа звездочек и уходящие на пенсию гражданские служащие создают свои фирмы, становятся директорами компаний или в крайнем случае превращаются в высокооплачиваемых консультантов почти сразу после своей отставки. Обширная сеть контактов и знание незримых *подводных течений* в окрестностях округа Колумбия помогают их новым нанимателям заключать выгодные контракты.

Начавшаяся после 2001 г. глобальная война породила ситуацию, в которой частные подрядчики с персоналом, набранным из бывших военных и сотрудников спецслужб, превращаются в наемников. Сотрудники компании *Xe Services* (ранее *Blackwater*) расстреливали из пулеметов иракцев, а *CACI International*, одного из ведущих исполнителей работ по переводу, участвовали в пытках в тюрьме *Abu Ghraib*.

Скандал с пытками в тюрьме *Abu Ghraib* выявил практику межведомственных контрактов, позволявшую Министерству обороны получать товары и услуги в объемах, не предусмотренных законами об ассигнованиях, в прямое нарушение положений конституции США.

Механизм военных закупок используется американским государством для скрытого субсидирования политически важных субъектов (племен индейцев и алеутов, близких к государствам-партнерам корпораций).

При работе на *переднем крае* технологических возможностей неизбежна чрезмерно оптимистическая оценка времени, необходимого на разработку. Отсюда возникает перерасход времени и средств на повторные испытания, перепроектирование и опытное производство. Согласно поправке Нанна–МакКерди 1982 г., при превышении первоначальной стоимости программы на 15% должно быть подано уведомление в Конгресс. При превышении на 25% и более министр обороны должен представить в Конгресс обоснование необходимости продолжения финансирования этой программы. Основной эффект поправки Нанна–МакКерди в абсолютном выражении невелик и состоит в психологическом дисциплинировании исполнителей и заказчика в связи с возможным *выносом сора из избы*.

НОВОВВЕДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ЗАКУПОК

Законы 1993 (FASA) и 1996 гг. (FARA, закон Клингера–Козна) создали рамки для реформы закупок 1990-х гг. В двух администрациях президента Клинтона управление министра обороны стало автором более 63 инициатив, включая отказ от военных стандартов и спецификаций, сокращение проверок ценообразования подрядчиков, выборочное применение положений законодательства к отдельным контрактам (закрепленное законом), создание интегрированных групп по изделию (Integrated Product Team) с участием представителей заказчика и подрядчиков, и эволюционный подход к закупкам.

В 2000-е гг. эти инициативы стали широко применяться, проявляя как свои преимущества, так и недостатки. Наибольшее значение в условиях *военного времени* приобрел *эволюционный подход* к закупкам, согласно которому предпочтение отдается постановке на опытную эксплуатацию в войсках прототипов систем вооружения и военной техники с последующей переделкой и обновлением по мере накопления опыта. Заимствовав эту методологию из разработки коммерческого программного обеспечения (так называемое *гибкое* — agile — проектирование) и прошлого опыта *черных* программ в ВПК США, Министерство обороны натолкнулось на то, что беспилотные летательные аппараты, закупленные этим методом, летали плохо, разбивались при посадке и обходились в итоге в несколько раз дороже. Вместе с тем войска получали в свое распоряжение систему в оперативно ощутимых количествах раньше.

ALUMNI ПИР-ЦЕНТРА

АЛЕКСАНДР КЛЕМЕНТЬЕВ (к.ю.н., старший научный сотрудник научного центра Академии управления МВД России):

История противостояния США и СССР продемонстрировала удивительный факт: в стране с рыночной экономикой и сильным влиянием лоббистов нескольких конкурирующих корпораций ВПК номенклатура принимаемых для серийного производства моделей и систем была значительно уже, а степень унификации больше, чем в стране с центральным планированием экономики. Как пример можно привести принятие на вооружение и одновременное серийное производство нескольких моделей основного боевого танка в СССР при выборе только одной модели в США, строительство в СССР нескольких серий подводных лодок в каждом из сегментов (носители МБР, крылатых ракет, многоцелевые, дизель-электрические подлодки). Флот России имеет множество моделей подводных лодок на вооружении. В США число моделей предельно мало. В США число моделей предельно мало. Для России представляет несомненную пользу использование опыта США по конкурсному отбору систем вооружений, объективному анализу достоинств и недостатков предлагаемых систем, отказу от одновременного производства разных моделей и систем вооружений в одном и том же сегменте.

З
И
Л
А
Н
А

В современных условиях положения системы военных закупок закреплены в директиве министра обороны 5000.01 и инструкции 5000.02. Последний раз эти документы пересматривались в 2008 г. (готовится новое издание). Для специалистов по закупкам в электронном виде доступно руководство (Defense Acquisition Guidebook), обобщающее все релевантные нормативные документы, подзаконные акты и применимые к этапам закупок процедуры.

Отмена действия положений законов, стандартов и иных нормативных актов для конкретных программ через Конгресс при обосновании необходимости этого министром обороны оказалась медленным и неповоротливым нововведением, одновременно затруднившим работу контрольным инстанциям. Таким образом были сделаны исключения для критически важной национальной системы противоракетной обороны.

Для преодоления бюрократических барьеров в закупках, необходимых для ведения боевых действий, потребовалось активное участие самого министра обороны — в тот период Роберта Гейтса.

В 2009 г. был принят закон о реформе закупок вооружения (Weapon System Acquisition Reform Act), изменивший структуру Министерства обороны. Им было реорганизовано подразделение и введен подотчетный Конгрессу пост директора по оценке затрат и анализу программ (CAPE), а также создано управление по оценке результативности контрактов и выявлению первопричин проблем (PARCA).

Законом было введено (*хорошо забытое* ранее) создание прототипов на конкурентной основе, предложено увеличение конкуренции в течение всего цикла жизни изделия через политику поддержания двойных источников, а также разбивки крупных контрактов на отдельные составные части.

Агентство по управлению оборонными контрактами Министерства обороны США (Defense Contract Management Agency) с 2009 г. интенсифицировало работу по контролю издержек в контрактах:

- были созданы интегрированные группы анализа затрат (ICAT) рядом с 10 заводами крупнейших подрядчиков;
- проводится мониторинг косвенных затрат в 45 корпорациях;
- в рамках министерства обороны была создана историческая база данных по ценообразованию и затратам (CBAR).

В 2008 г. из дополнения к своду правил государственных закупок для нужд национальной обороны (Defense Federal Acquisition Regulation Supplement) было исключено положение о необходимости наличия у поставщика системы внутреннего управленческого контроля (Subpart 203.70), в 2004 г. — о доносах в связи с нарушениями антимонопольного законодательства. В 2009 г. было добавлено положение о защите от увольнения, преследования и дискриминации сотрудников-доносчиков.

В сфере опытно-конструкторских разработок в США традиционно применяются контракты с возмещением издержек. Однако за последние два десятилетия к ним добавились конкурсы с государственным финансированием (DARPA — *Grand Challenges*) и фонды венчурного капитала (ЦПУ — *In-Q-Tel*, сухопутные войска — *OnPoint Technologies*).

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ЗАКУПОК

Опыт США позволяет однозначно утверждать, что стимулирование государством структурной перестройки ВПК (консолидация в небольшое число холдингов) является крупнейшей долгосрочной и непоправимой ошибкой, негативно влияющей на ценообразование во все последующие годы.

И в 1990-е, и в 2000-е гг. реформы закупок носили смешанный характер: либерализация требований к подрядчикам исходила из ложной предпосылки о рыночном характере отрасли, а когда предшествующая либерализация не действовала или вскрывались крупные нарушения и недочеты, в систему добавлялись дополнительные *бумажные* звенья. Вместо стабилизации карьеры военных и гражданских менеджеров программ и офицеров по закупкам, а также обучения их недостающим элементам знаний (технических, финансовых, бухгалтерских, по организационной психологии в крупных проектах) численность персонала, занимающегося закупкой военных систем, была сокращена, а ценный наработанный на ошибках опыт старшего поколения не востребован.

Либерализация и коммерциализация закупок, разрушение *арсенальной системы*, аутсорсинг множества ключевых видов деятельности *вымыли* из Министерства обороны США квалифицированный персонал, оставив заказчиков с неадекватно подготовленными к злоупотреблениям и неэффективности частных подрядчиков.

О САНКЦИЯХ И ВПК — ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Весной и летом 2014 г. администрация США постепенно наращивала интенсивность санкций против российских лиц, принимающих политические решения, близких им бизнесменов и, наконец, финансовых учреждений, нефтегазовых и оборонных предприятий. С 1990-х гг. российский ВПК пользовался преимуществами доступа к мировым рынкам, закупая за рубежом элементную базу микроэлектроники примерно на том же технологическом уровне, что и ВПК США, и сбывая свою продукцию Китаю, Индии и другим странам. Санкции (а еще раньше — в 2013 г. — противодействие США и Израиля поставкам специальной техники и вооружений из России в Сирию) наглядно демонстрируют хрупкость такой бизнес-модели в условиях информационного превосходства и контроля над финансовыми потоками, которым пользуются США. Тот факт, что в Ираке и Афганистане Пентагон в экстренных ситуациях предпочитает закупать именно российскую технику для борьбы с Исламским государством и движением *Талибан*, не меняет общего вывода: для российского ВПК, который *проедал* средства, полученные от военно-технического сотрудничества, санкции знаменуют окончание этапа сравнительно легкого расширения географии и номенклатуры поставок.

Дальнейшее развитие ВПК России потребует большей опоры на государственный оборонный заказ и перехода на новый качественный уровень в финансировании, легендировании, транспортировке и сопровождении для международных контрактов. 🐘

А
Н
А
Л
И
З

Примечания

¹ В данных не учтено финансирование *черных программ*. В таблицу включены все подрядчики с долей более 1%.

АБОНЕМЕНТна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2015 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:	
----------------	---------------------------	--------------	--------------	---------------------------	--

на 2015 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) было и остается одним из приоритетных рычагов влияния в политике современных государств. Технически хорошо оснащенные вооруженные силы — важнейший фактор суверенного государства, без которого оно не может существовать и проводить самостоятельную политику. Экспорт вооружений и военной техники — важная составляющая как внешнеэкономических, так и внешнеполитических устремлений любого государства, стремящегося к укреплению своей роли в мире, поэтому неслучайно, что в период украинского кризиса страны ЕС, США и Украина решили приостановить ВТС с Россией.

Повлияет ли на Россию приостановка ВТС со странами Запада и с Украиной? Сможет ли Россия переориентировать свою оборонную промышленность и экспорт на страны Азии? Сможет ли Россия самостоятельно обеспечить потребности своих национальных вооруженных сил в новых и высокотехнологичных видах вооружений?

На эти и другие вопросы в рамках круглого стола ответили выпускники¹ и друзья ПИР-Центра: старший вице-президент ПИР-Центра, заместитель генерального директора по внешнеэкономической деятельности ОАО Концерн радиостроения Вега Евгений **Бужинский**, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, член Совета ПИР-Центра Наталья **Калинина**, старший научный сотрудник ПИР-Центра Вадим **Козюлин**, обозреватель отдела Политика деловой газеты Взгляд Дмитрий **Литовкин** и научный сотрудник ИМЭМО РАН Дмитрий **Чижов**. Вел дискуссию за круглым столом помощник главного редактора журнала Индекс Безопасности Максим **Старчак**.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Конечно, мы будем говорить о ВТС и о новых реалиях. Но у нас все-таки был и другой повод собраться сегодня — 20-летний юбилей ПИР-Центра, который близок всем нам. Начнем с этого. Расскажите, как вы познакомились с ПИРом? Чем для вас стал ПИР-Центр?

КОЗЮЛИН: Слово *ПИР-Центр* я впервые услышал от Владимира Орлова в 1993 г. У Владимира была бизнес-идея — создать некий специализированный информационный ресурс на базе газеты *Московские новости*, которая тогда размещалась на Пушкинской площади и в то время была бесспорным лидером российских СМИ. Задумка увлекла, и я согласился участвовать. Так я сменил кабинет в МИД РФ на офис на Пушкинской.

ЛИТОВКИН: В ПИР-Центр я попал по объявлению в журнале *Ядерный Контроль*. Как он попал ко мне в руки, не помню. Наверное, дали почитать в Минатоме или в Минобороны. Значение ПИРа... Для меня это стало настоящей школой професси-

онального роста — о многих вопросах, с которыми пришлось столкнуться в ПИРе, я даже не имел представления. ПИР научил аналитической работе с материалом. Дал возможность общаться с представителями министерств и ведомств. Коллеги и товарищи, приобретенные за время работы в ПИРе, лекторы его образовательных программ до сих пор остаются для меня не только друзьями, но и источниками получения профессиональной информации.

КАЛИНИНА: С ПИР-Центром я начала сотрудничество практически с момента его создания, т.е. с 1994 г. В то время я работала в аппарате Комитета Госдумы по обороне. В сферу моего кураторства входили вопросы, связанные с нераспространением химического и биологического оружия, а также законодательные аспекты ВТС. В частности я входила в группу разработчиков федерального закона о ВТС, который разрабатывался долго и сложно (слишком противоречивыми были интересы ряда заинтересованных структур). В конечном итоге закон был принят в 1998 г.

С момента образования ПИР-Центра и по настоящий момент я поддерживаю с ним тесные связи, он стал для меня площадкой для серьезного анализа по кругу интересов, входящих в мою компетенцию, независимо от места основной работы и занимаемой должности. Со временем в круг моих интересов, помимо вышеперечисленных, вошли вопросы Глобального партнерства *Группы восьми* и детальное изучение отдельных вопросов ВТС.

БУЖИНСКИЙ: ПИР-Центр узнал лет десять тому назад во время службы в Минобороны России, когда стал получать журнал *Ядерный Контроль*. После увольнения стал сотрудничать с ПИРОм сначала в качестве члена Экспертно-консультативного совета, затем в качестве старшего вице-президента и председателя Совета.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А теперь от юбилейного приподнятого настроения — к горячим будням. Очень-очень горячим... Как украинский кризис скажется на ВТС России? Сильно ли ударит по российскому оборонно-промышленному комплексу (ОПК) запрет руководства Украины поставлять в Россию вооружения и комплектующие?

ЧИЖОВ: Разрыв производственных цепочек и прекращение поставок готовой продукции из Украины очень серьезно отразится на производственных возможностях ОПК Российской Федерации, а необходимость создания производств потребует привлечения больших ресурсов (полное замещение может занять 3 года и более).

После выработки имеющегося в оперативном использовании запаса комплектующих темпы производства отдельных видов вооружений могут снизиться, что повлияет на выполнение государственного оборонного заказа (ГОЗ) и заказов по линии ВТС.

КАЛИНИНА: Украинский кризис и прекращение связей между предприятиями ОПК, безусловно, отразятся не только на ВТС, но и на оборонном комплексе в целом. В порядке справки замечу, что более 100 украинских предприятий ОПК до последнего времени принимали участие в кооперационных поставках комплектующих изделий российским субъектам ВТС. Объем этих поставок составляет не менее 250 млн долл. ежегодно. Примерно в ту же сумму оценивается стоимость заказов субподряда на поставку комплектующих в составе финальных образцов вооружений для российской армии. В целом это составляет около 500 млн долл. в год, т.е. почти половина всего военного экспорта Украины. Более того, есть номенклатура изделий, выпускаемых Украиной, которые крайне необходимы России. К примеру, украинское КБ *Южное* осуществляет сервисное обслуживание российских стратегических ракет МБР РС-20, компания *Артем* поставляет ракеты *воздух-воздух*, предприятие *Фотоприбор* производит комплектующие для комплексов *Хризантема-С*, завод *Лорта* поставляет вычислительные комплексы для ЗРС С-300, ОАО *Мотор Сич* поставляет двигатели, которые устанавливаются как на вертолеты, производимые Россией по экспортным заказам, так и на вертолеты, предназначенные для российской армии, и т.д. Еще недавно рассматривалась

договоренность о возможности совместного серийного производства самолетов *Ан-124–100 Руслан* (эта программа по своему масштабу должна была бы занять лидирующую роль в совместных проектах российского и украинского авиапрома на ближайшие 15–20 лет), продолжались разработка и испытания *Ан-70*. Кроме того, Украина выступала в роли крупного субподрядчика по поставкам двигателей для учебно-боевого самолета *Як-130*, судовых силовых установок (в частности для фрегатов, поставляемых на экспорт) и др. Продукция военного назначения, поставляемая оборонными предприятиями Украины, освобождалась от квотирования, лицензирования и взимания таможенных пошлин, а число позиций приближалось к 10 тыс.

По оценкам экспертов, перечень вооружений и военной техники (В и ВТ), производство которых невозможно без кооперации с Украиной и некоторыми другими странами СНГ, включает все виды марок самолетов семейства *Су*, *МиГ*, вертолеты, дизельные подводные лодки, разные типы и виды надводных кораблей (корветы, противолодочные корабли, ракетные катера), танк Т-90А, РСЗО *Смерч*, ОТРК *Искандер*, различные радиолокационные станции, различные зенитно-ракетные системы типа ЗРС *Тор-М2*, ЗРС *Бук-М2*, ЗРК *Триумфатор*, ПЗРК *Игла* и *Тунгуска* и др.

Снижение выраженной импортной зависимости России от поставок Украины в последнее время стало одной из актуальнейших проблем национальной безопасности, от эффективности решения которой напрямую зависит обороноспособность страны. План замещения украинских поставок в течение ближайших 2–3-х лет собственными силами весьма амбициозен, и вряд ли такая задача может быть решена в эти сроки, так что следует ожидать определенного *провала* в производстве В и ВТ как для экспорта, так и для своих вооруженных сил.

КОЗЮЛИН: Бесспорно, этот запрет болезнен, как ампутация органа. Но в истории есть много примеров, когда оборонная промышленность расцветала именно после введения санкций. И немало примеров, когда эмбарго даже вело к созданию оборонной промышленности с чистого листа. Думаю, что российский ОПК сможет решить все связанные с санкциями проблемы.

Кроме того, стоит помнить, что украинский ОПК заинтересован в сохранении связей даже больше, чем российский. И для обхода запретов на Украине знают немало способов: реэкспорт, создание совместных предприятий в третьих странах и просто несоблюдение указаний. Украина была и осталась страной коррумпированной, и деньги там по-прежнему открывают *все шлагбаумы*.

ЛИТОВКИН: Разрыв отношений с Украиной в области военно-промышленного комплекса (ВПК) будет болезненным, но не фатальным для России. Многие изделия, получаемые из Украины для нашего ВПК, эксклюзивны. Например, вертолетные и корабельные двигатели, авиационные крылатые ракеты, системы управления огнем артиллерии. Создание собственного производства этих вооружений потребует времени и денег. Но в этом есть и очень большой плюс. Украина была как любовница: *спать можно и с женой*, но раз есть *запасной аэродром*, его надо поддерживать по старой памяти.

В новых условиях России придется *нести все деньги в дом*. А это означает появление новых производств, современного оборудования и технологий. Это приведет к качественному скачку в разработке систем вооружения. В принципе это уже наблюдается по некоторым видам В и ВТ.

БУЖИНСКИЙ: С точки зрения прекращения ВТС со странами ЕС и США, потери будут невелики в силу незначительного объема сотрудничества, тем более что уже заключенные контракты, кроме поставок *Мистралей*, продолжают действовать (сервисное обслуживание авиационной и другой военной техники в странах Восточной Европы, единственное известное исключение — контракт с немецкой фирмой *Рейнметалл* на строительство и оснащение Центра боевой подготовки в Мулино, аннулированный правительством Германии на финальном этапе его

реализации). Что касается Украины, то здесь ситуация несколько иная: ключевым для России является сотрудничество с украинскими предприятиями в области производства самолетных (двигатели для транспортных самолетов *Антонова*), вертолетных (ТВЗ-117 для вертолетов *Ми-24 Ми-8*) и корабельных (газотурбинные двигатели М70 и М75 для кораблей различных классов, в первую очередь фрегатов проекта 11356Р для Черноморского флота) силовых установок, авиационных управляемых ракет, радиолокационной техники, агрегатного оборудования и средств авионики.

В перечень номенклатуры товаров, поставляемых из Украины предприятиям российского ОПК, входит более 3000 типов комплектующих, узлов и агрегатов, которые производят более 160 украинских предприятий. Все они были задействованы в изготовлении более 200 образцов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ). Прекращение поставок перечисленных видов продукции военного и двойного назначения может негативно сказаться на выполнении ГОЗ российскими предприятиями, особенно в авиационной и двигателестроительной сфере, а также повлиять на выполнение ряда контрактов Рособоронэкспорта. Вместе с тем в последние годы Россия вела планомерную работу по созданию собственного производства тех компонентов, которые производят предприятия ОПК Украины. Кроме того, практически ни в одном ключевом для обороноспособности страны современном проекте не используется продукция украинских предприятий (*Тополь-М, Ярс*, новый железнодорожный ракетный комплекс, последние модификации ЗРК С-300 и С-400).

По оценкам специалистов Военно-промышленной комиссии, на создание собственных российских аналогов уйдет 3–4 года, после чего у России будет полный цикл производства практически любой военной техники. Что касается Украины, то последствия разрыва ВТС с Россией будут для нее катастрофическими. Достаточно привести лишь две цифры: 70% компонентов производимых на Украине вооружений изготавливаются в России, при этом более 50% украинского экспорта военной продукции приходится на Россию.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как вы оцениваете перспективы ВТС в свете санкций стран Запада в отношении России?

БУЖИНСКИЙ: С учетом того, что основными статьями экспорта российского вооружения и военной техники являются авиационная техника, средства противовоздушной обороны (ПВО), бронетанковая техника, надводные корабли и подводные лодки, отдельные виды ракетного вооружения и боеприпасов, при производстве которых практически не используются комплектующие иностранного производства, а традиционные рынки сбыта российской техники находятся вне стран ЕС, США, Канады, Японии и Австралии, западные санкции вряд ли окажут сколько-нибудь существенное воздействие на объемы ВТС России с зарубежными странами.

ЧИЖОВ: Возможно сохранение *точечного* сотрудничества, которое западные фирмы будут вести с Российской Федерацией неофициально. Такое сотрудничество может вестись по каким-нибудь *чувствительным технологиям*.

КАЛИНИНА: Санкции стран Запада, в целом, не критичны для продолжения ВТС со своими основными партнерами, но они могут повлиять на заключение будущих сделок, поскольку будут в определенной степени влиять на принятие решений существующими и потенциальными покупателями. О том, что на них со стороны США и ЕС будет оказываться определенное давление, сомневаться не приходится (примером тому является призыв США к странам — производителям сельхозпродукции, не вошедшим в российский санкционный список, не расширять поставки своей продукции в Россию). Но уже заключенные в сфере ВТС контракты будут выполняться и потому в ближайшие 4–5 лет резкого снижения объема экспорта не ожидается. В то же время портфель заказов на российские В и ВТ, который сей-

час составляет около 50 млрд долл., будет пополняться уже не так интенсивно, как это наблюдалось последние годы.

ЛИТОВКИН: Санкции со стороны Запада будут иметь минимальное значение для российского ВПК. У нас с ними нет серьезных контрактов, как нет серьезной заинтересованности во взаимном сотрудничестве. Пример — отказ от поставок *Мистралей*. Все совместные проекты, как правило, заканчивались тем, что представители западных фирм под предлогом создания совместных предприятий не столько передавали свои технологии, сколько пытались сделать из российского партнера *дилерский центр* по их продвижению на рынки третьих стран.

Кроме того, российский ВПК изначально был лишен возможности покупать технологии и оборудования класса *милитари*. Какими караванными тропами оно попала в Россию, неизвестно. Как регулировать этот процесс, Западу тоже не понятно. Так, что ситуация останется в той же плоскости, как и до введения санкций: «Поставок нет, но у русских все есть».

КОЗЮЛИН: Очевидно, страны Запада в вопросах ВТС будут подходить к России более сдержанно. Однако будет продолжаться взаимодействие в борьбе с исламистами в Ираке, Сирии и Афганистане. Это серьезная проблема, и потребность в сотрудничестве может заставить забыть о противоречиях.

Остаются шансы на поставки западных военных компонентов и технологий для российской обороны при условии скорого разрешения конфликта на Украине. Повод надеяться на это дает позиция Франции, которая пытается сохранить сделку на поставку *Мистралей* в Россию. Она, и это очевидно, заинтересована в сохранении российского рынка вооружений, для освоения которого французы на протяжении последних 20 лет потратили много сил.

Да и Россия теперь будет осторожнее подходить к сотрудничеству с Западом: вероятно, приоритет будет отдаваться приобретению технологий, а не готовых изделий. Отныне это будет главной задачей.

Что касается достижений России на рынках третьих стран, нынешняя репутация нашей страны даже может сыграть им на пользу. Российские контрагенты могут быть уверены, что в критической ситуации наша страна не откажется от поставок комплектующих своим партнерам даже под внешним давлением.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Верным ли было решение развивать ВТС со странами Запада, не стало ли это западней? Как скажется кризис на ВТС с западными странами?

КОЗЮЛИН: Как и все военные реформы в бытность А. Сердюкова министром обороны, это решение было неожиданным и связано с перегибами. Однако оно дало опыт, которого не имели ни в Россия, ни в СССР. И хотя ожидания не вполне оправдались, уроки усвоены, и, думается, что сегодня у специалистов оборонных отраслей есть понимание, какие выгоды возможно и невозможно получить от налаживания подобных контактов в будущем.

БУЖИНСКИЙ: Во-первых, я не слышал о каком-либо специальном решении по развитию ВТС с западными странами, во-вторых, в силу очевидных военно-политических причин данное сотрудничество не может быть значительным. Что я имею в виду? Западные рынки сложной, высокотехнологичной и, следовательно, наиболее дорогостоящей военной техники (авиация, средства ПВО, надводные и подводные корабли) прочно заняты корпорациями США и ведущих стран ЕС. Более того, в НАТО существует негласный запрет на закупку данных видов В и ВТ из стран, не входящих в альянс, прежде всего из России и Китая. Единственным исключением из данного правила стала *вынужденная закупка* Грецией российских ЗРК С-300, предназначавшихся для Республики Кипр и ею же оплаченных, и последовавшие за этим ограниченные закупки Грецией российских комплексов ПВО различной дальности и кораблей на воздушной подушке. Единственно, что формально было разрешено России — это поставки бронетанковой техники

и стрелкового оружия, хотя конкурировать с западными компаниями на западных рынках и в этом сегменте достаточно проблематично.

ЧИЖОВ: Попытка развития ВТС со странами Запада была шагом, направленным на получение технологий в сжатые сроки. По моему мнению, Россия не получила того, чего хотела. Сотрудничество можно назвать *пробным*.

КАЛИНИНА: Безусловно, это было верным решением. И никакой западни в этом нет. В России закупки комплектующих изделий в других иностранных государствах в большей мере относятся к производству экспортных вариантов В и ВТ, поскольку страны-импортеры нередко оговаривают особые условия импортной комплектации, которые включают либо оснащение заказанной военной техники оборудованием и отдельными блоками (системы наведения, управления и т.д.), определяющими основные тактико-технические характеристики В и ВТ, совместимые со стандартами НАТО, либо комплектация должна учитывать особые климатические и другие условия страны-покупателя.

Закупка импортных комплектующих происходит уже достаточно давно и причины кроются в технологическом отставании российского ОПК от современных требований к созданию перспективных образцов В и ВТ и в первую очередь речь идет о катастрофическом отставании России по элементной базе, прежде всего в сегменте микроэлектроники военного назначения. В области элементной базы, в том числе по номенклатуре микроэлектроники, предприятия ОПК России просто вынуждены закупать изделия за рубежом; по доступным источникам информации, импортные комплектующие используются при производстве экспортных вариантов В и ВТ всех основных категорий: самолетов, вертолетов, военно-морской и бронетехники, а также артсистем большого калибра.

Так, к примеру, различные виды истребителей, объем продаж которых в общем военном экспорте превышает 50%, оснащаются бортовым радиоэлектронным оборудованием в основном западного производства. В обобщенном виде это может быть представлено следующим образом:

- для Су-30МКИ по заказу Индии пакеты комплектующих идут из Франции и Израиля;
- для Су-30МКМ по заказу Малайзии пакеты комплектующих идут из Франции, ЮАР и Индии;
- для Су-30МКА по заказу Алжира устанавливаются системы бортового оборудования французского производства;
- для Су-35, который пока еще только продвигается на мировой рынок, планировалось его оснащение бортовым оборудованием французского производства;
- для МиГ-29 по заказу Словакии проведена их модернизация с участием иностранных компаний до уровня, обеспечивающего полную совместимость с существующими навигационными системами НАТО;
- для МиГ-29К по заказу Индии проводится их модернизация с поставкой бортового оборудования французской компанией *Талес*.

По другим типам самолетов: по самолету *ВТА Ан-148* доля комплектующих из Украины доходит до 50% от стоимости контракта; по самолету *ВТА Ил-76МД* доля комплектующих из Узбекистана составляет до 40% и более от стоимости контракта; по самолету-заправщику *Ил-78* доля комплектующих из Узбекистана составляет до 35% от стоимости контракта; по самолету *УТС Ил-103* доля США составляет около 10% от стоимости контракта (на этом самолете установлен американский двигатель); по учебно-боевому самолету *Як-130* доля Украины превышает 10% (используются украинские двигатели).

В производстве вертолетов доля импорта еще выше, поскольку все виды вертолетов, идущие на экспорт, и большинство видов вертолетов для внутреннего использования оснащаются двигателями западного производства. Так, вертолет многоцелевой *Ансат* комплектуется канадскими двигателями; вертолеты транспортные *Ка-226* и *Ка-226К* комплектуются английскими и французскими двигателями; противолодочный поисково-ударный вертолет *Ка-28* комплектуется украинскими двигателями: исключительно украинскими двигателями комплектуются вертолеты *ДРЛО Ка-31*, многоцелевой *Ка-32*, многоцелевой *Ми-17*, ударный *Ми-35*, тяжелый транспортный *Ми-26*; их доля в стоимости в зависимости от типа вертолета находится в диапазоне от 7 до 20%.

Экспортные варианты бронетехники (БМП-3, танки Т-80 и Т-90) оснащаются телевизорами производства французской компании *Талес* и прицельными комплексами производства белорусской компании *Пеленг*. Пусковые установки зенитных управляемых систем (ПУ ЗУР 2С6, ПУ ЗУР *Панцирь С1*, ПУ ЗР С300МПУ) и РСЗО 9К58 *Смерч* монтируются на различных видах шасси производства Белоруссии, Германии и даже Индии (по чешской лицензии).

О стоимости импортных комплектующих в производстве военно-морской техники данные в доступных источниках информации не найдены. Однако хорошо известно, что силовые установки для кораблей классов *корвет* и *фрегат* для экспортных контрактов и для Минобороны России поставляются Украиной. Известно также, что в модернизации авианосца *Адмирал Горшков* для Индии принимала участие французская компания *Сажем*, которая поставила системы инициализации авианосца и палубных истребителей *МиГ-29К*.

Более того, иностранные комплектующие западного производства стали уже использоваться и для нужд российской армии. Первым прецедентом стало заключение в 2007 г. контакта с французской компанией *Талес* на поставку 100 телевизионных камер *Катрин-FC* для установки на российскую бронетехнику, в 2008 г. был заключен второй аналогичный контакт на поставку 130 телевизионных камер и открыт российско-французский сервисный центр по их ремонту и сервисному обслуживанию на базе Вологодского оптико-механического завода.

Есть, конечно, перечень вооружений (стратегические ядерные силы, стратегические оборонительные силы), где импортная комплектация в принципе невозможна. Этот принцип также касается комплекса *Искандер*, высокоточного оружия, особенно боеголовок самонаведения, и некоторых других изделий. В то же время для обеспечения обороноспособности неважно, какая система впрыска в автомобильной технике, чьи на БТР бронестойкие шины — отечественные или японские.

Если посчитать потребности идеальных вооруженных сил, — сколько надо на ГПВ, — совершенно очевидно, что эта цифра для нашей страны неподъемная. Более того, сформированный 2–3 года назад Минобороны России перечень закупок наиболее приоритетных образцов вооружений (всего это около 200 перспективных образцов В и ВТ), не может быть выполнен без импортной комплектации, а следовательно, в намеченные сроки не может быть выполнен по определению.

В этой связи кризис в Украине и санкции ЕС на военно-технические поставки больно ударят по перспективному развитию В и ВТ.

ЛИТОВКИН: Можно лишь добавить, что сотрудничество есть только в области поставки вооружения и техники третьим странам. Поэтому нас это никак не касается. Индия в любом случае получит необходимое ей израильское или французское оборудование, установленное на российских *Су-30* или *МиГ-29К*. Россия в этом ключе всего лишь соисполнитель многостороннего контракта.

Что касается поставок европейской техники и вооружений, которыми злоупотреблял министр обороны Анатолий Сердюков, то от его *реформаторского задора* остались только штучные закупки средств связи и снайперского вооружения для спецподразделений.

Отказ Франции от поставок в Россию авианосцев *Мистраль* может вызвать проблемы. Но скорее всего это решаемая проблема, так как на кораблях нет ничего такого, чтобы не могла произвести или починить российская промышленность, тем более получить необходимое оборудование можно и через третьи страны. Как это и происходит сегодня.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что позволяет России занимать второе место в мире по экспорту вооружений: советский задел? Заметны ли на рынке собственно российские разработки? Нет ли ощущения, что Россия уже исчерпала советские наработки и начинает серьезно отставать в важнейших и даже критических военных технологиях?

ЛИТОВКИН: *Советского задела* в России не осталось. Это очень хорошо демонстрирует ВТС с Индией. Дели необходимо все самое современное и лучшее, поэтому мы создали с индийцами совместные предприятия по разработке истребителя 5-го поколения, самой современной противокорабельной крылатой ракеты *Брамос*, сдаем в аренду самую современную на сегодняшний день АПЛ и т. д. Требования к нашей продукции поднимают и другие заказчики. Ирак покупает вертолеты Ми-28Н и зенитные ракетно-пушечные комплексы *Панцирь*, Вьетнам — истребители Су-30МК, Алжир — танки Т-90 и учебно-тренировочные самолеты Як-130, Ливию интересуют самые современные противотанковые комплексы *Хризантема* и т. д. Все это новая техника, ее производят на заводах, а не достают из наличия.

Что касается второго места, здесь важно, что наша техника стоит дешевле аналогичной западной. И самое важное, что Россия никогда не увязывает ее поставки с политическими нюансами, четко следуя своим контрактным обязательствам.

ЧИЖОВ: Ощущения тотального серьезного отставания нет. Больших успехов Россия добилась в авиационном и ракетном сегментах рынка, отставание присутствует в развитии сил общего назначения флота и некоторых видах В и ВТ сухопутных войск.

КАЛИНИНА: Долгое время Россия на мировом рынке оружия выигрывала по суммарному критерию *качество–цена–время*, и цены на российское оружие по некоторым видам В и ВТ были на 30–40% ниже зарубежных аналогов при примерно равных тактико-технических характеристиках, что привлекало не очень богатых и не очень требовательных покупателей. Но сегодня преимущество по этим трем критериям сходит на нет. Качество техники нередко вызывает претензии о стороны заказчиков, цена постоянно растет, в том числе не только из-за закупок импортных комплектующих, но и за счет внутренних затрат, а время выполнения заказов давно уже перестало быть конкурентным преимуществом.

В среднесрочной перспективе эти негативные тенденции будут нарастать, поскольку технологических прорывов, учитывая общее состояние ОПК и начавшийся в нем очередной кризис, спровоцированный ситуацией на Украине, ждать не приходится. Россия уже по многим видам В и ВТ не обладает технологиями, соответствующими мировому уровню (за исключением некоторых разработок в области авиационного и средств ПВО большой дальности) либо не ведет в нужных объемах разработок в существенных для современных вооруженных сил областях (беспилотные летательные аппараты, летательные аппараты с дистанционным управлением, противоракетные системы на беспилотных летательных аппаратах и т. д.).

Практически не освоенной областью в этом плане является разработка критериев по оценке угрозы причинения ущерба национальной безопасности внешнеэкономических сделок, предусматривающих экспорт (передачу) иностранному заказчику двойных технологий, а также результатов НИР и НИОКР или других результатов научно-технической деятельности (РНТД) с учетом эффективности вооружений, в которых они могут быть реализованы. По отрывочным сведениям доля экспортных лицензий, выдаваемых Федеральной службой по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) России на вывоз информации, превышает 30%, при том понимании, что объем экспорта продукции двойного назначения по регулируемым

спискам весьма существенен и по своим объемам составляет примерно половину от экспорта финальных изделий В и ВТ. Возникновение угрозы причинения ущерба военно-политическим интересам государства возможно и в том случае, если передача контролируемых двойных технологий, результатов НИОКР и других РНТД, прямо или опосредованно относящихся к в военной области, приведет к усилению конкурентных преимуществ образцов В и ВТ на мировом рынке оружия, созданных с использованием переданных технологий двойного назначения (примером может служить технологическая политика Китая по клонированию российской военной техники).

Однако наиболее остро стоящая проблема повышения конкурентоспособности на мировом рынке вооружений не может быть решена изолированно, в отрыве от состояния ОПК в целом, поэтому в современных условиях для сохранения Россией статуса одного из ведущих мировых экспортеров В и ВТ необходимо принять меры, связанные прежде всего с обновлением производственных мощностей предприятий ОПК и интенсивным развитием импортозамещающих технологий. Между тем российская система ВТС приобретает все более выраженную коммерческую направленность, как следствие, возрастают риски коррупционности и криминализации этой сферы деятельности государства.

БУЖИНСКИЙ: У меня *нет* ощущения, что Россия начинает серьезно отставать в важнейших технологиях. На традиционных рынках российское В и ВТ перечисленных выше классов по-прежнему конкурентоспособно и востребовано. Конечно, в ряде областей мы действительно отстаем, прежде всего в элементной базе, но в последние годы прилагаются серьезные усилия по преодолению и ликвидации данного отставания.

КОЗЮЛИН: Советских Союз был великой державой, масштаб которой становится понятен, к сожалению, по мере таяния ее заделов. Сегодняшняя российская оборонка — это большей частью результат работы поколений советских разработчиков и производителей вооружений. Многого утеряно, но и то, что осталось, позволяет России оставаться ведущим игроком на оружейном рынке.

Российский ОПК пережил период прозябания и сегодня встал на путь выхода из кризиса. Проблема в том, что он создавался на советских традициях, которые не применимы в условиях рынка, при отсутствии командной системы управления. Насколько российский ОПК будет эффективен в современных условиях, мы увидим в ближайшие годы. Страна вправе ждать от российских разработчиков новых оригинальных военных новинок.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Из каких контрактов складываются официальные ежегодные итоговые показатели российского оружейного экспорта? Крамольный вопрос: реальны ли эти цифры?

БУЖИНСКИЙ: Обобщенная информация по видам В и ВТ регулярно озвучивается официальными представителями Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству. Конечно, не надо забывать, что ВТС довольно деликатная сфера межгосударственных отношений и, конечно, детали контрактов не могут находиться в открытом доступе, тем более в большинстве контрактов присутствует специальный раздел, регулирующий вопросы конфиденциальности. В ряде случаев вопросы конфиденциальности в сфере ВТС регулируются специальными межправительственными соглашениями. Тем не менее, повторю, итоговые цифры по объемам российского оружейного экспорта у меня лично сомнения не вызывают. Кстати, последний раз данные цифры (15,74 млрд долл. в 2013 г.) озвучивались председателем Правительства России в ходе его ежегодного отчета в Госдуме.

КОЗЮЛИН: Сфера торговли оружием очень чувствительна и по определению не прозрачна. Россия в течение последних 20 лет участвовала в международном процессе по приданию этой отрасли некоторой прозрачности. Мы не были в передовиках этого движения, но в целом обеспечивали *удовлетворительный* уровень транспарентности.

Думаю, что последние события в мире: возникновение пояса нестабильности вокруг нашей страны, напряженность в отношениях России с зарубежными партнерами, — ведут к тому, что торговля оружием станет еще более закрытой.

КАЛИНИНА: Ежегодный итоговый показатель оружейного экспорта, который в последние несколько лет превышал 15 млрд долл. отражает суммарный объем валютных поступлений. Есть еще такой показатель, как портфель заказов, который включает не только суммы уже заключенных контрактов, но и намерения покупателей, договоры о заключении которых находятся в стадии переговоров или в стадии конкретных проработок. В последние годы портфель заказов составляет около 50 млрд долл. Эти цифры не являются дутыми и при желании их можно проверить по данным Регистра ООН по обычным вооружениям, в который Россия ежегодно официально представляет сведения о военных продажах (там указывается число проданных изделий по 7 основным категориям вооружений и, зная цены на основные изделия, нетрудно просчитать суммы. Кроме того, есть и другие зарубежные источники информации, например, *Military Defense*).

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Некоторые официальные лица Израиля заявляют, что экспорт вооружений этой страны составляет около 12 млрд долл. в год. Нет ли у вас ощущения, что Россию по объемам сделок уже обходят конкуренты?

КАЛИНИНА: Согласна, цифры по объему экспорта Израиля вызывают большое сомнение. Скорее всего, официальные лица Израиля говорят о портфеле заказов, но не о реальном экспорте.

Сегодня Россию по объемам экспорта обходят только США, и, даже несмотря на развивающийся кризис, Россия еще лет 5–6 будет занимать второе место. Кстати, США занимают первое место не за счет числа проданной военной техники, а из-за высокой цены на нее. Если считать объем экспорта по числу единиц, по многим категориям В и ВТ, Россия занимает первое место (в первую очередь по авиатехнике).

КОЗЮЛИН: Израиль, очевидно, нашел свою нишу на оружейном рынке: беспилотники, электронные компоненты, модернизация зарубежной техники — это не очень заметный, но весьма доходный бизнес. К сожалению, в этих сегментах мы не можем похвастаться собственными технологиями. И хотя Россия уверенно чувствует себя в традиционных секторах рынка, бесспорно, следует обратить повышенное внимание на эти белые пятна на карте российского ОПК. Собственно это же диктуют и потребности российских вооруженных сил.

ЛИТОВКИН: Возможно, имеется в виду общий портфель заказов. У России он тоже не маленький — 35 млрд долл. А экспорт в 2013 г. принес 13,2 млрд долл. Израиль — сильный конкурент, но Россия имеет куда большую номенклатуру изделий и более широкие рынки их сбыта.

БУЖИНСКИЙ: Не могу авторитетно судить о ежегодном объеме израильского экспорта, так как, строго говоря, не считаю себя полноценным экспертом в мировой торговле оружием. Известно лишь, что Израиль является одним из крупнейших в мире экспортеров *умного* сверхточного оружия, поставляемого в более чем 50 стран мира. Тем не менее не думаю, что Израиль является прямым конкурентом России в силу разных масштабов военно-промышленных комплексов двух стран. Единственным известным мне сегментом рынка, в котором Израиль непосредственно конкурирует с Россией, является переоборудование и модернизация авиационной и бронетанковой техники советского производства. Тем не менее номенклатура производимых Израилем ВВСТ (авиационная, бронетанковая и инженерная техника, беспилотные летательные аппараты, спутники различного назначения, навигационное оборудование, ракетное вооружение, электроника) довольно разнообразна. Одной из характерных особенностей ВТС Израиля с зарубежными странами является то, что он связан ограничениями в плане как номенклатуры поставок, так и их географии, накладываемыми на него Соединенными Штатами, в силу того что израильтяне вынуждены лицензировать в США

значительную часть своей продукции военного назначения, предлагаемой на экспорт, потому что там используются американские технологии, комплектующие или финансовые средства.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В последние годы Россия ведет серьезную реформу оборонной промышленности. Насколько принимаемые меры адекватны потребностям вооруженных сил и интересам национальной обороны страны?

БУЖИНСКИЙ: Действительно, Государственная программа вооружений на 2011–2020 гг. стоимостью в 20,7 трлн рублей (с учетом закупок силовых структур помимо Министерства обороны) и Федеральная целевая программа *Развития оборонно-промышленного комплекса до 2020 г.* стоимостью около 3 трлн рублей, предусматривают техническое перевооружение и развитие предприятий ОПК. Могу судить по предприятиям *Концерн радиостроения Вега*, где я работаю в должности заместителя генерального директора по внешнеэкономической деятельности, что этот процесс идет очень активно. В условиях стабильного финансирования основные фонды входящих в концерн предприятий обновляются в соответствии с утвержденными планами. Более того, в Томске строится современный завод по производству высокотехнологичных радиоэлектронных модулей (так называемых 3D-микросистем). Поэтому считаю, что принимаемые меры вполне адекватны потребностям вооруженных сил и интересам национальной обороны страны. Главной проблемой в реализации намеченных планов остается нехватка квалифицированного конструкторского и среднетехнического персонала вследствие разрушения ОПК в 1990-е гг. и практической ликвидации системы профессионального образования.

ЧИЖОВ: Считаю, что принимаемые меры адекватны, если принимать во внимание те ограничения, которые накладывает старение техники, технологическое отставание ОПК, текущая военно-политическая ситуация.

ЛИТОВКИН: Судить об этом можно по многочисленным военным учениям с боевой стрельбой из самых современных видов В и ВТ. Собственно это главный и единственный критерий, по которому можно судить об эффективности как государственной политики в области перевооружения армии, так и шагов, направленных на модернизацию ВПК. Баллистические ракеты закупаются десятками, бронетехника — сотнями, автомобили — тысячами, самолеты — десятками, а вертолеты — сотнями штук. Оборонные выставки полны новинок. Так что, думаю, при определенных сложностях это вполне рабочий процесс.

КАЛИНИНА: Реформа оборонной промышленности в вялотекущем режиме проводится уже не одно десятилетие. Неоднократно принимались соответствующие федеральные программы, которые не выполнялись. Текущая федеральная целевая программа *Развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на 2011–2020 гг.* исполняется несколько лучше, чем предыдущие, но вряд ли она будет выполнена в полном объеме ввиду нового развивающегося кризиса. По мнению военных экспертов, Россия отстает от Запада и США по современным технологиям лет на 20. И даже ведущиеся разработки по самолету 5-го поколения уже заранее *отстали*, поскольку американцы создали свой самолет 5-го поколения почти 20 лет назад.

Вялотекущие процессы реформирования ОПК делают малореальным увеличение экспортных возможностей и, что еще более важно, выполнение заявленного правительством плана о возрастании к 2020 г. доли современных В и ВТ в российских войсках до 70–80% (в настоящее время эта доля не превышает 15–20%).

Неменьшие сомнения вызывает и возможность реализации новой Государственной программы вооружения (ГПВ) на 2011–2020 гг.: «...довести ежегодное обновление вооружений и военной техники до 9–11% в год». В этой программе заложена покупка 1500 новых самолетов и вертолетов, 200 систем ПВО и много другой техники. Но если финансирование новой ГПВ будет таким же, как и предыдущих трех программ, причем ни одна из них не выполнена, смысл принимаемых высшим руко-

водством страны стратегических документов по вопросам национальной безопасности становится ничтожным.

КОЗЮЛИН: Нередко западные эксперты высказывают опасения по поводу того, что Россия резко увеличила свои военные расходы. Однако можно вспомнить, что российская оборонка и вооруженные силы Российской Федерации к 1990-м гг. фактически пришли в состояние разрухи и прозябания и были в нем почти два десятилетия. Сегодняшние траты на военное производство фактически лишь реанимируют то, что было заброшено. Российскому ОПК предстоит наверстать тот колоссальный технологический провал, который случился за период простоя.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какая продукция и какие страны являются и будут являться главной движущей силой ВТС России? Есть ли вероятность расширения номенклатуры продукции, объемов и получателей обороной продукции России в азиатском регионе в связи с кризисом?

ЛИТОВКИН: Основные покупатели нашего оружия сегодня находятся в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии. Как показывает ситуация, экономические кризисы в самую последнюю очередь влияют на закупки В и ВТ. Кроме того, Москва сегодня способна кредитовать покупателей. Некоторые государства, например Ирак, покупают российское оружие за американские деньги, направляемые в эту страну для поддержки демократии. В общем, портфель заказов *Рособоронэкспорта* в 35 млрд долл. лучшее свидетельство того, что оружие — это товар первой необходимости.

ЧИЖОВ: Локомотивом продолжают выступать авиационная техника, ракетное вооружение и средства ПВО, сохранится азиатский вектор поставок, возрастет доля Ближнего Востока и Латинской Америки.

КОЗЮЛИН: Я ожидаю, что у российских экспортеров вооружений будут хорошие перспективы в ближайшие годы. В период нестабильности и международной напряженности, какой мы наблюдаем сегодня, возрастает спрос на недорогую и простую в освоении и использовании технику. Именно такие качества отличают российское оружие.

КАЛИНИНА: В целом Россия на мировых рынках оружия уже многие годы занимает второе место (после США), как по пакету заказов, так и по реальным поставкам. По географии экспортных контрактов наибольшее их число за последние 8 лет Россия заключила со странами АТР, что составляет 55–57% от общего количества контрактных обязательств по всем 10 сегментам мира. Второе место занимает регион Ближнего Востока — 14,2%, третье место — регион Северной и Северо-Восточной Африки — 12,7%. Последующие места — с 4-го по 10-е — занимают Южная Америка и Мексика, страны на постсоветском пространстве, Тропическая Африка, Восточная и Западная Европа, Северная Америка и страны Центральной Америки и Карибского бассейна. В первую десятку наиболее крупных покупателей российского оружия из регионов Ближнего Востока и Северной Африки в порядке убывания вошли Алжир, Иран (4,1% от общего экспорта), Сирия (3,1%), Египет (3,0%) и ОАЭ (1,8%).

В ближайшей перспективе, как и многие предыдущие годы, ведущую роль в экспорте В и ВТ будут занимать самолеты, вертолеты, бронетехника, военно-морская техника и средства ПВО. По результатам 2013 г. техника военно-воздушных сил составляла 38,3% от всех заключенных контрактов, военно-морская техника — порядка 17%, сухопутная — 14,2%, ПВО — 26,2%.

Основными покупателями будут ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Среднего и Ближнего Востока, а также Северной Африки. В регионе АТР лидирующее положение занимает и будет еще долго занимать Индия, определенные перспективы есть по Китаю, Вьетнаму, Индонезии, Малайзии. По другим континентам более-менее заметный вклад в объемы экспорта вносят Венесуэла и Алжир. К примеру, по итогам 2013 г. суммарная доля в общем объеме экспорта

российской военной продукции перечисленных стран составляет более 75%, хотя все поставки шли в 60 стран.

На объемы экспорта существенное влияние оказывают различные внешние обстоятельства. Это, например, кризисные явления, которые за последние 7–8 лет сотрясла не только Европа, но и США, а также нестабильная обстановка в различных регионах. Известные события в районе Ближнего Востока: война в Сирии, эмбарго на поставки вооружений в Иран, революции в Ливии и Египте привели к невозможности заключения конкретных соглашений о поставках, хотя на эти страны делались серьезные ставки.

Тем не менее Россия сегодня готова предложить все — от стрелкового оружия до систем ПВО. Определенные перспективы продвижения на мировые рынки субъекты ВТС связывают с вертолетами *Ми* и *Ка*, зенитными ракетными системами и комплексами *С-400 Триумф*, *Антей-2500*, *Бук-М2Э*, *Тор-М2Э*, ЗРПК *Панцирь-С1*, ПЗРК *Игла-С*; в военно-морской составляющей — с фрегатами проекта 11356 и *Гепард-3.9*, подводными лодками проекта 636 и *Амур-1650* и патрульными катерами *Светляк* и *Молния*. Сухопутная часть представлена модернизированными танками Т-90С, боевыми машинами пехоты БМП-3 и машинами на их базе, броневыми автомобилями *Тигр*. В 2013 г. особым успехом пользовались самолеты *Су-30* и *МиГ-29*, очень неплохой спрос на учебно-боевые самолеты *Як-130*. В области авиации на ближайшую перспективу делается ставка на самолеты *Су-35*.

Однако в эти прогнозы могут быть внесены существенные коррективы, если санкционное давление на Россию будет нарастать.

БУЖИНСКИЙ: Думаю, в обозримой перспективе номенклатура продукции (авиационная техника, средства ПВО, надводные корабли и подводные лодки, бронетанковая и артиллерийская техника, средства радио- и радиотехнической разведки, ракетное вооружение и боеприпасы) останется прежней. Помимо наших традиционных рынков в Азии, очевидно, будет вестись поиск новых рынков в странах Центральной и Южной Америки и новых *старых* рынков в странах Черной Африки. И, конечно, не стоит забывать о наших возможностях в странах Ближнего Востока и Северной Африки, реализации которых пока препятствует крайне нестабильная обстановка в данном регионе.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть мнение, что российский военный бюджет непомерно велик (например, такое мнение высказывал бывший министр финансов России А. Кудрин). Ваше мнение: каким должен быть военный бюджет в ближайшей перспективе?

КОЗЮЛИН: Это суждение имело большое количество сторонников еще год назад. На сегодня, как мне представляется, оно не актуально. У России появились реальные, ощутимые угрозы и реальная потребность иметь крепкие вооруженные силы.

КАЛИНИНА: Российский военный бюджет ежегодно устанавливается федеральным законом и в принципе должен обеспечить выполнение всех параметров программы вооружений, т.е. бюджет определяется военной стратегией. Поскольку в ее основу сегодня заложен принцип существенной модернизации Вооруженных сил России, говорить о том, что он *непомерно велик* нельзя. И даже сейчас, когда финансирование армии по сравнению с предыдущими годами увеличено, говорить об избыточной милитаризации неправильно. На российскую армию по-прежнему тратится примерно в 10 раз меньше, чем на американскую, да и многие военные бюджеты европейских стран приближаются к затратам России при всей несопоставимости территорий и задач обороны.

В этой связи я бы не хотела, чтобы он снижался и снова привел к кризисному состоянию армии, тем более что число внешних угроз растет.

ЛИТОВКИН: Бюджет увязан с валовым внутренним продуктом (ВВП). Он не больше и не меньше, чем 5 или 10 лет назад, не станет больше и в перспективе. При

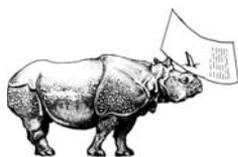
всем уважении к Алексею Кудрину, замечу лишь одно: *не хочешь кормить свою армию, будешь кормить чужую*. Американцы и НАТО в последнее время подтвердили этот тезис неоднократно.

ЧИЖОВ: Текущая военно-политическая ситуация, назревшая реформа ОПК и обвальное старение В и ВТ приводят к росту военного бюджета. Думаю, в ближайшее время военный бюджет будет расти.

БУЖИНСКИЙ: Помню, в середине 1990-х гг. либерально настроенные члены российского правительства заявляли, что России достаточно иметь вооруженные силы численностью в 300 тыс. человек в силу отсутствия внешних угроз и ограниченных финансовых возможностей. К счастью, данные заявления не перешли в плоскость практической реализации. Убежден, что военные расходы такой страны, как Россия, с учетом всех внешних факторов, особенно в свете украинских событий, не могут быть меньше 3% ВВП. 🤖

Примечания

¹ Под этим широким понятием мы в ПИР-Центре подразумеваем тех, кто ранее работал в нашей организации, а также тех, кто прошел через программы стажировок, тренинговые программы, курсы повышения квалификации, был нашим стипендиатом и т. п. Иначе говоря, речь идет о alumni-сообществе ПИР-Центра.

Евгений Бужинский

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ДОГОВОРА О ЛИКВИДАЦИИ РАКЕТ СРЕДНЕЙ И МЕНЬШЕЙ ДАЛЬНОСТИ

В последнее время вопрос о целесообразности продолжения действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 1987 г. все чаще поднимается на экспертном уровне. Более того, мнение о пагубности договора для национальной безопасности России высказывает и ряд официальных российских представителей.

Главным оппонентом продолжения соблюдения Россией положений договора является руководитель администрации президента С. Б. Иванов. Впервые, будучи министром обороны России, он поднял вопрос о прекращении действия ДРСМД на встрече со своим американским коллегой Дональдом Рамсфельдом в октябре 2003 г. в Колорадо-Спрингс. Американец, известный своим неприятием любых договоров в области контроля над вооружениями, на предложение С. Б. Иванова ответил осторожно, в духе: «Выходите, если считаете нужным, мы возражать не будем». Очевидно, что американцам, незадолго до этого в одностороннем порядке прекратившим свое участие в Договоре по ПРО 1972 г. — за что они были подвергнуты практически единодушному осуждению со стороны мирового сообщества, — явно было не с руки инициировать разрушение еще одного разоруженческого договора, являющегося важным элементом поддержания стратегической стабильности.

Важно и то, что ДРСМД, в отличие от Договора по ПРО, ни в коей мере не противоречит планам строительства вооруженных сил США. Для того чтобы понять это, необходимо разобраться с историей и содержанием договора.

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ СОЗДАНИЯ ДРСМД

Начало ядерного противостояния СССР и США в Европе относится к концу 1950-х — началу 1960-х гг., когда американцы развернули баллистические ракеты средней дальности (БРСД) *Тор* и *Юпитер* с ядерными боеголовками на территории Турции, Италии и Великобритании, сократив полетное время до объектов на территории СССР с 30 до 8–10 минут. В 1962 г. СССР симметрично ответил размещением на Кубе своих БРСД *Р-12* с ядерными боеголовками, справедливо посчитав, что их размещение в Европе не будет адекватным ответом. Полетное время советских ракет до военных объектов и городов США стало ровно таким же, как и американских ракет до военных объектов и городов СССР.

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
К
О

Такой паритет США не устроил, и они инициировали Карибский кризис, который был урегулирован путем вывода советских ракет с Кубы и американских из Европы. После Карибского кризиса США почти на 20 лет отказались от планов размещения ядерных БРСД в Европе. Однако в 1979 г. было принято так называемое двойное решение НАТО, предусматривавшее размещение с 1983 г. в странах Западной Европы ракет средней дальности в ядерном оснащении и ведение переговоров с СССР по ограничению ядерных и обычных вооружений. Принимая данное решение, Соединенные Штаты рассчитывали, что Советский Союз, помня о Карибском кризисе, не станет снова размещать свои ракеты на Кубе, а если и попытается, то США, установившие к тому времени морскую блокаду острова, этого не допустят.

Планировалось развернуть в Западной Европе 108 БРСД *Першинг-2* и 464 крылатые ракеты наземного базирования (КРНБ) *BGM-109G*. Данное решение обосновывалось необходимостью устранения дисбаланса, возникшего вследствие развертывания Советским Союзом новых БРСД *Пионер* с разделяющейся головной частью, шедших на замену устаревших ракет средней дальности *P-12* и *P-14*. При этом по количеству средств доставки ядерного оружия средней дальности (ракеты и авиация, включая палубную) НАТО в тот период превосходило СССР почти в 2 раза (1800:1000).

Ситуация складывалась явно не в пользу СССР. Дело в том, что советские ракеты *Пионер* не угрожали территории США, в то время как американские *Першинги* и крылатые ракеты создавали непосредственную угрозу нанесения ядерного удара по жизненно важным военным объектам на территории СССР.

С 1980 по 1983 г. СССР выдвинул целый ряд предложений по сокращению ядерных средств средней дальности, базирующихся в Европе. Последнее из этих предложений предусматривало установление равенства между Советским Союзом и НАТО по количеству самолетов-носителей среднего радиуса действия и готовность СССР оставить на вооружении не более 140 БРСД *Пионер*, т.е. меньше ракет, чем было на вооружении у Франции и Великобритании. При этом США должны были отказаться от размещения своих БРСД и КРНБ в Европе.

В свою очередь США в 1981 г. предложили так называемый нулевой вариант, предусматривавший отказ американцев от размещения ракет *Першинг-2* и КРНБ в Западной Европе в обмен на ликвидацию всех советских ракет средней дальности как в европейской, так и в азиатской части страны. Таким образом, предлагалось ликвидировать реально развернутую советскую группировку в 600 БРСД в обмен на отказ США от плана развертывания своих ракет в Западной Европе, которые находились еще в стадии разработки. После этого американцы выдвинули еще ряд предложений, направленных на установление количественного паритета по ракетам средней дальности между СССР и НАТО, однако все они были отвергнуты советским руководством, так как не предусматривали отказа от размещения американских ракет в Европе. В конце 1983 г. США приступили к развертыванию ракет средней дальности в Европе.

В качестве ответных мер СССР рассматривал несколько вариантов — от наращивания группировки БРСД на территории восточноевропейских государств до размещения ракет *Пионер* на Чукотке.

ДРСМД: ПОДПИСАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ

Подход к решению проблемы американских ракет средней дальности передового базирования кардинально изменился в 1985 г., после прихода к власти в СССР

М. С. Горбачева. Сначала Москва в одностороннем порядке приостановила размещение своих ракет, а затем приняла и другие ответные меры в Европе. А уже весной 1987 г. Михаил Горбачев выступил с предложением о так называемом двойном глобальном нуле, предусматривавшем ликвидацию не только всех американских и советских ракет средней дальности (от 1000 до 5500 км), но и всех ракет меньшей дальности (от 500 до 1000 км). Этот вариант и был юридически закреплен в заключенном в 1987 г. бессрочном Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Ракеты средней и меньшей дальности, их пусковые установки (ПУ), имевшиеся у СССР и США, уничтожаемые по Договору РСМД:

- 1) развернутые ракеты;
- 2) неразвернутые ракеты;
- 3) всего развернутых и неразвернутых ракет;
- 4) развернутые ПУ;
- 5) неразвернутые ПУ;
- 6) всего развернутых и неразвернутых ПУ.

СССР¹

	Ракеты средней дальности					Ракеты меньшей дальности		
	РСД-10	Р-12	Р-14	РК-55	всего	ОТР-22	ОТР-23	всего
1	405	65	–	–	470	220	167	387
2	245	105	6	84	440	506	33	539
3	650	170	6	84	910	726	200	926
4	405	79	–	–	484	115	82	197
5	118	6		6	130	20	20	40
6	523	85	–	6	614	135	102	237

США²

	Ракеты средней дальности			Ракеты меньшей дальности		
	Першинг-2	BGM-109G	всего	Першинг-1А	Першинг-1В	всего
1	120	309	429	–	–	–
2	127	133	260	170	–	170
3	247	442	689	170	–	170
4	105	109	214	–	–	–
5	51	17	68	1	–	1
6	156	126	282	1	–	1

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
К
О
М

ALUMNI ПИР-ЦЕНТРА

АЛЕКСАНДР БЕДРИЦКИЙ (к.п.н., заместитель руководителя Центра евроатлантических исследований Российского института стратегических исследований):

Обвинения России в нарушении договора о РСМД, озвученные в июле 2014 г. в докладе Госдепартамента *Обязательства и их выполнение в рамках договоров по контролю над вооружениями, нераспространению и разоружению* больше напоминают *разведку боем*. В докладе не говорится ни об одном факте нарушения Россией положений договора, а заявляется лишь о неких *имеющихся сведениях*. Такой подход, основанный на *презумпции виновности*, видимо, призван спровоцировать дискуссию в российском экспертном сообществе и заставить оправдываться в нарушении договора. Тем самым в дальнейшем можно будет использовать это обсуждение для обоснования нарушений. Необходимо отметить неслучайность того, что США подняли эту тему в разгар гражданской войны на Украине и обострения отношений с Россией с Западом, ведь ракеты средней и малой дальности могут эффективно использоваться на европейском театре военных действий.

Таким образом, в процессе реализации договора СССР пришлось ликвидировать в 2 раза больше ракет, чем США (1836:859), и почти в 3 раза больше ПУ (851:283). Советские ликвидированные ракеты могли нести в 4 раза больше ядерных боеголовок, чем американские (3154:846).

Единственный вид ракет, которых США уничтожили больше, чем СССР, это КРНБ (443:80). Однако для США это не имело принципиального значения, так как они обладали многочисленной группировкой крылатых ракет морского (*Томагавк*) и воздушного (*ALCM-B*) базирования, которую к середине 1990-х гг. планировалось довести до 7000 единиц.

Степень односторонней уступчивости со стороны СССР при согласовании параметров ДРСМД наиболее наглядно продемонстрировало согласие советского руководства на уничтожение группировки из 239 новейших баллистических ракет *Ока* с дальностью в 400 км.

ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

В феврале 2012 г. на совещании с ведущими экспертами в области обеспечения национальной безопасности в Сарове В. В. Путин, бывший в то время председателем правительства Российской Федерации, впервые высказался по поводу ДРСМД: «Другие государства активно совершенствуют ракеты средней дальности, и вокруг нас практически все наши соседи развивают эти системы вооружений. Советский Союз в свое время и, естественно, Российская Федерация отказались от ракет средней дальности, подписав с США соответствующее соглашение. Это не очень понятно, так как для американцев данные системы вообще не актуальны, так как их негде применять, а для Советского Союза и для сегодняшней России, особенно с учетом того, что другие наши страны-соседи эти ударные системы развивают, такое решение было по меньшей мере спорным»³.

В 2013 г. по поводу невозможности бесконечного существования запрета на ракеты средней дальности вновь высказался С. Б. Иванов. При этом он подтвердил высказанную В. В. Путиным в Сарове мысль о том, что Соединенным Штатам этот класс ракет не нужен был ни раньше, ни сейчас, что в принципе справедливо.

В какой-то мере для США положение с БРСД и КРНБ аналогично положению с нестратегическим ядерным оружием. Ни то, ни другое не нужно Вашингтону для защиты национальной территории и пригодно лишь как средство передового базирования, что в изменившихся после окончания холодной войны условиях вряд ли столь необходимо для западноевропейских участников НАТО.

Какова же ситуация с ракетами средней дальности сегодня? За прошедшие с момента заключения ДРСМД годы ситуация с данным классом ракетного оружия кардинально изменилась.

- ❑ Шесть стран (Китай, Индия, Пакистан, Израиль, Иран, КНДР) обладают БРСД наземного базирования в ядерном оснащении.
- ❑ Еще ряд стран имеют на вооружении ракеты этого класса в обычном снаряжении.
- ❑ Попытки России сделать ДРСМД многосторонним, предпринятые в середине 2000-х гг., поддержки не нашли, что было в общем-то вполне предсказуемо.

Для России существуют два основных варианта компенсации потери потенциала ракет средней дальности наземного базирования:

- ❑ совершенствование стратегических ядерных сил;
- ❑ развертывание ракет средней дальности морского/воздушного базирования.

Каждый вариант имеет свои плюсы и минусы (минусы в основном связаны с ограничительными положениями Договора о СНВ), но в случае необходимости оба они могут быть реализованы.

Вариант с выходом из ДРСМД, как уже отмечалось выше, зондируется, но вряд ли он возможен в обозримой перспективе. Дело в том, что односторонний выход со стороны России политически нецелесообразен, а рассчитывать на поддержку этого шага со стороны США в нынешних условиях вряд ли реалистично. Более того, в последнее время Вашингтон уделяет данному договору повышенное внимание в связи с якобы ведущейся в России разработкой новой крылатой ракеты наземного базирования *R-500*.

В июле 2014 г. президент США Б. Обама написал письмо своему коллеге В. В. Путину, в котором выразил озабоченность по поводу КРНБ *P-500* (правда не очень понятно причем здесь *P-500* ибо это идентификатор оперативно-тактической ракеты *Искандер*), которая в действительности была испытана на дальность в 400 км, а также МБР *P-26 Рубеж*, которая, по американским данным, запускалась на дальность менее 5500 км. На самом деле *P-26* была испытана на дальность в 6500 км и в соответствии с положениями ДСНВ считается межконтинентальной баллистической ракетой.

Появление подобного письма можно рассматривать лишь в контексте общего нагнетания напряженности между Россией и США на фоне украинского кризиса, ибо в отличие от России американцы в действительности нарушают положения ДРСМД, в частности, как минимум, по двум позициям:

- ❑ использование двух ступеней МБР, подлежащих утилизации, в качестве мишеней, имитирующих баллистические ракеты средней дальности для испытания противоракет;
- ❑ массовое производство и применение ударных беспилотных летательных аппаратов (БЛА) *MQ-1 Predator* и *MQ-9 Reaper*.

Кроме того, США испытывают ударные БЛА нового поколения (*X-47*), что также можно трактовать как прямое нарушение ДРСМД. Дело в том, что все ударные БЛА большой дальности, строго говоря, попадают под договорное определение понятия *крылатая ракета* (пункт 2 статьи II договора), разработка которых в соответствии с договором запрещена.

В последние годы, после обнародования Вашингтоном адаптивного поэтапного плана развертывания системы противоракетной обороны в Европе определенную озабоченность у российской стороны стали вызывать его этапы, связанные с созданием системы *Иджис* наземного базирования, предусматривающей перенос универсальных пусковых установок МК-41 с кораблей (где они не попадают под ограничения ДРСМД) на сушу (в Румынию и Польшу). Эти установки могут запускать крылатые ракеты как морского, так и наземного базирования. При этом следует отметить, что КРМБ *Томагавк* мало чем отличаются от своего наземного аналога, уничтоженного в свое время в рамках выполнения положений договора.

Зная за собой данные *грехи*, американцы на протяжении многих лет всячески избегали дискуссий на тему нарушений ДРСМД.

В США понимают, что возобновление разработки и производства новых БРСД наземного базирования с военной точки зрения особого смысла не имеет, не говоря уже о дополнительной финансовой нагрузке на сокращающийся военный бюджет. Как уже отмечалось выше, наземные БРСД — это ракеты передового базирования, а уверенности в том, что европейские союзники США, равно как и их союзники в Азии (Япония и Республика Корея), согласятся на размещение таких ракет на своей территории в условиях закончившейся холодной войны и отсутствия реальной угрозы их безопасности со стороны России у американцев нет.

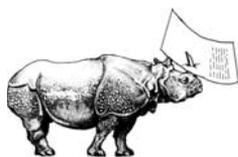
Уверен, что в обозримой перспективе ДРСМД продолжит свое действие, если только не произойдет каких-либо кардинальных изменений в области глобальной стратегической стабильности, что на сегодняшний день крайне маловероятно.

Примечания

¹ Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь под общей редакцией Дмитрия Rogozina. Москва, 2011 г., <http://www.voina-i-mir.ru/> (последнее посещение — 9 августа 2014 г.).

² Там же.

³ Выступление В. В. Путина на совещании с экспертами по ОПК и национальной безопасности — 24 февраля 2012 г. Саров, Россия.

Олег Демидов, Елена Черненко

ГРОЗНЫЙ УМ НА СТРАЖЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Из последних разоблачений бывшего сотрудника американских спецслужб Эдварда Сноудена стало известно, что США тайно разрабатывают программу *MonsterMind*, позволяющую не просто купировать кибератаки, но и в автоматическом режиме наносить ответные удары по предполагаемому агрессору. В условиях, когда атаки можно осуществлять через территорию третьих стран, а эффективных межгосударственных мер доверия в киберпространстве нет, такая программа может привести к серьезному конфликту.

ПРО ОТ КИБЕРАТАК

Получивший убежище в России бывший сотрудник АНБ и ЦРУ Эдвард Сноуден в середине августа 2014 г. в одной из московских гостиниц тайно встретился с репортерами американского журнала *Wired*. Казалось, он уже рассказал журналистам все, что знает о слежке американских спецслужб за пользователями Интернета. Однако в ходе интервью Э. Сноуден впервые поведал о разрабатываемой АНБ программе под кодовым названием *MonsterMind*. Программа должна отслеживать начало кибератак по целям на территории США и купировать их. Такие программы существуют уже много лет, но, по словам Э. Сноудена, у *MonsterMind* будет уникальная особенность: система сможет наносить ответный удар в автоматизированном режиме, т. е. без вмешательства человека.

Э. Сноуден решил рассказать о *MonsterMind* прежде всего потому, что, по его словам, принцип работы этой программы нарушает права граждан США. Дело в том, что, для того чтобы программа вычислила атаку и отбила ее, необходимо проанализировать все потоки данных. «А если мы анализируем все потоки информации, то это означает, что мы должны их все перехватить. А это, в свою очередь, означает, что мы нарушаем четвертую поправку к конституции США, которая запрещает произвольные обыски и аресты, перехватывая частные переговоры без ордера, без явной причины и даже без подозрений наличия нарушений», — пояснил он *Wired*.

Между тем такие программы, как *MonsterMind*, могут привести к куда более серьезным последствиям, чем нарушение чьего-то права на тайну личной жизни. Источники кибератаки крайне сложно отследить, поскольку диверсии могут осуществляться с использованием инфраструктуры третьих стран. Если же программа будет наносить ответные удары в автоматическом режиме, пострадать может безвинная сторона. Об этом предупреждает и сам Э. Сноуден: «К примеру, кто-то может находиться в Китае и создать видимость, что атака исходит из России. Тогда ответный удар может быть нанесен, скажем, по больнице в России. Что произойдет?».

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
К

Ущерб от такой ответной атаки может быть существенным. В 2006 г. вредоносная программа удалила информацию с серверов одной из больниц Чикаго, в результате чего работа учреждения была фактически парализована — все данные о пациентах хранились в электронном виде. В 2009 г. в результате кибератаки на один из госпиталей Далласа была надолго выведена из строя система кондиционирования — и это при температуре в +40 °С. По мере растущей компьютеризации медицинских учреждений они неизбежно будут становиться более уязвимыми для угроз из киберпространства.

В целом же, по данным Международного комитета Красного Креста, кибератаки против критически важной гражданской инфраструктуры могут оставить тысячи человек без воды, еды и электричества, а диверсии против атомных электростанций и дамб — технически они тоже возможны — могут привести к жертвам.

КИБЕРПРО В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И США

Казалось бы, России нечего опасаться в связи с появлением у США таких программ, как *MonsterMind*, поскольку в прошлом году эти страны заключили первые в мире договоренности о мерах доверия в киберпространстве, своего рода *пакт об электронном ненападении*. Речь идет о пакете из трех межправительственных соглашений «О мерах укрепления доверия в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)», подписанных президентами России и США В. В. Путиным и Бараком Обамой на полях саммита *Большой восьмерки* в июне 2013 г. Речь, в частности, идет об установлении между Москвой и Вашингтоном *горячих линий* по предотвращению перерастания киберинцидентов в полномасштабный кризис — аналоге запущенного в советское время прямого канала связи для снижения рисков в ядерной сфере.

В рамках договоренностей 2013 г. был даже задействован ключевой элемент системы предотвращения ядерной войны. Речь идет о созданных в 1987 г. национальных центрах по уменьшению ядерной опасности (НЦУЯО). Они работают круглосуточно, позволяя военным России и США уведомлять друг друга о проведении ракетных испытаний, чтобы они не были восприняты как акт агрессии, как это едва не случилось в 1983 г., когда накануне учений НАТО *Able Archer* («Опытный лучник») произошло ложное срабатывание советской системы предупреждения о ядерном нападении. Сегодня возможности этих центров параллельно используются и для взаимных уведомлений об атаках на объекты критической информационной инфраструктуры.

Линии связи и обмена информацией о компьютерных инцидентах организованы еще на двух уровнях. Первый — между кураторами вопросов национальной безопасности. Этот канал может быть задействован в случае возникновения кризисной ситуации, требующей немедленного информирования президентов. Второй — между группами экстренной готовности к компьютерным инцидентам (CERT), которые *мониторят* вредоносную активность в сетях. В июне 2014 г. спецпредставитель президента России по вопросам международного сотрудничества в сфере информационной безопасности А. В. Крутских сообщил, что эти каналы связи уже доказали свою эффективность (по его словам, они, в частности, были задействованы при подготовке к зимней Олимпиаде 2014 г. в Сочи)¹.

Между тем на разработку этих соглашений ушло почти два года. О самой сути мер доверия стороны договорились довольно быстро, но процесс затянулся из-за терминологических разногласий. США говорили о мерах доверия *в сфере ИКТ*. Россия настаивала на другой формулировке — *в сфере использования ИКТ*. Несущественная на первый взгляд разница имела принципиальное значение. Вашингтон делал упор на физической защите своих компьютерных систем, Москва же хотела обезопасить от вредоносного использования ИКТ, чтобы не стать жертвой очередного вируса типа *Stuxnet*, но одновременно и не допустить превращения новых

технологий в оружие для информационных войн. Договориться удалось только после череды хакерских атак на американские банки в августе 2012 г. (Вашингтон заподозрил в их организации Иран). В итоге в название президентского заявления вошел российский вариант формулировки, а в его текст, как и в три сопутствующих межправительственных соглашения, оба варианта.

Наряду с *горячими линиями* эти соглашения предусматривали и создание рабочей группы по сотрудничеству в киберпространстве в рамках российско-американской президентской комиссии. Предполагалось, что она займется дальнейшим усовершенствованием двусторонних мер доверия в этой сфере. Сопредседателем группы с российской стороны является замсекретаря Совбеза России С. М. Буравлев, а с американской — координатор Белого дома по вопросам кибербезопасности Майкл Дэниел. Однако из-за событий вокруг Украины США минувшей весной приостановили свое участие в президентской комиссии, заморозив и работу новой группы (ее участники успели провести лишь одно заседание).

Горячие линии по предотвращению киберинцидентов продолжают работать, несмотря на разногласия по Украине. Однако у Москвы и Вашингтона теперь по сути нет площадки, где можно было бы обсудить механизмы взаимодействия на момент, когда *MonsterMind* будет введена в строй. Ведь *горячие линии* могут предотвратить эскалацию киберинцидентов, только если решение о нанесении ответного удара по предполагаемому агрессору принимается человеком. Если, к примеру, находящиеся на Ближнем Востоке террористы *Исламского государства Сирии и Леванта* выведут из строя дамбу в США, а следы атаки будут указывать на сервер в Омске, американцы — в соответствии с имеющимися соглашениями — должны связаться с коллегами в России, прежде чем принимать решение об ответных действиях. *MonsterMind* этого делать не будет.

Особых надежд нет и на Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) — еще одну площадку для выработки мер доверия в киберпространстве. Переговоры по заключению между членами этой организации многостороннего соглашения также длились почти два года и в какой-то момент зашли в тупик из-за терминологических споров. В итоге лишь в декабре 2013 г. Совет министров ОБСЕ одобрил *Первоначальный перечень мер укрепления доверия с целью снижения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий*.

ALUMNI ПИР-ЦЕНТРА

ГАЛИЯ ИБРАГИМОВА (к.п.н., консультант ПИР-Центра):

Бархатные и оранжевые революции в странах СНГ, *Арабская весна* на востоке Украины и гражданская война на востоке Украины и противостояние России и Запада — часто эти события приводятся в доказательств того, как сильно и как часто кибер- и информационные технологии влияют на безопасность в мире. Но интернет ли виноват во всех этих событиях? Да, посредством него организовывалось общение участников революций, люди выходили на площади, отстаивали свою точку зрения. Но не кибертехнологии виноваты в изживших себя политических системах в некоторых странах СНГ, где имели место революции. Не интернет — причина убийства Муаммара Каддафи. Не на информационных технологиях лежит ответственность за то, что мир за много лет так и не приблизился к ядерному нулю. Причина всему — не холодное *железо* технологий, а сознание — не всегда чистое и отдающее себе отчет — людей, которые определяют ход событий. Кибер- и информационные технологии — это скорее проводник гениальных и ничтожных, разумных и опасных идей. В зависимости от того, в чьих руках оказываются эти технологии, они становятся *машиной смерти* или *зерном созидания*. Но мир стоял до интернета и, надеюсь, выстоит и сейчас, лишь бы человеческий разум восторжествовал!

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
К
О
М

Таких мер доверия в документе 11. В частности стороны договорились: «делиться соображениями по различным аспектам национальных и транснациональных угроз в сфере ИКТ и их использования»; «облегчать сотрудничество между национальными компетентными органами и обмениваться информацией»; проводить консультации, чтобы снизить вероятность ошибочного восприятия и возможного возникновения политической или военной напряженности либо конфликта в результате использования ИКТ и обеспечить защиту важнейших объектов национальной и международной ИКТ-инфраструктуры». Правда, все это предполагается делать на сугубо добровольной основе и лишь в той мере, в которой это комфортно каждой из сторон. От возможных негативных последствий таких программ, как *MonsterMind*, эти меры не спасут.

Российская сторона надеялась, что этот перечень — не зря он назван *первоначальным* — станет основой для выработки куда более субстантивного и обязательного к исполнению, однако из-за украинского кризиса и на этой площадке переговорный процесс застопорился. Между тем вслед за США и другие страны стремятся обзавестись программами, позволяющими отвечать киберагрессорам в автоматическом режиме. Недавно Министерство обороны Великобритании объявило тендер (на сумму £2 млн) на создание системы, по описанию похожей на *MonsterMind*.

ГЛОБАЛПРО В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Три года назад Россия начала продвигать в ООН инициативу, направленную на принятие свода норм поведения в киберпространстве (в рамках концепции конвенции «Об обеспечении международной информационной безопасности»). Среди требований Москвы — призыв предотвратить милитаризацию киберпространства. Однако пока страны обсуждали российскую инициативу (или скорее выдвигали альтернативные перечни правил), большинство технологически развитых государств начали разрабатывать не только средства киберзащиты, но и вооружения. Говорить о запрете кибероружия, таким образом, уже поздно. Но еще можно попытаться предотвратить его автоматизированное применение.

Важно понимать, что именно взаимное доверие и обмен информацией, а не сдерживание и обоюдное наращивание потенциалов представляют собой тот ресурс двусторонних и многосторонних действий, который способен сдержать нарастание риска крупных столкновений в киберпространстве, а в итоге — глобального киберконфликта. Здесь стоит вернуться к аналогии безопасности в сфере использования ИКТ и стратегической ядерной стабильности, которая обрела популярность во второй половине нулевой декады усилиями прежде всего американского экспертного и военно-управленческого истеблишмента. Подразумевалось, что столкновения с участием государств и их посредников в киберпространстве имеют свои особенности, но в целом подчиняются базовой логике сдерживания. Иначе говоря, имеется возможность управлять эскалацией конфликта, выстраивать стратегию его удержания в неких ограниченных рамках, либо, напротив, планировать и осуществлять упреждающий удар на ранней стадии, не оставляющий шансов на контрудар противнику.

На практике же вся действительность последних лет доказывает тот простой факт, что четкое управление конфликтом в киберпространстве едва ли возможно. Можно взять классический пример со *Stuxnet*, который замышлялся как предельно узконаправленное и целевое средство киберсаботажа, а в итоге после утечки в Сеть распространился (хотя и без последствий) на многие сотни устройств в разных странах мира, а также послужил базой для создания ряда вредоносных программ, включая *DuQu*. Более того, сегодня в заимствованиях функционала и концепции *Stuxnet* эксперты обвиняют уже инструментарий нового поколения, поражающий западные сети и АСУ ТП (кампания *Energetic Bear* и вредоносное ПО *Dragonfly*).

МАКСИМ СИМОНЕНКО (стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ – ВШЭ):

Программа *MonsterMind* показала, что практика может идти впереди теории в сфере кибербезопасности. До сих пор никто не научился определять реальный источник атак в киберпространстве с вероятностью 100%. Но как тогда можно создать автоматизированную систему реагирования, если даже неизвестно, кто инициировал атаку? Путем проб и ошибок в бою. Решение реальных проблем, с которыми сталкиваются люди при минимизации ущерба от кибератак, придаст дополнительный импульс к созданию инструментов идентификации источника кибератак.

Еще один фактор, в корне подрывающий возможность управления киберконфликтом с позиций управления эскалацией и сдерживания, — анонимность его субъектов. Все чаще СМИ и лица, принимающие решения, ошибаются при первой (срочной в условиях конфликта) оценке авторства атаки — взломы промышленных и финансовых сетей в Японии автоматически приписываются КНДР, хотя потом следы уводят в Китай, и т. п. Массированные, охватывающие многие десятки стран кампании кибершпионажа, увенчавшиеся похищением терабайт чувствительных данных, такие как *Red October*, после раскрытия просто растворяются в воздухе. С управляющих серверов подается команда на самоуничтожение червя в зараженных системах, большая часть цифровых отпечатков стирается крайне хитроумными модулями вредоносного ПО, и исчезает возможность не только силового или правового ответа на такую акцию, но и определения круга причастных субъектов в принципе.

Но, пожалуй, самое парадоксальное отличие использования ИКТ в стратегических и военно-политических целях от применения ОМУ — все более заметная инфляция его применения. В какой-то момент, приблизительно совпавший с первыми сообщениями о *Stuxnet*, могло показаться, что осмысление ИКТ как военно-политического ресурса движется в сторону *последнего довода королей* — средства, годящегося для случаев, когда конвенциональные средства давления, в том числе силового, недостаточны, но все же применяемого на практике в отличие от атомной бомбы. Сегодня *MonsterMind* и целый набор подобных программ, исследований и инициатив в силовых министерствах и *мозговых центрах* США, Великобритании, Израиля, Франции, Китая, России и еще многих государств — яркое свидетельство невосребованности этого сценария.

Концепция подобных разработок — ведение *проактивных* действий в киберпространстве в штатном режиме, т. е. конфликт как *modus operandi*. Вопрос о том, чем *проактивная оборона* отличается от нападения, может иметь смысл для военных аналитиков и теоретиков международных отношений, но для инженеров, программистов, задающих режим работы и спектр функций подобных систем, он отнюдь не очевиден. Как многократно отмечалось различными авторами, эффективная стратегия киберобороны невозможна без сканирования чужих сетей, выхода за рамки собственного периметра, получения доступа к третьим системам, поиска уязвимостей в чужом периметре и т. д.

Миллионы попыток обхода установленной защиты, постоянный поиск слабых мест, фиксируемый одним лишь Пентагоном в отношении своих сетей ежедневно, — лишнее подтверждение этого тезиса. Кибероружие по большей части утратило роль средства сдерживания, поскольку его техническая сущность и направление эволюции сегодня сводятся к систематическому, постоянному применению. Помимо технологии этому сильно способствуют два уже упомянутых фактора: 1) его крайне низкая ресурсоемкость, полная восполнимость, дешевизна, относительная материальная и интеллектуальная доступность; 2) крайне низкий риск несения международной (либо иной) ответственности за его применение. В итоге барьер, удерживающий политико-управленческий аппарат от принятия решения о запуске

очередной кампании кибершпионажа либо разработке и запуске в эксплуатацию очередного средства *проактивной киберобороны*, крайне размыт и неочевиден.

Означает ли девальвация принятия решений об использовании ИКТ в военно-политических целях размытие угрозы, проистекающей от таких действий? Ни в коем случае. Никто не отменил того факта, что рост зависимости критической инфраструктуры, как гражданской, так и военной, от ИКТ и Интернета, продолжается просто как закономерность технического прогресса. Достаточно упомянуть глобальный тренд на *Smart Grid*, не говоря уже о наступлении *Интернета вещей* за рамками вопросов критической инфраструктуры. Кроме того, никто еще не испытывал полные возможности киберсаботажа на практике, заимствуя терминологию американского генералитета, *цифровой Пёрл-Харбор* все еще не случился, поскольку *Stuxnet* было явно недостаточно.

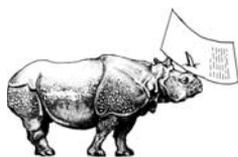
Таким образом, пока международное сообщество, несмотря на выдающиеся усилия России, в сфере использования ИКТ параллельно с ростом глобальной взаимозависимости и сотрудничества остается в состоянии, близкому к *гоббсианской войне всех против*. Что можно сделать, чтобы минимизировать стратегические риски такого формата взаимодействия, если эффективное силовое сдерживание невозможно, как и всеобщее *цифровое разоружение*? Вероятный ответ лежит в русле двусторонних российско-американских наработок и инициатив в рамках ОБСЕ — выстроить систему взаимных мер доверия с тем, чтобы сделать поведение ее участников более открытым и предсказуемым друг для друга.

Одно из слагаемых взаимной выгоды такого решения состоит в том, что даже если стороны не снимают все противоречия и не отказываются от всех попыток поиска слабых мест друг друга, страховочная сетка мер доверия по крайней мере: а) снижает риски неконтролируемой эскалации конфликта; б) повышает ресурс нейтрализации негативных действий третьих сторон. Если уж Пентагон создает автоматизированную систему ответа на кибератаки, становятся крайне востребованы человеческая коррекция и верификация ее работы, в том числе на основе данных извне. Вот здесь уместен пример ядерной эры — к идее обмена данными между НЦУЯО СССР и США подтолкнули в том числе ошибки автоматизированных систем обнаружения пусков баллистических ракет, лишь в последний момент скорректированных человеком.

Конечно, и здесь нельзя не согласиться с последовательной позицией МИД России, преимущества такого инструментария растут пропорционально числу примыкающих к нему акторов и становятся максимальными в случае реализации глобальной системы мер доверия. При этом приоритет должен уделяться, как это и происходит в случае России–США, не юридическим гарантиям безопасности, а именно техническим механизмам обмена информацией об атаках, аномалиях трафика, инцидентах компьютерной безопасности и т. д. Проблематика использования ИКТ в контексте международной безопасности еще ждет своего Джона Нэша и убедительной теории взаимовыгодных игр в киберпространстве, но, как представляется, взаимные меры доверия должны занять в ней важное место. 🐾

Примечания

¹ Мы за интернационализацию управления Интернетом. *Газета Коммерсантъ*, 16 июня 2014 г., <http://kommersant.ru/doc/2492013?isSearch=True> (последнее посещение — 2 августа 2014 г.).

Иван Сафранчук

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГРОЗ ВНУТРЕННЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Последние 10 лет страны постсоветского пространства, в том числе в Центральной Азии, находились под постоянной угрозой *цветных революций*. США, как минимум, поощряли прозападные элиты в разных странах приходить к власти. Некоторые эксперты считают, что дело не ограничивалось только моральным поощрением, а имело место прямая поддержка. По крайней мере информационно-пропагандистская.

Городские послевыборные бунты образованной молодежи и части среднего класса поначалу застали врасплох правящие элиты многих стран. И первая волна *цветных революций* смела потерявших бдительность и не готовых к жестким контрмерам лидеров: Э. Шеварнадзе (в 2003 г.), В. Януковича (который выступал как наследник Л. Кучмы в 2004 г.), А. Акаева (в 2005 г.). Каждый год по перевороту. В дальнейшем темпы могли быть еще выше. Однако правящие режимы на постсоветском пространстве достаточно быстро нащупали и в дальнейшем усовершенствовали методы противодействия *цветным революциям*. Естественно, это стало возможно только за счет сужения свобод и демократических процедур, еще большего ужесточения контроля выборов. Результат получался ровно противоположным тому, что задумывалось: прозападные либеральные круги не только не получали власть, но и подвергались еще большему давлению со стороны властей, так сказать *на дальних подступах к выборам*.

Готовность к жестким действиям — главное условие для противодействия городским бунтам. Попытки массовых протестных акций жестко пресекались в Азербайджане, Узбекистане, Казахстане. Стало понятно, что искушенных политиков этих стран уже не пугают тысячные толпы, выходящие на протестные акции, они уверены в своих силах и могут подавить недовольных.

Да и в странах успешных *цветных революций* дела шли не лучшим образом. Самый провальный эксперимент имел место в случае с Украиной. Герои *оранжевой революции* погрязли в политических дрязгах, коррупционных скандалах и по сути не справились с текущими задачами государственного управления ни в политической ни в экономической сферах, в результате уступив власть на выборах. *Режим Бакиева* в Кыргызстане, глубоко погрузившийся в коррупционное болото, потерпел экономическое фиаско, а попытка спасти положение за счет разыгрывания геополитических комбинаций провалилась.

Относительно успешно на украинском и киргизском фоне выглядел режим М. Саакашвили. В стране были проведены форсированные и небезуспешные экономические реформы. Однако в социальной сфере реформы слишком обгоняли по своим темпам процесс эволюции грузинского общества, а в политической области М. Саакашвили с течением времени только тратил свой политический

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
О

капитал, сужал круг своих сторонников, но не приобрел новых. Примечательно, что и в этом случае была попытка спасти все за счет геополитической игры, но она также провалилась. После чего М. Саакашвили стал обузой даже для своих вчерашних покровителей, в результате чего в последний период своего пребывания у власти он стремительно терял доступ к правящим элитам в США и Европе.

Волна *цветных революций* разбилась о жесткость устоявших режимов, но она не прошла бесследно. Она всколыхнула общественную и политическую жизнь, и, как случается в политике, вызвала не вполне предсказуемый эффект: получили развитие социальные и политические тенденции, которые можно назвать *традиционной контрреволюцией*.

Нельзя забывать, что в большинстве стран постсоветского пространства общества остаются преимущественно традиционными по своим социально-политическим взглядам и общей ментальности. В обществах сильны традиционные связи и ценности, причем это справедливо не только для сельской местности, но и для городов. Процесс неорганизованной миграции из неблагополучных сельских районов в город протекает стихийно. Города оказались не готовы к приему новых горожан. В результате они и не становятся горожанами, они используют только экономические возможности города, но не пользуются по назначению его социальной и культурной средой. В сухом остатке эти новые горожане не поднимаются в своем социальном и культурном развитии до нормальных горожан. Имеет место обратный процесс — города деградируют до уровня этих новых горожан.

На этом фоне сильным фактором является развитие ислама в странах Центральной Азии. Новые горожане, оторванные от своих традиционных сетевых структур солидарности в кишлаках и аулах, частично воссоздают их в городах, но в еще большей степени тянутся к городским исламским проповедникам. В мечетях (причем далеко не всегда официальных) они находят поддержку. В результате стихийная урбанизация сильно способствует исламизации (в том числе и в радикальных формах).

Все это вместе — и традиционное негородское общество, и новые традиционалистски настроенные горожане — создало спрос на *контрреволюцию традиционных ценностей*.

Этому способствовало еще и то, что первой реакцией правящих режимов в ответ на угрозу *цветных революций* (бунтов либеральной городской молодежи и части среднего класса) было решение мобилизовать в свою защиту не только узкий слой правящей элиты и бюрократический аппарат, но и массу простых людей, разделяющих традиционные ценности.

Волна *цветных революций* в Центральной Азии захлебнулась. Ее менеджеры в западных странах снизили свою активность. Как следствие, правящие режимы в странах Центральной Азии в последние годы получили передышку. Создается такое впечатление, что многим представителям правящих элит в этих государствах даже стало стыдно за свою первоначальную растерянность и страх, причем они маскируют этот стыд своеобразным бахвальством. В последние годы часто можно встретить такие рассуждения: мол, вся угроза *цветных революций* — это *российская страшилка*, Москва хочет держать правящие режимы под контролем и запугивает их мнимой *цветной угрозой*. Западные партнеры подыгрывают этим настроениям. Остается только надеяться, что это первая эмоциональная реакция после возможности расслабиться. Ведь были и страх, и растерянность на фоне первой волны *цветных революций*, и угроза не казалась тогда мнимой. Да и власть в Киеве, Тбилиси и Бишкеке поменялась не виртуальным образом, а силами тысяч людей, готовых к штурму госучреждений и противостоянию с органами правопорядка.

Лишь в немногих странах постсоветского пространства осталась социальная база для радикальных внутривнутриполитических изменений демократического толка.

Страны Центральной Азии, очевидно, к этой категории не относятся. В государствах этого региона зреет база для совсем других радикальных внутривнутриполитических изменений. Настоящие угрозы исходят от радикальных религиозных движений, и по сравнению с ними протесты городской молодежи, интеллигенции и либералов кажутся достаточно безобидными.

Соответственно и менеджеры у новых протестов будут другие. В этой связи события, происходящие на Ближнем Востоке, имеют непосредственное отношение к странам Центральной Азии. Там США дали свободу действий своим основным региональным партнерам — Саудовской Аравии, Катару и частично Турции. Эти страны развернули активную деятельность. Для них не возникает никаких морально-этических или политических ограничений прямой поддержке оппозиционных вооруженных групп, причем порой действуют они даже жестче, чем США.

Ближний Восток — это только первый раунд соперничества за влияние в мусульманском мире, которое разворачивается между Саудовской Аравией, Катаром, Турцией и Ираном. Есть риск того, что Центральная Азия в целом и каждая страна региона в отдельности могут также стать ареной этого соперничества — во всех странах региона для этого есть социально-культурные и политические предпосылки.

НАТАЛЬЯ ХАРИТОНОВА (к.и.н., преподаватель кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова):

Международные и региональные исламистские организации последовательно используют территории государств Центральной Азии для ведения пропагандистской и подрывной работы на территории третьих государств, в том числе России. На территории Таджикистана и Киргизии имеются перевалочные базы боевиков и схроны оружия, которое может быть переброшено практически в любую точку региона и использовано на территории третьих государств. И, естественно, регион используется в качестве вербовочной базы, в том числе для вербовки террористов-смертников. Учитывая крайне низкий уровень жизни населения, катастрофический уровень коррупции и слабый контроль периферийных районов республик, что особенно четко прослеживается в Ферганской долине, данные тенденции имеют большой потенциал к разрастанию.

СТАЖИРОВКА В ПИР-ЦЕНТРЕ — ШАГ НАВСТРЕЧУ УСПЕШНОЙ КАРЬЕРЕ

Мы предлагаем:

- Стать частью современного института, осуществляющего научно-исследовательскую, информационную и образовательную деятельность в сфере международной безопасности;
- Интересную и напряженную работу в творческом и энергичном коллективе;
- Активное взаимодействие с десятками партнеров в России и за рубежом.

«Стажировка в ПИР-Центре — это ответственность, самостоятельность и атмосфера. Ответственность за то, что ты делаешь в практической деятельности и в теоретических изысканиях. Самостоятельность выбора, во многом даже познание и формирование своих научных интересов. Атмосфера доброжелательного, заинтересованного, продуктивного коллектива».

**Роман Устинов, второй секретарь Постоянного Представительства
России при международных организациях в Вене**

Информацию о программе стажировок в ПИР-Центре можно получить на сайте internship.pircenter.org или у координатора проектов ПИР-Центра Екатерины **Сизиковой** по электронной почте: sizikova@pircenter.org

ОТ КОПИРОВАНИЯ К ФОРМИРОВАНИЮ МИРОВЫХ СТАНДАРТОВ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КНР

Барабанов М. С., Кашин В. Б., Макиенко К. В.
Оборонная промышленность и торговля вооружениями
КНР. Центр анализа стратегий и технологий,
Российский институт стратегических
исследований. М., 2013. 272 с.

Рецензия — Андрей Губин

На протяжении всего XX в. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) приобретал все более значимую роль в мировой экономике и политике. В начале XXI столетия новые региональные процессы становятся стимулом для трансформаций в макро-региональном комплексе *Большой Восточной Азии*, что оказывает существенное влияние на глобальный политический процесс¹.

Современная обстановка в Восточной Азии характеризуется ограниченной стабильностью. Несмотря на интенсификацию многосторонних процессов по укреплению безопасности, конфликтный потенциал региона растет. Главным образом это связано с обретенным Китаем статусом крупнейшей экономики мира, стремящейся обезопасить свои морские коммуникации и энергетические артерии, что чревато конфликтами с Соединенными Штатами, Японией и Индией². На положение дел в данном регионе также накладывают отпечаток территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, и экономическая конкуренция между государствами региона.

Сегодня фактором, определяющим обстановку в АТР и существенно влияющим на глобальный политический процесс, являются американо-китайские отношения. При этом в условиях всемерного уменьшения американского присутствия в регионе Китай становится одним из *ответственных акционеров*, которому так или иначе придется обеспечивать безопасность в Восточной Азии. Пекин постепенно вырабатывает *modus operandi* в качестве *великой державы* глобального уровня, при этом помимо набирающей обороты *мягкой силы* во внешней политике и экономической дипломатии он склонен полагаться на традиционную военную силу.

Среди военно-политического руководства Китая популярна концепция *цзюэсе чжуансинь* (смены политических ролей), согласно которой статус государства на региональной или глобальной арене может измениться под воздействием двух причин. Первая — неудовлетворенность государства своей ролью в сообществе, отведенной ему другими его членами. Вторая — несоответствие внешних или внутренних факторов действительному положению государства. В обоих случаях статус может быть скорректирован с помощью комплекса методов, в том числе военного характера³. При этом китайская оборонная промышленность за 10 лет совершила беспрецедентный технологический рывок, позволивший начать широкомасштабную программу модернизации всех видов и родов Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Несомненно, приобретение Китаем новых возможностей в сфере обороны отразится и на политическом поведении государства.

В этой связи значительный интерес представляет коллективная монография, выпущенная Центром анализа стратегий и технологий и Российским институтом стратегических исследований *Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР*.

Сильной стороной работы следует признать профессиональный коллектив авторов — ведущих российских специалистов в области исследования вопросов экспорта вооружений и военной техники (В и ВТ). Стоит отметить, что первоначально увидела свет англоязычная работа *Shooting Star: China's Military Machine in the 21st Century*, представляющая собой аналитический доклад центра⁴.

Оборонная промышленность и торговли вооружениями КНР — полновесный справочник, содержащий информацию по современному состоянию военно-промышленного комплекса (ВПК) Поднебесной и системы военно-технического сотрудничества (ВТС) с иностранными государствами.

В первой главе содержится общее описание оборонной промышленности Китая, включая структуру государственного управления отраслью, обзор ключевых предприятий ВПК и целевых ее сегментов. Данная часть работы, несмотря на обзорный характер, крайне полезна для формирования общего представления о состоянии китайской оборонки и основных тенденций ее развития. Обращает на себя внимание проработка вопросов управления военной промышленностью со стороны государства с точки зрения экономической эффективности, успешности менеджмента, системы обучения и подготовки специалистов. Ряд положений, несомненно, будет полезен для выявления конкурентных преимуществ и недостатков китайского ВПК перед российским или американским. Вместе с тем помимо фактического описания нелишне было бы включить и проблемно-аналитическую часть для понимания китайского опыта и выявления тенденций развития с учетом имеющихся сложностей.

В целом данная часть работы не имеет аналогов на русском языке, базируется на оригинальных китайских источниках, а также на материалах докладов американских экспертов и представляет значительный научный и практический интерес.

Вторая глава посвящена вопросам ВТС КНР с зарубежными государствами. Авторы отмечают, что циклы массового импорта вооружений сменялись фазами не менее масштабного экспорта на базе достигнутого за счет иностранных технологий прогресса. Специфика ВТС КНР обусловлена и так называемым *квазиблокадным* состоянием, возникшим после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь (с. 135–136).

Значительное место уделено истории и современному состоянию российско-китайского сотрудничества в данной области. Долгое время Китай потреблял от 40 до 60% российского военного экспорта, после периода спада в начале 2000-х Пекин снова возвращает себе позиции крупного покупателя российских вооружений, делая ставку на наиболее технологически совершенные образцы. Однако обращает на себя внимание отсутствие ссылок на надежные источники в данном разделе, а также чрезмерно краткое обоснование выводов при анализе российско-китайского военно-технического сотрудничества (с. 157–158). Впрочем, это обусловлено специфичностью темы, и заинтересованные специалисты традиционно испытывают затруднения при ее изучении. Некоторые исторические аспекты удачно раскрыты, например, в работе С. Н. Гончарова, выпущенной Институтом востоковедения РАН⁵.

Анализ современного состояния российско-китайского ВТС, проведенной авторами коллективной монографии, крайне полезен для выявления специфических проблем двусторонних отношений, а также влияния наших технологий и образцов В и ВТ, переданных Китаю, на климат безопасности в АТР.

Вопросы сотрудничества Пекина с другими экспортерами слабо представлены даже в западных изданиях ввиду неоднозначного политического окраса темы. Фактически процесс модернизации НОАК с опорой на иностранные (не российские) технологии стал необратимым, и сами западные компании достаточно активно использовали для передачи образцов и технологий *серый канал* в виде Израиля. Таким образом, Россия не несет никакой ответственности за рост военной мощи Китая и никак не могла бы ее предотвратить ограничительными мерами, подчеркивают авторы (с. 159–160). Более того, именно страны Запада и прежде всего США продемонстрировали полную неспособность к проведению скоординированной политики в отношении с КНР в военной области (с. 177). Вероятно, особенности ВТС европейских государств с Китаем можно перенести и на политику США и их союзников в отношении Пекина — в обоих случаях главенствуют *двойные стандарты* при отсутствии единой разумной линии.

В третьей главе авторы провели многоспектральный анализ поведения Китая на мировом рынке вооружений в качестве одного из ведущих экспортеров. По их мнению, первоначально ВТС КНР с зарубежными странами подчинялось идеологическим целям при слабой экономической мотивации (с. 190), однако постепенно экспорт вооружений стал мощным инструментом внешней политики страны, которая успешно использует свой *незападный и непророссийский* имидж.

Китай традиционно не публикует сведений о своем военном экспорте. В этой связи даже содержащаяся в разделе оценочная информация, основанная на анализе разрозненных источников, представляет значительную ценность. Авторы дали перечень образцов как поставляемых, так и предлагаемых на мировом рынке, оценив их конкурентоспособность. Также в данной части книги содержится описание особенностей сделок Китая с иностранными государствами в различных регионах по поставкам В и ВТ. Безусловно, данную часть, а также раздел, посвященный национальным разработкам, существенно украсила бы более детальная техническая информация с указанием тактико-технических характеристик, приведением иллюстраций и схем техники, информации о поступлении техники в войска и ее службе в НОАК и армиях других стран. Беспорно, это вызвало бы значительный информационный перегруз работы, потому, возможно, потребуется издание отдельного справочника по данным вопросам.

Развитие китайского ВПК все еще идет по пути заимствования и адаптации к местным условиям иностранных достижений, качество китайских разработок все еще остается неудовлетворительным (с. 270). Вместе с тем Пекину удалось достичь существенной степени автономности в сфере военной промышленности, а также значительного уровня унификации с гражданской продукцией, что положительно сказывается на экономическом росте страны.

Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР в большей мере посвящена военно-техническим аспектам, и читателю придется достраивать политический срез самостоятельно. Работа с монографией требует специальных знаний и умения ориентироваться в актуальной международной и региональной проблематике. Справочник фактически написан на стыке дисциплин и наиболее эффективно может использоваться как профессионалами, так и начинающими экспертами в комплексе с изданиями по современным международным отношениям в Восточной Азии, политическим и экономическим аспектам развития КНР.

Коллективный труд аналитиков Центра анализа стратегий и технологий — возможно, лучший на сегодня аналитический обзор на русском языке всех аспектов развития ВПК Китая и особенностей использования военно-технических связей как политического инструмента.

Примечания

¹ См.: «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации/ Под общ. ред. А.Д. Воскресенского; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО, 2010. С. 6.

² Там же. С. 22.

³ Гурулева Т.Л., Макаров А.В. Китай: многостороннее сотрудничество в системе безопасности Северо-Восточной Азии (Россия, США, РК, Япония, Монголия, КНДР). М.: Юрист. 2011. С. 76–90.

⁴ Barabanov, M., Kashin, V., Makienko, K. Shooting Star: China's Military Machine in the 21st Century. East View. 2012.

⁵ Гончаров С.Н. Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во второй половине XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 312 с.

Security in a World without Nuclear Weapons: Visions and Challenges. Geneva Centre for Security Policy, David Atwood and Emily J. Munro, 2013.

В дискуссиях о запрете использования оружия массового поражения и растущем риске ядерной войны все большую популярность набирает так называемый гуманитарный подход, где особое внимание уделяется негативным последствиям использования ядерного оружия. Он дал новый импульс поиску дальнейших путей реализации концепции *глобального нуля*, провозглашенной в декабре 2008 г. на учредительной конференции одноименного движения в Париже. «Задавать вопросы, на которые мы пока не в состоянии найти достойные ответы, — непостоянная задача», — пишет Бенно Лаггнеро член авторского коллектива из *Женевского центра политики безопасности (GCSP)*.

В докладе *Безопасность в мире без ядерного оружия: перспективы и вызовы*, опубликованном центром в 2013 г., семь ведущих экспертов попытались представить, как будет выглядеть безъядерный мир? Как в нем будет поддерживаться глобальная безопасность? Какие институты нужны для предотвращения конфликтов между крупными геополитическими игроками? Какое место в нем будет отводиться простому и интеллектуальному оружию?

В книге рассматриваются три элемента, лежащие в основе нового миропорядка: механизмы, регулирующие отношения между главными мировыми державами, создание новых или реформирование уже существующих международных институтов, препятствующих возникновению глобальных конфликтов, а также регулирование распространения нового оружия с учетом развития технологий.

Данный исследовательский проект был запущен в Женеве в июне 2012 г. в ходе обмена мнениями между экспертами со всего мира, а на двухдневной консультации в мае следующего года авторы проекта вновь встретились для обсуждения идей, составивших основу данного издания. В него вошли доклады Уорда Уилсона (США), Роберта Грина (Великобритания/Новая Зеландия), Моника Херц (Бразилия), Харальда Мюллера (Германия), Андрея Загорского (Россия), Ву Чунси (Китай) и Раджеша Раджагопалана (Индия).

Семь докладов представляют самые разные, порой даже противоположные точки зрения на природу сдерживания и на то, как оно может осуществляться в безъядерном мире. Хотя каждый эксперт убежден в необходимости сокращения ядерного оружия, не все считают, что этого будет достаточно для смещения мирового баланса сил и конкуренции между ведущими государствами. Например, по мне-

Е
Ы
Н
Ж
И
Н
О
К

нию Раджеша Раджагопалана, уничтожение ядерных запасов, хоть и принесет некоторую пользу, вряд ли увеличит глобальную безопасность и стабильность. По-разному эксперты смотрят и на то, какие культурные и этические факторы будут определять новые правила игры.

Искушенному читателю доклад может показаться несколько наивным и идеалистичным, однако не стоит забывать, что создатели изначально ставили перед собой весьма непростую задачу. Если вопрос разоружения ставится на повестку дня постоянно, далеко не каждый найдет смелость строить прогнозы на далекое будущее, абстрагируясь от нынешних реалий.

Даже если предложенные точки зрения не покажутся вам реалистичными, книга даст богатую почву для размышлений, поможет сформировать свое видение будущего мира и выявить трудности, с которыми мы, возможно, столкнемся на нелегком пути к миру, где нет места ядерному оружию.

Евгения Дорофеева

Terrorist Financing (Terrorism Book 1). National Commission on Terrorist Attacks, 2013.

Данная работа написана членами Национальной комиссии по террористическим атакам и представляет собой результат анализа событий 11 сентября 2001 г. В сочетании с итоговым докладом Комиссии книга *Terrorist Financing* представляет на суд общественности результат исследований о том, каким образом изменилась политика в отношении противодействия финансированию терроризма.

В целом в работе сделана попытка дать ответ на два важных вопроса: какими источниками финансирования пользовалась *Аль-Каида* и почему контрмеры американских структур безопасности оказались бессильны перед атакой 11 сентября.

Основной акцент в работе делается на то, что историю борьбы с финансированием терроризма как в государственных, так и в глобальных масштабах можно разделить на два этапа: до событий 11 сентября и после. Если до террористического удара кооперация спецслужб в этом направлении шла медленно из-за высокого уровня бюрократизации и стремления сохранить свои тайны, то после можно отметить крайне активный и продуктивный скачок в сторону межведомственного сотрудничества.

В книге развенчивается важный миф об источнике финансирования *Аль-Каиды*. Если в свое время все были уверены, что подготовка террористов и операций организовывалась за счет миллиардного состояния Усамы бен Ладена, то в результате расследований комиссии выяснилось, что его доля наследства была продана, а террористическая деятельность *Аль-Каиды* в основном осуществлялась за счет пожертвований.

Еще один вопрос, который неизбежно появляется в связи с темой финансирования терроризма: если речь идет о переводе денежных средств, то почему финансовые структуры и системы безопасности провалились? Ответ, который дают авторы, прост: во-первых, перевод денежных средств осуществлялся небольшими суммами, которые не выделялись из общего потока, во-вторых, часть средств перевозилась наличными.

Если говорить о значимости книги, она, несомненно, высока. Работа, проделанная авторами, проливает свет на ряд важных моментов, включая источники финансирования террористов, причины сложного, *со скрипом*, взаимодействия структур безопасности, а также раскрывает схемы отмывания денег на примере ряда организаций, которые этим занимались.

В то же время в книге часто повторяются одни и те же мысли, сформулированные в разных видах, что наталкивает на мысль, будто читателя не просто стараются убедить в чем-то, а заставить думать именно так, а не иначе.

В целом, если не акцентировать на этом внимание, в книге представлен крайне полезный анализ того, как выстраивается и работает современная система противодействия финансированию терроризма. 🐘

Кристина Кучеева

Титаренко М. В. Россия и Китай. Стратегическое партнерство и вызовы времени. Москва: ФОРУМ. 2014. 224 с.

В данной книге академик Российской академии наук, профессор, член Научного совета при Совете безопасности Российской Федерации, директор Института Дальнего Востока РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации М. В. Титаренко продолжает комплексное изучение актуальных геополитических проблем развития безопасности Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В частности автор преследует цель показать многогранное глобальное значение стратегического партнерства и взаимодействия России и Китая, которое приобретает всеобъемлющий характер с 2010 г.

Тематически в данной работе можно выделить три раздела, причем в каждом из них современный этап российско-китайских отношений рассматривается как с позиции каждой стороны, так и в рамках различных международных структур и организаций. Одной из основополагающих идей данной работы является то, что АТР становится одним из основных полюсов, формирующих новый миропорядок, поскольку сосредотачивает мощный потенциал политических, экономических и людских ресурсов.

В первом разделе автор обосновывает необходимость тесного взаимодействия двух держав тем, что непосредственное сотрудничество с Китаем имеет принципиально важное значение для реализации экономической стратегии России, модернизации российской экономики и интеграции в экономическое пространство АТР. Автор видит решение задачи модернизации экономик регионов Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири в использовании богатейшего потенциала этих регионов для удовлетворения растущего спроса стран Азии на энергоносители и другие ресурсы. Российско-китайское стратегическое партнерство и сотрудничество не только создает благоприятные условия для развития обеих стран, но и играет стабилизирующую роль в глобальном плане.

Во втором разделе книги идет речь о российско-китайском взаимодействии в диалоговых структурах РИК и БРИКС, которые демонстрируют приверженность инструментам *мягкой силы* и межцивилизационного диалога и способствуют устранению дисбалансов на международной арене.

Третий раздел книги посвящен исключительно внутривнутриполитической жизни Китая: специфике строительства китайского социализма и анализу решений, принятых на XVIII съезде Коммунистической партии Китая.

Данная работа обосновывает важность и приоритетность российско-китайского партнерства, предлагает определенный сценарий возможной модели развития двусторонних отношений. Китай показан М. Титаренко как один из самых близких и надежных партнеров России, а мнения о так называемой китайской угрозе, китайской экспансии в Сибири называются безосновательными. Как и в предыдущих своих работах, автор призывает активно использовать методы народной дипломатии для развития российско-китайских отношений. 🐘

Кристина Апшай

Е
Ы
Н
Ж
И
Н
О
К

Mark Lynas, Nuclear 2.0: Why a Green Future Needs Nuclear Power. Kindle Edition, 2014.

Атомная энергетика является *ключевым* компонентом эффективного сокращения выбросов углерода и предотвращения наиболее катастрофических последствий изменения климата. В апреле 2014 г., впервые после аварии на АЭС Фукусима 2011 г., в своем Базовом плане развития энергетики Япония продолжила признавать важность и стабильность ядерной энергетики и необходимость возобновления работы ядерных реакторов в стране. При росте усилий, направленных на создание более безопасного способа выработки энергии, государства будут осуществлять энергетическую политику, отдавая приоритет возобновляемым источникам энергии. Однако государства, которые в своей энергетической политике не придают большого значения атомной энергетике, в конечном счете не будут успевать сокращать выбросы углерода, достаточные для того чтобы смягчить последствия изменения климата.

Автор книги *Nuclear 2.0: Why a Green Future Needs Nuclear Power* Марк Линас — эколог и человек антиядерных убеждений. Линас был одним из участников документального фильма *Обещание Пандоры* 2013 г., и данная книга продолжает его. Он стал критически относиться к ядерной энергетике начиная с 2005 г., и с этого момента его рецепт более чистой планеты включает использование солнечной энергии, энергии ветра и раскрытие значительной роли ядерной энергии. Линас считает, что он способствовал снятию негатива и некоторых заблуждений, связанных с ядерной энергетикой. Цель этой книги состоит в том, чтобы убедить лоббистов и общественность в необходимости ядерной энергетики. Отражая риторику антиядерной эпохи и сравнивая первоначальные страхи ядерной войны с современной и актуальной опасностью глобального изменения климата, Линас предупреждает читателей от последствий *мира, свободного от ядерной энергии*.

Аргументы, которые создают основу проядерной позиции автора, заключаются в том, что атом — это надежный источник энергии, который может обеспечить целую страну энергией без выбросов углекислого газа. Книга направлена на устранение страхов перед атомной энергетикой, связанных с недостаточной безопасностью при переработке ядерных отходов и возможностью распространения ядерного оружия. Важно отметить, что первые два пункта рассматриваются более детально в отличие от последнего.

Первую и завершающую части автор посвящает описанию той непростой судьбы, которую ждет мир в случае замедления развития атомной энергетики. Если ограничить повышение температуры до приемлемых 2°C, по рекомендации Линаса, то к 2030 г. количество ядерных реакторов должно удвоиться. Несмотря на то что в процессе добычи и переработки урана, а также в ходе строительства электростанций производятся выбросы углерода, данное явление носит непостоянный характер при работе АЭС.

Линас утверждает, что лучший способ обеспечивать безопасность реакторов — не продлевать жизнь старых АЭС, а развертывать следующее поколение атомных электростанций, которые содержат изначально более совершенные механизмы безопасности. Автор акцентирует внимание на преимуществах в обеспечении безопасности реакторов на быстрых нейтронах интегрального типа, демонстрируя достижения в механизмах безопасности современных реакторов 3-го и 4-го поколений.

В то же время, говоря о плюсах реакторов на быстрых нейтронах интегрального типа, автор успешно избегает проблем безопасности и нераспространения, связанных с ними: возможность возникновения пожаров натриевого теплоносителя, и тот факт, что ядерные материалы, входящие в ядерное топливо, могут быть использованы снова, что позволит применять данные реакторы для производства большего количества плутония, включая оружейный.

В своей книге автор стремится развеять заблуждения о радиации. Линас считает неверным заявление об опасности и вредности радиации. Ископаемые источники энергии, по его мнению, например уголь, выпускают оксиды, токсины и другие твердые частицы в атмосферу, что значительно опаснее для здоровья человека, чем атомная энергия. Линас утверждает, что ядерная энергия на самом деле спасает жизни посредством уменьшения выбросов углекислого газа и очень мало влияет на естественный фон радиации. Выбирая факты из отчетов Научного комитета ООН по действию атомной радиации и Всемирной организации здравоохранения, которые совпадают с его аргументами, Линас утверждает, что радиационное облучение, болезни и смерть, связанные с авариями в *Чернобыле* и *Фукусиме*, сильно преувеличены.

Линас заключает, что все отходы находятся под контролем и не представляют никакой реальной опасности для окружающей среды. Хотя он и упоминает, что в США ядерные отходы хранятся в контейнерах толстостенного сухого хранения на площадке, он не затрагивает политических препятствий сохранению хранилища и то, что сохранение отходов на территории АЭС является непостоянным. Кроме того, его заключения о том, что такие продукты ядерного деления как стронций-90 и цезий-137 исчезают в течение нескольких столетий, а не 1000 лет, в геологических хранилищах едва ли могут повлиять на настроенного против атомной энергетики читателя.

Линас признает, что высокие затраты являются главным препятствием для строительства новых ядерных реакторов. Несмотря на то что автор признает возможность политических и экономических рисков, он не совсем корректно определяет ответственную сторону. Строительство является наиболее дорогостоящей частью всего проекта, и инвесторы не имеют возможности получить доход от вложений до тех пор, пока реактор не заработает. Чем больше устанавливается правил и изменений в регулировании, тем медленнее происходит процесс запуска реакторов и, следовательно, увеличиваются финансовые затраты. Линас предлагает упростить строительство малых реакторов и удешевить труд, но не отвечает на вопрос, как повысить эффективность национальных регуляторов и сократить их процедуры.

В попытке убедить читателей, что атомная энергетика является неизбежной частью *зеленого* будущего, Линас обходит проблемы, существующие в сфере атомной энергетике. Да, *зеленое* будущее действительно нуждается в атомной энергетике. И да, при удвоении количества атомных реакторов в мире существует вероятность предотвращения изменения климата. Но он стремится избежать упоминания недостатков с точки зрения безопасности, распространения и возможных неблагоприятных последствий для здоровья, обращается к источникам таких организаций, как *Гринпис* и *Международное энергетическое агентство*, игнорируя материалы *Международного агентства по атомной энергии*. Существуют сильные аргументы в пользу атомной энергии, но общественность и эксперты должны быть в курсе всех плюсов и минусов, чтобы сделать свои обоснованные выводы. 🐘

Сара Норрис

Ramesh Thakur and Gareth Evans, eds., Nuclear weapons: the state of play (Canberra: Centre for Nuclear Non-Proliferation and Disarmament, 2013), 269 pp.

В 2013 г. из печати вышла книга, которую так долго ждало сообщество *нераспространцев Nuclear weapons: the state of play* или, в переводе на русский язык, *Ядерное оружие: текущее состояние*. Это не просто доклад, касающийся разоружения и нераспространения на современном этапе, это некий сборник, который дает ответ на любой вопрос, затрагивающий ключевые моменты данной проблематики начиная с 2010 г. Авторы работы — директор Центра разоружения и нераспространения ядерного оружия Австралийского государственного университета Рамеш Такур и президент Австралийского национального университета Гарет Эванс.

Е
Ы
К
Н
Ж
И
В
Н
О
Н

Книга состоит из двух частей: в первой рассматриваются четыре аспекта, на которых основывается режим — ядерное разоружение, нераспространение, безопасность и мирное использование атомной энергии. Во второй части содержатся направленные на поддержку и укрепление режима нераспространения ядерного оружия обязательства и оцениваемые авторами по незамысловатой шкале рекомендации, принятые на Обзорной конференции 2010 г., саммитах по ядерной безопасности 2010 и 2012 гг. и в докладе Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению 2009 г.

Работа начинается с краткого обзора состояния важнейших для режима нераспространения направлений на 2013 г. Например, авторы констатируют, что после Обзорной конференции 2010 г. в области создания зон, свободных от ядерного оружия, прогресс отсутствовал — новые зоны не создавались. Конференция по созданию зоны, свободной от ядерного и других видов оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке была отложена на неопределенный срок, а вот в сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии удалось добиться значительных успехов: большинство связанных с этим обязательств, принятых на Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. и рекомендаций Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению 2009 г. было реализовано.

Книга продолжается подробным обзором различных областей режима, начиная от Договора о нераспространении ядерного оружия и роли МАГАТЭ и заканчивая случаем Северной Кореи и чувствительными технологиями для гражданского применения. В графиках и таблицах сравниваются данные о количестве хранилищ ядерных отходов в ядерных государствах или количестве ядерных взрывов с 1948 по 2012 г. и о статусе выполнения того или иного параграфа Резолюции 1540 или расходах той или иной страны на создание атомного оружия.

Вторая часть содержит информацию об успехах и провалах рекомендаций, которые были даны в 2010–2012 гг. Если обещания, данные на саммитах по ядерной безопасности четко выполняются, то План действий, принятый на Обзорной конференции ДНЯО, лишь на 2/3 можно расценить как успешно реализуемый, а рекомендации, содержащиеся в докладе Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению, практически не принимаются во внимание мировым сообществом, возможно, из-за того что не несут обязывающего характера.

До Обзорной конференции 2015 г. еще есть время и, возможно, оценка некоторых пунктов как *no progress* изменится на *significant progress* или *fully implemented*. Однако уже сейчас можно сказать, что до сих пор не все ядерные государства ратифицировали ДВЗЯИ, несмотря на то как эмоционально выражалась важность данного шага на Обзорной конференции 2010 г. Также не была проведена запланированная на 2012 г. Конференция по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке. Будет ли полностью выполнен план действий, сказать трудно, однако это вполне возможно.

Авторам книги Рамешу Такуру и Гарету Эвансу удалось преподнести объемный фактический материал в легкой для чтения форме, приправленной подробными информативными графиками. Именно здесь собраны все важнейшие данные в области ядерного нераспространения на данный момент.

В 2015 г. перед Обзорной конференцией авторы планируют выпустить еще один подобный доклад, который, без сомнения, позволит наиболее полно оценить усилия государств в сфере нераспространения между 2010 и 2015 г.

Екатерина Сизикова

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С 20-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ ПИР-ЦЕНТРА ПРОДОЛЖАЮТ ПОСТУПАТЬ

Уважаемый Владимир Андреевич,

Примите искренние поздравления по случаю 20-летнего юбилея Центра. За этот относительно короткий период времени возглавляемым Вами учреждением проделана огромная работа в области исследования широкого спектра проблем международной безопасности, включая нераспространение ядерного оружия и контроль над вооружениями.

Сегодня ПИР-Центр высоко держит планку авторитетного научного и образовательного института, где проводятся серьезные исследования, реализуется ряд интересных проектов и вырабатываются рекомендации по ключевым и стратегически важным направлениям международной безопасности, готовится новое поколение экспертов и специалистов-международников.

Высоко ценим установившееся за последние годы конструктивное сотрудничество с ПИР-Центром — организуемая ежегодно Летняя школа вызывает активный интерес у наших сотрудников, а журнал *Индекс Безопасности* служит важным источником объективной информации. Выражаем Вам за это искреннюю признательность, готовы к дальнейшему взаимодействию по всем интересующим направлениям.

Желаю коллективу Центра новых творческих успехов, благополучия и всего самого доброго. 🐘

Сапар Исаков

Заместитель руководителя Аппарата президента
Кыргызской Республики
Кыргызстан, 720003, г. Бишкек, пр. Чуй, 205

Уважаемый Владимир Андреевич,

Поздравляю ПИР-Центр с 20-летним юбилеем.

Для неправительственной организации, проводящей исследования в сфере международной безопасности, 20 лет — не только солидный стаж, но и свидетельство востребованности результатов ее работы.

ПИР-Центр может заслуженно гордиться тем, что является одной из первых российских неправительственных *фабрик мысли*, обратившихся к глубокой проработке проблематики международной информационной безопасности и глобального управления Интернетом.

Публикации Вашего Центра неизменно получают высокую оценку в экспертном сообществе и высвечивают растущую значимость вопросов, связанных с развитием информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности.

Считаю особенно важным, чтобы ПИР-Центр закрепил это направление в своих разработках и продолжил его активно развивать.

Желаю Вам и ПИР-Центру сохранить достигнутый уровень исследований, продолжая традиции международно-политической экспертизы, которая не только отвечает высоким академическим стандартам, но и способствует укреплению безопасности нашей страны. 🐾

Андрей Крутских

Специальный представитель Президента Российской Федерации
по вопросам международного сотрудничества
в области информационной безопасности,
посол по особым поручениям
Россия, 119200, г. Москва, Смоленская-Сенная площадь, 32/34

Уважаемый Владимир Андреевич!

Поздравляю Центр, Вас лично и всех сотрудников с 20-летним юбилеем профессиональной деятельности.

Желаю Вам дальнейших успехов в трудной и каждодневной работе по отстаиванию национальных интересов России на международной арене, а сотрудникам Центра бодрого духа, ясного разума, несгибаемости в достижении целей и нескончаемого потока положительной энергии. 🐾

Илья Сачков

Генеральный директор Group-IB
*Россия, 107023, Москва, Мажоров переулок,
дом 14, строение 2, офис 2203*

Дорогой Володя,

Уже не первый раз за прошедшие пять лет в ответ на приглашение принять участие в очередной встрече, собираемой ПИР-Центром, приходится с сожалением, да что там, с горечью отвечать отказом. Лишь однажды приезд в Москву совпал с лихой ПИРовской мозговой атакой и последовавшей такой же лихой пирушкой. Сколько же было радости от новых идей и от общения со старинными друзьями и коллегами! А теперь вот Юбилей — и опять не вырваться.

Для меня, когда-то начинавшего свои научные изыскания в сфере международно-правовых аспектов международной безопасности и контроля над вооружениями, но впоследствии уделявшего больше внимания иным проблемам юриспруденции, ПИР-Центр — не просто отдушина или отвлечение, но средство живой связи с первым серьезным академическим увлечением. Бывших разоруженцев, как выяснилось, тоже не бывает, чему подтверждением, не удержусь, похвастаюсь — приглашение прочитано прошедшим летом курс на эту тему в Гаагской академии международного права. Готовил его, то и дело сверяясь с *Индексом Безопасности* и энциклопедией *Ядерное нераспространение*.

Позволю себе простительную, надеюсь, банальность: залог прочности и славы ПИР-Центра — люди, которые в нем и с ним работают. Среди них особое отношение — к Роланду Махмутовичу Тимербаеву, который когда-то привел меня в Центр. До нашего личного знакомства в Нью-Йорке весной 1987 г. много слышал о нем от отца, учившегося в МГИМО курсом младше. Знакомство это считаю честью, привилегией и счастливой удачей.

Прошу принять поздравления ПИР-Центру в целом и каждому человеку, его образующему. Желаю плодотворного задора и творческой необузданности! 🐘

Бахтияр Тузмухамедов

Судья Апелляционной палаты Международных трибуналов ООН
по Руанде и по бывшей Югославии
*Churchillplein 1, 2517 1W The Hague — P. O. Box 1.3888,
2501 F.W The Hague.
Netherlands*

Дорогой Володя,

Поздравляю тебя с 20-летием ПИР-Центра. Ты обеспечил ему международную известность и сделал его одним из наиболее уважаемых организаций в России. Желаю всего наилучшего. 🐘

Посол Линтон Ф. Брукс
*9920 Chase Hill Court
Vienna VA 22182*

Уважаемые коллеги,

За два десятилетия ПИР-Центр стал широко признанной ведущей независимой неправительственной организацией, исследующей вопросы глобальной и региональной безопасности в Российской Федерации. Неудивительно, что министры обороны и иностранных дел, другие ведомства, гражданское общество и СМИ в Российской Федерации признают вклад д-ра Орлова и его уважаемых коллег по ПИР-Центру в стратегический дискурс в Российской Федерации и за ее пределами.

Действительно, успех ПИР-Центра не ограничивается только российскими пределами. Через тот ценный вклад, который Центр внес в работу по продвижению стратегического диалога и региональной безопасности (будь то на Ближнем Востоке, Южной Азии, Восточной Азии и на европейском пространстве), он добился и глобального признания.

Также ПИР-Центр проводит активную работу в сфере образования, просвещения и издательской деятельности. ПИР-Центр выпустил уже более 100 номеров журнала *Индекс Безопасности* (бывший *Ядерный Контроль*), где были представлены статьи и мнения ведущих российских официальных лиц, ученых, а также зарубежных экспертов.

Никто не скажет, что Володя Орлов — одномерный человек. Среди прочих талантов, он заядлый фотограф, который сделал несколько удивительных фотографий во время своих путешествий по нераспространенческим и прочим маршрутам, о чем можно прочитать в календаре ПИР-Центра, который можно сравнить с календарем Pirelli в нашей области и который столь же в большом дефиците!

Я всегда был заинтригован логотипом журнала в виде носорога. На некоторых страницах носорог возникает из папки с файлами.

Как человек *Возрождения* по своему духу Володя взял знаменитую гравюру Альбрехта Дюрера *Носорог*, 1515 г., которую живописец создал на основе письменного описания и краткого наброска неизвестного художника индийского носорога, которого привезли в Лиссабон в начале 1515 г. В реальности Дюрер никогда не видел самого этого животного и, как следствие, *Носорог* Дюрера — это несколько стилизованное или мифическое изображение. Есть легенда, по которой носорог затоптал огонь в Малайзии, Индии и Бирме. Согласно мифу носорог приходит, когда в лесу поыхал огонь и тушит его. Несмотря на то что нет никаких подтверждений этому, эта легенду оживили в фильме *The Gods Must Be Crazy*, где африканский носорог потушил два костра. По моему мнению, носорог у Володи в журнале — это тушение ОМУ-пожаров!

Поздравляю ПИР-Центра с 20-летием и желаю ему дальнейших успехов и признания. 🐘

Тарик Рауф

Директор программы по контролю над вооружениями
и нераспространению,
Стокгольмский международный институт проблем мира
Signalistgatan 9
SE-169 70 Solna
Sweden

SUMMARY

All the articles and materials in this issue without exception were written by PIR Center researchers, Executive Board members, and graduates. All of them represent the growing **PIR Center Community**, which includes all our colleagues and friends who have worked for PIR Center over its 20-year history as staff members or interns, received PIR Center stipends, or completed our educational and training programs.

This issue is a collective present from our graduates and our friends from the 800-strong **PIR Center Community** on the occasion of the organization's 20th anniversary.

Editorial Board

I N T E R V I E W

7 **Brave new PIR: Turning the 20 year journey into 2.0 generation** — *Vladimir Orlov*

PIR Center marks its 20th anniversary this year. How did that organization manage to overcome the many obstacles that lay on its path to such a jubilee? What are PIR Center's strengths, and what are its weaknesses? What is the bar its leadership has set for the near term, and what are the long-term goals? What kind of relations should be built between the state and civil society, including non-governmental research organizations specializing in international relations? The *Security Index* journal has put these and other questions to the PIR Center founder and President, Vladimir Orlov.

Key words: *PIR Center, nuclear nonproliferation, Iran, information security, Central Asia, ASEAN, BRICS.*

A N A L Y S I S

11 **Towards the 2015 NPT Review Conference: Seeming ease of 3rd PrepCom no harbinger of miracle** — *Andrey Baklitskiy*

A research associate of the PIR Center (who has been with PIR Center since 2011) looks at the ups and downs of the Third Session of the Prepcom ahead of the 2015 NPT Review Conference. Baklitskiy, who was involved in the work of the Prepcom as a representative of a Russian NGO, says there is a distinct lack of progress in implementing the 2010 Conference Action Plan; there is no progress at all on disarmament; and the conference on establishing a WMD-free zone in the Middle East is unlikely to be convened any time soon. These are just some of the problems that will have to be dealt with in 2015.

Key words: *nuclear nonproliferation, PrepCom, NPT, WMDFZ in the Middle East.*

21 **The CTBT and strategic relations between Russia, China and the United States** — *Nikita Perfilyev*

18 years after its opening for signature the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT) is yet to enter into force. Expert Nikita Perfilyev (PIR Center staff member in 2007–2010, representative of the *Security Index* journal in 2009–2014) said that the US ratification could produce a series of subsequent ratifications creating a so-called domino effect. In order to facilitate US ratification process, the author suggests additional actions from Russia and China which could also have a positive spillover on the relations between the countries in general.

Suggested measures vary in practicality and political symbolism, but additional transparency between the three countries in the field of test-ban could foster a better climate of trust and enhance strategic stability.

Key words: *CTBT, United States, China, Russia, nuclear-test-ban.*

31 **Is Brazilian uranium enrichment a challenge to the nonproliferation regime?** — Maxim Starchak

A uranium enrichment program in a non-nuclear weapon state is always a serious factor of international relations and a challenge to the international nuclear weapons nonproliferation regime. Brazil has pursued a nuclear program for the past 60 years. Why, then, is the country's uranium enrichment program seen as part of the development of the national economy, and not as a threat to the nonproliferation regime? Maxim Starchak, assistant to the editor-in-chief of the *Security Index* (who has worked with PIR Center since 2006) offers his answer to that question.

Key words: *Brazil, nonproliferation regime, uranium enrichment, NPT.*

49 **Russia and Southeast Asia: towards nuclear partnership** — Ivan Zolotukhin

Ivan Zolotukhin (graduate of PIR Center's 2013 Education Program), from the Far Eastern Federal University (Vladivostok), looks at how Russia can make the best use of its competitive advantages in its relations with Southeast Asian countries, especially in the area of nuclear technologies and in dealing with nuclear security and safety problems. In the article, the directions of nuclear cooperation among Russia and Southeast Asian countries are highlighted as well as the opportunities, prospects, and interests of prospective partners are reviewed. The author points out that nuclear cooperation can be a guarantee of long-term Russia-Southeast Asian countries relations as well as foreground instrument for establishing positive image of Russia in the Asia-Pacific. However, the large-scale coordination of Russia's intentions and activity as well as consistence in achieving the goals are necessary for its successful implementation.

Key words: *nuclear energy, Southeast Asia, nuclear power plants, nuclear safety.*

63 **Iran: a nuclear-weapon state or a future energy superpower ?** — Yuri Fedorov

A realistic prospect of a settlement of the Iranian nuclear crisis emerged in the summer of 2014. For the first time since that crisis began, Tehran has demonstrated a real willingness to resolve it. If a solution is found after all, the geopolitical situation in the large region that lies between the Red Sea and Afghanistan — and especially in the Persian Gulf region — will change dramatically. Drastic changes will be in store for the global oil and gas market; the contours and the scale of those changes are still hard to predict with any accuracy. Yuri Fedorov, a member of the *Security Index* Editorial Board who has been with PIR Center since 1997, looks at the chances of Iran rapidly turning into a new *energy superpower*.

Key words: *Iran, oil and gas industry, nuclear program, energy policy.*

83 **Wariness of change. The Iranian debate on key international events** — Julia Sveshnikova

Negotiations on the Iranian nuclear program still remain the main subject for discussion in the Iranian political and academic environment, said the expert of HSE Julia Sveshnikova (with PIR Center since 2010). Different aspirations of political factions in Iran do not let give a precise answer to the question about the result of the next round of negotiations on the nuclear program, because the efforts by the proponents of détente with the West encounter conservatives' unwillingness to alter their non-aligned position. Survey of the expert commentaries gives an idea about the absence of the consensus on the nuclear agreement and negotiations with the West.

Key words: *Iran's nuclear programme, media, political faction, the expert community.*

95 **Key trends in modern terrorism** — Ekaterina Stepanova

Ekaterina Stepanova (with PIR Center since 2005), head of the peace and conflict research group at the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAN), analyzes key trends in terrorist activity in the early 21st century using statistical data. One of the key trends is transnationalization and, in particular, regionalization of modern terrorism, she concludes.

That trend has become obvious in many areas, but its clearest manifestations include the situation in and around Iraq, and the rapid rise to prominence of the transnational ISIS group.

Key words: *terrorism, terrorist attacks, ISIS, Pakistan, Afghanistan, India.*

111 **WMD in Islamic fatwas** — *Kamal Gasimov*

In his article, the expert of the Center for Strategic Studies under the President of Azerbaijan Kamal Gasimov (graduate of the PIR Center 2013 Education Program) addresses legal judgments (fatwas) of the Muslim theologians on WMD and the atomic bomb. A special attention is paid to the reasons for which Muslim scholars address this issue, as well as methods and arguments they use to justify (or restrict) the creation of weapons of mass destruction. The research shows that Muslim scholars ('ulama') allow or prohibit WMD according to their political and theological beliefs.

Key words: *fatwas, theologians, law, creation of WMD, Iran.*

125 **New trends in U.S. defense procurement** — *Aleksey Rey*

In his article, the Director of the Center for Industrial Research of Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences Alexey Rey (worked for PIR Center in 1996–1998) describes new practices in US defense and national security procurement, and points out sources of inefficiency in the acquisition process and regulations. It is asserted that Russian defense industrial base suffers from anticompetitive and wasteful consolidation strategy, borrowed uncritically from the US experience.

Key words: *national security procurement, military programs, military-industrial complex, U.S. Department of Defense.*

R O U N D T A B L E

133 **Military and technical cooperation in new realities** — *Evgeny Buzhinsky, Natalya Kalinina, Vadim Kozyulin, Dmitry Litovkin, and Dmitry Chizhov*

Military and technical cooperation remains one of the main instruments in the policy of modern states. Arms exports are an important component of foreign trade and foreign policy aspirations of any country that wants to strengthen its role in the global arena. It is no accident that during the Ukrainian crisis the EU, the United States, and Ukraine itself decided to suspend arms trade with Russia. Will that suspension have an impact on Russia? Will Russia be able to reorient its defense industry and exports towards the Asian countries? Can the Russian defense industry meet the Russian army's demand for new and high-tech weaponry? PIR Center graduates, staff and Board members have discussed these and other questions at a round table.

Key words: *military and technical cooperation, arms trade, defense procurement, armed forces, defense industry.*

C O M M E N T A R Y

147 **Does the Intermediate Nuclear Forces treaty have a future?** — *Evgeny Buzhinsky*

Experts are increasingly discussing the question of whether Russia should pull out of the 1987 Intermediate and Shorter-Range Nuclear Forces Treaty (INF). What is more, several Russian officials have opined that the treaty no longer serves Russian national security interests. Meanwhile, it is not in U.S. interests to initiate the destruction of yet another disarmament treaty that is an important element of maintaining strategic stability. Another important consideration is that unlike the ABM Treaty, INF in no way hampers Washington's future military strategies. PIR Center Senior Vice President Evgeny Buzhinsky (with PIR Center since 2009) offers an analysis of the INF Treaty's background and contents.

Key words: *INF, intermediate-range ballistic missiles, land-based cruise missiles, ICBM, ballistic missiles.*

153 **Monster Mind to guard cybersecurity** — *Oleg Demidov, Elena Chernenko*

The United States is working on a secret program dubbed *MonsterMind*. The goal of the program is not only to deflect cyberattacks, but to deliver automatic retaliatory strikes against the suspected aggressor. Since attacks can be routed via third countries' territory,

and with no effective international confidence-building measures in cyberspace, such a program could trigger a serious conflict. PIR Center researcher Oleg Demidov (with PIR Center since 2011) and special correspondent of the *Kommersant* daily, Elena Chernenko (winner of PIR Center's 2012 Education Program), look at the cyber defenses program in the regional and global context.

Key words: *MonsterMind, cyberattack, cybersecurity, cyberspace.*

159 **Transformation of domestic instability threats in Central Asia** — *Ivan Safranchuk*

Over the past 10 years the post-Soviet countries, including the Central Asian states, have been facing a constant threat of color revolutions. The United States has, at the very least, been encouraging attempts by pro-Western elites in these countries to come to power. Washington has not limited itself to moral encouragement; it has also provided direct support, at least as far as information campaigns and propaganda are concerned. Ivan Safranchuk, professor at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) who worked for PIR Center in 1997–2001, offers his commentary on the threat of color revolutions in Central Asian states.

Key words: *Central Asia, color revolutions, domestic politics.*

L I B R A R Y

173 **From copying to setting new global standards: Chinese defense industry trends** — *Andrey Gubin*

"The process of modernization of the People's Liberation Army using foreign (not Russian) technologies has essentially become irreversible, and Western companies themselves have used Israel as a grey channel for such technology transfer. In other words, Russia bears no responsibility for China's growing military might, and it could not have prevented it using restrictive measures." We offer a review of: *Barabanov M.S., Kashin V.B., Makiyenko K.V. China's Defense Industry and Arms Trade. Center for Analysis of Strategies and Technologies, Russian Institute of Strategic Studies. Moscow, 2013* (Konstantin Makiyenko worked for PIR Center in 1996–1997. Andrey Gubin is a graduate of PIR Center's 2005 Education Program.)

Key words: *defense industry, weapons and military hardware, exports, armed forces, China.*

N E W B O O K S

177 *Kristina Apshai, Evgeniya Dorofeeva, Kristina Kucheeva, Sarah Norris, Ekaterina Sizikova* — PIR Center researchers and interns offer reviews of new additions to the PIR Center library.

L E T T E R S T O T H E E D I T O R

183 **Congratulations on PIR Center's 20th anniversary keep coming in** — *Sapar Isakov, Andrey Krutskikh, Ilya Sachkov, Bakhtiyar Tuzmukhamedov, Linton Brooks, and Tariq Rauf*

187 S U M M A R Y

191 A B O U T T H E A U T H O R S

I-XII M E M B E R S O F P I R C E N T E R (2 0 0 4 - 2 0 1 4) ,
P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D ,
T H E B O A R D ' S W O R K G R O U P S , A N D
T H E I N T E R N A T I O N A L E X P E R T G R O U P

Comments to the articles of this issue were kindly submitted by *Dauren Aben, Nazira Abykaimova, Alexander Bedritsky, Artem Blashchanitsa, Galia Ibragimova, Alexander Klementiev, Svetlana Klyuchanskaya, Kirill Likhachev, Maksim Simonenko, Julia Fetisova, Andrey Frolov, Nataliya Kharitonova, Alexander Chekov*

197 E N D . Q U O T E .

On the disarmament formula

Баклицкий Андрей Александрович — координатор программы «Ядерное нераспространение и Россия», директор информационных проектов ПИР-Центра. Аспирант Института востоковедения РАН. Выпускник факультета международных отношений Уральского федерального университета. Специалист в области регионоведения. В 2008–2009 гг. проходил обучение в Университете Севильи (Испания). Участник всероссийских и международных конференций по вопросам международной безопасности и ядерного нераспространения. Стажер ПИР-Центра с мая по июль 2011 г. Выпускник Международной Летней школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2011). Редактор Белой книги ПИР-Центра «Десять шагов к зоне, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке». Сфера научных интересов: международная безопасность, Ближний и Средний Восток, ядерная энергетика и ядерное нераспространение. Адрес электронной почты: baklitsky@pircenter.org

Бужинский Евгений Петрович — старший вице-президент, председатель Совета ПИР-Центра. Заместитель генерального директора по внешнеэкономической деятельности ОАО «Концерн радиостроения «Вега». Генерал-лейтенант запаса. Кандидат военных наук. В Вооруженных силах с 1968 г. Окончил Военный институт, Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1976–1992 гг. проходил службу на различных должностях офицера Генерального штаба, в 1992–2009 гг. — в Международно-договорном управлении Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации. В 2002–2009 гг. — начальник Международно-договорного управления, заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. С 2009 по 2014 г. — член Совета по устойчивому партнерству с Россией. Член Международной экспертной группы ПИР-Центра с 2010 г. Адрес электронной почты: buzhinsky@pircenter.org

Гасымов Кямал Тофик-оглы — эксперт Центра стратегических исследований при президенте Азербайджанской Республики. Выпускник факультета востоковедения Бакинского государственного университета. В 2007–2008 гг. обучался в Кувейтском университете. С 2013 г. эксперт Центра стратегических исследований при президенте Азербайджанской Республики. Участник международных конференций по вопросам исламоведения и востоковедения. Выпускник Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2013). Автор научных статей по ближневосточной проблематике и переводов книг современных мусульманских мыслителей. Сфера научных интересов: история и историография классического ислама, исламские политико-правовые концепции, теория и методология исламского права, исламские общественно-политические движения.

Губин Андрей Владимирович — руководитель научных программ Азиатско-Тихоокеанского регионального центра Российского института стратегических исследований, доцент Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Кандидат политических наук. Выпускник Дальневосточного государственного университета по специальности «международные отношения» (2002). Работал в представительстве МИД РФ во Владивостоке в период подготовки и проведения Саммита АТЭС–2012, руководил ведущим электронным СМИ Дальнего Востока, координировал международное сотрудничество и взаимодействие с госорганами российско-китайского проекта по приграничному сотрудничеству. Выпускник Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам нераспространения ОМУ для экспертов России и стран СНГ (2005). Автор доклада «Российское легкое и стрелковое оружие: проблемы безлицензионного производства за рубежом». ПИР-Центр, Saferworld, 2007. Сферы научных интересов: проблемы национальной безопасности, международное военно-техническое сотрудничество, нераспространение оружия массового уничтожения, локальные и региональные конфликты. Адрес электронной почты: andrey.gubin@mail.ru

Демидов Олег Викторович — директор программы «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом», редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности* ПИР-Центра. Аспирант факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ. Окончил факультет государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова. В 2011–2012 гг. — координатор проектов Центра политических и международных исследований. С 2012 г. — эксперт Комиссии по информационной безопасности и киберпреступности Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК). Выпускник Зимней школы–2011 Центра международной и региональной политики (CIRP), выпускник Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2012). Участник Рабочей группы по кибербезопасности АТССБ в 2011 г., участник международного проекта «Новый Концерт держав в XXI веке» Франкфуртского института по изучению проблем мира и конфликтов (PRIF) (2011–2014 гг.). Автор ряда статей и исследований по вопросам информационной безопасности, глобального управления интернетом, развития БРИКС в журнале *Индекс Безопасности* и ряде других изданий. Является секретарем Рабочей группы ПИР-Центра при Экспертно-консультативном совете по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом с 2012 г. В 2012–2013 гг. — координатор программы «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом». Адрес электронной почты: demidov@pircenter.org

Золотухин Иван Николаевич — доцент кафедры международных отношений, руководитель основной образовательной программы «международные отношения», член Ученого совета Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Кандидат политических наук. В 2000 г. окончил исторический факультет Дальневосточного государственного университета по специальности регионовед. До 2011 г. являлся деканом факультета международных отношений ВИМО ДВГУ. В 2010 г. Проходил стажировку в США по программе «Открытый мир». В 2012 г. прошел стажировку в Калифорнийском университете Беркли. В 2013 г. — участник образовательной программы ПИР-Центра «Новая реальность глобальной безопасности: меняющаяся природа угроз в XXI веке». Сфера научных интересов: безопасность в АТР, политический процесс в Юго-Восточной Азии, геополитика. Адрес электронной почты: zolivnik@mail.ru

Калинина Наталья Ивановна — главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН. Член Совета ПИР-Центра. Доктор медицинских наук, профессор. В 1971–1993 гг. работала в системе Министерства здравоохранения СССР (России). В 1993–1994 гг. — ведущий специалист Комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при Президенте Российской Федерации. В 1994–1997 гг. — консультант, советник Комитета по обороне Государственной думы. В 1997–2003 гг. — консультант Адми-

нистративного департамента Правительства Российской Федерации. В 2003–2004 г. — помощник председателя Правительства Российской Федерации. В 2005–2007 гг. — заместитель начальника инспекции Счетной палаты Российской Федерации. Награждена орденом «Знак почета», медалью «Ветеран труда», почетными грамотами правительства Российской Федерации и Государственной думы. Адрес электронной почты: kalinina@imemo.ru

Козюлин Вадим Борисович — старший научный сотрудник ПИР-Центра. Кандидат политических наук, профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД СССР. Работал сначала в системе МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские новости*, был представителем РГП Казспецспорт в России. В 2000–2002 гг. обучался во Всероссийской академии внешней торговли по программе «Менеджмент в сфере военно-технического сотрудничества». Тесно сотрудничает с компаниями — спецэкспортерами стран СНГ и дальнего зарубежья. Защитил диссертацию «Совершенствование политических механизмов влияния военно-технического сотрудничества на региональную безопасность в Центрально-Азиатском регионе». Адрес электронной почты: kozyulin@pircenter.org

Литовкин Дмитрий Викторович — обозреватель отдела *Политика* деловой газеты *Взгляд*. Капитан 3-го ранга запаса. В 1993–1995 гг. — корреспондент газеты Северного флота *На страже Заполярья*. С 1995 г. — корреспондент отдела ВМФ и Военно-промышленного комплекса газеты *Красная Звезда*. С 1998 по 2000 г. — специальный корреспондент журнала *Ядерный Контроль* ПИР-Центра. С 2001 г. — военный обозреватель газеты *Известия*. С 2011 г. — редактор отдела спецпроектов телеканала *Звезда*. С 2014 г. — обозреватель отдела *Политика* деловой газеты *Взгляд*. Удостоен ведомственных наград и благодарности Президента России за освещение событий 2008 г. в ходе военного конфликта в Южной Осетии.

Орлов Владимир Андреевич — президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Кандидат политических наук. Является основателем (в 1994 г.) и президентом ПИР-Центра. Является членом Совета ПИР-Центра. С 1994 г. — главный редактор журнала *Индекс Безопасности* (до 2007 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*). Член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации. Член Экспертного совета по нераспространению и ядерной безопасности Всемирного экономического форума. Член Российского Пагуошского комитета при президиуме РАН. Член Научного совета при Национальном комитете по исследованию БРИКС. Член редакционной коллегии журнала *The Washington Quarterly*. Основатель (в 1993 г.), ныне член Международного клуба *Trialog*. Член делегации Российской Федерации на Обзорной конференции ДНЯО (2010 г., сессии Подготовительного комитета 2012–2014 гг.). Член Международной академии по ядерной энергии (INEA). Член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). С 2014 г. — заведующий Центром глобальных проблем и международных организаций Дипломатической академии МИД РФ. Член Экспертного совета по противодействию коррупции при Управлении Президента РФ по вопросам противодействия коррупции. Занимается активной научной, просветительской, преподавательской и консультационной деятельностью в России и за рубежом. Выступает с лекциями в Москве, Женеве, Бишкеке. Преподает в МГИМО МИД РФ. Под его общей редакцией был издан учебник «Ядерное нераспространение» (2-е издание — 2003 г.; 4-е издание, расширенное и дополненное, готовится к выходу в 2015 г.). Автор (соавтор) более 10 книг и монографий, около 300 научных работ и публицистических статей. Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Перфильев Никита Вячеславович — сотрудник Отдела внешних связей и международного сотрудничества во Временном техническом секретариате Подготовительной комиссии по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Выпускник Томского государственного университета по специальности «международные отношения» и Монтерейского института международных исследований по специальности «нераспространение оружия массового уничтожения». В 2004–2005 гг. проходил обучение в Университете г. Илон (Северная Каролина,

США). В 2006 г. проходил стажировку в Центре стратегических и международных исследований (Вашингтон, США). В 2007–2010 гг. работал в качестве научного сотрудника, заместителя главного редактора журнала *Индекс Безопасности* и координатора информационных проектов в ПИР-Центре. В 2008–2011 гг. — научный сотрудник в Центре исследования проблем нераспространения при Монтерейском институте международных исследований.

Рей Алексей Игоревич — руководитель Центра отраслевых исследований Института США и Канады РАН, член Ученого совета ИСКРАН. Кандидат экономических наук. В прошлом старший преподаватель кафедры мировой экономики Государственного университета — Высшей школы экономики. Выпускник МГИМО (У) МИД РФ. В 1996–1998 гг. — младший научный сотрудник ПИР-Центра. Автор ряда научных статей и докладов по вопросам экономики военно-промышленного комплекса и транснациональных корпораций, экспорта критических технологий и экспортного контроля, в том числе «Прямые инвестиции иностранных ТНК в России», «Россия, США и ПРО ТВД в Европе», «Влияние передачи технологий на платежный баланс России», «Missile Defense Proliferation». Сфера научных интересов: теория конкуренции, научно-технологическая политика, теория организаций. Адрес электронной почты: alexey.rey@useconomy.ru

Сафранчук Иван Алексеевич — доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД РФ. Главный редактор журнала *Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии*. Кандидат политических наук (специальность 20.01.02 — Стратегия, военные аспекты безопасности государства, военная политология). В 1998 г. с отличием окончил МГИМО (У) МИД РФ. В 1997–2001 гг. — научный сотрудник ПИР-Центра и директор проекта «Контроль над ядерными вооружениями». В 2001–2007 гг. — директор российского представительства международного Центра оборонной информации, впоследствии Института мировой безопасности. В 2008–2010 гг. — главный редактор журнала *Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии*. С 2010 г. — заместитель директора Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. Член Совета по внешней и оборонной политике.

Свешникова Юлия Владимировна — аспирант Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ–ВШЭ), магистрант Института исламской мысли и цивилизации (Куала-Лумпур, Малайзия). Выпускница факультета права НИУ–ВШЭ (2010). В 2009 г. — координатор образовательных проектов ПИР-Центра. С 2010 г. по настоящее время — научный сотрудник Экспертного института НИУ–ВШЭ. С 2014 г. — аналитик в организации «Islamic Renaissance Front» (Куала-Лумпур, Малайзия) и эксперт аналитического агентства «Внешняя политика». В 2010 г. прошла обучение в Международном университете имама Хомейни (Казвин, Иран). Выпускница Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2013). Победитель всероссийского конкурса молодых журналистов-международников под эгидой РСМД в номинации «лучшая аналитическая статья по международной проблематике» (2013). Сфера научных интересов: иранистика, ислам в политике мусульманских государств, межрелигиозный диалог. Адрес электронной почты: svjul5@mail.ru

Старчак Максим Владимирович — помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности*. Окончил Иркутский госуниверситет. Проходил курсы повышения квалификации в МГИМО (У) МИД РФ, 2011, 2013, Подготовительной комиссии ОДВЗЯИ, Белферского центра науки и международных дел Гарвардского университета. С 2006 по 2011 г. — Вице-президент, руководитель исследовательской группы по проблеме международной безопасности и конфликтам МО РАПН. В 2010–2012 гг. — руководитель аналитической дирекции, эксперт Фонда перспективных исследований «Бастион». С 2011 по 2013 г. — исполнительный директор Центра стратегических оценок и прогнозов. С 2011 по 2013 г. — научный сотрудник Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН. С 2009 по 2013 г. — эксперт проекта «Индекс безопасности Центральной Азии» Института политических решений (Казахстан). В 2013–2014 гг. — научный

сотрудник Лаборатории военной экономики Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара. С 2011 г. — эксперт Фонда «Наследие Евразии». Редактор Белой книги ПИР-Центра «На пути к ядерному разоружению: статья IV ДНЯО и выполнение решений Обзорной конференции ДНЯО 2010 года». Лауреат наград и победитель конкурсов МГИМО (У), МГУ, Россотрудничества, Росатома, Национального комитета по исследованию БРИКС. Исследовательские интересы: военная и атомная промышленность, ядерное разоружение, программы обогащения урана, проблемы безопасности в Центральной Азии. Адрес электронной почты: editor@pircenter.org

Степанова Екатерина Андреевна — руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов и ведущий научный сотрудник Отдела международных политических проблем Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН. Член Совета ПИР-Центра. Выпускница исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Доктор политических наук. В 1995–2000 гг. — координатор программ и исследователь внешней политики и безопасности в Московском центре Карнеги. В 1998 г. стажировалась в Королевском колледже Лондонского университета. В 2003 г. работала приглашенным исследователем в Стокгольмском международном институте проблем мира (СИПРИ). В 2000–2009 гг. возглавляла Группу по нетрадиционным угрозам безопасности в Центре международной безопасности ИМЭМО РАН. В 2007–2009 гг. возглавляла программу по вооруженным конфликтам и регулированию конфликтов СИПРИ. В 2009–2012 гг. — приглашенный лектор в Европейском университете проблем мира, Австрия. Преподает на международных программах Европейского университета в Санкт-Петербурге. Приглашенный лектор в Женевском центре политики безопасности (GCSP). Член международной экспертной группы Глобального индекса мира (Global Peace Index), Российско-американской экспертной группы по афганскому наркотрафику, Консультативного совета программы «Security in Transition» Лондонской школы экономики и политических наук (LSE) и Академического совета по системе ООН (ACUNS). Входит в состав редколлегий международных рецензируемых журналов *Global Governance*, *Terrorism and Political Violence* и *International Journal of Conflict and Violence*, а также российских журналов *Пути к миру и безопасности* и *Индекс Безопасности*. Сферы научных интересов: вооруженные конфликты, терроризм, повстанческие движения; политэкономия конфликтов; сетевые структуры и насилие; одностороннее насилие против гражданского населения; мирные процессы и восстановление мира. Адрес электронной почты: stepanova@imemo.ru

Федоров Юрий Евгеньевич — профессор Пражского муниципального университета. Член Совета ПИР-Центра, член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Кандидат исторических наук, профессор. Член Чешской ассоциации международных исследований. Окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1970–1973 гг. — аспирант ИМЭМО АН СССР. С 1969 по 1971 г. — младший научный сотрудник. Института конкретных социологических исследований АН СССР. В 1971–1989 гг. прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО. В 1989–1991 гг. — старший референт, руководитель группы Международного отдела ЦК КПСС. В 1991–2001 гг. — доцент, профессор кафедры политологии МГИМО МИД РФ. В 1995 — читал лекции в King's College (Лондон) по программе исследований проблем безопасности в посткоммунистическом обществе. В 1998–2001 гг. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. В 2003–2006 гг. — профессор кафедры политической теории, директор Центра исследований проблем войны и мира МГИМО (У) МИД РФ. Позднее работал в Королевском институте международных отношений (Chatham House, Лондон). Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: fedorov.yury@yahoo.com

Черненко Елена Владимировна — специальный корреспондент газеты *Коммерсантъ*. Член Рабочей группы при Экспертно-консультативном совете ПИР-Центра по международной информационной безопасности и глобальному управлению Интернетом с 2012 г. Выпускница исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (2005). Кандидат исторических наук. В 2003–2006 гг. была корреспондентом немецкой редакции и ведущей радиопередач РГРК *Голос России*. В разное время была корреспондентом газеты *Moskauer Deutsche Zeitung*, информационного агентства *EurActiv*, журнала *Russkij Newsweek*. До сентября 2014 г. — обозреватель международного отдела газеты *Коммерсантъ*. Выпускница Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2012). В 2013–2014 гг. — член Совета по устойчивому партнерству с Россией. Сфера научных интересов: информационная безопасность, нераспространение ОМУ, контроль над вооружениями и разоружение, развитие атомной энергетики. Адрес электронной почты: chernenko@kommersant.ru

Чижов Дмитрий Александрович — научный сотрудник Отдела военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН. Кандидат экономических наук. Обозреватель журнала *Деньги*, газеты *Коммерсантъ*. Выпускник Московского государственного открытого университета, факультета «Международные экономические отношения» (2006). Аспирант ИМЭМО РАН по специальности «Военная экономика, оборонно-промышленный потенциал» (2007–2010). Выпускник Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2011). Сфера научных интересов: мировой рынок вооружений и военной техники, военно-промышленный комплекс, авиационная промышленность, неядерные факторы ядерного разоружения, воздушно-космическая оборона. Адрес электронной почты: bk04@mail.ru

СОСТАВ ПИР-ЦЕНТРА (1994–2014), ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА ПИР-ЦЕНТРА И РАБОЧИХ ГРУПП ПРИ НЕМ, А ТАКЖЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ

А

Абен Даурен, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Алма-Ате, член Рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Абиру Таисуке, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Токио (2007–2013)

Айнхорн Роберт, член Экспертно-консультативного совета (2007 — наст. вр.)

Академия ОБСЕ, член Экспертно-консультативного совета (2010 — наст. вр.)

Антипов Сергей Викторович, член Экспертно-консультативного совета (2004 — наст. вр.)

Антонов Анатолий Иванович, член Экспертно-консультативного совета (2000 — наст. вр.)

Арасли Джангир, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Баку (2007–2010)

Арбатов Алексей Георгиевич, член Экспертно-консультативного совета (2004 — наст. вр.)

Аргуэльо Ирма, член Международной экспертной группы (2010 — наст. вр.)

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, редактор-консультант, старший научный сотрудник, консультант, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

Б

Баев Павел Кимович, член Экспертно-консультативного совета (2007 — наст. вр.)

Баклицкий Андрей Александрович, стажер, координатор, директор информационных проектов, координатор программы «Россия и ядерное нераспространение» (2011 — наст. вр.)

Баландина Людмила Николаевна, корреспондент журнала *Ядерный Контроль* (1995–1996)

Баранова Инна Валерьевна, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Атланте (2008–2013)

Барановский Владимир Георгиевич, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Березницкая Валентина Филипповна, технический редактор журнала *Ядерный Контроль* (2002)

Берлс Роберт, член Рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Блащаница Артем Викторович, стажер (2013)

Богатов Олег Владимирович, стажер (2007)

Бокова Елена А., координатор проекта (1994–1995)

Брилев Сергей Борисович, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* (2005 — наст. вр.)

Бужинский Евгений Петрович, консультант, старший вице-президент, председатель Совета, член Рабочей группы по вопросам международного сотрудниче-

ства в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете, член Международной экспертной группы (2009 г. — наст. вр.)

Булычев Александр Валерьевич, координатор проекта «Глобальное партнерство» (2005–2006)

В

Ван Чэнсинь, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Пекине (2013–2014)

Василенко Виктория Викторовна, стажер (2004)

Верникова Мария Яковлевна, секретарь-референт, исполнительный помощник директора, заведующий информационно-консультативным отделом (1997–2002)

Волчинская Елена Константиновна, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Воронков Владимир Иванович, член Экспертно-консультативного совета (2009 — наст. вр.)

Воронцов Александр Валентинович, член Экспертно-консультативного совета (2013 — наст. вр.)

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, член Экспертно-консультативного совета (1999 — наст. вр.)

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Г

Галака Сергей Павлович, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Киеве (2007–2014)

Гапоненко Вадим Сергеевич, представитель журнала *Индекс Безопасности* во Владивостоке (2007–2014)

Гелескул Елена Сергеевна, стажер, координатор программы «Россия и ядерное нераспространение» (2008–2010)

Готтемюллер Роуз, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

Гребенщиков Андрей Вадимович, стажер представитель журнала *Индекс Безопасности* в Бамако (2003–2008)

Д

Данилов Дмитрий Александрович, член Экспертно-консультативного совета (2011 — наст. вр.)

Данке Дженнифер, стажер (2013)

Дашевский Дмитрий Борисович, член Совета (2007–2008)

Дворкин Владимир Зиновьевич, старший советник, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*, член Экспертно-консультативного совета (2001 — наст. вр.)

Демидов Олег Викторович, стажер, координатор, директор программы «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом», ответственный секретарь Рабочей группы по международной информационной

безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2011 — наст. вр.)

Дериглазова Лариса Валерьевна, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Томске (2008–2014)

Джаятиллека Дайан, член Международной экспертной группы (2008 — наст. вр.)

Джонсон Ребекка, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

Дитерс Том, стажер (2003–2004)

Дмитриева Ксения Александровна, IT-консультант (2009–2011)

Дханапала Джаянта, член Экспертно-консультативного совета (2004 — наст. вр.)

Дуарте Сержио, Посол, член Международной экспертной группы (2006 — наст. вр.)

Дунай Пал, член Международной экспертной группы (2010 — наст. вр.)

Е

Евстафьев Геннадий Михайлович, старший советник, старший вице-президент (2003–2011)

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, консультант, старший научный сотрудник, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*, член Совета (1994 — наст. вр.)

Елеукинов Дастан Шериазданович, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

Есин Виктор Иванович, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Ж

Женевский центр политики безопасности, член Экспертно-консультативного совета (2005 — наст. вр.)

Жданова Татьяна Владимировна, референт главного редактора журнала *Индекс Безопасности* (2013 — наст. вр.)

З

Загорский Андрей Владимирович, член Совета, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

Зайцев Вячеслав Алексеевич, главный бухгалтер (1997 — наст. вр.)

Зайцева Людмила Болиславна, бухгалтер (2001)

Захаров Алексей Николаевич, заместитель директора (1996 –1997)

Зинина Ульяна Викторовна, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Зиновьева Елена Сергеевна, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Золина Дарья Михайловна, стажер, помощник президента (2008–2009)

Злобин Николай Владимирович, член Международной экспертной группы (2014 — наст. вр.)

Зульхарнеев Альберт Фархатович, стажер, координатор, директор Образовательной программы, исполнительный директор (2007 г. — наст. вр.)

И

Ибрагимова Галия Ринатовна, стажер, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Ташкенте, консультант (2009 г. — наст. вр.)

Иванова Юлия Геннадьевна, секретарь, библиотекарь (2007–2009)

Институт стратегической стабильности, член Экспертно-консультативного совета (2005 — наст. вр.)

К

Каберник Виталий Владимирович, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Калинина Наталья Ивановна, член Совета (2008 — наст. вр.)

Каравели Халил, член Международной экспертной группы (2010 — наст. вр.)

Касенова Мадина Балташевна, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2013 — наст. вр.)

Кацва Мария Самуиловна, младший научный сотрудник, редактор журнала «Химическое оружие и проблемы его уничтожения» (1996–1998)

Кибароглу Мустафа, член Экспертно-консультативного совета (2013 — наст. вр.)

Кириченко Элина Всеволодовна, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

Кирьянова Наталья Сергеевна, оператор базы данных (2001–2002)

Клочкова Маргарита Сергеевна, стажер (2010)

Ключанская Светлана Александровна, стажер (2010)

Кобяков Даниил Олегович, координатор проекта «Глобальное партнёрство», научный сотрудник, директор информационных проектов (2004–2007)

Ковчегин Дмитрий Александрович, младший научный сотрудник, член Рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете (1999 – наст. вр.)

Когошвили Лиана Владимировна, стажер, координатор Образовательной программы (2011–2012)

Кожокин Евгений Михайлович, член Экспертно-консультативного совета (2010 — наст. вр.)

Козырева Ирина Владимировна, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Дели (2007–2008)

Козюлин Вадим Борисович, заместитель директора, директор проекта, старший научный сотрудник (1994 г. — наст. вр.)

Козюлина Людмила Александровна, главный бухгалтер (1994–1995)

Колбин Александр Сергеевич, стажер, помощник президента, координатор программы «Россия и ядерное нераспространение» (2010–2013)

Кондратьев Сергей Витальевич, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Тюмени (2007–2012)

Кортунов Андрей Вадимович, член Экспертно-консультативного совета, член Международной экспертной группы (2003 — наст. вр.)

Котова Ирина Александровна, помощник президента, консультант (2003–2008)

Краснов Алексей Борисович, член Экспертно-консультативного совета (2003 — наст. вр.)

Кручинина Наталья Вадимовна, менеджер программ (1996–1997)

Крячкина Юлия Александровна, стажер (2011)

Кудрин Егор Иванович, стажер (2004)

Кулаков Олег Владимирович, специалист по информационным системам (2000–2006)

Кутнаева Нурия Асылбековна, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Бишкеке (2007–2014)

Кучинов Владимир Петрович, член Рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Л

Лаверов Николай Павлович, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Ладыгин Федор Иванович, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Лата Василий Филиппович, старший советник, консультант, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* (1999 — наст. вр.)

Лебедев Владимир Владимирович, член Экспертно-консультативного совета (2000 — наст. вр.)

Лебедев Михаил Владимирович, стажер (2002)

Левава Ирина Юрьевна, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Литовкин Дмитрий Викторович, специальный корреспондент журнала *Ядерный Контроль* (1998–2000)

Ло Бобо, приглашенный научный сотрудник (2000–2001)

Логутова (Теллер) Надежда Борисовна, стажер, координатор информационных проектов, директор информационных проектов, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Вене (2005–2013)

Лузин Павел Александрович, стажер, помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности* (2008–2013)

Лукацкий Андрей Викторович, член Экспертно-консультативного совета, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Лукьянов Федор Александрович, член Экспертно-консультативного совета (2010 — наст. вр.)

Луни Хедер, стажер (2002)

Лысенко Михаил Николаевич, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Веллингтоне, член Экспертно-консультативного совета (2004 — наст. вр.)

Льюис Патриция, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

М

Макгетланенг Сехларе, член Международной экспертной группы (2012 — наст. вр.)

Макиенко Константин Владимирович, научный сотрудник (1996–1997)

Малыгина Анастасия Александровна, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Санкт-Петербурге (2009–2013)

Мансуров Павел Александрович, заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности* (2006–2007)

Маргелов Михаил Витальевич, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Маркелов Константин Александрович, стажер (2003)

Маслин Евгений Петрович, старший советник, консультант, член Совета, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* (1998 — наст. вр.)

Матвеева Анжелика Георговна, стажер (2008)

Мау Владимир Александрович, член Совета (1994 — наст. вр.)

Медведева Надежда Викторовна, секретарь, помощник директора (2004–2006)

Международная жизнь, журнал, член Экспертно-консультативного совета (2010 — по наст. вр.)

Мельникова Инна Юрьевна, технический редактор, редактор журнала *Ядерный Контроль* (1996–1997)

Миринова Ирина Юрьевна, стажер, помощник, заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности* (2010–2012)

Мисюченко Владимир Федорович, консультант образовательной программы, член Совета (1996 — 2001)

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

Мукамбаев Алибек Айбекович, стажер (2010)

Мурогов Виктор Михайлович, член Экспертно-консультативного совета (2009 — наст. вр.)

Мурсалиев Азер Арифович, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* (2005 — наст. вр.)

20 лет исследований международной безопасности

Мурсанков Сергей Геннадьевич, заместитель директора, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Алжире, член Экспертно-консультативного совета (2006 — наст. вр.)

Мюллер Харальд, член Экспертно-консультативного совета (1997 — наст. вр.)

Мясников Евгений Владимирович, член Экспертно-консультативного совета (2011 — наст. вр.)

Н

Надточей Юрий Иванович, стажер, координатор информационного проекта (2005)

Наумкин Виталий Вячеславович, член Экспертно-консультативного совета (2014 — наст. вр.)

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

Нефедова Татьяна Антоновна, стажер (2006)

Никитин Александр Иванович, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

Новиков Владимир Евгеньевич, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

О

Орлов Владимир Андреевич, директор, президент, главный редактор журнала *Индекс Безопасности (Ядерный Контроль)* (1994 г. — наст. вр.)

Откина Анна Михайловна, младший научный сотрудник (1997–1998)

П

Павлова Евгения Андреевна, помощник президента (2014 — наст. вр.)

Панфилов Александр Вадимович, научный сотрудник (1997–1999)

Пархалина Татьяна Глебовна, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Перфильев Никита Вячеславович, стажер, выпускающий редактор электронного бюллетеня *Ядерный Контроль*, помощник, заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности*, координатор информационных проектов, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Монтерее и Вене (2007–2014)

Петелин Евгений Николаевич, стажер, помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности*, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности — Security Index* (2008–2014)

Пискунова Наталья Александровна, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2013 — наст. вр.)

Плугарев Александр Владимирович, стажер (2008)

Полидва Елена Дмитриевна, секретарь-референт, исполнительный помощник директора (2001–2004)

Поликанов Дмитрий Валерьевич, редактор периодических изданий, заместитель директора, начальник консультационно-информационного отдела, научный сотрудник, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности — Security Index*, вице-президент, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* (1998 — наст. вр.)

Понамарев Сергей Владимирович, стажер (2005)

Понамарева (Лагута) Анастасия Михайловна, координатор Программы по обычным вооружениям, координатор по связям с общественностью — пресс-секретарь директора (2005–2007)

Пономарев-Степной Николай Николаевич, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Попов Евгений Атанасович, специалист по информационным системам (2006 — наст. вр.)

Поттер Уильям, член Совета, член Экспертно-консультативного совета (1994 — наст. вр.)

Приходько Сергей Эдуардович, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* (2004 — наст. вр.)

Пухов Руслан Николаевич, начальник отдела по связям с общественностью (1996–1997)

Р

Рагулина Дарья Николаевна, помощник директора (2010 — наст. вр.)

Радчук Александр Васильевич, член Экспертно-консультативного совета (2009 — наст. вр.)

Рассказова Галина Дмитриевна, бухгалтер (2001 — наст. вр.)

Рауф Тарик, член Экспертно-консультативного совета (2013 — наст. вр.)

Рей Алексей Игоревич, стажер, младший научный сотрудник (1996 – 1998)

Решетников Леонид Петрович, член Экспертно-консультативного совета (2010 — наст. вр.)

РНЦ Курчатовский институт, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Рогачев Илья Игоревич, член Экспертно-консультативного совета (2011 — наст. вр.)

Романов Андрей Георгиевич, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2013 — наст. вр.)

Рыбаченков Владимир Иванович, член Экспертно-консультативного совета (2000 — наст. вр.)

Рыжов Юрий Алексеевич, член Совета, член Экспертно-консультативного совета (2001 — по наст. вр.)

Рыкованова Екатерина Михайловна, консультант, координатор информационных проектов (2007–2008)

Рыхтик Михаил Иванович, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Нижнем Новгороде (2007–2014)

Рябков Сергей Алексеевич, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* (2012 — наст. вр.)

С

Савельев Александр Георгиевич, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Сагер Абдулазиз, член Международной экспертной группы (2006 — наст. вр.)

Санаи Мехди, член Международной экспертной группы (2011 — наст. вр.)

Самнер Дэниэл, стажер (1999–2000)

Сараева Наталья Владимировна, стажер (2003–2004)

Сатановский Евгений Янович, член Экспертно-консультативного совета, член Международной экспертной группы (2004 — наст. вр.)

Сафранчук Иван Алексеевич, научный сотрудник, директор проекта «Будущее ядерного оружия» (1997–2001)

Сачков Илья Константинович, член Экспертно-консультативного совета, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Свешникова Юлия Владимировна, координатор образовательных проектов (2010)

Семин Валерий Витальевич, член Экспертно-консультативного совета (2000 — наст. вр.)

Сизикова Екатерина Сергеевна, стажер, координатор проектов (2014 — наст. вр.)

Симоненко Максим Викторович, стажер (2012)

Синайский Александр Сергеевич, член Экспертно-консультативного совета (2014 — наст. вр.)

Сириков Константин Анатольевич, специалист по распространению периодических изданий (1998–2011)

Сиринционе Джозеф, член Экспертно-консультативного совета (2004 — наст. вр.)

Скорородова Ольга Николаевна, стажер (2013)

Смертина Ксения Викторовна, стажер (2009)

Солдаткина Любовь Андреевна, секретарь, помощник президента (2009–2010)

Сорока Екатерина Евгеньевна, стажер, координатор по связям с общественностью — пресс-секретарь директора (2005–2006)

Спасский Николай Николаевич, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* (2007 — наст. вр.)

Старчак Максим Владимирович, консультант, помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности* (2013 — наст. вр.)

Степанова Екатерина Андреевна, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Стокгольме, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*, член Совета (2005 — наст. вр.)

Сумский Виктор Владимирович, член Экспертно-консультативного совета (2012 — наст. вр.)

Т

Талли Ричард, стажер (2002)

Теплоухова Мария Вячеславовна, стажер (2009)

Тимербаев Роланд Махмутович, президент, председатель Совета, член Экспертно-консультативного совета (1995 г. — наст. вр.)

Токтомушев Айбек Чоробекович, стажер (2004)

Тодоров Леонид Львович, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Токарева (Иванова) Александра Юрьевна, помощник президента (2008–2010)

Толипов Фарход Фазилович, член Международной экспертной группы (2010 — наст. вр.)

Толорая Георгий Давидович, член Экспертно-консультативного совета (2013 — наст. вр.)

Толстова Людмила Петровна, офис-менеджер (2001 — наст. вр.)

Тренин Дмитрий Витальевич, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Трубников Вячеслав Иванович, член Совета (2014 — наст. вр.)

Трушкин Иван Владимирович, стажер, младший научный сотрудник, координатор программы «Россия и ядерное нераспространение» (2009–2012)

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, член Экспертно-консультативного совета (2001 — наст. вр.)

Тян Чун-Шэн, член Международной экспертной группы (2011 — наст. вр.)

У

Убеев Алексей Вадимович, член Экспертно-консультативного совета, член Рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете (2009 — наст. вр.)

Унникришнан Нандан, член Международной экспертной группы (2010 — наст. вр.)

Устинов Роман Андреевич, стажер (2007)

Ф

Фабричников Илья Сергеевич, младший научный сотрудник, выпускающий редактор журнала «Ядерный Контроль» (2002–2003)

Федоров Александр Валентинович, член Экспертно-консультативного совета, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2001 — наст. вр.)

Федоров Валерий Валериевич, член Экспертно-консультативного совета (2011 — наст. вр.)

Федоров Юрий Евгеньевич, член Совета, заместитель директора, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Лондоне, Праге, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* (1997 — наст. вр.)

Федченко Виталий Геннадьевич, младший научный сотрудник, библиотекарь, координатор образовательных проектов (2001–2005)

Феоктистов Дмитрий Валериевич, член Экспертно-консультативного совета (2011 — наст. вр.)

Фетисова Юлия Владимировна, редактор бюллетеня эксклюзивной аналитики *Russia Confidential* (2012 — наст. вр.)

Фетоури Мустафа, член Международной экспертной группы (2013 — наст. вр.)

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, член Экспертно-консультативного совета (2010 — наст. вр.)

Фролов Андрей Львович, стажер, младший научный сотрудник, выпускающий редактор журнала *Ядерный Контроль*, координатор проекта «Трансформация системы экспортного контроля в России» (2002–2005)

Фуралева Карина Ивановна, технический редактор, библиотекарь, помощник главного редактора журнала *Ядерный Контроль* (1998–2002)

Х

Ханселл (Чуэн) Кристина, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности* (2007–2008)

Харченко Наталия Николаевна, специалист по распространению периодических изданий (2000–2002)

Хачатурян Константин Георгиевич, специалист по работе с интернет-представительствами (2006–2008)

Хлопков Антон Викторович, стажер, координатор проектов, координатор по связям с общественностью, директор Образовательной программы, заместитель директора, исполнительный директор, член Экспертно-консультативного совета (2000 — наст. вр.)

Хлопкина (Вотановская) Екатерина Александровна, библиотекарь, помощник заместителя директора, координатор образовательных проектов (2005–2007)

Хохотва Иван Александрович, переводчик (2005 — наст. вр.)

Ц

Цзи Чжие, член Экспертно-консультативного совета (2007 — наст. вр.)

Цыренжапова Марсалина Алексеевна, администратор проекта «Нераспространение ракет и ракетных технологий» (2001–2002)

Ч

Чебан Александр Яковлевич, стажер, приглашенный научный сотрудник, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Одессе, член Рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Чепелева Александра Валерьевна, стажер, координатор Образовательной программы, помощник президента, координатор базы данных (2008 — наст. вр.)

Черепнина Елена Андреевна, стажер (2007–2008)

Черненко Елена Владимировна, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2012 — наст. вр.)

Ш

Шакиров Олег Игоревич, стажер (2012)

Школьник Екатерина Владимировна, стажер, младший научный сотрудник (1996)

Шмидке Александр Александрович, стажер (2006)

Шувалова Анна Викторовна, стажер, координатор образовательных проектов (2002–2004)

Э

Эггерт Константин фон, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*, член Экспертно-консультативного совета, член Международной экспертной группы (2006 — наст. вр.)

20 лет исследований международной безопасности

Я

Якушев Михаил Владимирович, член Совета, председатель Совета, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*, член Экспертно-консультативного совета, член Рабочей группы по международной информационной безопасности и глобальному управлению интернетом при Экспертно-консультативном совете (2003 — наст. вр.)

Якушкин Дмитрий Дмитриевич, член Совета, член Экспертно-консультативного совета (2002 — наст. вр.)

Яровая Елена Андреевна, помощник президента (2013)

Ярошенко Любовь Анатольевна, помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности* (2010)

Вы также можете найти данную информацию на сайте ПИР-Центра:

Сотрудники — staff.pircenter.org

Совет — board.pircenter.org

Выпускники — alumni.pircenter.org

Экспертно-консультативный совет — advisory-board.pircenter.org

Редакционная коллегия журнала *Индекс Безопасности* — editorial.pircenter.org

Международная экспертная группа — integ.pircenter.org

Дорогие выпускники и друзья ПИР-Центра!

Вы не нашли свою фамилию в этом списке? Информация о Вас (в этом списке или на нашем сайте) отражена неверно или неполно? — Тогда, пожалуйста, напишите об этом Координатору проектов Екатерине Сизиковой по адресу sizikova@pircenter.org. Екатерина учтет Ваши замечания для дальнейших публикаций и размещения на сайте, а при необходимости обсудит с Вами эти уточнения по электронной почте.

Если Вы не хотите, чтобы мы в дальнейшем включали вас с список выпускников и друзей ПИР-Центра, пожалуйста, также сообщите об этом Екатерине.

20 лет исследований международной безопасности

Примечания

¹ Состав ПИР-Центра приведен за все годы с момента основания 30 апреля 1994 г. по настоящее время. Состав Экспертно-консультативного Совета ПИР-Центра, рабочих групп при нем, Международной экспертной группы ПИР-Центра, а также редколлегии журнала *Индекс Безопасности* приведены по состоянию на 29 августа 2014 г. В случаях, когда у сотрудников ПИР-Центра, членов Экспертно-консультативного совета, редколлегии в разные годы имелось несколько должностей или партнерских отношений с ПИР-Центром, может быть указана только последняя должность или последнее партнерское отношение.

Триалог

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ ТРИАЛОГ

ТРАДИЦИОННОЕ МЕСТО ВСТРЕЧИ
КРУПНЫХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ
ПОЛИТИКОВ, ДИПЛОМАТОВ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА,
УЧЕНЫХ И ЖУРНАЛИСТОВ

Международный клуб *Триалог* — это:

- эксклюзивная аналитика по актуальным проблемам международной безопасности;
- подписка на журнал *Индекс Безопасности*, бюллетень эксклюзивной аналитики *Russia Confidential*;
- пять встреч в году с высокопоставленными докладчиками и участие во всех мероприятиях ПИР-Центра.

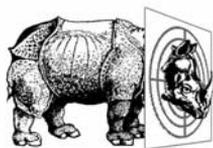
Среди наших тем:

- Конфронтации в киберпространстве и кибероборона по-русски.
- В шаге от сделки: рекомендации для всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной программе.
- Террористический интернационал: есть ли будущее у демократического Афганистана?
- Противоборство Китая и США в Азии: выводы для России.
- ДОВСЕ: чего добивается Россия?
- БРИКС в глобальном управлении интернетом: время двигаться вперед?

Подробнее о стоимости членства и привилегиях членов Клуба см.:

Тел.: +7 (985) 764-98-96

$$\lim_{n \rightarrow \infty} a_n = 0$$

$$\lim_{n \rightarrow \infty} (\lambda a_n + \mu \beta_n) = 0$$

$$\lim_{n \rightarrow \infty} a_n = \lim_{n \rightarrow \infty} \beta_n = 0$$

$$\lim_{x \rightarrow x_0} f(x) = 0$$

...Он вернулся из заключения, он учился в восьмом классе школы рабочей молодежи. И из алгебры, из литературы, русского языка, из синтаксиса составил Формулу разоружения. (...) Там алгебра была: «2 X синус», что-то еще с делением всевозможным (...). Пришел он сначала в Кремль и сказал, что вот, мол, придумал формулу и... Ему говорят: «Зачем? — говорят, — вы... Не надо... Вы пойдите в Комитет госбезопасности, там...» — и прочее. Он пошел. Но его оттуда, конечно, выгнали, сразу же выяснили, кто он такой и что, и за ним сразу же приехала «Скорая помощь». (...) Один амбал скрутил этого мужика. А он кричал: «Сволочи! За науку!..». И его унесли. Но когда он приехал в больницу, он очень быстро пришел в себя. (...) Я его потом потерял из виду, он смешной человек был. [2013]

$$\lim_{x \rightarrow +\infty} (f(x) - a) = 0$$

К
О
Н
Е
Ц
.
Ц
И
Т
А
Т
Ы

$$\lim_{x \rightarrow +\infty} f(x) = 0$$

Владимир Высоцкий
(фрагмент устного рассказа)

$$\frac{n}{n^2 + 1} = \frac{\frac{n}{n^2}}{\frac{n^2 + 1}{n^2}} = \frac{\frac{1}{n}}{1 + \frac{1}{n^2}} \rightarrow \frac{0}{1 + 0} = 0$$

$$\sin \frac{1}{n} \rightarrow \sin 0 = 0$$

при $n \rightarrow \infty$